МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ГЕОГРАФІИ И СТАТИСТИКИ

РОССІИ,

СОБРАННЫЕ ОФИЦЕРАМИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

ОБЛАСТЬ СИБИРСКИХЪ КИРГИЗОВЪ.

Часть III.

СОСТАВИЛЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ПОДПОЛКОВНИКЪ

Красовскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіяхъ: Траншеля, Владимірская, № 1, Ретгера и Шнейдера, Невской проспектъ, № 5.

1868.

КЪ ПЕЧАТИ ДОЗВОЛЕНО.

С.-Петербургъ, Іюля 14-го дня 1868 года.

Главный Редакторъ Военно-Статистическихъ изданій Главнаго Штаба,
Генеральнаго Штаба *Генералъ-Лейтенантъ Князь Голицынъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ III.

ГЛАВА V.

Внутренній и внѣшній бытъ мѣстнаго населенія.

ГЛАВА VI.

Управленіе.

ГЛАВА VII.

Свѣдѣнія о селеніяхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстахъ въ области сибирскихъ киргизовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ГЛАВА V.

Внутренній и внѣшній бытъ мѣстнаго населенія.

Въ главѣ II-й этой книги, при разсмотрѣніи раздѣленія жителей въ гражданскомъ отношеніи, въ короткихъ словахъ былъ обрисованъ бытъ разныхъ сословій осѣдлаго населенія области, которое составляетъ едва примѣтную частицу въ сравненіи съ массою кочевыхъ жителей страны. Частію по этой послѣдней причинѣ, частію потому, что полное разрѣшеніе вопроса о внутренней и внѣшней обстановкѣ областныхъ казаковъ и другихъ поселенцевъ тѣсно связано съ необходимостью разсмотрѣнія быта сибирскаго казачьяго войска вообще, распространяться объ этомъ предметѣ здѣсь мы болѣе не будемъ, но о кочевыхъ жителяхъ поговорить нѣсколько подробнѣе, нежели это сдѣлано на страницахъ главы II-й этой книги, считаемъ возможнымъ и нелишнимъ. На точномъ знаніи всѣхъ условій жизни народной массы должна строиться извѣстная система управленія этою массою, имѣющая цѣлію измѣнить народный бытъ къ лучшему, но иногда достигающая результатовъ противоположныхъ. Это случается именно тогда, когда съ прежнимъ бытомъ народа мы вовсе незнакомы или очень мало. Слѣдовательно, чѣмъ больше имѣется по этой части данныхъ, тѣмъ менѣе ошибоченъ можетъ быть выборъ того или другаго способа устройства административныхъ дѣлъ въ странѣ, тѣмъ скорѣе, стало быть, достигнется цѣль всякаго управленія, заключающаяся единственно въ томъ, чтобы поддерживать такое общественное устройство, которое наилучшимъ образомъ содѣйствуетъ каждому члену общества легко и скоро умножить его матеріальное и нравственное богатство. О степи вообще, въ особенности же о ея кочевыхъ обитателяхъ, мы знаемъ еще такъ мало, что

всякое новое, хотя бы на первый взглядъ и неважное, свѣдѣніе о частной и общественной жизни киргизъ не можетъ быть названо лишнею подробностью, тѣмъ болѣе, что для вновь присоединяемыхъ къ Россіи азіятскихъ странъ, нашему правительству почти всегда приходится не столько охранять существующее, сколько созидать новое устройство, а при этомъ имѣть понятіе о прежнемъ болѣе нежели необходимо. Для инаго азіятскаго владѣтеля достаточно свергнуть деспотсвующаго тамъ властителя, для того, чтобы освобожденный отъ гнета прежняго правителя народъ, почувствовавъ облегченіе, всецѣло присоединился къ странѣ, способствовавшей его освобожденію. Такою именно страною и является Россія въ отношеніи степи, гдѣ такихъ деспотовъ—правителей никогда не было, но гдѣ въ тоже время не было и устройства, выработаннаго общественнымъ мнѣніемъ либо кораномъ. Выразимся на этотъ счетъ нѣсколько точнѣе. Складывающійся подъ вліяніемъ извѣстныхъ территоріальныхъ особенностей образъ жизни каждаго народа самъ собою опредѣляетъ извѣстнаго вида общественное устройство, вырабатываемое общественнымъ мнѣніемъ и охраняемое своеобразнымъ управленіемъ. Масса добровольно ставитъ себя въ зависимость этихъ двухъ, равно для нее необходимыхъ элементовъ: первый,—или сумма мнѣній цивилизованнаго класса общества,—выражая собою волю народную, созидаетъ и устанавливаетъ такое общественное устройство и такое управленіе, при которыхъ наилучшимъ образомъ достигается цѣль, состоящая въ благосостояніи всѣхъ членовъ обширной, по чему-либо однообразной или чѣмъ-нибудь связанной семьи. Второй элементъ—правительство нужно для народа къ тому, чтобы охранять выработанный общественнымъ мнѣніемъ порядокъ, потому что внутри страны на него могутъ посягнуть люди малообразованные, извнѣ—враги отечества. Кромѣ того, общество непрерывно идетъ впередъ, цивилизованный кругъ его постоянно расширяется, являются, стало быть, и необходимость перемѣнъ въ прежде установленномъ устройствѣ, и средства къ выполненію этого дѣла. Безъ всякой платы со стороны общества, за это берутся опять тѣ же люди, которые осмысливали прежній порядокъ; является новое административное устройство, ввести которое и охранять предоставляется опять таки правительству, получающему за то отъ общества извѣстную плату. Такимъ образомъ, во всякой цивилизованной странѣ правительство, будучи властью исполнительною, подчиняется общественному мнѣнію или власти совѣщательной, которой принадлежитъ иниціатива всѣхъ предпринимаемыхъ въ государствѣ реформъ. Чѣмъ въ извѣстной странѣ больше кругъ образо-

ванныхъ людей и чѣмъ въ тоже время менѣе опасеній, что внутренній порядокъ можетъ быть нарушенъ сосѣдями, тѣмъ, можно навѣрное сказать, лучше выработанное народомъ административное устройство, т. е. тѣмъ менѣе такой народъ ощущаетъ на себѣ правительственную опеку, тѣмъ меньше платитъ за эту опеку и, слѣдовательно, тѣмъ легче достигаетъ благоденствія, тѣмъ больше имѣетъ шансовъ быстрѣе двигаться по пути прогресса. Напротивъ того, въ странѣ, гдѣ уровень образованія низокъ, общественное мнѣніе большой силы не имѣетъ, оно временно подавлено правительствомъ, отъ котораго исходятъ: и всякая инициатива, и приведеніе извѣстныхъ административныхъ операцій въ исполненіе, и охраненіе установленнаго самою исполнительною властью устройства. Послѣднее, будучи, такимъ образомъ, основано не на отголоскѣ общества, слѣдовательно, на меньшемъ знаніи условій жизни, идетъ, быть можетъ, въ разладъ съ народными интересами; не смотря однако на это, правительство, выполняющее такъ много лишнихъ обязанностей, считаетъ себя въ правѣ брать съ этого самого народа бо́льшую, нежели при иномъ порядкѣ, плату, и тѣмъ бо́льшую, чѣмъ менѣе вводимое исполнительною властью устройство способствуетъ проявленію общественнаго мнѣнія, такъ много облегчающаго трудъ управленія народомъ.

Ежели еще, при отсутствіи довѣрія народа къ своему правительству, странѣ постоянно угрожаетъ опасность вторженія въ нее болѣе невѣжественныхъ или болѣе цивилизованныхъ сосѣдей,—опасность, которая въ послѣднемъ случаѣ уже отчасти розно понимается управляемыми и правителями,—послѣдніе пріобрѣтаютъ еще больше поводовъ отягощать первыхъ наборами, налогами для содержанія войска и, вообще, мѣропріятіями, которыя клонятся къ предупрежденію опасности. Хорошо еще, ежели посягающая на свободу страны нація болѣе невѣжественна, нежели обороняющееся государство, въ которомъ въ этомъ случаѣ всегда найдутся средства отстоять свою независимость, потому что есть къ тому желаніе; слѣдственно, какъ бы ни была велика ненависть народа къ своему правительству, въ виду опасности порабощенія она временно изчезаетъ, народъ какъ бы примиряется съ отягощающею его властію, гнетъ деспотизма переносится безропотно. Напротивъ, въ томъ случаѣ, когда въ страну съ подобнымъ анормальнымъ порядкомъ вторгаются болѣе цивилизованные чужеземцы, или хотя бы даже только ихъ идеи, гнетъ этотъ становится тѣмъ болѣе осязательнымъ для народа, чѣмъ менѣе имѣется у правительства шансовъ разсчитывать на патріотизмъ своей націи. Слу-

чаи открытаго сопротивленія правительственнымъ распоряженіямъ становятся дѣломъ обыкновеннымъ. Власть прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ, или къ уступчивости, или къ насилію. Чтобы уничтожить всякій поводъ къ проявленію оппозиціонныхъ стремленій въ народѣ, казалось бы проще всего отказаться отъ опеки надъ нимъ, съ тѣмъ, чтобы народное мнѣніе, путемъ представительства, могло свободно высказаться въ пользу новаго устройства, съ тѣмъ, чтобы это устройство могло возъимѣть свое дѣйствіе, съ тѣмъ, наконецъ, чтобы, точно узнавъ нужды народныя, имѣть возможность примириться съ массою чрезъ сознаніе недостатковъ прежняго порядка. Не такъ однако поступаетъ деспотическая власть, въ которой общественное мнѣніе подавлено, въ которой народъ только заявляетъ свое неудовольствіе, но, рядомъ съ ропотомъ, не можетъ черезъ своихъ представителей энергически предложить правительству и, въ случаѣ его сопротивленія, ввести новый административный порядокъ. Въ такой странѣ, образовавшаяся, силою какихъ бы то ни было историческихъ обстоятельствъ, исполнительная власть всегда обладаетъ слабостью считать существующее, т. е. выгодное только для нее, устройство тѣмъ болѣе законнымъ, чѣмъ болѣе эта власть имѣла поводовъ ложно убѣдить себя въ томъ, что въ ней одной, и только въ ней, можетъ заключаться все общественное мнѣніе.

При такомъ убѣжденіи ожидать уступчивости со стороны власти нельзя; вмѣсто нея, для подавленія оппозиціонныхъ началъ, является рядъ репрессивныхъ мѣръ — и страна окончательно теряетъ свободу, а съ нею вмѣстѣ погибаетъ и надежда на улучшеніе частнаго и общественнаго быта жителей.

Вотъ въ такомъ-то именно состояніи и можно представить себѣ гражданскую обстановку въ магометанскихъ азіятскихъ государствахъ, съ ихъ неограниченными повелителями. Извѣстный родъ, по какому-нибудь случаю пріобрѣтающій тамъ извѣстность, вмѣстѣ съ нею пріобрѣтаетъ и вліяніе на управленіе дѣлами страны, постепенно усиливается на счетъ другихъ, давитъ высказывающееся противъ него общественное мнѣніе, которое начинаетъ замѣняться правилами, почерпнутыми изъ корана, и чѣмъ сильнѣе распространяется въ странѣ исламизмъ, тѣмъ неограниченнѣе становится повелитель, изъ рода котораго власть никогда не переходитъ къ другому. Подать съ народа берется на основаніи корана (зякетъ), но по произволу увеличивается, и требованія повелителя выполняются безпрекословно, потому что всякое сопротивленіе власти наказы-

вается смертію непокорныхъ. Совершенно разоренный въ пользу немногихъ народъ, чувствуя свое безсиліе, не можетъ не желать отдаться подъ чуждую власть; но ежели онъ сунитъ, а угрожающая странѣ нація — шииты, т. е. люди болѣе невѣжественные,—онъ на это не рѣшится, и, охотно перенося тяжкое бремя своей власти, вступитъ въ ожесточенную борьбу съ посягающею на его свободу народностью. Ежели же эта народность даже совершенно чужда ему по религіи, но болѣе цивилизована, какъ напримѣръ Россія,—фанатизмъ мусульманскаго государства, усердно разжигаемый его правительствомъ, не въ силахъ побороть желанія большинства населенія, уже видѣвшаго не одинъ примѣръ вѣротерпимости нашего правительства въ отношеніи подвластныхъ ему мусульманскихъ народовъ, и потому-то Россіи стоитъ только сдѣлать шагъ къ тому, чтобы свергнуть азіятскаго деспота—и тяготящееся подъ его управленіемъ населеніе станетъ тотчасъ же признавать себя подданнымъ Бѣлаго Царя, какимъ слыветъ нашъ Государь на востокѣ. Этимъ собственно и объясняется та легкость присоединенія къ намъ новыхъ земель, при которой территорія безпрерывно растетъ къ востоку, быть можетъ—даже въ ущербъ отечественнымъ интересамъ.

Но что можно отнести ко всѣмъ окружающимъ степь мелкимъ азіятскимъ государствамъ, не можетъ быть вполнѣ примѣнено къ киргизъ-кайсацкому народу. Въ разноплеменномъ степномъ союзѣ не было всѣхъ нужныхъ для сохраненія его самостоятельности условій, однако же не было и поводовъ къ тому, чтобы народъ желалъ стать въ зависимость чуждой власти, вслѣдствіе чего, a priori степь давно намъ подвластна, de facto же она и по настоящее время чуждается Россіи, подъ властью которой киргизы удерживаются только потому, что имъ нѣтъ возможности стать подъ другую власть. Покоривъ, положимъ для примѣра, Бухару, мы, можно быть увѣрену въ этомъ, нашли бы себѣ сочувствіе въ прежде—угнетенномъ народѣ; но, завладѣвъ степью, не можемъ этого сказать увѣренно даже теперь, именно потому, что здѣсь и прежде никогда не было гнета правителей, никогда не чувствовалась надъ собою нелюбимая власть, лучше сказать—не было никакой власти, кромѣ власти множества отдѣльныхъ родоначальниковъ, руководившихся въ управленіи народомъ не непонятнымъ для этого народа кораномъ, не законами, которые, основываясь сначала на изрѣченіяхъ пророка, впослѣдствіи были бы измѣняемы по произволу того или другаго деспотическаго правителя. Руководствомъ въ управленіи народомъ служили его обычаи,—

разные у разныхъ племенъ, жившихъ прежде, можетъ быть, иною, нежели теперь, жизнью, бывшихъ въ сосѣдствѣ съ иными, нежели теперь, народностями, отъ которыхъ само собою кое-что было перехвачено, усвоено, и потому-то въ образовавшемся впослѣдствіи изъ этихъ племенъ союзѣ нельзя было замѣтить того однообразія въ развитіи, въ обычаяхъ, привычкахъ, понятіяхъ, основываясь на которомъ можно было бы тотчасъ же придумать для всей подчинившейся намъ степи одинаковое, своеобразное устройство. При томъ же мы и не имѣли возможности близко ознакомиться съ народомъ, по видимому намъ подчинившимся, въ сущности же считавшимъ себя по прежнему независимымъ. Тѣ же мѣстныя высшія власти, которыя имѣли эту возможность, были слабы для того, чтобы сплотить степь въ одну государственную семью.

Народности, составлявшія киргизъ-кайсацкій союзъ, только тѣмъ и походили другъ на друга, что занимались, въ мѣстѣ новаго своего водворенія, однимъ и тѣмъ же промысломъ—скотоводствомъ; вели, вслѣдствіе того, уже одинъ и тотъ же образъ жизни, но управлялись каждая своими родоначальниками, а къ верховной власти—ханамъ, или къ временно-вліявшимъ на нѣсколько сходныхъ между собою племенъ, султанамъ,—относились какъ-то чуждо, внѣшно, безъ всякаго сознанія правъ этой мѣстной верховной власти, въ чемъ собственно и заключалось зерно разрозненности союза, при его кажущейся устроенности. Вотъ что говоритъ Левшинъ, въ своемъ «Описаніи киргизъ-кайсацкихъ ордъ», часть III, стран. 164—165: «Преданные Россіи киргизъ-казаки избираютъ ихъ (т. е. хановъ), а правительство Россійское утверждаетъ и почитаетъ верховными повелителями обѣихъ ордъ; но повинуются имъ только роды, участвовавшіе въ избраніи ихъ и кочующіе близь границъ нашихъ, и то не всѣ. Прочіе, не признавая ни владычества Россіи, ни властей, ею поставляемыхъ, управляются самопроизвольно избранными старѣйшинами (акъ-сакалами), біями, батырями и султанами. Нѣкоторымъ изъ сихъ послѣднихъ они также даютъ титулъ хановъ. Впрочемъ, и сіи правители, равно какъ начальники, Россійскимъ правительствомъ утвержденные, не цѣлыми безъ исключенія поколѣніями, родами или отдѣленіями повелѣваютъ, но толпами или партіями, часто составящимися изъ киргизъ разныхъ поколѣній, иногда даже разныхъ ордъ. Бóльшая же часть султановъ, при границахъ Россіи кочующихъ и величающихъ себя пышными названіями повелителей, въ самомъ существѣ не имѣютъ никакой власти и отправляютъ должность *стряпчихъ*. Вліяніе ихъ на дѣла простаго на-

рода начинается осенью и оканчивается съ началомъ весны, т. е. продолжается только зимою, когда киргизы приближаются къ границамъ нашимъ и, постоянно проводя близь оныхъ нѣсколько мѣсяцевъ, необходимо нуждаются въ людяхъ, которые имѣли бы какое-нибудь званіе, отъ русскаго правительства полученное, и могли бы за нихъ ходатайствовать у пограничныхъ властей нашихъ».

Такимъ образомъ, въ степи или не было никакой верховной власти, или если и появлялась, то любимое народомъ, популярное правительство, но слабое къ тому, чтобы въ то же время побороть самоуправство отдѣльныхъ родоправителей. Каждая входившая въ составъ союза народность еще очень живо помнила свою собственную исторію, имѣла свои понятія о верховной власти, свои особыя къ ней отношенія. Власть же эта, въ свою очередь, признавая самостоятельность каждаго отдѣльнаго племени вполнѣ законною, была безсильна явить такія постановленія, которыя могли бы прочно связать разнородный составъ союза въ одноустроенное общество.

Изданныя, напримѣръ, ханомъ Тявкою узаконенія, имѣвшія цѣлію установленіе въ степи однообразнаго устройства, не могли войдти въ силу *), а между тѣмъ Тявкою начиналась, имъ же можно сказать и оканчивалась та популярность, до которой когда-нибудь достигала власть хановъ.

Ни до Тявки, ни послѣ него, въ степи не было такого правительства, которое, издавъ клонившіяся къ единству разноплеменнаго общества узаконенія, съумѣло бы само подчиниться закону и охранять его, не допуская ни малѣйшаго самоуправства. Напротивъ, всѣ дошедшія до насъ, въ преданіяхъ киргизъ, постановленія хановъ или вліявшихъ въ разныхъ частяхъ степи султановъ, убѣждаютъ въ томъ, что мѣстная верховная власть постоянно рекомендовала свое безсиліе тѣмъ, что отъ нее не исходило узаконеній, которыми исключались бы древнія киргизскія постановленія о ба-

---

*) Къ постановленіямъ, имѣвшимъ цѣлію скрѣпленіе союза киргизъ-кайсацкихъ племенъ, можно отнести слѣдующіе совѣты хана Тявки: 1) установить въ степи ежегодные съѣзды изъ всѣхъ старѣйшинъ и правителей отдѣльныхъ родовъ, для разсужденія въ присутствіи хана о дѣлахъ, касавшихся всего народа; 2) принять къ непремѣнному руководству, чтобы всѣ являвшіеся на эти съѣзды киргизы были съ оружіемъ, которое давало каждому присутствующему въ собраніи право голоса; 3) установить со всѣхъ способныхъ носить оружіе киргизъ, непринадлежащихъ къ сословію султановъ, подать (въ размѣрѣ 1/20 съ имущества въ годъ), которая шла бы на обогащеніе казны ханской и правителей народныхъ. (См. стр. 177, част. III, «Описанія киргизъ-кайсацкихъ ордъ», Левшина).

рантѣ,—и оно понятно, потому что энергія властителя въ этомъ случаѣ выражалась бы насиліемъ, а черезъ неуваженіе древнихъ обычаевъ отдѣльныхъ народностей исполнительная власть потеряла бы между ними ту популярность, при помощи которой только и было возможно распространить какія-нибудь благія начинанія въ столь разнообразномъ обществѣ.

При такомъ полномъ безначаліи, при отсутствіи чувства патріотизма въ народѣ, при слабомъ свѣтѣ ислама, неимѣющаго и до сихъ поръ возможности добыть себѣ среди кочевыхъ жителей фанатиковъ, степь раньше или позже, но неминуемо должна была подчиниться, разными своими частями, сосѣднимъ державамъ, какъ бы послѣднія ни были слабы и какъ бы мало ни было въ степномъ обществѣ поводовъ искать чужеземной поддержки.

У киргизъ-кайсаковъ, какъ было уже нѣсколько разъ замѣчено, не появлялось деспотической власти и такого гнетущаго устройства, при которыхъ въ народѣ легко могло бы зародиться желаніе ввѣрить свою судьбу одному изъ иноземныхъ правительствъ.

Киргизамъ, какъ народу полудикому, было рѣшительно все равно, подъ чьею, своею или чужеземною, властію ни находиться, лишь бы эта власть не посягала на существующее устройство, т. е. неустройство степи, на свободу жителей, т. е. на ихъ своеволіе,—а какъ Россія потворствовать такимъ началамъ не могла, то этимъ и объясняется проявленіе у жителей, подпавшихъ нашему владычеству, большей нелюбви, бо̀льшаго недовѣрія къ намъ, нежели къ остальнымъ, невѣжественнымъ, азіятскимъ государствамъ, каковы: Китай и среднія ханства.

Ни правительство богдохана, ни властители нѣкоторыхъ средне-азіятскихъ государствъ, тоже иногда присвоивавшіе себѣ право называть всѣхъ киргизъ своими подданными, во внутреннее управленіе тою частью степи, которая нынѣ подвластна Россіи, нисколько не вмѣшивались. Коканскіе и ташкентскіе правители собирали дань только съ кайсаковъ, кочевавшихъ въ окрестностяхъ сартскихъ селеній. Также поступалъ и бухарскій эмиръ, величавшій себя властелиномъ всѣхъ киргизъ-кайсацкихъ земель *). На-

*) «Въ 1755 году начальникъ сибирской линіи послалъ г. Бурнашева въ Бухару. Кромѣ писемъ къ хану бухарскому, у него было письмо къ султану киргизъ-казачьему Букею. Когда бухарцы увидѣли на семъ письмѣ надпись: «с. Букею, подданному императрицы россійской», то немедленно именемъ своего хана спросили Бурнашева: «почему султанъ сей названъ подданнымъ русскимъ, когда онъ со всѣми подвластными ему киргиз-

конецъ, пекинскій дворъ, тоже постоянно добивавшійся права называть всѣхъ киргизъ подданными богдохана, посылалъ въ степь подарки, утверждалъ вліятельныхъ правителей киргизскихъ, но въ дѣла страны тоже не вмѣшивался и даже подати никакой не бралъ, хотя и назначилъ таковую *), единственно изъ желанія убѣдить киргизъ въ томъ, что они подданные Китая.

При такихъ отношеніяхъ къ югу и востоку, киргизъ-кайсаки не имѣли ни малѣйшаго повода враждовать съ сосѣдями этихъ сторонъ, и дѣйствительно, хищническія нападенія въ предѣлы Китая и за рѣку Чу суть не что иное, какъ частная баранта.

Совсѣмъ иными условіями обставлены были наши первоначальныя сношенія съ степью, правители которой поставили свой народъ подъ опеку русскаго правительства также внѣшно, также случайно, какъ случайно ставили его и подъ власть Китая, или подъ покровительство Бухары, полагая, что если южное и восточное государства были равнодушны къ внутреннему устройству степи, то нѣтъ причины опасаться, чтобы и со стороны сѣвера были произведены попытки къ какимъ-либо реформамъ. Сначала Россія, также какъ и Китай или Бухара, почти ни во что не вмѣшивалась, однако долго терпѣть въ своихъ предѣлахъ междоусобицы, неповиновенія мѣстнымъ властямъ, которыя были утверждаемы нашимъ правительствомъ, она не могла. А, чтобы водворить спокойствіе надобно было наскоро придумывать какое-нибудь административное устройство, вводить которое приходилось тѣмъ съ большимъ трудомъ и издержками, чѣмъ менѣе оно было понятно для совсѣмъ невѣжественныхъ или полуобразованныхъ жителей, чѣмъ менѣе согласовалось съ ихъ обычаями; коротко же познакомиться въ этомъ отношеніи съ степью мы и до сихъ поръ еще не успѣли, и потому-то вотъ уже больше столѣтія бьется наше

скими и прочими народами стоитъ единственно только въ подданствѣ бухарскаго владѣльца». (См. «Опис. киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей» Левшина, часть III, стр. 159. Авторомъ свѣдѣніе это заимствовано изъ «Сибирскаго Вѣстника» 1818 года, часть 2).

*) Подать, уплачивавшаяся Китаю нѣкоторыми родами Большой орды, состояла изъ 1 головы рогатаго скота со 100 и изъ 1 барана съ 1,000 головъ. Взамѣнъ этой дани, богдоханъ посылалъ въ степь подарковъ гораздо болѣе, да кромѣ того щедро дарилъ тѣхъ правителей, которые на поклонъ къ нему ѣздили въ Пекинъ. (Тамъ же стр. 162). Подданство киргизъ Китаю, равно какъ раздававшіяся богдоханомъ правителямъ киргизскимъ разныя званія и знаки отличій, ровно ничего не значили въ степи; однако пекинскій дворъ такою политикою достигалъ цѣли, состоявшей въ охраненіи западной границы Китая отъ нападенія хищниковъ.

правительство, чтобы ввести въ этой странѣ порядокъ, а цѣль вполнѣ все еще не достигнута. Мы только нѣсколько укротили нашихъ безпокойныхъ сосѣдей силою оружія, отвадили ихъ отъ нападенія на наши линіи и транспорты страхомъ чабара (т. е. разграбленія ауловъ), углубились въ степь съ цѣлію предупреждать или немедленно подавлять мятежъ, ежели бы таковой случился; расширившаяся торговля помогла стремленію правительства возстановить спокойствіе въ степи; но этимъ дѣло далеко еще не окончено.

Нравы жителей смягчаются, съ одной стороны, распространеніемъ просвѣщенія въ массѣ, съ другой—введеніемъ неотяготительнаго для народа управленія. Пока эти два вопроса не разрѣшены удовлетворительно, степь нельзя считать страною вполнѣ спокойною, вполнѣ устроенною, такою, внутри которой не нужно было бы содержать постоянные военные лагери.

Относительно распространенія въ массѣ народа знаній, какъ мы видѣли выше, правительствомъ нашимъ покамѣсть почти ничего еще не сдѣлано, по крайней мѣрѣ для сибирской степи; касательно же введенія сообразнаго съ мѣстными условіями устройства административной части, трудно что-нибудь сдѣлать, не изучивъ предварительно всѣхъ нуждъ страны, всѣхъ обычаевъ народа, ставшаго подъ нашу опеку, его понятій юридическихъ, понятій о поземельной собственности и проч.

Прежнія попытки совершенно обладавшей всѣми этими знаніями власти, стремившейся къ объединенію киргизъ-кайсацкаго народа, не могли быть удачны, вслѣдствіе существованія преградъ, теперь изчезнувшихъ. Въ настоящее же время, напротивъ, есть сильная, хотя и внѣшняя, власть, могущая ввести, распространить и охранять какое угодно административное устройство; но для этого нѣтъ еще у этой власти достаточнаго числа данныхъ. Степныя междоусобія между отдѣльными родами прекратились и, можно думать, никогда не возобновятся, потому что правительство наше очень удачно налегло на уничтоженіе корня всѣхъ безпорядковъ—баранты, допускавшейся всѣми прежними законоположеніями киргизъ; наконецъ, племенныя особенности разныхъ народностей, подъ вліяніемъ однообразныхъ территоріяльныхъ условій жизни и одной и той же исторической судьбы,—давно стушевались. Но взамѣнъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, облегчающихъ установленіе въ степи прочнаго и однообразнаго устройства,—явилась для киргизъ необходимость подчиниться законодательству, духъ

котораго для нихъ могъ бы быть понятенъ лишь въ томъ случаѣ, когда, параллельно введенію въ дѣйствіе нашихъ законовъ, шло впередъ и просвѣщеніе степныхъ жителей. А какъ этого послѣдняго не случилось, то теперь цивилизаторамъ приходится говорить съ цивилизуемыми языкомъ совершенно непонятнымъ для послѣднихъ, и хотя русскіе законы до сихъ поръ касаются разбирательства однихъ уголовныхъ дѣлъ и важнѣйшихъ преступленій киргизъ по отношенію къ сохраненію порядка въ степи, большей же части киргизскихъ тяжбъ, ссоръ и разныхъ мелкихъ дѣлъ незатрогиваютъ, однако это справедливо только въ теоріи, въ сущности же русское устройство, введенное нынѣ въ степи, сильно отразилось во всѣхъ мелочахъ общественнаго и частнаго быта кочевыхъ жителей; нельзя только сказать, чтобы произошла оттого какая-нибудь польза для послѣднихъ. При недостаточномъ знакомствѣ со всѣми сторонами жизни подвластнаго намъ народа, иного результата и быть не могло. Правительство только что ознакомливается со всѣми условіями степной жизни, но мало-мальски полнаго свода разныхъ свѣдѣній еще не имѣетъ, и потому, то къ однообразному устройству степи до сихъ поръ еще не приступлено, не смотря на то, что ни одинъ изъ 4-хъ нынѣ существующихъ способовъ управленія разными частями степной территоріи *) не признается авторитетнымъ, потому что ни при одномъ изъ нихъ невозможно избѣжать нѣкоторой вредной раздвоенности въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ властей.

Теперь всюду, рядомъ съ оффиціальнымъ русскимъ управленіемъ извѣстной части степи, существуетъ свое, такъ сказать неоффиціальное, замедляющее или останавливающее дѣйствіе поставленныхъ правительствомъ властей. Первое руководится точнымъ смысломъ русскихъ постановленій, во многихъ случаяхъ мало или совсѣмъ неприноровленныхъ къ понятіямъ киргизъ; второе управляетъ народомъ на основаніи его обычаевъ. Столкновенія, напримѣръ, аульныхъ старшинъ съ окружными приказами, или съ старшими султанами, или даже съ еще низшею, правительственною же, инстанціею—волостными правителями, неизбѣжны, потому что первые знаютъ только свои обычаи, послѣдніе же иногда должны приводить въ исполненіе русскіе законы, между тѣмъ тѣ и другіе выражаютъ собой частицу одной и той же верховной власти. При существованіи же такой разладицы въ управленіи, довольно мудрено надѣяться на прочное водвореніе

*) Разумѣемъ здѣсь: Букеевскую орду, Оренбургскую степь, Область сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинскую область, отличающіяся болѣе или менѣе разными оттѣнками административнаго устройства.

спокойствія въ пограничной и еще недавно столь безпокойной странѣ, при помощи нынѣ существующаго порядка; точно также трудно расчитывать и на то, чтобы хотя одинъ изъ теперешнихъ способовъ устройства разныхъ частей степи могъ вполнѣ обезпечить развитіе благосостоянія мѣстнаго населенія.

Итакъ, пока степь не получитъ однообразнаго устройства, которое, будучи вполнѣ согласно съ теперешнимъ развитіемъ киргизъ, съ ихъ образомъ жизни, съ нѣкоторыми повсемѣстно распространенными обычаями и проч., не противорѣчило бы въ тоже время и общимъ государственнымъ цѣлямъ державы, подъ власть которой суждено было подпасть киргизъ-кайсацкому народу,—пока степь не будетъ всецѣло причислена къ той обширной семьѣ, которая называется Русскою имперіею, т. е. пока не снимется отдѣляющая ее отъ внутреннихъ областей государства таможенная линія, а впослѣдствіи и та внутренняя военная система, силою которой полуобразованная нація до сихъ поръ удерживалась въ повиновеніи; наконецъ, пока на улучшеніе гражданскаго устройства степи, на распространеніе въ ней просвѣщенія и проч., не будутъ затрачиваться нашимъ правительствомъ такія же деньги, какія въ этомъ отношеніи затрачиваются на другихъ подданныхъ имперіи, имѣющихъ точно такое же право на вниманіе правительства, какъ и киргизы, до тѣхъ поръ бытъ народа будетъ находится въ условіяхъ, мало благопріятныхъ для его улучшенія.

Административное устройство страны, какъ извѣстно, сильно вліяетъ на духъ народа, на общественный и частный бытъ жителей, и хотя способы управленія народомъ, разновременно воспріявшіе дѣйствіе свое въ степи, чрезвычайно туго къ нему прививаются, тѣмъ не менѣе неодинаковое устройство административной части уже и теперь успѣло породить ту отчужденность между киргизами разныхъ вѣдомствъ, которая еще больше можетъ затруднить правительство при введеніи въ степи однообразнаго устройства. Областные киргизы, напр., считаютъ киргизъ оренбургскаго вѣдомства совершенно чуждою народностью. Объясняется это, положимъ, неодинаковою исторіею поступленія средней и малой ордъ подъ владычество Россіи, но съ тѣхъ поръ, какъ актъ принятія подданства обѣими ордами совершился, разладъ между киргизами обоихъ вѣдомствъ казалось бы долженъ былъ ослабѣть; между тѣмъ, этого нисколько незамѣтно; оренбургскіе киргизы и по настоящее время считаютъ сибирскихъ чуждою народ-

ностью *), послѣдніе, тоже по прежнему, не благоволятъ къ малой ордѣ, и этотъ фактъ мы можемъ уже прямо отнести къ вліянію столь различныхъ системъ управленія киргизами двухъ названныхъ вѣдомствъ. Семипалатинская область, по своему устройству, немногимъ разнится отъ области сибирскихъ киргизовъ, и однако же на семипалатинскомъ киргизѣ сейчасъ можно примѣтить какой-то особенный отпечатокъ бо́льшаго довольства своимъ положеніемъ, нежели на областномъ. Во время пребыванія въ кочевьяхъ каркаралинскаго и баянъ-аульскаго округовъ, намъ неразъ приходилось слышать мнѣніе здѣшнихъ киргизъ о томъ, что въ семипалатинской области не въ примѣръ лучше жить, нежели въ области сибирскихъ киргизовъ. Отчужденность областныхъ киргизъ отъ семипалатинскихъ съ теченіемъ времени не замедлитъ выразиться враждою, быть можетъ, такою же самою, какая имѣетъ мѣсто на западной областной границѣ.

Изъ всего сказаннаго о дѣйствіи различныхъ административныхъ началъ вообще въ степи намъ подвластной, можемъ сообразить: подъ вліяніемъ какихъ элементовъ находился и находится общественный и частный бытъ областныхъ жителей. Въ немъ можно замѣтить и слѣды своеобразнаго общественнаго устройства, существовавшаго въ каждой изъ тѣхъ отдѣльныхъ народностей, изъ которыхъ образовался нынѣшній составъ области, и слѣды тявкинскихъ узаконеній, а также тѣхъ постановленій, которыя въ разное время, различными путями были распространяемы въ народѣ другими ханами, а то и муллами, или ходжами, руководившимися въ этихъ случаяхъ своими соображеніями, основанными на понятіяхъ большинства, или правилами корана, неодинаково успѣшно прививаемыми въ различныхъ частяхъ степной территоріи; наконецъ, слѣды попытокъ русскаго правительства ввести административный порядокъ въ области и въ смежныхъ съ нею мѣстностяхъ. Кромѣ всего этого, въ общественномъ быту областныхъ жителей, по части совершенія нѣкоторыхъ обрядностей, можно замѣтить вліяніе китайскихъ обычаевъ. Въ своемъ мѣстѣ будетъ упомянуто обо всѣхъ этихъ, занесенныхъ извнѣ, особенностяхъ быта жителей нѣкоторыхъ областныхъ мѣстностей. Теперь же

*) См. стр. 257 «Статистическаго описанія Оренбургской степи» г. Мейера: «по странному стеченію обстоятельствъ киргизы, считаютъ иногда внѣшними, т. е. чужими, людей по нашимъ понятіямъ непринадлежащихъ къ этому разряду, такъ напр., киргизовъ Сибирскаго вѣдомства.»

въ общихъ чертахъ прослѣдимъ образъ жизни народа, какъ основаніе всякаго общественнаго устройства.

А. Образъ жизни.

Кочевой образъ жизни народа есть слѣдствіе территоріяльныхъ особенностей степи, способствующей разведенію домашняго скота и болѣе или менѣе препятствующей развитію всѣхъ остальныхъ отраслей промышленности.

Домашній скотъ, по этой причинѣ, сталъ основаніемъ богатства степныхъ жителей; заниматься размноженіемъ стадъ стало единственнымъ средствомъ существованія народа, по этому случаю всецѣло и обратившагося въ обширную націю пастуховъ. Въ условія успѣшнаго разведенія стадъ входитъ необходимость частаго ихъ перегона въ лѣтнее время съ вытравленныхъ мѣстъ на новыя; препятствій же къ тому, при отсутствіи частной поземельной собственности, не было, вслѣдствіе чего каждый владѣлецъ лѣтомъ сталъ перегонять скотъ съ мѣста на мѣсто, слѣдуя за нимъ и самъ со всѣмъ своимъ имуществомъ, а на зиму онъ отъискивалъ себѣ въ степи стоянку, выгодную не столько въ томъ отношеніи, чтобы самому перенести суровость климата, сколько въ томъ, чтобы выбранное мѣсто доставляло удобства для прокормленія и укрытія его стадъ. Съ давнихъ временъ такія, болѣе или менѣе постоянныя стоянки опредѣлилъ для себя каждый отдѣльный родъ, но прежде не особенно привязывался къ нимъ, потому что въ силу господствовавшихъ въ то время въ степи понятій объ общинномъ владѣніи землею, зимовки иногда приходилось мѣнять также, какъ и мѣста обычныхъ лѣтнихъ передвиженій, чему въ особенности способствовали еще порождаемыя барантою междоусобія. Когда же водворенъ былъ въ степи нѣкоторый порядокъ и разныя орды стали поступать въ вѣдомства того или другаго пограничнаго начальства, обычныя зимнія мѣста жительства извѣстныхъ поколѣній, родовъ и отдѣленій стали болѣе постоянны, зимовками своими киргизы стали дорожить тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе размножилось степное населеніе; а размноженіе шло быстро, потому что степь пользовалась бо̀льшимъ, нежели прежде, спокойствіемъ. Вмѣстѣ съ установленіемъ постояннаго

мѣста жительства въ теченіи 6-ти зимнихъ мѣсяцевъ, опредѣлились и болѣе правильныя лѣтнія передвиженія въ ту или другую сторону отъ зимовки. Выборъ этого направленія уже не подчинялся болѣе соображенію удобнѣе произвести давно задуманную баранту, или уйдти изъ преслѣдованія враждебныхъ ауловъ, или, наконецъ, разъискать новое, болѣе удобное мѣсто зимней стоянки. Напротивъ, онъ сталъ опредѣляться соображеніемъ придвинуться къ своему административному центру, потому что лѣто есть время принесенія нашему начальству разныхъ жалобъ, время приведенія въ исполненіе рѣшеній по разнымъ киргизскимъ дѣламъ, время тѣхъ народныхъ праздниковъ, которые ежегодно устроивались нашимъ правительствомъ въ административныхъ центрахъ. Если же въ разсчетъ ауловъ не входила необходимость быть ближе къ этимъ нужнымъ центрамъ, или ежели они и безъ того зимою были расположены къ нимъ близко, въ такомъ случаѣ выборомъ направленія обычнаго лѣтняго движенія руководило мѣстонахожденіе какого-нибудь извѣстнаго торговаго центра, или такого базара, съ которымъ аулы по какому-либо случаю находили для себя выгоду поддерживать торговыя связи. Во всякомъ изъ этихъ случаевъ, сродныя между собою отдѣленія, роды, поколѣнія, а прежде и племена, почему-нибудь близкія между собою, въ лѣтнее время старались по возможности скучиваться, потому что жизнь для киргиза начиналась первымъ весеннимъ лучемъ солнца, оканчивалась наступленіемъ куржака (осеннихъ изморозей). Зиму киргизъ проводитъ положительно въ спячкѣ, это — время жизни семейной: женщины ухаживаютъ за скотомъ, занимаются рукодѣльями, заботятся по хозяйству; мужчина мечтаетъ о высватанной невѣстѣ, думаетъ о калымѣ, съ нетерпѣніемъ поджидаетъ какого-нибудь дешеваго гостя съ хабаромъ (съ вѣстью о чемъ-нибудь), все жмется отъ мороза, голода, скуки, ожидая весны. Въ лѣтнее время всѣ задуманные планы приводятся въ исполненіе, начинаются безпрерывные разъѣзды по ауламъ, сватовство оканчивается свадьбами, умершіе зимою родственники изъ богатыхъ киргизъ погребаются тоже въ это время, справляются поминки по прежде усопшимъ, торжественно проводятся дни народныхъ праздниковъ, публично рѣшаются всевозможныя частныя и общественныя неудовольствія, происходятъ торжественныя примиренія разныхъ ссорившихся отдѣленій или родовъ, публично обсуждаются всѣ административныя распоряженія мѣстныхъ властей, производятся выборы утверждаемыхъ правительствомъ старшихъ и волостныхъ султановъ, идетъ исчисленіе скота, оживляется торговля; прежде въ тоже время приводи-

лась въ исполненіе задуманная баранта, всенародно обсуждались внѣшнія предпріятія киргизъ и проч. и проч., —словомъ, лѣто есть время проявленія всѣхъ сторонъ общественной жизни степняковъ. Вслѣдствіе сего, разбросанные по всей степи отдѣльными семействами, или маленькими аулами, кочевые жители, съ началомъ весны, постепенно скучиваются въ полные аулы; послѣдніе, мало по малу сближаясь между собою, двигаются далѣе цѣльными волостями, иногда же нѣсколько волостей кочуютъ по извѣстному направленію вмѣстѣ, т. е., разумѣется, съ необходимыми для удобной попаски скота разстояніями между сродными аулами.

Прежде, образованіе во время лѣтнихъ перекочевокъ разной величины группъ опредѣлялось однимъ родствомъ, и теперь, ежели введенное русскимъ правительствомъ административное раздѣленіе какого-нибудь рода на аулы близко подходитъ къ существующимъ между киргизами дробнымъ дѣленіямъ, волость лѣтомъ не разбивается; въ противномъ случаѣ, отъ нея отдѣляются части, имѣющія родственниковъ въ другой волости, къ которой и кочуютъ, хотя бы при этомъ иногда приходилось переходить въ чужой округъ (баянъ—аульскіе канжигалинцы и другіе) или даже въ другую область (тобуклинцы: мамбетей и джузмамбеть и нѣкоторыя наймановскія части киреевцовъ). Однако, такъ какъ въ подобномъ раздробленіи административныхъ единицъ, какъ бы послѣднія ни были малы, есть много своего рода неудобствъ и для управителей, то съ теченіемъ времени, необходимость совмѣстныхъ передвиженій близкихъ между собою родовъ все менѣе и менѣе обращала на себя вниманіе кочевыхъ жителей, и въ настоящее время лѣтняя группировка ауловъ не слишкомъ идетъ въ разладъ съ установленнымъ правительствомъ дѣленіемъ жителей на административныя единицы: аулы, волости, округи и области. Ежели же иная часть отдѣляется отъ волости для того, чтобы нѣсколько придвинуться къ болѣе близкимъ родовичамъ, то, во всякомъ случаѣ, она заинтересована руководиться и другимъ соображеніемъ—чтобы не идти вдали отъ кибитокъ своего волостнаго правителя, а у всѣхъ вообще есть разсчетъ не слишкомъ удаляться отъ своего окружнаго приказа. Отсюда и появилась въ области сибирскихъ киргизовъ та опредѣленность лѣтнихъ передвиженій, которая съ достаточною подробностью была уже разобрана нами въ главѣ II этой книги, и потому здѣсь объ этомъ предметѣ распространяться болѣе не будемъ, но повторимъ еще разъ:

1) Благосостояніе степныхъ обитателей основано на разведеніи и размноженіи разныхъ породъ домашняго скота;

2) Въ основѣ успѣшнаго веденія этой отрасли промышленности лежитъ необходимость совершенія каждогоднихъ лѣтнихъ, болѣе или менѣе длинныхъ, перегоновъ стадъ съ однихъ пастбищъ на другія; а какъ въ стадахъ этихъ заключается почти все имущество киргизъ, то отсюда вытекаетъ и необходимость лѣтняго передвиженія, со всѣмъ своимъ скарбомъ, и самихъ владѣльцевъ скота, слѣдомъ за послѣднимъ;

3) Въ выборѣ направленія ежегодно совершаемыхъ лѣтнихъ передвиженій аулы и волости извѣстнаго округа, т. е. все окружное населеніе, руководятся слѣдующими соображеніями: а) приближаться къ своему окружному административному центру, если они зимуютъ отъ него вдали, если же вблизи, то удаляться отъ него по направленію къ базару, на которомъ дѣлаются обыкновенныя годовыя оптовыя закупки, однако удаляться такъ, чтобы не переходить приблизительно-опредѣленной расположеніемъ зимнихъ стойбищъ окружной черты; б) по возможности сближаться съ кибитками родственныхъ семей, однако такъ, чтобы не слишкомъ удаляться ни отъ волостнаго правленія, ни отъ окружнаго приказа; в) главное направленіе лѣтняго движенія ауловъ болѣе или менѣе измѣняется, сообразно желанію воспользоваться встрѣчающимися по пути, тѣми или другими пастбищами, тѣмъ или другимъ водопоемъ и проч. и, наконецъ г) оно измѣняется отчасти и необходимостью вдали обходить встрѣчающіеся по пути главнаго направленія зимніе выгоны, оберегаемые единственно съ этою цѣлію оставляемыми на зимовкахъ караульщиками, которые выбираются изъ числа состоящихъ въ аулѣ джатаковъ, т. е. людей, или вовсе неимѣющихъ скота, или имѣющихъ его такъ мало, что въ лѣтнихъ передвиженіяхъ бѣдняки эти особенной нужды не имѣютъ; напротивъ, въ обработкѣ земли, отведенной имъ съ этою цѣлію аульнымъ обществомъ, иногда за одно исправное выполненіе ими обязанностей ихъ по охраненію зимнихъ кормовъ всего аула, находятъ для себя или средство увеличить свой скудный достатокъ (по скотоводству), или средство добыть себѣ единственно только этимъ путемъ достающійся имъ кусокъ хлѣба. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда у нихъ есть какой-нибудь лишній скотъ, онъ кочуетъ въ аулѣ вмѣстѣ съ стадами родственниковъ, а на зимовкѣ остается самая малая часть барановъ, для полученія молока на дневное пропитаніе; во второмъ, т. е. когда оставленные люди не джатаки, а байгуши, или люди ничего неимѣющіе,—имъ такое необходимое

число барановъ для лѣтняго пропитанія ссужаетъ аульное общество. Тѣ и другіе все лѣто усердно занимаются хлѣбопашествомъ, рыболовствомъ, ломкою соли, заготовленіемъ тезека, дроворубствомъ и проч., зорко наблюдая въ тоже время и за оставленными на ихъ попеченіе зимними выгонами;

4) Удаленіе ауловъ отъ своихъ зимовокъ (въ предѣлахъ своего округа) измѣряется, во-первыхъ, количествомъ имѣющихся въ немъ перевозочныхъ средствъ, для поднятія всего имущества киргизъ: во-вторыхъ, разсчетомъ успѣть вернуться, разумѣется по другой дорогѣ, къ зимовкамъ, а главное, во-время подойти къ тѣмъ, тоже болѣе или менѣе постояннымъ, осеннимъ стойбищамъ (расположеннымъ въ разныхъ разстояніяхъ вблизи зимовокъ), которыя находятся въ общинномъ пользованіи многихъ ауловъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи разсчетъ важенъ потому, что осенью на одномъ и томъ же мѣстѣ приходится стоять мѣсяцъ, полтора, а иному и два, смотря по тому, какая кому предстоитъ работа по стрижкѣ овецъ, валянію кошемъ и проч. Ежели работа въ этомъ отношеніи предстоитъ большая, т. е. стоять на мѣстѣ придется долго, тогда лучше прибыть раньше прочихъ,—пока въ колодцахъ вдоволь воды и луга не слишкомъ вытравлены прежде прибывшими аулами; если, напротивъ, не предвидится надобности долго осеневать, лучше затянуть время джайлярнія, потому что у всѣхъ расчетъ одинъ стать на зимовку какъ только можно позднѣе съ тѣмъ, чтобы подольше продержать нетронутыми сбереженные къ зимѣ выгоны;

5) Скопленіе отдѣльно-зимовавшихъ семей лѣтомъ въ болѣе или менѣе значительныя группы, сближеніе послѣднихъ въ новыя еще большія соединенія и т. д., объясняясь весьма понятнымъ стремленіемъ людей къ извлеченію какой только можно пользы изъ общественной жизни, основывалось прежде на однихъ родовыхъ связяхъ, теперь-же, кромѣ того, подчиняется еще и соображенію достигать, черезъ такія соединенія, административныхъ удобствъ, и потому въ настоящее время отдѣльно кочующія отдѣленія идутъ по близости отдѣленій и родовъ, быть можетъ и дальнихъ съ ними по родству, но принадлежащихъ къ одному и тому же аулу; послѣдній, если онъ въ полномъ сборѣ, двигается въ сосѣдствѣ ауловъ, числящихся въ одной и той же волости, а кибитки волостныхъ султановъ стараются не слишкомъ удаляться отъ мѣстъ расположенія окружныхъ приказовъ. Наконецъ, соединеніе въ одинъ аулъ, для совмѣстнаго кочеванія, большаго или меньшаго числа кибитокъ зависитъ отъ ве-

личины стадъ соединяющихся владѣльцевъ, потому что чѣмъ больше скота пасется вмѣстѣ, тѣмъ скорѣе вытравляются ближніе кормы, тѣмъ, стало быть, чаще придется сниматься съ одного мѣста на другое, или тѣмъ длиннѣе должны быть переходы, а такіе переходы, будучи въ зависимости отъ перевозочныхъ средствъ, не для всѣхъ ауловъ одинаково возможны.

Принимая во вниманіе всѣ изъясненныя здѣсь соображенія о лѣтнихъ передвиженіяхъ киргизъ и ознакомившись съ мѣстностью какого-нибудь округа, можно, въ каждый данный моментъ, приблизительно точно опредѣлить, гдѣ именно находится извѣстная волость этого округа, извѣстный аулъ, извѣстная, и какая именно, часть этого аула и проч., если только знать мѣста расположенія зимнихъ стоянокъ этихъ частей. Не знать же этого послѣдняго невозможно, потому что всѣ зимовки киргизъ до того строго между ними разграничены, что въ этомъ дѣлѣ никакое, правительствомъ установленное межеваніе не могло бы достичь той точности въ обозначеніи границъ между кставами отдѣльныхъ землевладѣльцевъ, какой достигли въ этомъ отношеніи сами киргизы. Споры между ними порождаетъ не неточность обозначенія межи и происходящая отъ того именно неправильность пользованія частью чужихъ угодій, но безправный захватъ поземельной собственности. Иной лѣтъ десять какъ бросилъ зимовку, обѣднѣвъ отъ падежа, баранты и другихъ причинъ, однакоже когда-нибудь да поправитъ свое состояніе, возвращается на прежнее зимнее стойбище, а оно, понятно, уже занято другимъ, потому что всѣ удобныя въ этомъ отношеніи мѣстности въ степи наперечетъ; иногда прежнему владѣльцу зимовки удается согласить новаго ея владѣльца на уступку за какое-нибудь вознагражденіе, иногда же подобное соглашеніе не достигается, затѣвается споръ, ссора, драка, идутъ на судъ къ біямъ, и ежели обиженная сторона мало удовлетворена рѣшеніемъ своего суда, то жалуется русскому начальству, а какъ мы ровно ничего еще не знаемъ объ этого рода правахъ киргизъ на собственность, то благоразумно и устраняемъ себя отъ рѣшенія безчисленнаго множества поступающихъ къ нашимъ властямъ жалобъ подобной категоріи; что-же остается киргизу, какъ не самоуправство? и дѣйствительно, нигдѣ неудовлетворенный, киргизъ предпринимаетъ противъ похитителя его собственности баранту, а ужъ за это мы очень хорошо знаемъ, что его слѣдуетъ казнить—и казнимъ, поощряя тѣмъ самымъ и другаго, и третьяго, и десятаго на безправный захватъ чужой собственности. Что мы не знаемъ, какъ приступить къ рѣшенію по-

добнаго рода дѣлъ — это понятно, потому что коротко ознакомиться съ степью мы еще не успѣли, вслѣдствіе чего правительство наше устраняетъ отъ себя вмѣшательство въ киргизскія тяжбы о поземельной собственности; но вѣрно также и то, что прежняя власть образованнаго киргизами народнаго суда ослабѣла, иначе съ подобнаго рода жалобами они не являлись бы къ русскому начальству. Судъ біевъ можетъ только высказать свое мнѣніе, но привести рѣшеніе въ исполненіе не можетъ; русская власть можетъ привести въ исполненіе рѣшеніе біевъ, но какъ же это сдѣлать, если обвиненная сторона протестуетъ, и если съ этою протестаціею по часту согласны и старшій султанъ, и волостной правитель; есть-ли возможность уважить рѣшеніе біевъ, если съ этимъ рѣшеніемъ не согласенъ старшій султанъ, или другая, тоже выбранная киргизами и близкая къ нимъ (конечно только повидимому) власть? Нѣтъ возможности, споръ остается нерѣшеннымъ, справедливость страдаетъ; обиженный, будучи еще подъ вліяніемъ народнаго говора о томъ, что ежели обидчикъ отказывается на основаніи приговора біевъ удовлетворить истца, то послѣдній имѣетъ полное право предпринять противъ отвѣтчика баранту (таковъ дѣйствительно древній киргизскій законъ), а съ другой стороны, по очень понятному чувству озлобленія противъ врага, покусившагося на чужую собственность, извлекшаго, размноженіемъ стадъ на тучныхъ пастбищахъ, можетъ быть, громадные проценты для себя изъ этого захвата, — истецъ рѣшается на баранту и, конечно, гибнетъ, потому что наша власть, по очень ясному на этотъ счетъ закону, не можетъ оставлять подобнаго рода преступленій безнаказанными. Какъ бы ни чувствовалъ киргизъ себя правымъ, какой бы тамъ судъ не служащихъ біевъ ни признавалъ его такимъ, самоуправничать онъ все таки не смѣетъ и потому неминуемо долженъ подвергнуться, со всѣми ему сочувствовавшими въ этомъ дѣлѣ, т. е. съ своими сообщниками по барантѣ, справедливой карѣ закона. Отсюда понятно возбуждаемое въ народѣ нашими законами неудовольствіе, ропотъ на существующее устройство. Несогласные съ рѣшеніями біевъ волостные султаны, располагающіе и другую высшую власть къ приведенію въ исполненіе несправедливыхъ мѣръ, теперь возбуждающихъ неудовольствіе, могли бы, напротивъ, во многомъ помочь нашему правительству, ежели бы только честно и усердно принялись за исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей; но, какъ уже сказано, очень часто сочувствуя обвиненной біями сторонѣ и, въ тоже время, не желая высказать это сочувствіе, изъ опасенія навлечь на себя народное неудовольствіе,

они по большей части уклоняются отъ разбирательства подобнаго рода дѣлъ, тѣмъ болѣе, что разрѣшить многіе спорные вопросы киргизъ бываетъ иногда дѣйствительно очень мудрено, до того, что отъ этого дѣла отказываются даже старшіе султаны *). Въ этихъ случаяхъ только народному суду бываетъ съ руки положить рѣшеніе, но какъ судъ этотъ оффиціально правительствомъ не признанъ, а старшій или волостной султаны молчатъ, или неопредѣленно высказываютъ мнѣніе, противное рѣшенію этого суда, то по этому и нѣтъ основанія надѣяться на скорое примиреніе киргизъ съ нашими законами.

Нѣсколько ниже вопросъ этотъ будетъ уясненъ полнѣе; здѣсь же мы привели этотъ случай возникновенія и печальнаго окончанія споровъ за поземельную собственность, не какъ доказательство непрочности распространенныхъ въ степи понятій о надѣлѣ отдѣльныхъ семей поземельными участками, но, напротивъ, какъ доказательство существованія такого, самособою установившагося между киргизами надѣла, который только плохо извѣстенъ нашимъ мѣстнымъ властямъ, вслѣдствіе чего правительствомъ на этотъ весьма важный предметъ и не было еще обращено до сихъ поръ

---

*) Въ 1863 году, въ кочевьяхъ киргизъ баянъ-аульскаго округа, намъ довелось быть свидѣтелемъ принесенія старшему султану этого округа слѣдующей жалобы: представители 3-хъ семействъ каржасской волости, имѣвшихъ постоянную, удобную зимовку въ горахъ Семизъ-бугa, послѣ многихъ мытарствъ у разныхъ степныхъ властей, пріѣхали, наконецъ, и къ старшему султану жаловаться на то, что, обѣднѣвъ, они нѣсколько лѣтъ не пользовались этою зимовкою, а между тѣмъ ее заняли такія-то и такія части джангозуайдабульцевъ, съ представителемъ которыхъ каржасовцы условливались объ уступкѣ имъ ихъ прежней зимовки за извѣстное вознагражденіе, но не сошлись, именно: айдабульцы требовали отъ каржасовцевъ дѣвушку уже просватанную, за которую довольно значительный калымъ былъ уже давно заплаченъ (и можетъ быть даже издержанъ, добавимъ мы) и которая на дняхъ готова была выйдти замужъ. На такое требованіе, въ которомъ ясно выражалось нежеланіе айдабульцевъ возвратить удобную зимовку каржасовцамъ, послѣдніе, понятно, не могли согласиться; они готовы были отдать какую угодно дѣвушку изъ своихъ ауловъ, только непросватанную, о чемъ и заявили старшему султану, въ присутствіи множества бывшаго въ его юртѣ народа. «Не знаю я вашихъ дѣлъ, идите къ волостнымъ правителямъ» отвѣчалъ старшій султанъ. Мы замѣтимъ только, что послѣдній, при всякомъ удобномъ случаѣ, старается проводить между киргизами мысль о пользѣ общиннаго владѣнія зимовками, чѣмъ и можно объяснить его нежеланіе принять участіе въ разрѣшеніи предложеннаго ему дѣла. Не знаемъ, чѣмъ кончилось это дѣло. Думаемъ, что біи рѣшили его въ пользу каржасовцевъ, но какъ айдабульцы, опираясь на мнѣніе старшаго султана объ общинномъ владѣніи землею, могли найдти себѣ поддержку въ волостномъ правителѣ, то споръ вѣроятно и остался неразрѣшеннымъ, а при этомъ мудрено, чтобы онъ когда-нибудь не окончился барантою; другаго исхода нѣтъ для киргиза, если онъ чувствуетъ себя правымъ и если, въ тоже время, находитъ въ комъ-либо поддержку.

должнаго вниманія; между тѣмъ, правильное разрѣшеніе споровъ этого разряда ведетъ къ уничтоженію множества преступленій,—скажемъ болѣе, это—основаніе, отъ котораго должно идти къ установленію въ степи того новаго однообразнаго устройства, которое съ такимъ нетерпѣніемъ ожидается всѣми.

Возвращаемся къ лѣтней перекочевкѣ. Мы уже знаемъ, подъ вліяніямъ какихъ соображеній опредѣляется: ея необходимость, направленіе движенія, длина всего пути и группировка врозь-стоящихъ зимою кибитокъ въ болѣе или менѣе сомкнутыя части, носящія вообще названіе *ауловъ*. Длина суточныхъ переходовъ и время лѣтнихъ стоянокъ на одномъ мѣстѣ опредѣляются количествомъ и качествомъ луговъ, или числительностью скота, принадлежащаго всѣмъ, совокупно кочующимъ частямъ или ауламъ. Чѣмъ больше невытравленныхъ мѣстъ и чѣмъ тучнѣе пастбища, а также чѣмъ многочисленнѣе стада вмѣстѣ идущихъ ауловъ,—тѣмъ долѣе можно простоять на одномъ мѣстѣ, но за то, тѣмъ длиннѣе будетъ слѣдующій переходъ, и на оборотъ. По большей части областные аулы стоятъ на мѣстѣ джайляренія отъ 4 до 7 и 10 дней, переходы дѣлаютъ отъ 15 до 30 верстъ —это при движеніи въ передній путь, т. е. весною и въ началѣ лѣта, когда никакимъ дѣломъ киргизъ не занимается, а скотъ еще худъ и для его поправленія требуется частая перемѣна кормовъ и пойла. Въ концѣ лѣта и осенью стоять на мѣстѣ приходится дольше, и потому появляется кое-какая домашняя работа (сниманіе шерсти, валяніе кошемъ, тканье армячины, выдѣлка кожъ и проч.), и переходы становятся длиннѣе, къ чему уже поправившаяся скотина не представляетъ затрудненій. Кромѣ того, во все время лѣтнихъ передвиженій, мужчины извѣстнаго аула, будучи постоянно въ разъѣздахъ, справляются о движеніи сосѣднихъ ауловъ, о томъ: гдѣ, кто и когда будетъ стоять, и на основаніи этихъ распросовъ, а также сообразно съ освѣдомленіемъ о состояніи кормовъ по предлежащему пути, они управляютъ движеніемъ своего аула. На другой же день по прибытіи на новую стоянку, первымъ дѣломъ находящихся въ аулѣ молодыхъ мужчинъ бываетъ—объѣхать окрестности верстъ на 50 во всѣ стороны, и донести старшинамъ о состояніи кормовъ и водопоѣ. Послѣдніе тотчасъ же провѣряютъ показанія молодежи и рѣшаютъ, сколько времени стоять аулу на этомъ мѣстѣ и куда потомъ идти. Ежели на новыхъ мѣстахъ надо разчистить колодцы,—для выполненія этого дѣла посылаются немедленно джатаки, и лишь только такая работа ими выполнена, будущая стоянка считается упроченною за этимъ ауломъ, уже не опасающимся,

чтобы выбранныя мѣста были заняты другимъ. Такъ поступается при каждомъ новомъ переходѣ. Иногда же маршрутъ слѣдованія какого-нибудь аула или цѣлой волости заблаговременно извѣстенъ всѣмъ смежнымъ волостямъ.

Въ области сибирскихъ киргизовъ очень часто случается, что волость лѣтуетъ постоянно на однихъ и тѣхъ же урочищахъ, обитая ихъ постоянно въ одно и тоже опредѣленное время, продолжительность котораго уже издавна обусловливалась кормами и другими соображеніями, и потому лѣтній маршрутъ многихъ волостей очень рѣдко, и всегда неособенно замѣтно, измѣняется неурожаемъ травъ, случаями вытравленія кормовъ скотопригонщиками, увѣдомленіями волостныхъ правителей о томъ, что тогда-то и тогда-то, въ такихъ-то аулахъ будетъ произведено слѣдствіе, или когда будетъ производиться въ волости исчисленіе скота и проч. Принимая во вниманіе всѣ эти увѣдомленія или слухи о возможности ихъ появленія, и заранѣе разузнавъ о состояніи кормовъ по всему протяженію пути, аульные старшины, сообразно съ этимъ, всегда могутъ заранѣе приблизительно вѣрно опредѣлить маршрутъ слѣдованія ввѣренныхъ ихъ попеченію частей. Главныя же направленія движенія каждой волости по урочищамъ, названнымъ нами во II главѣ этой книги, можно считать неизмѣнными, пока не измѣнились условія, подъ вліяніемъ которыхъ образовался выборъ направленія. Что касается длины всего лѣтняго пути, то въ этомъ отношеніи нельзя не предвидѣть, что ему предстоитъ въ будущемъ не увеличиваться, но болѣе или менѣе сокращаться. Чѣмъ больше внутри киргизскихъ кочевьевъ, или по близости ихъ торговыхъ центровъ, т. е. просто селеній, тѣмъ меньше надобности въ длинныхъ лѣтнихъ передвиженіяхъ. Провѣрить это положеніе мы можемъ, сравнивъ перекочевки каркаралинскихъ или южныхъ атбассарскихъ киргизъ съ кокчетавскими, сѣверо-акмоллинскими и баянъ-аульскими. Нельзя предполагать, чтобы нынѣшняя гражданственность степи долго оставалась въ одномъ и томъ же положеніи, и, напротивъ, навѣрное можно сказать, что съ ея развитіемъ, съ появленіемъ на югѣ степи новыхъ, если не русскихъ, то киргизскихъ селеній, которымъ очень нетрудно будетъ обратиться въ болѣе или менѣе важные для той или иной части степи базары, необходимость предпринимать дальную перекочевку будетъ постепенно изчезать, тѣмъ болѣе, что и на далеко меньшихъ путяхъ можно достичь тѣхъ же самыхъ результатовъ по скотоводству, какъ и на дальнихъ, потому что впустѣ остающихся собственно для джайляренія мѣстностей, которыя при

этихъ движеніяхъ теперь обходятся аулами, никому не принося пользы, всюду еще очень много. Чувствуется кое-гдѣ недостатокъ въ удобныхъ зимнихъ стойбищахъ, да иногда въ осеннихъ, но не въ лѣтнихъ выгонахъ. Ожидать же скорѣйшаго появленія киргизскихъ селеній, т. е. съ самаго начала большей обстроенности киргизскихъ зимовокъ, большаго развитія на этихъ зимовкахъ хлѣбопахатныхъ, сѣнокосныхъ и другихъ работъ, мы можемъ только тогда, когда зимовки будутъ законнымъ образомъ закрѣплены за нынѣшними ихъ владѣльцами; не ожидать же совершенія правительствомъ этого главнаго акта новаго устройства степи мы не имѣемъ основаній, такъ какъ онъ вызывается крайнею необходимостью. Уставомъ о сибирскихъ киргизахъ (гл. I, § 11) положено раздѣленіе учреждаемыхъ въ степи округовъ на пограничные и близлинейные, при чемъ принято за правило, чтобы число первыхъ было вообще немного (§ 12, гл. I), сравнительно съ послѣдними, которыхъ число должно быть «сколько возможно болѣе» (гл. I, § 14), другими словами, ежели только является необходимость и вмѣстѣ возможность внести раздробленіе образованныхъ уставомъ близлинейныхъ округовъ на болѣе мелкія того же рода административныя единицы, то необходимость эта помѣрѣ возможности должна была, согласно съ смысломъ устава, осуществляться. Мы до сихъ поръ не видѣли осуществленія этой мысли, не потому, чтобы не было къ тому необходимости и еще менѣе возможности, но, надобно полагать, потому, что со времени введенія устава въ дѣйствіе и по настоящее время мы не успѣли еще достаточно всмотрѣться, какъ въ необходимость дробленія округовъ, такъ и въ возможность приведенія этой мѣры въ исполненіе. При болѣе внимательномъ изученіи административныхъ неудобствъ, претерпѣваемыхъ, напр., всѣми близлинейными киргизами, единственно отъ того, что управляющіе или окружные приказы находятся въ глубинѣ степи и, притомъ, въ значительномъ удаленіи отъ линіи, гдѣ киргизамъ ежеминутно приходится сталкиваться съ инымъ мѣстнымъ начальствомъ, вопросъ этотъ, можетъ быть, обратилъ бы на себя вниманіе правительства гораздо ранѣе. Та же крайняя необходимость нѣкотораго раздробленія нынѣшнихъ южныхъ округовъ, которые, съ занятіемъ зачуйскаго края, перестали быть пограничными, ведетъ къ предположенію, что со временемъ теперешній объемъ всѣхъ областныхъ округовъ уменьшится сообразно съ удобствомъ управленія безпрерывно размножающимся кочевымъ народомъ, съ удобствомъ, которое, съ пріобрѣтеніемъ большихъ знаній о мѣстѣ жительства различныхъ родовъ и отдѣленій, объ условіяхъ, какими обставлена ихъ жизнь и проч.,

приводится все болѣе и болѣе въ извѣстность. Когда же, наконецъ, цѣль эта будетъ достигнута, въ одно изъ условій новаго устройства степи, надобно думать, войдетъ необходимость умноженія такихъ административныхъ дѣленій, какъ округъ или даже волость, а при этомъ необходимо сократится и длина обычнаго пути лѣтнихъ перекочевокъ; быть можетъ даже измѣнится нѣсколько и направленіе движенія многихъ изъ нынѣшнихъ властей.

Наконецъ, лишь только упрочится въ степи право поземельной собственности и, какъ необходимое слѣдствіе того, зимовки явятся въ видѣ постоянно-заселенныхъ пунктовъ, характеръ перекочевокъ, безъ всякаго сомнѣнія, измѣнится. Скотоводство по прежнему будетъ основнымъ промысломъ киргизъ, но въ тоже время значительнымъ подспорьемъ ему явится и земледѣліе, въ основѣ развитія котораго лежитъ прочное владѣніе мѣстомъ постояннаго жительства. Кромѣ того, при такомъ владѣніи, число лицъ, остающихся на зимовкахъ, безъ сомнѣнія, увеличится, а при этомъ быстро станутъ расти и запасы заготовляемаго киргизами на зиму сѣна. При большихъ же запасахъ этого продукта,—кромѣ выгоды, пріобрѣтаемой пастухомъ въ томъ отношеніи, что онъ всегда находится въ меньшей зависимости отъ несчастныхъ случайностей, въ родѣ болѣе или менѣе совершенно разоряющей его гололедицы и прочихъ прихотей степнаго климата,—кромѣ того, что въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ ему не придется сильно переплачивать казакамъ и прочимъ степнымъ сѣнокосамъ, чѣмъ сохранится немалая толика денегъ или, все равно, скота,—кромѣ, наконецъ, того, что дѣлая ежегодные запасы сѣна, онъ не будетъ, въ случаяхъ болѣзни скота, въ необходимости выговаривать слишкомъ отяготительныя для себя условія перегона стадъ на черную землю, или — произвольнымъ дѣйствіемъ подобнаго рода стѣснить сосѣдняго владѣльца и тѣмъ возбуждать нескончаемую распрю между родами, — кромѣ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ удобствъ, доставляемыхъ сильнымъ развитіемъ сѣнокошенія, какъ промысла,—лѣтнія перекочевки, при заготовленіи большихъ запасовъ, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительно сократиться. Киргизу надобно непремѣнно на опытѣ убѣдиться въ благихъ результатахъ подобнаго рода занятій, и онъ отдастся имъ совершенно, для сохраненія скота; убѣдить же его можетъ только крайняя необходимость перехода къ иному образу жизни, т. е. полуосѣдлому и полукочевому—и такая необходимость сама собою представится со введеніемъ повсемѣстной росписи зимовокъ. Главную вы-

году отъ такого мѣропріятія киргизъ найдетъ прежде всего не въ хлѣбопашествѣ, но въ сѣнокошеніи, и, надобно думать, послѣднему промыслу будетъ всегда отдаваться полнѣе, нежели первому, потому что имъ поддерживается основа богатства—скотоводство. Его, какъ мы уже сказали, онъ не промѣняетъ на хлѣбопашество, и въ случаяхъ большаго развитія привычки къ хлѣбной пищѣ, вывозъ продукта въ степь будетъ, можно смѣло сказать, не падать, а по прежнему возрастать тамъ, гдѣ онъ сильно возрастаетъ въ настоящее время. Что же касается лѣтнихъ передвиженій, то конечно въ первое время кочевой житель, по привычкѣ, по прежнему потянется за своимъ скотомъ со всѣмъ своимъ имуществомъ; однако большее число остающихся на зимовкахъ людей дастъ возможность безъ всякаго опасенія оставлять на нихъ часть имѣнія и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по какому-нибудь обстоятельству, перевозочныя средства аула изчезли или сильно уменьшились; такой аулъ навѣрное воспользуется возможностью не брать съ собою всего скарба. Недолго будутъ убѣждаться въ пользѣ такихъ случаевъ и другіе аулы, хотя бы и богатые вьючнымъ скотомъ, и, вмѣсто того, чтобы портить имущество частою его перевозкою, будутъ оставлять его подъ присмотромъ остающихся на зимовкахъ хлѣбопашцевъ, сѣнокосовъ и прочихъ. Очень можетъ быть, что и теперь уже мы недалеки отъ того времени, когда большинство ясно сознаетъ и выразитъ необходимость сбереженія вещей тѣмъ, что будетъ строить на зимовкахъ, для храненія ихъ (вещей), особыя помѣщенія, оставлять людей собственно только для охраненія имущества и проч. Основываемъ подобное предположеніе на томъ, что такія попытки уже есть въ нѣкоторыхъ волостяхъ баянъ-аульскаго округа; дома строятся нѣкоторыми единственно съ цѣлію хранить въ нихъ во время лѣта часть вещей, признающихся излишними для безпрерывнаго ихъ перетаскиванія. Дѣйствительно, остаться на зимовкѣ въ то время, когда только что начинаетъ закипать для киргиза настоящая жизнь; добровольно удалить себя отъ общественной жизни,—теперь составляетъ для привыкшаго къ ничего-недѣланію степняка такой подвигъ, на который можетъ подвергнуть его только крайняя нужда; но когда и на зимовкѣ будетъ нѣкоторое оживленіе, когда необходимость труда скажется сильнѣе, тогда легко будетъ отстать и отъ привычки безпрерывнаго фланированія, тѣмъ болѣе, что скотоводство отъ такой перемѣны жизни нисколько не потерпитъ. Мы даже убѣждены въ томъ, что,—разумѣется въ далекомъ будущемъ,—главная часть степнаго населенія, т. е. классъ наиболѣе достаточный,

наиболѣе образованный, съ необходимымъ числомъ работниковъ,—будетъ и лѣтомъ оставаться на зимовкахъ, при покосахъ, хлѣбопахатныхъ и другихъ работахъ; въ лѣтнія передвиженія съ пастухами будетъ отправляться другая, менѣе значительная часть тѣхъ же владѣльцевъ скота. Тогда, конечно, совершенно измѣнится и общественный, и частный бытъ степныхъ жителей. Покамѣсть же этого не случится, мы будемъ еще очень долго видѣть общественную и частную обстановку киргизъ въ томъ statu quo, въ которомъ мы застали ихъ полвѣка тому назадъ, въ которомъ видимъ ихъ и понынѣ.

Въ настоящее время всюду между киргизами еще сильно распространена мысль о необходимости быть въ постоянной готовности къ перемѣнѣ обыкновеннаго мѣста жительства. Ни прочное, впрочемъ только повидимому, владѣніе извѣстными зимними, хотя бы и удобными, поземельными участками, ни устройство на нихъ разныхъ обзаведеній, ни запрещеніе переходить безъ позволенія начальства областную или даже окружную границу (см. § 9, глава I, Уст. о Сибирскихъ киргизахъ), ни привычка кочевать съ извѣстными родами, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, по сосѣдству извѣстныхъ пунктовъ, ни боязнь, или неудобство, удалиться отъ могилъ предковъ *), ни бездна другихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ поспѣшною перемѣною мѣстъ жительства,—не могутъ ослабить этой мысли, не могутъ прочно привязать киргиза къ одной и той же мѣстности, и хотя онъ очень любитъ свою степь, но это не ручательство, чтобы онъ не рѣшился бросить ее навсегда и отыскать себѣ гдѣ-нибудь въ Китаѣ, за рѣкою Чу и проч. мѣсто жительства; а при господствѣ этой мысли, онъ не мѣняетъ и всей той домашней обстановки, которая облегчаетъ приведеніе ея въ исполненіе.

Жилище киргиза, при его теперешней жизни, должно удовлетворять слѣдующимъ главнымъ условіямъ: стоить не дорого, дешево ремонтироваться, удобно и скоро собираться, разбираться, навьючиваться на верблюда и, кромѣ того, обладать незначительнымъ вѣсомъ, не сноситься вѣтромъ, но, въ тоже время, для выигрыша времени при складкѣ, оно не должно слишкомъ прочно пригвождаться къ землѣ, вмѣщать въ себѣ

*) Киргизы, живущіе на правомъ берегу Иртыша, т. е. внѣ степи, еще очень часто хоронятъ родственниковъ своихъ внутри степи, по близости могилъ своихъ прародителей, однако крѣпко держатся за мѣста теперешняго жительства и на обратную перекочевку въ степь едва-ли бы рѣшились, при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ.

все необходимое для одной семьи имущество, хорошо укрывать людей зимою отъ стужи, снѣга и вѣтровъ, лѣтомъ отъ дождя, зноя и пыли, наконецъ—доставлять нѣкоторыя удобства относительно внутренней меблировки, т. е. возможность удобно размѣщать въ немъ необходимую домашнюю утварь, складывать и развѣшивать платья и проч.

Всѣмъ этимъ условіямъ какъ нельзя лучше удовлетворяетъ искони вѣковъ употребляемая кочевыми жителями для жилья войлочная палатка, называемая юртою (ортà или ордà). Она состоитъ изъ 4-хъ главныхъ частей: 1) деревяннаго корпуса, 2) внутренней, чіевой или камышевой, обшивки, 3) наружной, войлочной обшивки и 4) разныхъ связокъ и подпорокъ, служащихъ, какъ для скрѣпленія трехъ предъидущихъ частей, такъ и для удобной меблировки юрты.

1) *Деревянный корпусъ* составляютъ 3 главныя части:

а) *Керегé* или складная, изъ нѣсколькихъ частей состоящая рѣшетка, для образованія стѣнъ жилья, устанавливаемая по окружности того круга, діаметръ котораго опредѣляется сообразно съ особенной цѣлію, для которой разставляется юрта, или сообразно съ имѣющимся для покрытія и убранства жилья матеріаломъ, или, наконецъ, на основаніи соображеній о томъ — надолго-ли разставляется кибитка и проч. Каждая часть керегè, называемая *канаатъ*, представляетъ два ряда жердинъ, отстоящихъ одна отъ другой на 3 или 4 вершка; верхній, или наружный рядъ жердинъ накладывается крестъ на крестъ на внутренній, т. е. обращенный внутрь юрты, такимъ однако образомъ, чтобы каждая жердина того и другаго ряда составляла съ плоскостью земли одинъ и тотъ же уголъ; въ этомъ положеніи жерди, въ мѣстахъ своего соприкосновенія, пробуравливаются и сквозь продѣланное отверстіе пропускается скрѣпляющій ихъ ремешокъ, или жила, съ узелками на каждомъ концѣ. Длина выбираемыхъ для подобной рѣшетки дранокъ рѣдко превышаетъ сажень, толщина меньше $^1/_2$ вершка, а ширина $^3/_4$ вершка; слѣдственно, на одну отдѣльную часть рѣшетки, которая занимала бы по длинѣ окружности сажень, потребуется отъ 12 до 13 такихъ жердинъ, если разстояніе между каждою изъ нихъ принять въ 3 вершка. Такой именно длины и бываетъ иногда канаàтъ въ томъ случаѣ, ежели рѣшеткѣ съ саженными жердями придаютъ вышину $2^1/_2$ аршинъ. Вышину эту, при названной длинѣ рѣшетчатыхъ жердей, можно по произволу увеличивать до $2^3/_4$ аршинъ или уменьшать, положимъ, до 2-хъ аршинъ, что и дѣлается въ томъ случаѣ, когда желаютъ сдѣлать юрту выше или ниже, или въ томъ,

когда желаютъ ловчѣе принаровитъ къ бокамъ кибитки верхнія ея деревянныя части, о которыхъ сейчасъ скажемъ. Такимъ образомъ, на счетъ длины увеличивается высота канаата, и на оборотъ; жерди, свободно вращаясь на кожанныхъ связкахъ, и, кромѣ того, будучи нѣсколько изогнуты обоими концами во внутрь, — позволяютъ очень удобно устанавливать рѣшетку вдоль окружности выбранной площадки. Обыкновенно боковой рѣшеткѣ придаютъ вышину 2½ аршинъ, длина же отдѣльныхъ частей ея, то есть, канаатовъ, различна: отъ 1 сажени, т. е. отъ 12 или 13 жердей, она доходитъ до 2-хъ саженъ или 24 жердинъ, а иногда бываетъ и больше. Чѣмъ длиннѣе канаатъ, тѣмъ ихъ нужно меньшее число, черезъ что упрощается установка юрты, потому что при этомъ требуется меньше связокъ, но за то большія рѣшетчатыя части приходится чаще ремонтировать, нежели малыя. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, длина канаата, при 2½ аршинной вышинѣ (въ то время, когда онъ разставленъ), опредѣляется въ сажень, 1½, 2, 2½ и 3 сажени, рѣдко болѣе. Діаметръ выбранной подъ кибитку площади опредѣляетъ число извѣстнаго размѣра канаатовъ, требующихся для установленія ими всей длины окружности, а какъ выборъ этого діаметра, подъ вліяніемъ различныхъ соображеній о необходимости придать юртѣ ту или другую вмѣстимость, безпрестанно измѣняется, то каждая киргизская семья всегда возитъ съ собою нѣсколько запасныхъ канаатовъ. Есть однако нѣкоторый предѣлъ назначенія величины діаметра юрты. Предѣлъ этотъ зависитъ отъ невозможности достать слишкомъ длинныя жердины (уки), при помощи которыхъ боковая рѣшетка связывается съ верхомъ кибитки, и потому-то кибитокъ, имѣющихъ болѣе 4 сажень въ діаметрѣ, не бываетъ, да и трехъ-саженныя довольно рѣдки, большая часть имѣетъ отъ 1½ до 2½ сажень, смотря потому: какое имущество у владѣльца юрты, имѣется-ли въ виду принимать въ устанавливаемомъ жилищѣ гостей, есть-ли весь необходимый для покрышки и убранства юрты матеріалъ, т. е., кошмы, чіевыя рогожки, ковры и проч., долго или нѣтъ придется стоять на одномъ мѣстѣ и проч. Опредѣленное величиною выбранной площадки число канаатовъ сбрасывается съ верблюда, разставляется по длинѣ окружности такъ, чтобы пространство для входа въ юрту было обращено къ западной сторонѣ *), канааты связываются между собою небольшими арканьями, и основаніе юрты готово.

---

*) Впрочемъ это не всегда и не вездѣ соблюдается. Обыкновенно въ одиночно-стоящихъ юртахъ дверь дѣйствительно почти всегда обращена къ закату солнца; зимою же, — когда

б) *Чагаракъ* или обручъ, составляющій верхнюю часть деревяннаго корпуса, обыкновенно гнется изъ березы и бываетъ разныхъ діаметровъ, отъ 2-хъ аршиннаго до $1\frac{1}{2}$ сажени, и разной толщины, отъ 2 до 4 вершковъ. Если діаметръ великъ или ежели дуга сдѣлана не изъ одной лѣсины, то поперегъ обруча идетъ нѣсколько (отъ 2 до 4) немного выгнутыхъ къ верху дранокъ, перпендикулярно пересѣкаемыхъ другими, связывающими двѣ остальныя стороны обруча такъ, что въ центрѣ его образуется небольшая рѣшеточка, состоящая изъ одного, 4-хъ или 9-ти квадратиковъ. Эта рѣшетка, такъ какъ поперечныя дранки выгнуты къ верху, и составляетъ самую верхушку юрты. Поперечныя связи обруча необходимы какъ для его прочности, такъ и для того, чтобы покрывающая весь верхъ кибитки кошма не провалилась бы внутрь чагарака. Все кольцо послѣдняго представляетъ болѣе или менѣе частый рядъ скважинъ, въ которыя вставляются прямые концы жердинъ, другими, дугообразными своими концами привязывающихся къ боковой рѣшеткѣ юрты. Эти-то

в) *Уки* или связныя *жерди* и составляютъ третью, главную часть деревяннаго корпуса кибитки. Число ихъ опредѣляется числомъ сдѣланныхъ въ чагараковомъ кольцѣ скважинъ. Чѣмъ больше вставлено уковъ, тѣмъ лучше сидитъ покрывающая ихъ кошма, тѣмъ вообще крѣпче верхъ и, слѣдовательно, тѣмъ больше можетъ быть привѣшано къ чагараку мяса для копченія, платья для просушки, и проч., но за то тѣмъ мѣшкотнѣе идетъ работа по установленію юрты, потому что каждый изогнутый конецъ ука, какъ уже сказано, долженъ быть приарканенъ къ боковой рѣшеткѣ. Длина связной жердины играетъ важную роль, потому что ею, какъ уже замѣчено, опредѣляется возможность дать юртѣ наибольшій діаметръ; укъ почти тоже, что радіусъ выбранной подъ кибитку площади круга, и потому, если хотятъ поставить маленькую юрту, выбираютъ другія, коротенькія жердинки, а за неимѣніемъ такихъ, употребляютъ и длинныя, слѣдующимъ образомъ: воткнувъ прямой конецъ ука въ соотвѣтствующую ему чагараковую скважину, нижній, болѣе плоскій конецъ (имѣющій $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ вершковъ) спускаютъ внизъ по керегѣ до того мѣста, гдѣ жердина начинаетъ изгибаться, и въ этомъ мѣстѣ ее прихватываютъ арканомъ къ верхней части кереге́, при чемъ верхъ кибитки, покрытой кошмой, приметъ болѣе конусообразный видъ, тогда какъ, въ случаяхъ

въ каждомъ отдѣльномъ аулѣ всѣ составляющія его юрты располагаются плотно одна къ другой для образованія внутренняго двора, который служитъ загономъ для скота, двери всѣхъ, такимъ образомъ поставленныхъ, кибитокъ выходятъ на образовавшуюся площадку.

обыкновеннаго закрѣпленія, онъ имѣетъ видъ полушарообразнаго купола. Прочія деревянныя части каждой кибитки менѣе важны, однако безъ *бакана* или длинной и толстой (отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ вершковъ въ діаметрѣ) жердины, невозможно обойтись. Баканъ длиною долженъ, по крайней мѣрѣ, на $^1/_2$ аршина превышать самую высокую юрту; одинъ его конецъ тупъ, другой вилообразенъ; этимъ послѣднимъ онъ подпираетъ обручъ чагарака, а тупымъ концомъ упирается въ землю со стороны противоположной той, откуда дуетъ вѣтеръ. Въ сильный буранъ въ каждой юртѣ ставится такихъ внутреннихъ подпорокъ по нѣскольку, иначе кибитку снесетъ вѣтромъ. Въ тихое время, въ баканѣ нѣтъ надобности, но въ большихъ юртахъ ими постоянно подпираютъ съ разныхъ сторонъ чагаракъ, потому что на вбитыхъ въ нихъ колышкахъ удобно развѣшивать предназначенное къ просушкѣ платье и прочія вещи, которыя желательно предохранить отъ копоти, наполняющей почти всю верхнюю половину юрты: повѣсить вещь на протянутой поперегъ юрты веревкѣ опасно по причинѣ копоти, а на стѣнкахъ рѣшетки она будетъ далека отъ раскладываемаго внутри юрты, между баканами, костра. Дверь иногда привѣшивается, иногда же обходятся и безъ нея,—въ томъ и другомъ случаѣ, оставленное для входа пространство завѣшивается особеннаго рода толстою кошмою, которая почти всегда вышита съ наружной стороны разными узорами изъ плиса, краснаго сукна и проч.

Матеріаломъ для устройства деревяннаго корпуса киргизы запасаются лѣтомъ, во время прохожденія вблизи лѣсистыхъ мѣстностей; всѣ исчисленныя части кибитки дѣлаютъ и ремонтируютъ сами. Впрочемъ, всѣ порядочнаго устройства юрты восточныхъ областныхъ кочевниковъ закупаются у спеціально-занимающихся этого рода промысломъ, внутреннихъ киргизъ или такъ называемыхъ станичныхъ (кочующихъ по ту сторону Иртыша, къ сѣверо-западу отъ Семипалатинска); между кокчетавскими же киргизами такихъ промышленниковъ еще очень немного. Лучшаго устройства деревянный корпусъ для юрты въ 3 сажени діаметромъ,—съ хорошо обточенными, выкрашенными въ красную краску и лакированными жердями, съ разными затѣйливыми украшеніями, какъ напримѣръ: выложенными костью дверями, рѣзными вѣшалками на баканахъ и проч.,—покупается областными кочевниками у станичныхъ киргизъ за 100 руб. сер., а иногда и дороже. Самаго простаго устройства юрта средней величины, безъ кошмы и прочихъ, недеревянныхъ принадлежностей, цѣ-

нится между киргизами, по меньшей мѣрѣ, рублей въ 20, большею же частью идетъ въ 30 и болѣе рублей.

2) *Чіевая обшивка*, т. е. сплетенная способомъ, который описанъ нами (въ главѣ III отд. особые пр. киргизъ), рогожка ставится внутри, а иногда, кромѣ того, и снаружи боковой рѣшетки, служа, во-первыхъ, украшеніемъ юрты, во-вторыхъ, предохраняя ея внутренность отъ пыли въ тѣ душные дни, когда нижняя часть кошемной покрышки обыкновенно приподнимается для пропусканія сквознаго вѣтра. Полотно чіевой плетенки бываетъ разной величины, иногда однимъ полотномъ обтягивается вся юрта. У богатыхъ чій обматывается шелковою нитью, у бѣдныхъ не бываетъ иной разъ и шерстяной, а случается, что и совсѣмъ обходятся безъ рогожки; но зимою, въ этомъ случаѣ, въ юртѣ бываетъ слишкомъ холодно, и потому рѣдкій бѣднякъ отказываетъ себѣ въ этомъ удобствѣ.

3) *Войлочная покрышка*, состоитъ: изъ боковыхъ, болѣе или менѣе длинныхъ войлоковъ въ $2^1/_2$ до 3-хъ аршинъ шириною; изъ верхнихъ, еще болѣе широкихъ, но менѣе длинныхъ, полотенъ съ особою выкройкою, сообразно съ верхнею частью кибитки; и изъ особаго куска кошмы (тюндюкъ), покрывающаго чагаракъ. Первыя привязываются къ верхнимъ и нижнимъ частямъ керегѣ, вторыя набрасываются на уки помощію бакановъ, расправляются по верху кибитки, при помощи прикрѣпленныхъ къ ихъ угламъ веревокъ, или, вѣрнѣе сказать, при помощи особой, широкой и длинной тесьмы, которою охватывается вся боковая покрышка юрты, а другой конецъ этой тесьмы прикрѣпляется гдѣ-нибудь къ дверямъ, или къ какому-нибудь вбитому въ землю колышку; наконецъ, къ 4 угламъ тюндючной кошмы тоже прикрѣплена длинная и широкая тесьма, другимъ концомъ привязываемая снаружи юрты къ одной изъ охватывающихъ ее тесемъ или аркановъ; такимъ образомъ ночью, когда тюндючная кошма покрываетъ чагаракъ, всѣ четыре тесьмы привязаны; днемъ же, для пропуска свѣта въ юрту, или для выпуска изъ нее очажнаго дыма, одна изъ тюндючныхъ тесемъ, именно та, которая прикрѣплена къ углу тюндюка, обращенному въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ, отвязывается, и свободный, чрезъ это, уголъ тюндючной кошмы откидывается при помощи бакана. Измѣняется вѣтеръ, дымъ не имѣетъ свободнаго выхода, юрта начинаетъ наполняться копотью,—тогда откинутый уголъ тюндючной кошмы затягивается, а новый тѣмъ же путемъ открывается; такимъ образомъ, при помощи этого устройства, киргизъ всегда имѣетъ возможност-

управлять тягою, и разложенный въ центрѣ кибитки костеръ никогда не дымитъ. Въ случаяхъ же, когда нужно коптить развѣшиваемое по чагараку и по протянутымъ черезъ всю юрту веревкамъ мясо или что другое, поступаютъ наоборотъ или даже совсѣмъ закрываютъ тюндюкъ, а для выхода дыма приподнимаютъ дверную кошму.

Потребляемая на покрышку юрты кошма обыкновенно сѣрая; у богатыхъ людей иногда попадается бѣлая, но рѣдко, потому что щегольство заключается не въ этомъ, а въ томъ, чтобы имѣть предназначенныя для извѣстныхъ цѣлей кошемныя полотна приличныхъ размѣровъ. Свалять слишкомъ широкую или слишкомъ длинную кошму — не легко (см. глав. III), при томъ же большихъ размѣровъ кошемное полотно слишкомъ громоздко слѣдственно значительно усложняетъ укладку, вьючку и перевозку; между тѣмъ, при опредѣленной $2^1/_2$ аршинной ширинѣ, чѣмъ длиннѣе боковая кошма, тѣмъ на юрту приходится меньшее число щелей, тѣмъ теплѣе въ ней зимою, и наоборотъ. Въ верхнихъ, учныхъ войлокахъ длина особеннаго значенія не имѣетъ, но ширина должна соотвѣтствовать длинѣ уковъ и даже значительно превышать послѣдніе, потому что чѣмъ болѣе спускается она на бока юрты, тѣмъ выгоднѣе, т. е., тѣмъ теплѣе въ кибиткѣ. Богатые дѣйствительно владѣютъ такими удобными полотнами, не стѣсняющими ихъ при складкѣ и раскладкѣ юрты, потому что работниковъ у каждаго барича достаточно. У нѣкоторыхъ баевъ зимою, поверхъ кошемной покрышки кладется еще другой такой же слой; за то у бѣдняковъ и одинъ слой прикрывающихъ ихъ кибитки кошемъ такъ продырявленъ, что зимою у обитателя такого жилья зубъ на зубъ не попадаетъ, а лѣтомъ, особенно во время дождя, нѣтъ лучшаго освѣженія, какъ именно въ его скромномъ жилищѣ.

4) Скрѣпляющія всѣ части юрты связи состоятъ по большей части изъ арканьевъ разной величины, но какъ безпрерывно ерзать веревками по кошмѣ — значило бы сокращать ихъ долговѣчность, то къ концамъ всѣхъ назначенныхъ для покрышки жилья кошемъ прикрѣпляются разной ширины и длины армячинныя тесьмы; эти же тесьмы протягиваются для развѣшиванія на нихъ каждодневно употребляемаго платья внутри кибитки, замѣняя, въ этихъ случаяхъ, арканы единственно для красоты. Кромѣ ихъ, съ тою же цѣлью развѣшиванья разныхъ предметовъ, придуманы различнаго вида и изящества устанавливаемыя внутри юрты подпорки, кромѣ бакановъ.

Вотъ и все устройство киргизскаго жилища. Оно, какъ видимъ, вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ вышеисчисленнымъ, требуемымъ отъ него кочевыми жителями условіямъ. Полная юрта средней величины, съ кошмами сѣраго цвѣта, стòитъ киргизу рублей 100, много 150, слѣдовательно заготовлять для каждой изъ выходящихъ замужъ дочерей такую юрту не отяготительно, если только умно распоряжаться получаемымъ калымомъ; ремонтировать же юрты своего аула, при правильномъ веденіи хозяйства, тоже не тяжело; только поправка деревяннаго корпуса иногда стòитъ денегъ; все же прочее устроивается своими домашними средствами, и потому-то даже цѣны на всѣ остальныя части жилища между киргизами не существуетъ.

Къ климатическимъ особенностямъ степи жилище приноровлено въ совершенствѣ: сильнѣйшіе вѣтры не опрокидываютъ кибитку, а между тѣмъ послѣдняя, какъ бы ни была сложна, не пригвождается къ землѣ, и тѣмъ не препятствуетъ скорой сборкѣ и разборкѣ; лѣтомъ, въ дни удушливаго зноя, въ ней прохладно, а пыли нѣтъ; въ сильные морозы, при хорошихъ кибиточныхъ покровахъ, сохраняется достаточно тепла, а дымъ отъ очага, хотя понемногу и выѣдаетъ глаза, но лучшаго устройства, въ родѣ напримѣръ привѣсныхъ къ чагараку желѣзныхъ печей и проч., киргизъ, при своихъ жалкихъ средствахъ, конечно придумать не могъ, и потому имѣющіяся къ устраненію этого недостатка приспособленія вправѣ считать вполнѣ удовлетворительными.

Наконецъ, вмѣщая въ себѣ все имущество киргиза и доставляя нѣкоторыя удобства касательно разставленія и развѣшиванья разныхъ вещей домашняго обихода, юрта легко и скоро, въ какихъ-нибудь полчаса, разбирается и собирается, удобно вьючится и такъ нетяжела, что весь составъ средней величины кибитки укладывается на одного верблюда: всѣ сложенныя въ нѣсколько рядовъ кошмы перекидываются черезъ хребетъ животнаго; кереге, уки и свернутыя въ трубку чіевыя рогожки подвѣшиваются къ его бокамъ, а чагаракъ накладывается поверхъ горбовъ, и все это очень искусно приарканивается. Тоже самое, придя на новую стоянку, на мѣстѣ установки юрты, —обозначенномъ впередъ прибывшимъ хозяиномъ воткнутою въ землю пикою, —укладывается верблюдъ, быстро развьючивается, двѣ женщины устанавливаютъ по назначенной окружности канааты кереге, связываютъ ихъ; двѣ другія, или тѣ же самыя, по окончаніи первой работы, при помощи кабановъ, поднимаютъ надъ центромъ образовавшейся площадки чагаракъ, втыкаютъ въ него уки, другой

конецъ которыхъ тотчасъ же привязываютъ къ боковой рѣшеткѣ, которую охватываютъ чіемъ и боковыми кошмами, накидываютъ учныя кошмы и тюндючную, все это завязываютъ,—и кибитка готова въ тѣ же полчаса. На полъ юрты разстилаются кошмы, съ оставленіемъ въ центрѣ площадки небольшаго пространства для очага; поверхъ кошемъ, у богатыхъ, стелются ковры, палласы и проч., иногда, для большаго украшенія кибитки, развѣшиваемые и по ея стѣнамъ; поперегъ юрты протягиваются веревки, разныя тесьмы; разставляются подпорки; вносится имущество; наконецъ, въ срединѣ кибитки разводится огонь; устанавливается тренога, на нее котелъ съ водою, и готовится пища.

Необходимую утварь каждой, какъ богатой, такъ средней и самой бѣдной юрты составляютъ: устанавливаемыя надъ костромъ треноги разныхъ величинъ, чугунные котлы, тоже разныхъ размѣровъ, деревянныя корыта для мытья мяса, другія для складки вываренной говядины, деревянныя же блюда, на которыхъ подается къ столу разрѣзанное на болѣе мелкія части мясо, для дальнѣйшаго кромсанія котораго у каждаго киргиза есть небольшой ножикъ, бережно хранимый въ привѣшиваемомъ къ поясу футлярѣ; деревянныя, кожаныя и металлическія ведра, упаты, кадки, подойники, сабы, турсуки и прочая разнообразной постройки и величины посудина, служащая для храненія молока, сыровъ, мяса, сливаемаго изъ казановъ бульона, которымъ иногда запивается мясной столъ; ступы деревянныя, чашки для питья кумыса и разнаго другаго употребленія, иногда тарелки металлическія и глиняныя, кожаные мѣшки для собиранія тезека; чайники и кунганы металлическіе и проч. принадлежности кухни и стола. Болѣе ломкія и болѣе или менѣе цѣнныя вещи хранятся въ погребцахъ и разной величины и наружной отдѣлки сундукахъ. Одежда и всѣ мягкія вещи завернуты въ болѣе или менѣе цѣнные и болѣе или менѣе новые ковры, палласы, т. е. вышивные войлоки, а то и въ простые, тщательно заарканенные въ удобно перевозимые на верблюдахъ тюки. Этими-то тюками, равно сундуками, погребцами, а у кого есть, и шкапами, загромождается до верху сторона юрты, противоположная дверямъ. Съ правой и лѣвой сторонъ устанавливаются деревянныя, складныя, очень низкія и короткія, но съ необыкновенно отлого-откинутыми назадъ спинками, кровати. При такомъ устройствѣ кровать не занимаетъ своими ножками, удерживаемыми въ косвенномъ положеніи особаго рода клиньями, много мѣста собственно на площадкѣ юрты, и около нея, подъ спинками, можно многое положить, поставить, а между

тѣмъ верхнія части тѣхъ же ножекъ образуютъ, въ головахъ и ногахъ кровати, спинки, составляющія съ плоскостью постели чрезвычайно тупые углы, такъ что покрытая множествомъ кошемъ, замѣняющихъ здѣсь матрацы, кровать подобнаго рода нисколько не препятствуетъ киргизу лежать на ней во весь свой ростъ. Кошмы покрыты тоже множествомъ ватныхъ, покрытыхъ ситцемъ, одѣялъ разныхъ величинъ и достоинствъ, и нѣсколькими подушками, обитыми ситцемъ же. Есть у иныхъ и другаго устройства кровати въ родѣ нашихъ, иногда складныя желѣзныя, а также перины и подушки съ чистыми бѣлыми наволоками, но все это, особенно послѣднее, рѣдкость чрезвычайная. У многихъ нѣтъ даже и кроватей самаго простаго устройства; войлочныя постели устроиваются въ этихъ случаяхъ на тѣхъ же мѣстахъ гдѣ ставятся кровати. Люлька киргизская имѣетъ сходство съ тѣми изъ нашихъ дѣтскихъ кроватокъ, которыя ни сами не качаются, ни внутри себя не имѣютъ качающихся ящичковъ. Не всѣ однако имѣютъ такія, очень удобныя люльки, и потому дѣтей держатъ въ привѣшиваемыхъ къ спинкамъ кровати корзинахъ, обтянутыхъ кошмою; въ этихъ же корзинахъ, привѣшиваемыхъ къ бокамъ верблюда, они и перевозятся при перекочевкахъ.

Кровать, или то боковое мѣсто, гдѣ, вмѣсто нея, сложена постель, почти всегда отдѣлена отъ остальной части кибитки ситцевою занавѣскою; а если въ одной юртѣ помѣщается и другая жена хозяина, что хотя случается рѣдко, однако бываетъ, то другая боковая сторона кибитки, противоположная первой, находится также за занавѣской. Въ близьлинейныхъ аулахъ, въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ, занавѣски замѣняются ширмами. Бѣдняки, напротивъ, должны отказывать себѣ даже и въ самыхъ простыхъ занавѣскахъ; за то у нихъ, такъ какъ это большею частью охотники, стѣна надъ кроватью убрана кое-какимъ оружіемъ: фитильнымъ или ударнымъ ружьемъ, саблею, шашкою, топорикомъ на длинной рукояти (айбалта) и т. п., чего у богатыхъ почти никогда не встрѣчается.

Кое-какое, издавна передаваемое изъ рода въ родъ, большею частью холодное оружіе хранится у киргизъ въ тюкахъ, никогда не показываясь на свѣтъ съ цѣлію украсить имъ юрту, а нужда употребить его въ дѣло является только у людей мало-достаточныхъ, т. е., охотниковъ, и потому-то ни при киргизахъ, ни въ ихъ юртахъ, вы никогда не встрѣтите никакого признака ихъ прежней, будто бы, воинственности, которой впрочемъ и не было. Только стоящая у дверей нѣсколькихъ юртъ длинная пика, —

единственное назначеніе которой указывать женщинамъ, гдѣ именно надобно разставлять юрту, — напоминаетъ нѣсколько и о томъ времени, когда пика употреблялась, хотя конечно не часто, и съ другою цѣлію; воображеніе, пожалуй, дорисовываетъ вамъ прежняго киргиза съ лукомъ и колчаномъ стрѣлъ, хотя оружія этого давно уже нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ. Между кроватью и грудою наложенныхъ близь задней стѣны тюковъ стоятъ болѣе или менѣе объемистые кожаные мѣшки, лѣтомъ наполненные кумысомъ. Мѣшки эти имѣютъ большею частью квадратное основаніе, сторона котораго отъ аршина доходитъ до двухъ; къ верху мѣшокъ, постепенно съуживаясь, оканчивается болѣе или менѣе изящно сдѣланною, иногда окованною мѣдью, а то и серебромъ, шейкою, которая, чтобы мѣхъ не опускался на землю, притянута снуркомъ къ одному изъ уковъ. Около этихъ громадныхъ турсуковъ иногда помѣщается еще особеннаго устройства низенькій посудный шкапикъ, въ которомъ хранится и разная другая необходимая мелочь, какъ-то ножи, бритвы, иголки, подносы, нитки, щетки, начатая швейная работа и проч.; у нѣкоторыхъ богатыхъ людей углы такихъ шкапиковъ украшены пучками страусовыхъ перьевъ; кромѣ того, у нихъ же есть и другаго устройства платяные и посудные шкапы, въ родѣ нашихъ; бѣднаго состоянія киргизы, напротивъ, не имѣютъ и первыхъ, обходясь однимъ, двумя простыми сундуками. Между кроватями и дверью сложены лишнія треноги, казаны, вся крупная кухонная посуда и разная другая принадлежность домашняго обихода, въ числѣ которой можно иногда встрѣтить низенькій столикъ, табуретку. У богатыхъ близь-линейныхъ киргизъ есть столы и стулья нашего устройства, только въ дѣло они идутъ лишь тогда, когда наѣдутъ русскіе гости; самъ же хозяинъ обѣдаетъ обыкновенно сидя на землѣ, находящееся передъ нимъ блюдо стоитъ на подносѣ или на вышеупомянутомъ, особаго устройства низенькомъ столикѣ. У бѣдняковъ, конечно, нѣтъ этихъ столиковъ, да и подносъ не всегда найдется; въ дверныхъ углахъ юрты, между разнымъ хламомъ, у нихъ стоитъ на привязи больная скотина, телята однолѣтки, тохтушки, укрываемыя отъ мороза, молодой верблюженокъ. Впрочемъ, въ выраженномъ такимъ образомъ чувствѣ скотолюбія не отказываютъ себѣ и люди достаточные. Тутъ же сидитъ на особенной подставкѣ соколъ или беркутъ, съ навѣшаннымъ на глаза кожанымъ колпачкомъ. Надъ нимъ виситъ сѣдло, барабанъ для спугиванія дичи и разныя другія охотничьи принадлежности, и другія вещи, какъ-то: узды, разныя сѣдла и арчаки, иногда хомуты и шлеи,

запасные арканы, пояса всѣхъ видовъ, плети всевозможнаго устройства (нагайки или камчи) и проч.

Безпрестанно употребляемое мужчинами и женщинами платье хранится частью въ сундукахъ, поставленныхъ за занавѣсками, около кроватей, гдѣ стоятъ и люльки, частью же виситъ на бақанахъ или на низко-протянутыхъ черезъ всю юрту арканахъ.

Провизія, т. е. мясо въ копченомъ и другомъ видѣ, виситъ на веревкахъ, протянутыхъ еще выше; прикрѣпляется также и къ чагараку, особенно если его надобно прокоптить. Свѣжее мясо, молоко, сыры и пр. провизія содержится въ чанахъ, кадкахъ, котлахъ, мѣшкахъ и проч., стоящихъ и висящихъ все въ томъ же пространствѣ юрты, между кроватями и дверью, или, если кровать одна, то въ сторонѣ ей противолежащей, и въ этомъ случаѣ мѣсто храненія припасовъ огораживается чіевою плетенкою, для предохраненія отъ собакъ, иногда впрочемъ забирающихся ночью и за эту плетенку. Всѣ стѣны кибитки оказываются такимъ образомъ загроможденными жалкою домашностью киргизъ, но весь кругъ около очага свободенъ. Здѣсь именно и размѣщается все семейство днемъ; а къ ночи малые ребята, дѣвушки, работники и заночевывающіе гости здѣсь же устроиваютъ себѣ постели. Пространство, находящееся между костромъ и грудою тюковъ, служитъ мѣстомъ, гдѣ обѣдаютъ, садясь въ кружокъ около блюда, поставленнаго передъ хозяиномъ, который занимаетъ самое почетное мѣсто, т. е. именно то, которое приходится какъ разъ противъ двери и у самыхъ тюковъ. Уступается это мѣсто только знатному гостю, старшинѣ, заѣхавшему на обѣдъ аксакалу и проч.; въ этомъ случаѣ хозяинъ садится подлѣ этихъ лицъ съ правой ихъ стороны. Ежели случается почетному гостю заночевать, его укладываютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ обѣдаютъ, въ противномъ случаѣ здѣсь ночуютъ дѣвушки, мальчики располагаются по правой и лѣвой сторонѣ костра, а работники у дверей.

Встаютъ киргизы и лѣтомъ, и зимою довольно поздно, часовъ въ 12, потому что ложатся часа въ три или четыре пополуночи, но это не касается женщинъ, которымъ, во всякомъ случаѣ, для выполненія разныхъ работъ, приходится вставать часовъ въ 8, иногда въ 6, вслѣдствіе чего, въ бесѣдѣ мужчинъ, длящейся далеко за полночь, прекрасный полъ не принимаетъ участія.

Утромъ пьютъ кумысъ или айранъ, ѣдятъ еремчикъ, а зимою все это замѣняетъ приготовленный часамъ къ 12-ти куртъ и какое-нибудь изъ

хлѣбныхъ блюдъ, то есть: баламыкъ, кожа и проч. (см. выше отд. хлѣбоп.). Къ обѣду варится старое лошадиное или баранье мясо, или приготовляется поджаренная на салѣ, мелко изрубленная, говядина (курдакъ или бишбармакъ), а если подошелъ случай заколоть свѣжаго барана, то послѣднiй замѣняетъ семейству весь столъ на этотъ день. Выбранное въ жертву животное приводятъ въ юрту съ тѣмъ, чтобы показать хозяину и чтобы сидящiй подлѣ него мулла, если онъ находится въ аулѣ, или другой, прибывшiй на обѣдъ, аксакалъ, благословилъ колотье; послѣ чего, барана уводятъ изъ кибитки, рѣжутъ, снимаютъ шкуру, потрошатъ въ корытѣ, рѣжутъ на большiе куски—все это дѣло мужчинъ, передающихъ мясо въ такомъ видѣ женщинамъ, которыя моютъ его, кладутъ въ наполненный водою казанъ, куда подбавляется немного соли, а иногда обходятся и безъ этого. Сваренное мясо рѣжется на болѣе мелкiя, но все еще крупныя части, раскладывается на деревянныя блюда, изъ коихъ то, которое заключаетъ отборныя части, подается почетному гостю, остальныя блюда ставятся передъ другими гостями, ежели ихъ много,—все это дѣло женщинъ, никакого кусочка для себя не оставляющихъ, а расчитывающихъ, также какъ и дѣти, только на объѣдки, да на оставшiйся въ казанѣ бульонъ, котораго нѣсколько чашекъ тоже подается гостямъ и хозяину, но большею частью обѣдъ запивается не этимъ напиткомъ, а кумысомъ, въ зимнее же время куртомъ.

Послѣ обѣда начинается самая оживленная бесѣда хозяина съ гостями и послѣднихъ между собою, и въ это же время приготовляется чай, засыпаемый въ большiе мѣдные или чугунные чайники, нагрѣваемые на освобожденной отъ казана треногѣ. Ставится иногда и самоваръ, у кого онъ есть, но большею частью упомянутые чайники предпочитаются самовару, такъ какъ послѣднiй можетъ быть еще и не луженъ, да и обхожденiе съ нихъ все еще считается киргизами слишкомъ сложнымъ. Къ чаю подается тотъ же еремчикъ, а также сушеный абрикосъ, изюмъ, баурсаки, лепешки и проч., что у кого есть. Послѣ мужчинъ, пьютъ чай женщины. Вечеромъ кумысъ и айранъ; женщины ложатся спать, караульщики расположенныхъ подлѣ юртъ стадъ начинаютъ перекрикиваться; мужчины продолжаютъ разговоры до поздней ночи; часа же въ 4 утра весь аулъ объятъ мертвымъ сномъ. Такъ идетъ въ каждомъ семействѣ день за днемъ, если только есть гости, или если и нѣтъ ихъ, но хозяинъ не отлучается изъ дому куда-нибудь на праздникъ и проч.; безъ него еще скучнѣе: женщины и дѣвушки весь день въ работѣ, мужчины

и ребятишки гдѣ-нибудь въ гостяхъ по сосѣдству, или на охотѣ, или тоже въ разъѣздахъ по ауламъ. Въ такое время и пища, даже лѣтомъ, сбрегается женщинами до нельзя; свѣжаго барана для гостя, если въ домѣ нѣтъ мужа, киргизка не заколетъ, слѣдственно нѣтъ повода кому-нибудь идти въ юрту, въ которую заѣхалъ гость, а послѣдній по этому случаю старается какъ только можно скорѣе отъѣхать съ привезеннымъ ихъ хабаромъ въ слѣдующій аулъ, къ другому знакомому, гдѣ день будетъ проведенъ нѣсколько оживленнѣе; въ оставленномъ же аулѣ царствуетъ скука, разговоровъ нигдѣ не слышно, изрѣдка раздается заунывная пѣсня дѣвушки, да лай собакъ, по поводу какого-нибудь шума.

Однообразіе семейной жизни нѣсколько нарушается только въ дни, по какому-нибудь случаю празднуемые болѣе или менѣе торжественно, смотря по достатку каждаго, или въ дни какого-нибудь необыкновеннаго, посѣтившаго аулъ, несчастія. Изъ такихъ нарушающихъ тишину семейной жизни случаевъ назовемъ слѣдующіе: перекочевка вообще; рожденіе младенцевъ и обрѣзаніе; сватовство, пріѣзды жениха къ невѣстѣ и увозъ послѣдней изъ аула отца въ день свадьбы; прибытіе молодыхъ въ аулъ мужа и прибытіе вышедшей замужъ дочери въ аулъ отца; смерть лицъ достаточнаго состоянія, ихъ погребеніе и поминки; народные праздники; совершеніе народнаго суда и приведеніе въ исполненіе судейскихъ рѣшеній; нападеніе на аулъ враждебныхъ отдѣленій и торжественное примиреніе находившихся въ ссорѣ родовичей; губернаторская ревизія области и т. п.

Перекочевки.

День перекочевки по справедливости считается киргизами праздничнымъ днемъ. Постоянно сидящія дома женщины, пускаясь въ это общественное путешествіе, не могутъ не ощущать нѣкотораго удовольствія; въ свою очередь мужчинамъ, отдѣльнымъ владѣльцамъ, есть случай щегольнуть передъ другими своимъ богатствомъ, или просто самимъ насладиться нѣкоторымъ чувствомъ довольства, взирая на все свое имущество, находящееся въ полномъ сборѣ; молодежъ находитъ для себя общественную дѣятельность, рыская по окрестностямъ для ознакомленія съ кормами и водопоемъ, для разпросовъ о мѣстѣ стоянокъ всѣхъ прочихъ родствен-

ныхъ ауловъ; про дѣтей, постоянно ищущихъ развлеченія, нечего и говорить. Кромѣ того, всѣмъ представляется впереди удовольствіе кушать мясо, потому что, по прибытіи на новую стоянку, ежели только послѣдняя продолжается нѣсколько дней, въ каждомъ семействѣ принято торжествовать этотъ день колотьемъ свѣжаго барана. Наконецъ, разъѣзжающіе по окрестностямъ киргизы обыкновенно привозятъ съ собою въ аулъ бездну новостей, слуховъ; на дорогѣ безпрерывно случаются какія-нибудь, всѣхъ занимающія, происшествія, пробуется сила молодыхъ верблюженковъ, наѣзжаются лошади, происходятъ безпрерывныя встрѣчи, всюду идетъ оживленный разговоръ, всѣ родные, знакомые, съ ихъ имуществомъ, каждую минуту у всѣхъ на глазахъ, потому что идти приходится не по пересѣченной мѣстности и не длиннымъ гуськомъ, а широчайшею дорогою ибо степь всюду проходима.

По всѣмъ этимъ причинамъ день перекочевки всюду считается днемъ праздничнымъ. Женщины разряжаются въ свои лучшія платья, садятся верхомъ на иноходцевъ; замужнія женщины прикрѣпляютъ сзади своего пояса разныхъ цвѣтовъ суконныя или плисовыя попоны, покрывающія сзади ихъ верховыхъ лошадей; у первыхъ женъ (байбиче) эти попоны всегда изъ краснаго, вышитаго узорами, иногда усыпаннаго жемчугомъ и дорогими каменьями, сукна. У дѣвушекъ тоже болѣе или менѣе дорогіе вальтрапы. Головы любимыхъ верблюдовъ убраны лентами, бубенчиками и проч.; верхушка ихъ вьюка, покрытаго какою-нибудь матеріею, украшена пучками страусовыхъ, павлиньихъ и другихъ перьевъ. Мужчины одѣты въ этотъ день лучше обыкновеннаго, сидятъ на отборныхъ лошадяхъ, подпоясаны калтами, блестящими серебряною оправою, въ рукахъ держатъ дорогія нагайки, уздечки тоже блестятъ серебряною или мѣдною оправою, — словомъ все имѣетъ праздничный видъ, разумѣется сообразно съ достаткомъ каждаго.

Начинается перекочевка тѣмъ, что молодые люди ѣдутъ къ пастухамъ помочь согнать стада барановъ далеко впередъ къ той дорогѣ, по которой пойдетъ аулъ, а весь вьючный скотъ и лошади сгоняются въ аулъ, гдѣ уже разобраны юрты и сложено все имущество. Вьючка, при помощи однихъ женщинъ съ работниками, идетъ быстро, и часовъ въ 9 или 10 утра караванъ трогается съ мѣста. Шествіе открываютъ старшины, уже знакомые съ мѣстомъ новой стоянки; за ними гонятъ стада барановъ и свободныхъ отъ вьючки и верха лошадей, быковъ и верблюдовъ, потомъ слѣдуетъ все мужское населеніе совмѣстно кочующихъ

ауловъ, наконецъ широкимъ фронтомъ выступаетъ нѣсколько верепицъ вьючнаго скота. Впереди имущества ѣдутъ женщины, по бокамъ и сзади джигитуютъ дѣвушки, въ арріергадѣ слѣдуютъ работники.

Аулъ растягивается иногда верстъ на 10, прибывая на мѣсто стоянки позднимъ вечеромъ, и если на другой день или черезъ день снова предстоитъ такое же передвиженіе, то юртъ не разставляется; ихъ замѣняютъ наскоро собранные коши, т. е. войлочныя, конусообразныя палатки; если же кормить стада на одномъ мѣстѣ придется долго, новая стоянка устроивается какъ прежняя, колятся бараны, всю ночь идетъ пиршество, всюду слышны пѣсни, гдѣ-нибудь слышна балалайка, аулъ засыпаетъ лишь съ восходомъ солнца, а на другой день наступаетъ прежнее однообразіе жизни до слѣдующей перекочевки.

Рожденіе младенцевъ и обрѣзаніе.

Родины сопровождаются въ Средней Ордѣ такими чудовищными обрядностями, что по истинѣ изумительно, какимъ образомъ роженица и ея младенецъ остаются въ живыхъ. Вмѣсто того, чтобы окружить роженицу всевозможнымъ спокойствіемъ, вмѣсто того, чтобы какъ можно менѣе заботиться о всегда вредномъ ускореніи родовъ, или даже о какой-нибудь помощи, въ которой здоровая физика работящихъ киргизскихъ женщинъ совсѣмъ не нуждается, — совершеніе акта родинъ служитъ сигналомъ къ тому, чтобы къ юртѣ роженицы сбѣжался весь аулъ; мало того, родственники и знакомые дальнихъ ауловъ тоже немедленно увѣдомляются о томъ, что роженица почувствовала первыя боли и что слѣдовательно надобно спѣшить къ ней на помощь. Эта помощь заключается въ томъ, что каждый входящій въ юрту слегка ударяетъ роженицу нагайкою или полою платья, приговаривая: *чикъ*, т. е. выходи. Это еще ничего, такъ какъ въ юрту входятъ только близкіе родные и знакомые хозяина, которые, исполнивъ этотъ не болѣе какъ обычай, основанный на предразсудкѣ, что выходу всякаго младенца на свѣтъ божій препятствуетъ злой духъ, спокойно располагаются въ кибиткѣ, выжидая пока у роженицы выработаются первыя боли; но крикъ, визгъ собравшагося около юрты народа, хлопанье нагайками по кибиткѣ, а иногда остроты и насмѣш-

ливые отзывы о больной — вотъ что всего болѣе безпокоитъ, губитъ роженицу въ первомъ періодѣ родовъ — и прекратить этотъ шумъ, разогнать народъ никто изъ доброжелателей хозяина не рѣшается, такъ какъ весь собравшійся людъ истинно убѣжденъ въ томъ, что онъ приноситъ своими дѣйствіями извѣстную долю пользы, а окружающія роженицу женщины хотя и знаютъ, какъ вредно дѣйствуетъ на больную подобный шумъ, однако тоже боятся высказать свое мнѣніе о необходимости дать больной полное спокойствіе, потому что сами вѣрятъ чепухѣ о зломъ духѣ. Чѣмъ дольше длятся роды, тѣмъ больше шансовъ, что или младенецъ родится мертвымъ, или больная умретъ, или, наконецъ, случится и то и другое, потому что тѣмъ болѣе безпокоятъ роженицу шумомъ; приступаютъ даже къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы подогнать природу: сильно давятъ животъ больной и проч. Хорошо еще, что послѣднимъ дѣломъ занимаются обыкновенно близкія къ роженицѣ женщины, хотя и мало смыслящія въ повивальномъ дѣлѣ воообще, однако знающія изъ опыта, что̀ можетъ въ этомъ случаѣ перенести женщина, что̀ нѣтъ; по этому случаю, имъ и въ голову никогда не можетъ придти какая-нибудь уже слишкомъ противуестественная мѣра; если же, по несчастію, при родахъ случится быть какому-нибудь шарлатану-кудеснику, который, изъ желанія оправдать довѣріе публики къ его чарамъ, сочинитъ и предложитъ исполнить мужчинамъ какое-либо мѣропріятіе, — больная или ея младенецъ едва-ли останутся въ живыхъ. Къ счастью, ближайшее участіе мужчинъ въ облегченіи страданій роженицъ теперь случается въ области сибирскихъ киргизовъ довольно рѣдко, потому что вѣра въ чародѣевъ и, вслѣдствіе того, появленіе послѣднихъ въ кочевьяхъ киргизъ, — благодаря болѣе частому, нежели, напримѣръ, въ оренбургской степи, посѣщенію ауловъ русскими чиновниками, толмачами, казаками и проч., — слабѣютъ съ каждымъ годомъ болѣе. Бывали случаи, что подобныхъ колдуновъ гнали изъ своего аула сами киргизы, уже просвѣтившіеся на столько, чтобы видѣть въ нѣкоторыхъ боксахъ и проч. не болѣе, какъ обманщиковъ. Но вообще случаи, гдѣ родины не производили бы шума по цѣлому аулу, не сопровождались, хотя и не очень еще опасною, однако нельзя сказать и не безопасною для беременныхъ, вышеобъясненною помощію, — были рѣдки. Зимою, когда аулы стоятъ врознь, еще можно бываетъ избѣжать большихъ сборищъ, и, хотя родные тоже оповѣщаются заблаговременно о предстоящихъ родинахъ, однако, по причинѣ большаго затрудненія въ передвиженіяхъ, успѣваютъ, вѣроятно къ немалому удовольствію роженицы,

пріѣзжать къ ней на помощь уже въ то время, когда она сдѣлалась родильницею. Остается только поздравить ее и хозяина съ новорожденнымъ, и по этому поводу плотно покушать на чужой счетъ, потому что хозяинъ въ этихъ случаяхъ не скупъ на угощеніе собравшагося народа. Лѣтомъ, напротивъ, и своихъ и чужихъ собирается на родины такое множество, что еще очень часто, вмѣсто поздравленія хозяина съ увеличеніемъ его семейства, приходится выразить соболѣзнованіе объ усопшей.

Обрѣзаніе младенцевъ совершается черезъ три года и позднѣе послѣ ихъ рожденія. Обычай, благодаря усердію муллъ, которые и производятъ эту операцію, обставляя ее чтеніемъ молитвъ изъ корана и другими обрядами, распространенъ въ степи довольно сильно, служа новымъ предлогомъ къ тому, чтобы нарушать обыденную тишину семейной жизни праздниками для собирающихся въ аулъ по этому поводу, ближнихъ и дальнихъ родственниковъ.

Бракосочетаніе.

Бракосочетанію предшествуетъ короткое знакомство между двумя домами, дружба, тамырство, а какъ всякое знакомство, дружба между кочевниками выражаются взаимными подарками, то киргизъ, имѣющій въ виду породниться съ извѣстнымъ семействомъ, предварительно дѣлаетъ подарки всѣмъ его членамъ, т. е., знакомится съ ними, тамырится съ ближайшими родственниками той семьи, въ которой онъ выбралъ для себя предметъ исканій, учащаетъ поѣздки въ это семейство и наконецъ объявляетъ отцу о своемъ намѣреніи жениться на его дочери, а отецъ невѣсты объявляетъ жениху о томъ, какой капиталъ онъ долженъ внести сначала, чтобы получить невѣсту, которая конечно будетъ отпущена не безъ обиднаго приданаго, но какого, объ этомъ пока умалчивается. Этотъ уплачиваемый женихомъ капиталъ въ вещахъ, деньгахъ, скотѣ и проч. называется *калымомъ*. Онъ нуженъ отцу отпускаемой замужъ, часто даже безъ ея согласія, дочери, во-первыхъ какъ доказательство состоятельности жениха, другими словами—отцу невѣсты надобно убѣдиться въ томъ, что будущій зять надѣленъ отъ своего отца имуществомъ и слѣдственно въ состояніи содержать семейство. Во-вторыхъ, чѣмъ больше калымъ,

тѣмъ труднѣе выплатить его сразу, а уплачивая его по частямъ и притомъ всегда лично, женихъ по неволѣ долженъ согласиться на отдаленіе срока свадьбы, между тѣмъ это именно и нужно, потому что въ періодъ уплаты калыма, часто посѣщая невѣсту и имѣя достаточно времени для того, чтобы сойдтись съ нею, онъ въ тоже время по обычаю долженъ, при всякомъ посѣщеніи аула ея отца, привозить съ собою подарки для родственниковъ невѣсты; такимъ образомъ, знакомство или, вѣрнѣе сказать, тамырство между двумя, прежде можетъ быть совершенно чуждыми *), родами съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе упрочивается, и во всякомъ случаѣ два вступающіе въ родство дома имѣютъ возможность коротко узнать другъ друга. Въ-третьихъ, при помощи калыма у иныхъ бѣдняковъ устроивается приличное приданое, которое, такимъ образомъ, нисколько и никогда не уступаетъ калыму, а у многихъ даже превосходитъ его. Женино же приданое, по обычаю народному, священно: оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отчуждено въ пользу дѣтей киргиза отъ другой жены, или въ чью-либо пользу, но навсегда составляетъ неотъемлемую собственность жены, за которою взято, и ея потомства, такъ что хотя приданое иногда дѣлается собственно и на счетъ жениха, но между тѣмъ дѣло это въ такомъ видѣ не выглядываетъ, и послѣдній, при разладѣ съ женою, никогда на ея имущество не посягаетъ. Ежели бы неполадившая съ мужемъ жена рѣшилась возвратиться къ родственникамъ, на что всегда имѣетъ право, если мужъ не выполняетъ брачнаго договора, она беретъ съ собою и приданое, на которое надѣлившіе ее имъ родители, въ свою очередь не имѣютъ ни малѣйшаго права, не смотря на то, что въ этихъ случаяхъ заплаченный женихомъ калымъ долженъ быть полнотою или значительною частью возвращенъ послѣднему родителями возвратившейся домой дочери, или отданъ ей, еслибы случилось, что она пріѣхала безъ ничего. Этимъ путемъ дѣти вдовы при живомъ мужѣ всегда имѣютъ хоть какой-нибудь кусокъ хлѣба. Такимъ образомъ, при существующемъ между киргизами многоженствѣ, допускаемомъ и ихъ древними обычаями и магометанскою религіею, калымъ, въ сущности, должно считать одною изъ обдуманнѣйшихъ мѣръ обезпеченія семейства, однимъ изъ лучшихъ обычаевъ полудикаго народа.

*) Левшинъ въ своемъ «Описаніи киргизъ-кайсацкихъ ордъ», часть III, стр. 109, говоритъ, что киргизы «въ выборѣ женъ изъ своего народа соблюдаютъ самыя отдаленныя линіи родства. Многіе даже почитаютъ непозволительнымъ брать жену изъ одного съ собою родоваго отдѣленія».

Многіе достаточные люди заранѣе объявляютъ о богатомъ приданомъ своихъ дочерей, но выдаютъ ихъ не ранѣе того, какъ женихомъ будетъ выплаченъ весь или бо́льшая часть калыма, назначаемаго сообразно съ обѣщаемымъ за невѣстою имуществомъ. И это дѣлается конечно не всегда изъ одного желанія пріобрѣсть столько же, сколько приходится отдать, потому что такой киргизъ обыкновенно столько же тщеславенъ, сколько и скупъ, и иной разъ готовъ надѣлить дочь приданымъ, а калыма не брать, — однако, такъ не поступаетъ, и обычай соблюдается строго, чрезъ что скрѣпляется и дружба между домами и, главное, устанавливается и для другаго дома обязанность впередъ надѣлить приличнымъ имуществомъ сына, ищущаго женидьбы, и возможность успѣть убѣдиться въ этомъ надѣлѣ. Когда же бракъ заключенъ, приданое оказывается почти всегда болѣе назначеннаго калыма, и ежели послѣдній не былъ выплаченъ весь, то остальная часть отдается женихомъ охотно и по возможности скорѣе, разумѣется не изъ женина, а изъ своего имущества.

Между бѣдными приданое тоже по большей части превышаетъ калымъ. Намъ извѣстенъ случай, гдѣ калымъ состоялъ ни болѣе, ни менѣе какъ изъ одного быка по второму году, между тѣмъ какъ одна взятая за женою юрта стоила по меньшей мѣрѣ рублей 50. Такихъ случаевъ не мало. Но въ большинствѣ наименьшимъ калымомъ у областныхъ киргизъ считается 7 лошадей, слѣдующая постепенность—17 лошадей, потомъ—27, за нею—37 и наконецъ 47 лошадей признается полнымъ, но не наибольшимъ, калымомъ. За болѣе богатыхъ невѣстъ назначается уже не 57 лошадей, а два раза 47, три полныхъ калыма или 141 лошадь, и т. д. Неизвѣстно, на чемъ основались всѣ эти употребительныя между многими областными киргизами (особенно между каркаралинскими) раздѣленія; не знаемъ также, почему стоимость уплачиваемаго разнымъ скотомъ, деньгами и вещами калыма, при оцѣнкѣ, переводится непремѣнно на лошадей, а стоимость приданаго оцѣнивается баранами, но думаемъ, что эта, ни болѣе, ни менѣе какъ вкоренившаяся привычка не имѣетъ какого-нибудь важнаго, скрытаго смысла, въ который стоило бы долго вдумываться. Такихъ пустыхъ формъ въ обычаяхъ киргизъ множество. Ихъ не къ чему перечислять. Сказаннаго же о калымѣ совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, что введеніе этого, повсемѣстно распространеннаго обычая, сопровождающаго бракосочетаніе киргизъ, основано на желаніи закрѣпить за отдѣляющимися отъ семейства дочерьми ихъ имущество и тѣмъ дать

имъ возможность обезпечить дѣтей, другими словами это тотъ же безобидный надѣлъ дѣтей женскаго пола собственностью, который принятъ и для дѣтей мужескаго пола. Слѣдственно поводомъ къ установленію и распространенію обычая о калымѣ послужило существовавшее между давнишними жителями степи понятіе о правѣ наслѣдства. Разсмотримъ это право, какимъ оно является теперь у областныхъ киргизъ.

Все имущество главы семейства находится на попеченіи его первой жены (байбиче), съ взятымъ за нею приданымъ; взятое же за прочими женами приданое, какъ уже сказано, никогда не смѣшивается съ имуществомъ, находящимся на рукахъ байбиче. Взрослые сыновья иногда и до сватовства выдѣляются, а уже при сватовствѣ непремѣнно, извѣстною частью изъ достоянія ихъ матери, съ прибавкою кое-чего и изъ имущества, находящагося въ распоряженіи байбиче, при чемъ киргизы избѣгаютъ касаться приданаго послѣдней, а распоряжаются только тѣмъ, что имѣли до своего перваго замужества, и, по соображенію, наросшими съ тѣхъ поръ процентами съ прежде имѣвшагося скота. На счетъ этого же самаго излишка, и частью изъ имущества матерей, заготовляется приданое для ихъ дочерей. Ежели надѣленный имуществомъ сынъ умретъ, не оставивъ дѣтей, имѣніе его возвращается къ отцу или старшему родственнику, употребляющему его на поминки умершаго. Раздѣлъ имущества послѣ смерти отца тоже простъ: прежде-выдѣленныя дѣти мужескаго пола получаютъ отцовское оружіе и носившуюся имъ одежду, раздѣляя все это между собою поровну, съ предоставленіемъ первому сыну права выбрать для себя одну лишнюю лучшую вещь; вышедшія же замужъ дочери ничего не получаютъ. Весь принадлежавшій покойнику скотъ дѣлится поровну между всѣми сыновьями; все же остальное его имущество (собственно покойника), изъ числа того, которое находилось на рукахъ байбиче (за исключеніемъ носившагося покойникомъ платья и оружія), раздѣляется только между невыдѣлившимися ея сыновьями; ежели же такихъ нѣтъ, то поровну между всѣми, также какъ и скотъ. Юрта каждой жены должна составлять принадлежность самаго младшаго сына каждой матери; ему же принадлежитъ и все приданое, на томъ основаніи, что младшему сыну съ этихъ поръ вмѣняется въ обязанность содержать и всѣхъ сестеръ. Все оставшееся семейство покойника остается на попеченіи его роднаго брата, который ничего изъ имущества не получаетъ *), кромѣ права на упла-

*) Въ его вѣдѣніе поступаетъ только та часть скота, которая, съ общаго согласія

ченный братомъ калымъ за женъ, но какъ оставшіяся жены имѣютъ право откочевать къ своимъ родителямъ, то онъ можетъ, для удержанія одной изъ нихъ съ ея скарбомъ, жениться на ней. Такимъ образомъ, ни прежде выданныя замужъ дочери, ни остающіяся въ семействѣ, при раздѣлѣ имущества никакой части не получаютъ.

Отсюда и вытекаетъ необходимость калыма, какъ такого обезпеченія, при которомъ приданое, сколоченное родными невѣсты, можетъ быть, съ большими для себя лишеніями, упрочивается за нею совершенно, а ея родня между тѣмъ пополняетъ сдѣланныя затраты частью калымомъ, частью особенными отъ него подарками, которые привозятся женихомъ въ каждое посѣщеніе невѣсты и особенно въ день ея увоза изъ аула. Ежели бы мужъ посягнулъ на приданое жены, безъ ея на то согласія, онъ лишается, по обычаю киргизъ, права требовать возвращенія калыма, въ случаѣ ежели жена его оставила, потому что калымъ этотъ поступаетъ тогда въ ея распоряженіе, если только она не привезла къ роднымъ съ собою и всего своего приданаго. Такимъ образомъ, мужъ можетъ лишиться и жены, и своего калыма, а главное будетъ всюду обезславленъ, какъ похититель женинаго приданаго. Вслѣдствіе этого, подобныхъ случаевъ почти никогда не бываетъ. Ежели, напротивъ, мужъ самъ прогонитъ жену за какое-нибудь недоброе дѣло, или если послѣдняя отъѣдетъ отъ него по поводу какого-нибудь сильнаго оскорбленія *), — въ такихъ случаяхъ уѣзжающая беретъ съ собою дѣтей и все свое имущество; но за то мужъ получаетъ обратно иногда бо̀льшую, иногда меньшую половину калыма.

Есть, разумѣется, во всемъ этомъ множество разныхъ оттѣнковъ, есть нѣкоторыя разбираемыя судомъ біевъ тонкости въ томъ, какую въ какомъ случаѣ возвращать часть калыма (бо̀льшею частью меньшую), какую удерживать (всего чаще бо̀льшую), какъ поступать съ приданымъ въ томъ или другомъ случаѣ и проч., — все это измѣняется, совершенствуется сообразно съ развитіемъ народа. Но высказанныя нами главныя основанія,

---

всѣхъ собравшихся родственниковъ, отдѣляется на празднованіе поминокъ по усопшемъ: иногда съ этою же цѣлію отдѣляется часть или вся носившаяся покойникомъ одежда.

*) Левшинъ на стр. 108 главы III «Описан. киргизъ-кайсацкихъ ордъ» говоритъ, что на такой отъѣздъ, т. е. разводъ съ мужемъ, имѣютъ право только первыя жены. Въ области сибирскихъ киргизовъ о случаѣ, гдѣ бы байбиче оставила мужа, намъ приходилось слышать рѣдко; о случаяхъ развода съ другими женами, напротивъ, упоминается киргизами довольно часто.

на которыхъ построился и дѣйствуетъ обычай о калымѣ, остаются неизмѣнны, — и въ такомъ положеніи будутъ оставаться, пока въ степи будетъ существовать многоженство, которое и породило установленіе вышеобъясненныхъ правъ на наслѣдство имущества.

Эти же самыя права рождаютъ, какъ мы видѣли выше, и другой, менѣе однако важный, менѣе необходимый и потому не всегда и не вездѣ одинаково дѣйствующій обычай — женитьбу младшаго брата на одной изъ женъ умершаго старшаго, разумѣется на той, за которою взято богатое приданое и, слѣдственно, за которую заплаченъ большой калымъ, такъ какъ этотъ калымъ образовался отчасти изъ собственныхъ средствъ покойнаго брата, отчасти же, можетъ быть, и изъ тѣхъ, которыя иначе, т.е. ежели бы не женился старшій братъ, достались бы па долю младшаго. Отсюда-то младшій братъ и основываетъ свое право на уплаченный старшимъ за его жену калымъ, и такъ какъ послѣдняя послѣ смерти мужа имѣетъ право вернуться въ аулъ своего отца, съ своимъ младшимъ сыномъ, дочерьми, кибиткою и всѣмъ своимъ имуществомъ (т. е. приданымъ), а также со скотомъ, доставшимся ея младшему сыну по общему раздѣлу стадъ покойника, — при чемъ все то, въ чемъ, можетъ быть, есть и извѣстная доля состоянія младшаго брата, можетъ навсегда пропасть, вмѣстѣ съ калымомъ, на который онъ по обычаю пріобрѣлъ право, равно какъ та — право уѣхать, — то дабы удержать богатую вдову при своемъ семействѣ, младшій братъ женится на ней, оставаясь для всѣхъ остальпыхъ членовъ осиротѣвшаго семейства прежнимъ верховнымъ попечителемъ. Понятно, гдѣ богатая вдова и безъ этого остается при аулѣ, не имѣя къ кому вернуться, или не желая воспользоваться предоставленнымъ ей тѣмъ же обычаемъ правомъ, точно также, гдѣ вдова бѣдна, — тамъ обычай этотъ не имѣетъ мѣста. Въ противномъ случаѣ, киргизъ конечно не посмотритъ ни на толкованіе муллами того мѣста корана, которое противорѣчитъ этому обычаю [1]), ни на толкованіе шаріата русскими чиновниками [2]), потому что пророкъ могъ не знать принятыхъ киргизами обычаевъ при раздѣлѣ имущества, а русскіе чиновники, ежели бы даже и знали ихъ, не имѣютъ возможности измѣнить эти обычаи. Слѣдовательно одно только время въ состояніи искоренить обыкновеніе, покамѣсть не влекущее за собою та-

---

[1]) Запрещеніе младшему брату жениться на одной изъ женъ старшаго выражено въ главѣ 4 корана (Левшинъ, стр. 109 глав. III, «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ»).

[2]) «Описаніе киргизской степи оренбургскаго вѣдомства», подполковника Мейера, стран. 251.

кихъ неудобствъ, изъ-за которыхъ русскому начальству слѣдовало бы прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ или тратить время на безплодное объясненіе киргизамъ началъ, которыя имъ непонятны или потому, что мы сами не дали имъ возможности понять ихъ предварительнымъ увеличеніемъ массы распространенныхъ въ народѣ знаній, или потому, что принятые нами способы объясненія несостоятельны по той причинѣ, что въ нихъ просвѣчиваетъ незнаніе народныхъ обычаевъ. Вслѣдствіе этого, прежде всего намъ самимъ надобно добиться того, чтобы сила нашего убѣжденія могла сдѣлаться дѣйствительною въ народѣ, — тогда принятая русскими чиновниками миссія, пожалуй, и удастся. Что же касается до насильственныхъ мѣръ, т. е. принятія начальствомъ жалобъ отъ вдовъ, которымъ угрожаетъ нежелаемое ими замужество, и недопущенія этого замужества силою нашихъ законовъ, — правительство покамѣстъ благоразумно устраняетъ себя отъ этого рода дѣйствій, потому что, поверхностно зная обычаи киргизъ, оно не могло бы въ настоящее время сладить съ этимъ вопросомъ, и только напрасно озлобило бы противъ себя невѣжественныхъ подданныхъ. Вмѣшаться въ этого рода дѣла значило бы вмѣшаться и въ тѣсно-связанный съ нимъ вопросъ о калымѣ, который, — при существующемъ въ степи многоженствѣ, столь основательно, т. е., удобно для киргизъ, разрѣшая имущественный вопросъ, — имѣетъ для насъ тотъ же самый непривлекательный видъ продажи дѣтей. Принимая жалобу отъ вдовы, которой угрожаетъ насильственное замужество, мы должны были бы по этому самому не допускать тѣхъ же насильственныхъ мѣръ и для отцовъ семействъ по отношенію къ ихъ дѣтямъ, а это значило бы вмѣшаться въ рядъ тѣхъ семейныхъ дѣлъ, которыя, удачно разрѣшаясь біями, вовсе не могутъ быть разрѣшены въ духѣ киргизъ нашими малосвѣдущими въ обычаяхъ народа чиновниками. Примѣнять же наши законы, духъ которыхъ, напротивъ, хорошо извѣстенъ нашимъ чиновникамъ, но не понятенъ для киргизъ и ихъ старѣйшинъ, значило бы по напрасну тратить время, увеличивая число враговъ между неподготовленными къ воспріятію нашихъ законовъ подданными.

Такимъ образомъ, основнымъ законамъ киргизъ по заключенію брачныхъ союзовъ, другими словами — нынѣшнимъ ихъ законамъ о правѣ на наслѣдство, еще очень долго суждено оставаться въ томъ видѣ, въ которомъ мы видимъ ихъ теперь.

Браки по обоюдному согласію жениха съ невѣстою, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ родителей, случаются и теперь, какъ вѣроятно

они случались и прежде, какъ будутъ имѣть мѣсто и всегда; да и странно было бы подумать, чтобы въ народѣ, какъ бы онъ ни былъ невѣжественъ, могло найдтись когда-нибудь отсутствіе подобныхъ случаевъ, отсутствіе взаимной привязанности между лицами обоихъ половъ, отсутствіе энергіи у этихъ лицъ привести въ исполненіе задуманное желаніе соединиться противъ воли родителей, въ противность общепринятымъ понятіямъ о заключеніи брачныхъ договоровъ. Много такихъ случаевъ разсказывается областными киргизами; героизмъ любящихъ сердецъ скорѣе восхваляется, нежели клеймится, въ народныхъ пѣсняхъ, однако нигдѣ не колеблетъ въ массѣ народа уваженія къ древнимъ законамъ о бракѣ, и большинство, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, всегда слѣпо подчиняется волѣ родителей, а эта воля, ежели только нѣтъ ей какихъ-нибудь предѣловъ, приноситъ дѣтямъ, какъ и всюду, столько же вреда насиліемъ, сколько и пользы опытностью, — все зависитъ отъ развитія родителей, другими словами—отъ ихъ любви къ дѣтямъ. При существованіи многоженства, и въ классѣ достаточномъ, т. е. между киргизами болѣе или менѣе развитыми или, по крайней мѣрѣ, имѣющими къ тому больше шансовъ, нельзя примѣтить со стороны отцовъ особенной привязанности къ дѣтямъ; въ классѣ же недостаточномъ еще менѣе шансовъ встрѣтить, чтобы корысть или другое чувство, выражаемое насиліемъ, не побѣждало любви къ дѣтямъ. Слѣдовательно, нѣтъ причины думать, чтобы строго защищаемая древними киргизскими законами власть родителей надъ своими дѣтьми не приносила послѣднимъ много зла, хотя конечно, въ выраженіи, хотя бы и насиліемъ, родительской опытности всегда можно отъискать и нѣкоторую долю добра.

Бѣгство просватанной невѣсты изъ отцовскаго дома и ея замужество съ человѣкомъ, котораго она выбрала, влекло и теперь влечетъ за собою ссору между двумя родами. Прежде эта ссора, изъ одного желанія смыть навлеченное на семейство похищенной дочери безчестіе, выражалось барантою, иногда же еще бо́льшимъ преступленіемъ — убійствомъ непокорныхъ дѣтей. Теперь, разумѣется, ничего этого нѣтъ, такъ какъ баранта и всякое уголовное преступленіе строго преслѣдуются въ степи нашими законами, примѣнившись къ которымъ, киргизы нашли возможнымъ прекращать несогласіе между родами одною выдачею калыма за похищенную дѣвушку и нѣкотораго штрафа. Существовавшее понятіе о безчестіи, смываемое выдачею родственниками похитителя штрафа, само собою и какъ-то незамѣтно стушевалось, такъ что теперь въ подобнаго

рода дѣлѣ выплачивается одинъ калымъ безъ всякаго штрафа, и только въ случаѣ, ежели сманившій къ себѣ просватанную дѣвушку торгуется съ ея отцомъ, отказываясь платить весь назначенный калымъ, такой поступокъ считается дѣйствительно безчестнымъ, но штрафа все-таки не платится, а только общество, къ которому принадлежитъ похититель, беретъ уплату калыма на себя, уговариваясь отдать его сразу или по частямъ, потому что родитель похищенной дѣвушки самъ долженъ, по народному обычаю, немедленно возвратить прежнему жениху забранные у него въ уплату калыма имущество и скотъ. По тѣмъ же обычаямъ, вполнѣ удовлетворенный возвратомъ калыма женихъ бѣжавшей отъ него невѣсты самъ никогда не имѣетъ права объявлять біямъ какой-либо искъ на похитителя или на свою прежнюю невѣсту, а долженъ дѣлать это или черезъ своего отца, или черезъ родителя невѣсты.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ обрядной сторонѣ сватовства и бракосочетанія киргизъ.

Случается, что родители двухъ близкихъ домовъ взаимно сватаютъ своихъ дѣтей въ ихъ ранней молодости. Калымъ въ этихъ случаяхъ не платится; вмѣсто него существуетъ въ каждомъ семействѣ равный надѣлъ имуществомъ какъ дочерей, такъ и сыновей, но всѣ прочіе обряды сватовства и бракосочетанія выполняются, точно также наблюдается та же самая неприкосновенность взятаго за женою приданаго и проч. Случаи подобнымъ образомъ постоянно и настойчиво прибѣгать къ поддержанію близкихъ связей между двумя родами, вообще очень исключительны, но обыкновеніе сватать дѣтей, не обращая вниманія на ихъ возрастъ, распространено всюду и довольно сильно. Очень часто дѣвушкѣ еще не минуло 5 лѣтъ, а у нее уже есть неизвѣстный еще ей женихъ; но до 10-тилѣтняго возраста, когда обыкновенно принято заключать договоръ о калымѣ, обстоятельства еще могутъ перемѣниться и у дѣвочки можетъ явиться другой женихъ. Такъ что, вообще, договоры о женитьбѣ, заключаемые до 10-ти-лѣтняго возраста невѣсты, хотя и часто случаются, но въ глазахъ біевъ считаются мало-дѣйствительными.

Договоръ о калымѣ заключается обыкновенно въ лѣтнее время. Невѣстѣ, какъ уже сказано, должно быть 10 лѣтъ или болѣе. Женихъ, послѣ первыхъ посѣщеній аула невѣсты, т. е. послѣ первыхъ подарковъ ея родственникамъ, пріѣзжаетъ въ аулъ отца своей будущей жены съ своимъ отцомъ или старшимъ родственникомъ своего семейства и съ подарками для всѣхъ безъ исключенія дальнихъ и ближнихъ родственни-

ковъ и родственницъ невѣсты. Послѣ обѣда съ приличнымъ угощеніемъ, заключается, въ присутствіи всѣхъ собравшихся мужчинъ, договоръ о калымѣ, оканчивающійся раздачею привезенныхъ женихомъ подарковъ, кому сколько было предположено заранѣе. Пиръ идетъ до поздней ночи. Въ этотъ день женихъ невѣсту не видитъ. Въ слѣдующій пріѣздъ онъ привозитъ отцу часть калыма, а матери цѣнный подарокъ за право посмотрѣть на свою нарѣченную однимъ глазомъ, т. е. на минуту, — тѣмъ на этотъ разъ дѣло и оканчивается; а при дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ онъ бесѣдуетъ съ нею по цѣлымъ днямъ и ночамъ, въ особо-выставляемой гдѣ-нибудь по близости отъ аула, въ мало-видномъ мѣстѣ, юртѣ, куда невѣста приводится одною изъ своихъ дальнихъ родственницъ или подругъ, которая, послѣ матери, щедрѣе всѣхъ одаряется женихомъ. Разумѣется, все это дѣлается съ согласія тоже въ каждый пріѣздъ одаряемой матери и отца, но ни они, да и никто въ аулѣ, не дѣлаетъ жениху ни малѣйшаго намека на его мнимо-тайныя свиданія съ невѣстою.

По мнѣнію киргизъ, замужъ можетъ идти всякая дѣвушка, которой минуло 12 лѣтъ, и потому ежели сговоръ былъ по прошествіи этого срока совершеннолѣтія, то у бѣдняковъ дѣло въ долгій ящикъ, въизбѣжаніе лишнихъ расходовъ жениха, не откладывается и свадьбу съиграютъ въ то же лѣто, въ которое было и формальное сватовство. У людей средняго состоянія женитьба откладывается до слѣдующаго лѣта, а у людей достаточныхъ, особенно если богатый беретъ бѣдную дѣвушку, сватовство или, вѣрнѣе сказать, скрѣпленіе дружбы, тамырства между домами, длится года два, три, иногда и болѣе: невѣстѣ въ это время готовится пышное приданое, по немногу обогащаются и ея родные, при помощи жениховыхъ подарковъ и разныхъ безвозмездныхъ, выговариваемыхъ невѣстою, пособій тѣмъ или другимъ изъ заискивающихъ ея вниманіе знакомыхъ.

Обрядъ совершенія бракосочетанія самый простой: нѣкоторые (бѣдные люди) даже совсѣмъ избѣгаютъ всѣхъ формальностей, именно потому, что договоръ о калымѣ становится для всѣхъ гласнымъ еще въ самомъ началѣ сватовства; въ день же свадьбы или, другими словами, въ день вывоза молодой въ свой аулъ, договоръ этотъ снова подтверждается женихомъ во всеуслышаніе, при многихъ свидѣтеляхъ, въ числѣ которыхъ находится и кто-нибудь изъ почетныхъ киргизъ. Отобѣдавъ у отца невѣсты, гости сопровождаютъ молодыхъ въ аулъ отца мужа, гдѣ ужинаютъ—и всему дѣлу конецъ.

Въ большинствѣ же случаевъ порядокъ увоза невѣсты, между областными киргизами, слѣдующій: выплативъ весь калымъ или бо́льшую его половину и условившись въ днѣ свадьбы, женихъ пріѣзжаетъ, со всѣми своими родственниками и многими тамырами, въ аулъ отца невѣсты, куда приглашаются также всѣ родственники и знакомые невѣсты, нѣсколько біевъ и мулла, а за неимѣніемъ послѣдняго, его мѣсто занимаетъ почетный аксакалъ. Въ юртѣ матери невѣсты ставится передъ сидящими рядомъ молодыми чаша съ водою, мулла читаетъ молитву, потомъ во всеуслышаніе объявляетъ договоръ о калымѣ, сколько выплачено послѣдняго, а также когда женихъ обѣщался отдать остальную часть; спрашиваетъ молодаго, согласенъ-ли онъ на уплату въ назначенные имъ самимъ сроки, и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, проситъ всѣхъ присутствующихъ въ юртѣ и внѣ оной быть свидѣтелями въ дѣлѣ уговора; всѣ громко выражаютъ свое согласіе, послѣ чего молодымъ, равно и всѣмъ находящимся въ юртѣ, мулла даетъ отпить изъ чаши воды; пока пьютъ воду, мать, съ нѣсколькими близкими женщинами, надѣваетъ на молодую, вмѣсто дѣвичьяго головнаго убора, т. е. остроконечной, большею же частію круглой шапочки, опушенной мѣхомъ, головной уборъ женщинъ, т. е. высокую круглую шапочку, покрытую большимъ кускомъ бѣлаго полотна особенной выкройки, при которой концы бѣлаго покрывала спускаются нѣсколько на лобъ, обхватываютъ шею и совершенно прикрываютъ плечи, самымъ длиннымъ концомъ спускаясь по спинѣ. Этимъ обрядъ бракосочетаніе оканчивается. Молодыхъ поздравляютъ, всѣ выходятъ изъ юрты, отецъ подводитъ молодому мужу хорошую лошадь съ болѣе или менѣе дорогимъ уборомъ, надѣваетъ на него дорогой халатъ и велитъ сѣсть на лошадь; всѣ присутствующіе дѣлаютъ тоже самое; мать помогаетъ сѣсть на лошадь дочери, и, слѣдомъ за молодыми, весь поѣздъ отправляется къ постановленной гдѣ-нибудь тутъ же въ аулѣ юртѣ бывшей невѣсты, гдѣ пьютъ кумысъ, снова поздравляютъ и, оставивъ молодыхъ въ покоѣ, возвращаются для пиршества въ юрту байбиче или вообще въ одну изъ кибитокъ отца, который съ этихъ поръ до истеченія года не имѣетъ права видѣть лицо выданной имъ дочери; если же это какъ-нибудь нечаянно случится, то онъ обязанъ всякій разъ дѣлать дочери тотъ цѣнный подарокъ, который обыкновенно дѣлается черезъ годъ послѣ свадьбы. На другой день молодые отправляются въ аулъ мужа, отецъ котораго задаетъ тѣмъ же самымъ гостямъ точно такой же праздникъ.

Послѣсвадебные праздники.

Черезъ годъ послѣ свадьбы отецъ, по обычаю киргизъ, долженъ посѣтить и непремѣнно увидѣть выданную имъ замужъ дочь, при чемъ дѣлается ей дорогой подарокъ: шелковый коверъ, верблюдъ, нѣсколько лошадей, или что-нибудь въ этомъ родѣ у бѣдныхъ, напримѣръ, рублевый платокъ и проч. Въ этотъ день обыкновенно сзываются тѣже самые гости, при чемъ, конечно, кутятъ уже на счетъ молодыхъ. Чрезъ каждые три года, по тому же обычаю, вышедшая замужъ дочь должна безъ мужа навѣщать отца, что служитъ новымъ предлогомъ къ праздникамъ, длящимся все то время, пока молодая гоститъ въ аулѣ отца, а это продолжается иногда недѣлю, обыкновенно же не менѣе трехъ дней. На прощаньи отецъ обязанъ сдѣлать дочери подарокъ, въ десятеро превышающій своею цѣнностію тотъ, который сдѣланъ былъ при годовомъ свиданіи, и этой цѣнности подарки повторять чрезъ каждые три года.

Всѣ эти, выдающіеся изъ обычнаго теченія жизни киргизъ дни, какъ-то: пріѣзды жениха въ аулъ невѣсты, дни заключенія договора о калымѣ, свадьбы и послѣсвадебныхъ посѣщеній, проводятся болѣе или менѣе шумно, торжественно, сообразно съ достаткомъ хозяевъ, задающихъ праздники. На нѣкоторыхъ изъ нихъ устроиваются разныя игры, бѣгъ лошадей, побѣдителямъ въ разныхъ играхъ раздаются болѣе или менѣе цѣнные призы и проч.

Погребеніе и поминки.

Смерть достаточнаго владѣльца въ аулѣ — событіе первостепенной важности, потому что чрезъ три дня послѣ погребенія происходитъ раздѣлъ имущества, а вмѣстѣ съ нимъ наступаютъ для жителей аула и коекакіе новые порядки, нѣкоторымъ образомъ новая жизнь.

Умершаго обмываютъ, завертываютъ въ бѣлую бязь и кладутъ на лучшій коверъ; призванный мулла, передъ входомъ въ юрту, обмываетъ руки, тоже дѣлаютъ и остальные входящіе въ юрту; по окончаніи молитвы, трупъ зашиваютъ въ бѣлый войлокъ или кладутъ въ рѣшетчатый гробъ (двѣ половинки сложеннаго кереге), и если смерть приключилась лѣтомъ, то на другой день хоронятъ, если же зимою, то тоже иногда хоронятъ на другой или третій день, иногда же выжидаютъ теплыхъ весеннихъ дней, а до этого времени трупъ припрятываютъ въ какомъ-нибудь

безопасномъ отъ хищничества звѣрей мѣстѣ. Передъ выносомъ тѣла, мулла снова читаетъ отходную; передъ опущеніемъ въ могилу, мѣсто для которой выбирается на какомъ-нибудь видномъ пригоркѣ, но по возможности близко отъ воды, идетъ опять молитва, и трупъ, головою къ юго-западу или западу, кладутъ въ камору, сдѣланную въ одной изъ стѣнъ могилы. Иногда покойника совсѣмъ не зарываютъ, а кладутъ въ комнаткахъ, подѣланныхъ внутри особо-устроенныхъ, въ видѣ мечетей, памятниковъ, поставленныхъ надъ могилами прародителей умершаго. Такого устройства памятниковъ встрѣчается въ области довольно много. Иногда присутствующіе на похоронахъ тотчасъ же набрасываютъ груду камней надъ зарытой могилой и больше никакихъ украшеній не дѣлается. Надъ богатыми строятся изъ глины, камней, дерна и дерева, болѣе или менѣе громадные и болѣе или менѣе изящные, памятники, которые спѣшатъ окончить непремѣнно въ теченіе года, къ дню годовыхъ поминокъ. Одни заканчиваютъ день похоронъ колотьемъ барановъ, у богатыхъ лошади, на могилѣ покойника, другіе возвращаются для угощенія присутствовавшихъ въ аулъ. Въ продолженіе всей церемоніи похоронъ не унимается плачь и голосьба женщинъ; у женъ покойника этимъ путемъ грусть и отчаяніе выражаются долго еще и послѣ похоронъ, всякій разъ какъ представится случай заговорить съ гостемъ о покойникѣ, тѣнь котораго, по убѣжденію киргизъ, присутствуетъ цѣлый годъ въ своемъ аулѣ, и тѣмъ болѣе страдаетъ умершій, чѣмъ хуже его помянуть; даже и по прошествіи года тѣнь не оставляетъ аула, и до тѣхъ поръ будетъ сильно мучиться, пока родственники покойнаго не примирятся съ нею, прилично помянувъ его по окончаніи этого срока.

Въ силу этого убѣжденія, дни поминовенія умершихъ празднуются киргизами съ такимъ торжествомъ, какимъ не отличается ни одинъ изъ ихъ семейныхъ праздниковъ. Первыя поминки происходятъ по прошествіи 100 дней послѣ смерти, вторыя, когда окончательно примиряются съ тѣнью покойника, — черезъ годъ.

На тѣ и другія, дѣти и братья умершаго сами заблаговременно сзываютъ родню и знакомыхъ съ самыхъ отдаленныхъ волостей, увѣдомляя ихъ о цѣнности призовъ, которые будутъ раздаваться на скачкѣ, ежели такую имѣется въ виду устроить; безъ нея же ни однѣ порядочныя годовыя поминки по богатымъ не обходятся. Кромѣ званыхъ, не возбраняется выѣзжать на байгу съ своими скакунами и всѣмъ желающимъ выиграть призъ или посмотрѣть на байгу, и такимъ образомъ частный праздникъ, или *ашъ*, обращается въ народный, или *айтъ*.

Выставляемая на особомъ видномъ мѣстѣ, юрта покойника на время украшается лучшими его вещами, доставшимися въ наслѣдство разнымъ родственникамъ, какъ-то: коврами, одѣялами, оружіемъ и проч.; около нея ставятся верблюды и лошади изъ тѣхъ, которыхъ наиболѣе жаловалъ умершій; у дверей ставится длинный шестъ, на которомъ развѣвается черный флагъ, если покойникъ умеръ не въ преклонныхъ годахъ; въ послѣднемъ же случаѣ — бѣлый. Назначаемые первоприбывающимъ лошадямъ призы иногда бываютъ до того цѣнны, что въ состояніи обогатить любое семейство. Въ области сибирскихъ киргизовъ, у извѣстныхъ богачей первый призъ въ 1000 барановъ, или даже 50 верблюдовъ, не считается значительнымъ. Всѣхъ призовъ обыкновенно назначается девять. Послѣдняя, т. е. девятая лошадь получаетъ одного верблюда, или коверъ рублей въ 25, а то лошадь въ такую же цѣну, или 10 барановъ, или что-нибудь въ эту же цѣну.

Такъ какъ одно назначеніе такихъ призовъ уже слишкомъ разорительно для хозяевъ, то пріѣзжающіе на поминки родственники, чтобы поменьше стѣснить хозяевъ въ дѣлѣ угощенія и ночлега, очень часто захватываютъ съ собою достаточный запасъ кумысу, пригоняютъ свой скотъ (только барановъ) для колотья, и всегда берутъ палатки, разставляемыя около юрты покойника. Не смотря на предусмотрительность родственниковъ, хозяева тоже заготовляютъ большой запасъ провизіи, колятъ лошадей, барановъ, иногда верблюдовъ, припасаютъ много кумысу, айрана и проч., для угощенія всякаго, кто бы ни потребовалъ обѣда, а такихъ всегда найдется много, и потому нисколько неудивительно, ежели на какомънибудь замѣчательномъ ашѣ заколется 2 или 3 тысячи барановъ. На обязанности хозяевъ лежитъ также выставленіе достаточнаго числа юртъ, для обыкновенно приглашаемыхъ на этотъ праздникъ знакомыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Поминовеніе начинается тѣмъ, что въ юртѣ покойника мулла или ходжа читаетъ молитву, женскій полъ всхлипываетъ, высчитывая добрыя качества умершаго батыря. Послѣ молитвы—обѣдъ, начинаются разныя забавы и, наконецъ, какъ только покажется вдали пыль, поднимаемая бѣгунцами, отводимыми за 30, иногда за 40 и болѣе верстъ отъ мѣста раздачи призовъ —всѣ собираются къ юртѣ покойника, служащей мѣтою *). Раздачею призовъ хозяевамъ первоприбывшихъ лошадей

*) Для опредѣленія справедливыхъ рѣшеній о томъ, кого признать побѣдителемъ, предварительно выбираются киргизами уважаемые всѣми собравшимися на байгу судьи,

обыкновенно и оканчиваются поминки, совершаемыя по прошествіи 100 дней. При годовыхъ же, въ заключеніе всего происходитъ торжественное снятіе траура: въ юртѣ раскладывается костеръ шестъ ломается на части, и, вмѣстѣ съ развѣвавшимся на немъ клочкомъ бязи, сжигается, чѣмъ выражается окончательное прощаніе съ тѣнью умершаго; разламывающій жердь получаетъ одинъ изъ халатовъ покойника.

Мы описали, какъ справляютъ поминки люди достаточные; бѣдные же довольны, если имъ есть возможность заколоть въ этотъ день одного барана.

Народные праздники.

Годовые праздники въ память лицъ достаточнаго состоянія имѣютъ, какъ мы сейчасъ описали, видъ и частныхъ, и народныхъ праздниковъ. Но есть у киргизъ и другіе, торжественно проводимые дни, чтимые всѣмъ народомъ безъ исключенія. Таковы, напримѣръ, дни встрѣчи новаго года или, точнѣе сказать, праздникъ весны, а также повсемѣстно распространенный въ степи обычай празднованія одного изъ событій древней исторіи евреевъ, именно принесенія праотцемъ Авраамомъ въ жертву сына своего Исаака, замѣненнаго, по внушенію ангела, агнцемъ. Торжественное воспоминаніе этого событія происходитъ всюду въ одно время, именно въ началѣ мая. Въ 1863 году оно было 6, 7 и 8 мая. Праздникъ носитъ въ народѣ названіе курбанъ-айта, у татаръ курманъ-байрама, у большинства же просто айта, потому что дѣйствительно это единственный народный праздникъ изъ такихъ, которые торжествовались бы одновременно во всей сибирской степи и вездѣ три дня. Какимъ образомъ занесенъ въ степь этотъ обычай, когда онъ успѣлъ повсемѣстно распространиться — никто изъ киргизъ объяснить не можетъ. Многіе даже вовсе не знаютъ, что именно они празднуютъ; другіе изъ киргизъ же полагаютъ, что это торжественное ликованіе весны. Тогда, т. е., въ мартѣ мѣсяцѣ, мы только встрѣчали весну, а теперь ее празднуемъ. Изъ лицъ

изъ коихъ одни отправляются къ мѣсту, откуда начинается скачка, наблюдая за тѣмъ, чтобы всѣ состязатели пустились одновременно по данному сигналу, другая находится у мѣты. Призы раздаются по окончаніи общаго совѣщанія тѣхъ и другихъ, т. е. всѣхъ выбранныхъ судей.

же болѣе развитыхъ, т. е. умѣющихъ объяснить сущность праздника, всѣ говорятъ, что обычай этотъ ведется изъ-поконъ-вѣка.

Наурузъ, или новый годъ, у киргизъ начинается мартомъ мѣсяцемъ; но весну встрѣчаютъ въ разныхъ родахъ и поколѣніяхъ не въ одно время, потому что не въ одно время начинаютъ кочевать: одни, найдя въ мартѣ мѣсяцѣ первое удобное мѣсто для общественной стоянки, колятъ барановъ и поздравляютъ другъ друга съ наступленіемъ весны; другіе тоже самое дѣлаютъ въ апрѣлѣ; третьи, очень можетъ быть, оттягивали это время до мая, сливая весеннее ликованіе съ курбанъ-айтомъ; наконецъ, многіе встрѣчу весны вовсе не празднуютъ, а ужъ курбанъ-айтъ непремѣнно, и, такъ какъ о событіи, подавшемъ поводъ къ установленію этого айта, знаютъ или говорятъ очень немногіе, то едва ли не болѣе справедливо мнѣніе тѣхъ, которые называютъ курбанъ-айтъ торжественнымъ привѣтствіемъ весны.

Первый день курбанъ-айта празднуютъ всѣ безъ исключенія, второй—ходжи и муллы, къ которымъ собираются султаны и знакомые изъ простыхъ киргизъ, въ третій—бѣлая кость приглашаетъ къ себѣ на ѣду всѣхъ тѣхъ, у которыхъ султаны гостили первые два дня. Простой народъ также празднуетъ два остальные дня, если не въ гостяхъ у султановъ и ходжей, то у себя дома; разница только въ томъ, что скотъ у людей мало - достаточныхъ уже не колется, какъ въ первый день, когда самый нищій киргизъ почему-то считаетъ для себя священнымъ долгомъ заколоть хотя одного барана, потому что въ этотъ день въ обычаѣ у народа посѣтить непремѣнно всѣхъ своихъ знакомыхъ, слѣдственно всюду должно быть угощеніе, а какъ заготовленные къ зимѣ запасы копченаго мяса къ этому времени, даже и у самыхъ экономическихъ людей, уже истощены, то волею-неволею приходится разоряться на колотье скота даже и тому, для кого это составляетъ большой разсчетъ.

Въ первый день праздника мужчины встаютъ съ восходомъ солнца, т. е. часа въ три, одѣваются въ лучшія платья, правовѣрные подъ открытымъ небомъ творятъ молитву, во всемъ подражая, конечно безсознательно, мулламъ и ходжамъ; потомъ всѣ садятся на лошадей, выгоняютъ скотъ въ поле, выбираютъ для колотья верблюдовъ, лошадей, барановъ (крупный рогатый скотъ и козловъ не колятъ и въ этотъ день). Отъ 8 до 10 часовъ всѣ обѣдаютъ въ кругу своего семейства. Съ 10 часовъ до вечера женщины занимаются приготовленіемъ пищи и разнаго угощенія для безпрерывно прибывающихъ гостей, которыхъ имъ однимъ и прихо-

дится принимать, потому что всѣ остальные, немолодые люди находятся цѣлый день въ разъѣздахъ по знакомымъ, а молодежъ, какъ мужчины, такъ и дѣвушки, выѣзжаютъ на отборныхъ лошадяхъ въ поле, отъискиваютъ себѣ ровестницъ и ровестниковъ, и съ ними проводятъ весь день въ разнаго рода увеселеніяхъ. Дѣвушки разряжены въ пухъ и прахъ, но безъ покрываль, которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, намъ нигдѣ и ни въ какое время не приходилось видѣть въ области на женщинахъ или дѣвушкахъ. Муллы иногда толкуютъ о необходимости чадры, но ихъ въ этомъ отношеніи слушаютъ только ихъ жены. Одна изъ наиболѣе употребительнѣйшихъ забавъ молодыхъ людей состоитъ въ томъ, что какую-нибудь красивую наѣздницу (всѣ киргизскія дѣвушки хорошія наѣздницы) догоняетъ нѣсколько джигитовъ, имѣющихъ цѣлью ее поцѣловать, отъ какого домогательства та обороняется плетью, которою безцеремонно хлещетъ всѣхъ настигающихъ ее мужчинъ, за исключеніемъ, разумѣется, того, можетъ быть менѣе ловкаго, но болѣе любимаго человѣка, котораго этимъ самымъ силится приблизить къ себѣ.

Другая тоже изъ всюду употребительныхъ и наиболѣе любимыхъ киргизами забавъ заключается въ томъ, что дѣвушка даритъ выбранному ею мужчинѣ какую-нибудь вещь въ родѣ, напримѣръ, куска плису на шаравары, выдроваго мѣха на шапку, цвѣтнаго платка и т. п.; на отданную ему вещицу киргизъ тогда пріобрѣтаетъ право, когда успѣетъ защитить ее отъ посягательства другихъ, пускающихся за нимъ въ погоню мужчинъ—поклонниковъ затѣвающей игру красавицы, или просто жаждущихъ, при помощи своихъ лошадей, обрѣсти вещь, какъ вещь. Получившій подарокъ долженъ постоянно держать его въ рукѣ надъ головою, такимъ же образомъ долженъ поступать и всякій успѣвшій ее отнять, т. е. только догнать впереди скачущаго, потому что сопротивленіе въ этомъ случаѣ не допускается. Въ первое время подарокъ быстро переходитъ изъ рукъ въ руки, восторгъ зрительницъ поминутно смѣняется печалью, смотря потому, кто именно вырвалъ вещь изъ рукъ другаго, наконецъ наѣздники скрываются изъ виду, тѣмъ не менѣе всѣ оставшіяся на мѣстѣ дѣвушки сильно заинтересованы тѣмъ, кто останется побѣдителемъ; споры объ этомъ и говоръ возобновляются при каждомъ возвратившемся съ арены наѣздникѣ, начинающемъ оправдывать свою отставшую лошадь. Такъ какъ преслѣдователей за получившимъ подарокъ является всегда множество, и всѣ они скачутъ въ разныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ и при томъ въ разсыпную, то впереди ѣдущій, если только

круто измѣнитъ направленіе, легче попадается въ руки другаго; изъ опасенія этого, онъ скачетъ все въ одну сторону, постоянно удаляясь такимъ образомъ отъ аула, вслѣдствіе чего удовлетвореніе общаго любопытства иной разъ можетъ воспослѣдовать не ранѣе, какъ на другой день, потому что, смотря какія лошади, скачущіе удаляются отъ аула нерѣдко на 50 и болѣе верстъ. Ихъ всѣхъ, разумѣется, и не дожидаются; съ возвратившимися придумываютъ новыя игры, а часамъ къ 6-ти всѣ возвращаются въ аулъ, гдѣ въ забавахъ молодежи принимаютъ участіе замужнія женщины и бывшіе въ разъѣздахъ по частямъ мужчины, уже объѣхавшіе всѣхъ своихъ знакомыхъ. Въ аулъ безпрерывно до самой поздней ночи прибываютъ новые посѣтители, тоже принимающіе участіе въ устроенныхъ уже играхъ, или придумывающіе какія-нибудь новыя увеселенія, такимъ образомъ постоянно смѣняемыя одно другимъ.

Скачки съ выигрышами призовъ, какая бываетъ на частныхъ праздникахъ, на этихъ народныхъ праздникахъ никѣмъ не устроивается, и потому темою для вечернихъ разговоровъ всѣхъ служатъ подвиги бѣгунцовъ, бывшихъ въ этотъ день подъ молодыми людьми, проворство и удальство дѣвушекъ и т. п. Кромѣ того, каждый сообщаетъ, въ кругу своихъ, по какому-нибудь случаю никуда неѣздившихъ знакомыхъ, всѣ новости, вынесенныя имъ изъ его дневныхъ странствованій.

Бороться ради собственной потѣхи или щеголять ловкостью по этой части, для вызова одобренія въ зрителяхъ, состоящихъ большею частію изъ молодежи, тоже, впрочемъ, не очень жалующей подобнаго рода зрѣлищъ—киргизы не любятъ, и ежели пускаются на такія представленія, то единственно въ чаяніи получить подарокъ отъ какого-нибудь, находящагося въ числѣ зрителей, богатаго человѣка; но и въ этомъ разсчетѣ часто ошибаются, и потому этотъ родъ удовольствій занимаетъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ, хотя изрѣдка и случается.

Точно также не любитъ кочевой житель, какъ онъ ни невѣжественъ, смотрѣть на страданія животнаго. Нѣкогда существовавшая въ степи забава, состоявшая въ вырываніи силачами ногъ у живаго барана *), надобно полагать, давно уже оставлена, по крайней мѣрѣ областными киргизами, т. е. желающій щегольнуть такимъ образомъ своею силою,

*) Объ этой забавѣ упоминаетъ Левшинъ въ главѣ III «Описан. киргизъ-кайсацкихъ ордъ», стр. 123.

можетъ быть, всегда найдется, но своего барана, изъ желанія насладиться этимъ зрѣлищемъ, мы увѣрены, никто изъ киргизъ не пожертвуетъ.

Показать свою ловкость поднятіемъ съ земли шапки или чего другаго, на всемъ скаку лошади, или «усидѣть на сѣдлѣ, когда одинъ или двое тянутъ всадника съ лошади арканами» («Опис. киргизъ-кайсацкихъ ордъ» Левшина, глава III, стр. 121)—это и до силъ поръ имѣетъ мѣсто въ числѣ забавъ областныхъ киргизъ; но стрѣльба изъ лука (тамъ же, стр. 120), искуство владѣть оружіемъ и проч. въ этомъ родѣ, не въ употребленіи.

Что сказано о борьбѣ, должно замѣтить и о бѣганьѣ въ запуски—зрѣлище, которое рѣдко кому доведется увидѣть въ настоящее время въ области.

Восхищаться прожорливостью молодца, съѣдающаго въ одинъ присѣстъ къ столу цѣлаго ягненка, или выпивающаго малый казанъ кумысу—киргизы очень любятъ, и на народныхъ праздникахъ такіе случаи всегда имѣютъ мѣсто.

Молодежъ забавляется иногда зрѣлищемъ вытаскиванія монеты изъ казана, наполненнаго молокомъ или водою: шутникъ долженъ произвести эту операцію ртомъ, т. е. окунуться, выпачкаться, иногда захлебнуться, и тѣмъ насмѣшить публику

Наконецъ, всегдашнюю обстановку всѣхъ киргизскихъ праздниковъ составляютъ пѣсни. О музыкѣ не упоминаемъ, такъ какъ искуства этого, какъ особаго, чѣмъ-нибудь замѣчательнаго, почти совсѣмъ не существуетъ. Звуки, извлекаемые изъ инструмента, похожаго на скрипку (кобызъ), или изъ балалайки, на подобіе нашей, всегда служатъ акомпаниментомъ хоровой пѣснѣ, или нѣкоторымъ пособіемъ для одного пѣсенника-импровизатора, нуждающагося въ болѣе или менѣе продолжительныхъ антрактахъ или, лучше сказать, паузахъ, для сложенія своей безконечной пѣсни. Точно также простою камышевою дудкою (чибызга) подъигрываютъ хоровой пѣснѣ, но отдѣльно и этимъ инструментомъ рѣдко занимаютъ слушателей. Вообще музыка имѣетъ въ глазахъ киргизъ нѣкоторый смыслъ, можетъ кого-нибудь заинтересовать только при пѣніи, а такъ какъ грубый чувствами дикарь, успѣвшій до сихъ поръ воспитать свой слухъ только блеяніемъ овецъ, да воемъ волковъ, свое зрѣніе безжизненными картинами степи и проч.,—мелодій отъ пѣсни не требуетъ, то ея почти и не обнаруживается ни въ ней,

ни въ настроиваемой ею музыкѣ. Какъ сама степь, однообразно скучна, уныла мелодія каждой киргизской пѣсенки.

Соскучившійся въ дорогѣ или долго сидящій дома степнякъ воспѣваетъ все то, что въ извѣстный моментъ видитъ, слышитъ, примѣняетъ все это къ тому, что знаетъ, что вынесъ онъ изъ своего житейскаго опыта, сравниваетъ свою жизнь съ жизнью какого-нибудь извѣстнаго ему богатаго человѣка, своихъ жену и дочерей съ женою и дочерьми этого человѣка и тѣми стадами, которыя попались ему на встрѣчу. Все, что ни попадется ему на глаза, онъ, конечно, грубо, уподобляетъ чему-нибудь прежде видѣнному; знакомые людскіе характеры сравниваетъ съ характеромъ видѣнныхъ имъ гдѣ-нибудь, и гдѣ именно, лошадей, коровъ, быковъ; глаза, походку, обращеніе этихъ людей съ женами и дочерьми, и проч., онъ непремѣнно во всѣхъ этихъ отношеніяхъ сравнитъ съ взятыми имъ для этого уподобленія животными. Верблюдъ у него всегда сравнивается съ какимъ-нибудь почтеннымъ, всѣми уважаемымъ аксакаломъ, или съ какимъ-нибудь добрымъ, щедрымъ *мурзою*, *иногда даже съ божествомъ*, которое непремѣнно въ видѣ бѣлаго верблюда является на землю для примиренія людскихъ несогласій и проч. Какое-нибудь странное сочетаніе встрѣченныхъ на дорогѣ предметовъ, успѣвшее поразить незанятаго разговоромъ путника, сейчасъ же вызываетъ у него пѣсню. Уяснивъ себѣ это сочетаніе, онъ припоминаетъ что-нибудь подходящее къ нему изъ своей жизни, а какъ жизнь эта такъ же мало разнообразна, какъ и окружающая степняка природа, то все это отражается и въ содержаніи того заунывно-протяжнаго разговора, который ведетъ киргизъ самъ съ собою и который приходится назвать пѣсней. Ни о рифмѣ, ни о мелодіи, киргизъ не хлопочетъ и ни одной изъ прежде сложенныхъ имъ пѣсень, разумѣется, не помнитъ; но, при своей всегда праздной жизни, любитъ по долгу вглядываться и въ свою скучную природу, любитъ выражать воспринимаемыя имъ впечатлѣнія, только вдумываться въ нихъ не охотникъ, и потому сравнивать свои впечатлѣнія съ впечатлѣніями произведенными на другаго, другими словами—со вниманіемъ слушать чужую пѣсню, полную подобнаго же рода сравненій, или пѣть для кого-нибудь, не для себя—не любитъ. Вслѣдствіе этого, ни по содержанію, ни относительно формы, не совершенствуется киргизская пѣсня; оттого же самаго хоровыхъ пѣсень мужчины не складываютъ. Женщины, напротивъ, ведя болѣе, нежели мужчины, замкнутую жизнь, менѣе, нежели они, имѣютъ возможности обогащать свое воображеніе впечатлѣніями внѣшней

природы, но за то болѣе вдумываются въ эти впечатлѣнія, въ обстановку семейной жизни, любятъ дѣлиться между собою дѣлаемыми ими по этому поводу сравненіями, и потому ихъ пѣсни по немногу совершенствуются, въ нихъ есть и нѣкоторая правильность въ размѣрѣ стиховъ, и кое-какая рифма, идетъ впередъ и мелодія; наконецъ, дѣвушки распѣваютъ хоровыя пѣсни, къ которымъ на праздникахъ очень часто присоединяютъ свои голоса и молодые мужчины. Нельзя сказать, чтобы въ ихъ голосахъ была надобность, полезная въ дѣлѣ мелодичности помощь, чтобы пѣсня черезъ это сколько-нибудь выигрывала, но само собою по немногу сказывается и то, и другое. Кромѣ того, при этомъ совокупномъ пѣніи разнообразится, пополняется нѣсколько и содержаніе пѣсень. Мужчины болѣе или менѣе удачно поправляютъ прежде сдѣланныя сравненія, картины, которыя, понравившись дѣвушкамъ, потомъ по немногу обработываются ими и вводятся въ пѣсни новыми куплетами, уничтожающими старыя сравненія, и т. д.

Мы не будемъ пускаться въ разборъ содержанія хоровыхъ пѣсень. Достаточно упомянуть, что въ нихъ поется любовь, и послѣ этого станетъ понятно, почему юрты, гдѣ затѣваются пѣсни этого рода, полны молодежью обоихъ половъ, которая во всякомъ случаѣ умѣетъ довольствоваться тѣмъ поэтическимъ смысломъ, которымъ одарены эти пѣсни; наконецъ, ежели бы воспѣваемое событіе и не занимало нѣкоторыхъ, то имъ нравится самый процессъ пѣнія, потому что, какъ уже сказано, въ хоровыхъ пѣсняхъ, какъ онѣ еще ни несовершенны, все таки есть нѣчто пріятное для слуха, и за одно это съ ними мирятся иногда даже и люди пожилые, хотя конечно въ большинствѣ случаевъ скучаютъ слушать одно и тоже содержаніе, и потому охотнѣе идутъ въ другія юрты, именно въ тѣ, въ которыя заманенъ остроумнѣйшій пѣвецъ-импровизаторъ, онъ же и музыкантъ. Но дѣло здѣсь не въ музыкѣ и не въ пѣніи. Это даже не пѣніе, а тотъ же самый разсказъ, немного нараспѣвъ, къ которому прибѣгаетъ всякій настраивающійся на выраженіе внѣшнихъ впечатлѣній киргизъ. Разница только въ томъ, что здѣсь воспѣвается не природа, разсказъ переполненъ не пустыми, безсмысленными, безъ всякой цѣли выговариваемыми, сравненіями, до которыхъ никому нѣтъ дѣла и которыхъ никто не сталъ бы слушать, точно также, какъ не слушается и всякая другая пѣсня одиночно поющихъ киргизъ; сюжетомъ для разсказовъ этого рода выбирается всегда какое-нибудь, всѣхъ близко касающееся историческое происшествіе, которое излагается связно, болѣе или ме-

нѣе остроумно, хотя и безъ преслѣдованія какой-либо идеи. Пѣвецъ ведетъ разсказъ, смотря по смыслу, болѣе или менѣе длинными куплетами и каждый изъ нихъ заканчиваетъ длинною нотою, которую тянетъ столь продолжительно, сколько это нужно для того, чтобы успѣть обдумать слѣдующій куплетъ; если же и этого времени недостаточно, то пауза наполняется звуками балалайки или кобыза, безъ которыхъ рѣдкій изъ этихъ импровизаторовъ можетъ обойдтись. Такъ какъ содержаніе разсказа чрезвычайно разнообразно и всегда ново для слушателей, то около такихъ пѣвцовъ всегда бездна слушателей, громко выражающихъ свое одобреніе послѣ каждаго куплета и тутъ же сулящихъ разскащику, кто лошадь, кто барана, кто халатъ и проч. Иногда эти обѣщанія выполняются, иногда нѣтъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что слушаніе импровизацій подобнаго рода составляетъ, послѣ скачки и слушанья разсказовъ какого-нибудь почтеннаго бія, одно изъ любимѣйшихъ препровожденій времени всѣхъ взрослыхъ и пожилыхъ людей. Нельзя сказать, чтобы эти народные трубадуры пользовались особеннымъ уваженіемъ въ народѣ, не играли бы въ глазахъ народа роли не болѣе какъ искусныхъ шутниковъ, но по всему видно, что слушатели ищутъ въ разсказѣ не одного комизма, и на всякое дѣльное заключеніе пѣвца отвѣчаютъ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, всякое умное слово привѣтствуютъ необыкновенно восторженно.

Большимъ умомъ ни одинъ разкащикъ не отличается, но въ большей или въ меньшей степени остроуміемъ всегда, и потому не болѣе какъ забавляя слушателей, онъ и въ виду не имѣетъ, да и не можетъ, съ какою-нибудь благородною цѣлію вліять на народъ. Въ немъ нѣтъ большихъ, нежели у его слушателей, знаній, но есть способность запоминать всѣ, чѣмъ-нибудь особеннымъ выдающіеся изъ обыденной жизни киргизъ, случаи; нѣтъ ни способности, ни желанія здраво анализировать явленія общественной жизни, но есть способность подмѣтить многія изъ ея смѣшныхъ сторонъ; не развита въ немъ способность мышленія на столько, чтобы при помощи анализа умѣть угадать истинныя желанія человѣка, хотя бы и неразвитаго, но за то умѣньемъ находить въ числѣ своихъ слушателей многихъ благодѣтелей для себя, умѣньемъ заставить ихъ сдѣлаться щедрыми на подарки, онъ обладаетъ въ большой степени. Вслѣдствіе всего этого, всегда умѣя привлечь къ себѣ громадную толпу всякаго званія киргизъ, въ немъ все-таки никогда не является ни способности обдуманно, хотя бы и комично, сопоставлять подмѣченные имъ

факты съ цѣлію подѣйствовать на слушателей трагизмомъ явленій, ни даже понятія о томъ, что во всякомъ человѣкѣ, а слѣдовательно и въ его слушателяхъ, есть такія струны, тронувъ которыя своимъ разсказомъ, онъ легко могъ бы выйдти изъ той жалкой роли шута, которую онъ теперь играетъ единственно только изъ-за куска хлѣба.

Этотъ кусокъ хлѣба дѣйствительно у него всегда есть, потому что болѣе или менѣе остроумнаго разскащика на народныхъ праздникахъ всякій богатый человѣкъ старается залучить въ свою юрту, потому что это значитъ собрать къ себѣ всѣхъ почтенныхъ киргизъ, обществомъ которыхъ всякій дорожитъ, потому что, по поводу какой-либо дѣльной, касающейся современной жизни пѣсни, по ея окончаніи непремѣнно послѣдуетъ много умныхъ рѣчей. Въ этомъ случаѣ, импровизаторъ, воспѣвающій нынѣшнія явленія общественной жизни народа, для пригласившихъ его хозяевъ, точно также какъ и для всѣхъ прочихъ слушателей, служитъ предлогомъ къ тому, чтобы ближе послушать начинающіяся послѣ того сужденія тутъ же сидящихъ біевъ и старѣйшинъ объ этихъ явленіяхъ. Начавъ описаніемъ какого-нибудь всѣмъ извѣстнаго происшествія, онъ поетъ и объ исчисленіи скота и о дѣйствіяхъ русскихъ властей по управленію степью, и о судейскихъ рѣшеніяхъ своихъ біевъ, и о губернаторской ревизіи, и о древнихъ обычаяхъ киргизъ, и объ отступленіяхъ отъ этихъ обычаевъ нынѣшнихъ султановъ правителей, — словомъ, обо всемъ, что живо интересуетъ всѣхъ и каждаго. Разумѣется, во всемъ его длинномъ, разнообразномъ и иногда не совсѣмъ связномъ разсказѣ все выставляется въ каррикатурѣ, всѣ дѣйствующія лица названы именами, подъ которыми слывутъ въ народѣ *), всѣ мелкія особенности ихъ характера до нельзя преувеличены, обо всемъ говорится со смѣхомъ, на все смотрится съ веселой точки зрѣнія; разсказъ живъ, увлекателенъ

*) Всякаго вновь прибывающаго въ аулъ русскаго киргизы осмотрятъ съ ногъ до головы и, внимательно вглядѣвшись во всѣ особенности его наружности, даютъ какое-нибудь, всегда впрочемъ очень мѣткое, названіе. Впослѣдствіи, узнавъ ближе характеръ, напримѣръ, русскаго чиновника, присмотрѣвшись къ его манерамъ и проч., иногда измѣняютъ данное прозвище, но рѣдко, и послѣднее по большей части выражаетъ какую-либо бросившуюся всѣмъ степнякамъ странность въ очертаніи лица и вообще особенность въ физическомъ отношеніи. Напримѣръ, аиръ-сакаломъ (двойная борода) назовутъ человѣка, у котораго, при длинныхъ бакенбардахъ, всегда пробривается подбородокъ; одного русскаго чиновника называли арба-глаза, потому что въ послѣднихъ замѣчена была необыкновенная подвижность, когда онъ начиналъ говорить. Подобнаго рода прозвищами окрещены у киргизъ всѣ русскіе чиновники, часто посѣщающіе волости казаки, и проч.

и всегда оканчивается хохотомъ зрителей. Но начинающіяся послѣ него прѣнія старшинъ принимаютъ серіозный характеръ, длятся иногда цѣлую ночь, ни на кого изъ присутствующихъ не наводя дремоты,—и слушатели, испытавъ много сильныхъ ощущеній, разъѣзжаются, унося съ собою и полезное, и пріятное, и, разумѣется, благодаря хозяина за доставленное удовольствіе. Нельзя, стало быть, не цѣнить виновниковъ этихъ сборищъ, пѣвцовъ композиторовъ, но, разумѣется, не за что ихъ окружать почетомъ, такъ какъ, потѣшая публику одними только фарсами, не они наводятъ слушателей на серіозныя мысли, хотя и могутъ когда-нибудь найдти къ тому возможность, не они воспитываютъ здравый смыслъ массы, но собирающіеся послушать эти фарсы пожилые люди, изъ коихъ многіе всегда не чужды желанія поболтать среди народа о предметахъ, близко до него касающихся.

Мнѣнія этихъ людей, т. е. настоящихъ народныхъ ораторовъ, всегда выслушиваются киргизами съ большимъ вниманіемъ, можно даже сказать съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ къ глашатаямъ. Здѣсь будетъ не лишнимъ сказать, на чемъ строится это благоговѣніе къ извѣстнымъ личностямъ, чѣмъ оно выражается со стороны киргизъ, а какъ на дѣлѣ оправдываютъ пользующіеся особеннымъ уваженіемъ народа лица довѣріе его къ нимъ въ настоящее время, т. е. со времени укорененія въ степи русской администраціи, будетъ сказано немного ниже, когда мы ознакомимся съ механизмомъ нынѣшняго устройства сибирской степи.

Въ главѣ II-й этой книги было отличено между кочевыми жителями области 3 выдающіеся класса людей:

1) *Чиновники*, или лица, занимающія или прежде занимавшія извѣстный, установленный русскою властію, служебный постъ или чѣмъ-нибудь отличенныя нашимъ правительствомъ;

2) *біи*, старѣйшины, аксакалы и вообще почитаемыя за ихъ умъ и честность лица, которымъ народъ ввѣрилъ охраненіе составленнаго имъ понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, и

3) *простой народъ*, хотя и отличающій въ средѣ своей родовыхъ султановъ, но рѣдкимъ изъ нихъ оказывающій даже и наружные знаки почтенія, точно также какъ ходжамъ, мулламъ и тюленгутамъ; послѣднее названіе прилагается въ настоящее время къ однимъ тѣмъ работникамъ, которые присуждаются къ этой роли народнымъ судомъ, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь достаточно упомянуть, что лишь только кончится срокъ работы тюленгутовъ, они пользуются тѣмъ же равенствомъ правъ, какъ и прочіе киргизы.

Къ этому разграниченію народа на классы мы должны здѣсь же привести всюду вкоренившееся понятіе киргизъ объ основахъ ихъ судоустройства. Этотъ основный законъ заключается въ слѣдующемъ: никто не имѣетъ права не только наказывать кого бы то ни было за содѣланное кѣмъ бы то ни было преступленіе, но даже выговаривать; точно также никто не смѣетъ другому что-либо приказывать. Не подходятъ подъ это право женщины и неотдѣленныя отъ родителей дѣти—и тѣ и другія, во всемъ безусловно подчиняясь родительской власти, не смѣютъ жаловаться на эту власть кому бы то ни было, а въ случаяхъ возникновенія несогласій между членами разныхъ семей, приносятъ жалобу главѣ своего семейства, а послѣдній ищетъ общественнаго суда. Послѣдній же только въ такомъ случаѣ считается дѣйствительнымъ, когда произведенъ въ присутствіи народа или покрайней мѣрѣ 3-хъ посторонних свидѣтелей. Ежели же кто приказанія, отданнаго хотя бы даже и біемъ, не прибѣгавшимъ къ народному суду, не исполнилъ, тотъ никакому взысканію за это не подвергается.

Такое воззрѣніе народа на свои права и обязанности тщательно охраняется тѣмъ классомъ людей, который у насъ названъ біями, старѣйшинами, аксакалами, и потому-то этотъ одинъ классъ и пользуется повсемѣстнымъ и непритворнымъ уваженіемъ киргизъ. Не исполнить приказанія бія, или старѣйшины, всегда выговаривающаго это приказаніе въ присутствіи другихъ свидѣтелей, или даже, какъ ниже увидимъ, всегда приглашающаго на совѣщаніе другаго аксакала, если не нѣсколькихъ,—для киргиза становится невозможностью, потому что это голосъ народа. Привычка же къ всегдашнему безусловному повиновенію рѣшеніямъ своихъ судей являетъ въ народѣ то благоговѣніе къ этимъ глашатаямъ, котораго нельзя встрѣтить въ отношеніи къ властямъ высшимъ, но чуждымъ для киргиза; за послѣдними властями онъ признаетъ право приказывать, точно также, какъ онъ признаетъ это право за извѣстнымъ *баемъ* или султаномъ. Раболѣпно ползая передъ чиновникомъ, онъ только боится его, но не любитъ, а тѣмъ болѣе не сознаетъ за нимъ никакого права приказывать. Точно также на всѣ, даваемыя какимъ-нибудь служащимъ или неслужащимъ султаномъ, повелѣнія онъ безпрестанно повторяетъ «будетъ исполнено», но ничего не выполнитъ безъ совѣта своего старшины. Всякое же слово преклонныхъ лѣтъ аксакала напротивъ, считаетъ для себя, закономъ, если только повелѣвающій не принадлежитъ къ султанскому роду. Это послѣднее обстоятельство въ особенности заслуживаетъ вниманія, потому что прежде такого полнаго недовѣрія къ султанамъ все-таки не было.

Оно явилось съ тѣхъ поръ, съ которыхъ простые киргизы русскимъ законодательствомъ лишены были права участвовать на выборахъ старшихъ султановъ—права, принадлежащаго, согласно уставу о сибирскихъ киргизахъ (глава I, § 36), однимъ султанамъ, т. е. лицамъ, менѣе другихъ уважаемымъ народомъ.

И въ прежнее время, не смотря на силу отдѣльныхъ родоправителей, появлялись между киргизами вліявшіе надъ нѣсколькими поколѣніями султаны, или ханы, въ избраніи которыхъ принимали участіе какъ отдѣльные родоначальники, такъ и простой народъ (смотри избраніе хановъ, страница 126—127, часть III «описан. киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей» Левшина). Мы ничего не знаемъ, какъ и на чемъ основалъ народъ этотъ выборъ, однако исторія говоритъ намъ о томъ, что власть рѣдко переходила изъ рода въ другой, изъ чего можно заключить, что и прежде выборы, о которыхъ упоминаетъ Левшинъ въ названной книгѣ (стр. 127—128), не отличались правильнымъ устройствомъ, не влекли за собою строгой необходимости безусловнаго повиновенія выбранной власти, и этого повиновенія дѣйствительно не было, но за то не существовало и той антипатіи къ султанамъ, которая проявляется нынѣ: какъ бы слабо ни участвовалъ простой народъ въ избраніи своихъ хановъ и правителей нѣсколькихъ поколѣній, какъ бы ни интриговали въ этомъ дѣлѣ султаны, но все же черная кость могла гордиться тѣмъ, что и она нѣкоторымъ образомъ виновница появившейся власти, которой каждое отдѣльное племя повиновалось, но повиновалось не одинаково, уважало правителя, но уважало различно, смотря по тому, какое участіе оно принимало въ выборѣ, или смотря по тому, уважалъ или не уважалъ ханъ обычаи отдѣльныхъ народностей.

Съ введеніемъ въ силу устава о сибирскихъ киргизахъ, порядокъ этотъ совершенно измѣнился. Окружной старшій султанъ, по предоставленной ему нашимъ правительствомъ власти, есть тотъ же самый ханъ въ своемъ округѣ, съ тою лишь разницею, что въ его избраніи черная кость не участвуетъ и, слѣдственно, не имѣетъ даже утѣшенія ласкать себя надеждою, что она когда-нибудь примирится, сживется съ повелителемъ, выбраннымъ ненавистнымъ для настоящаго киргиза классомъ людей,—султанами. Отсюда, истинно уважать эту власть, довѣрять ей, киргизъ не можетъ, но боязнь, покорность къ ней въ немъ необыкновенны, потому что выборъ старшаго султана для киргиза освящается утвержденіемъ его въ его званіи высшимъ русскимъ начальствомъ. Далѣе своего

старшаго султана у киргиза, при неумѣніи примѣниться къ установленному нами административному порядку,—нѣтъ высшей власти. Не имѣя возможности понять духъ нашего законодательства, да, кромѣ того, при своемъ пониманіи права сильнаго, питая боязнь къ чуждой власти, каковою султаны представляютъ народу правительственную власть, силясь этимъ самымъ стать въ роль будто бы защитниковъ его интересовъ,— киргизъ далѣе власти старшаго султана не ищетъ власти. Боязнь же его, а слѣдовательно и непріязнь къ высшей правительственной власти, напримѣръ, къ военному губернатору Западной Сибири и т. д., султаны сами стараются поддерживать, криво, эгоистически изъясняя простодушному народу, чего онъ долженъ бояться въ случаяхъ принесенія жалобъ, напримѣръ, губернатору, какія отъ того могутъ произойдти вредныя для него послѣдствія и проч. Скрыть точный смыслъ нашего закона или перетолковать его по своему, для корыстнаго правителя выгодно, и, при все еще маломъ ознакомленіи киргизъ съ нашими порядками, очень нетрудно, а при этомъ злоупотреблять такою неограниченною властью, какъ власть старшаго султана, чрезвычайно легко, и, надо правду сказать, рѣдкій изъ нихъ не извлекъ громадныхъ выгодъ для себя изъ своего положенія. Дать же почувствовать народу какую-нибудь долю того блага, которое можетъ принести ему наше законодательство, точно истолковать когда-нибудь смыслъ его, мы увѣрены, никто не сдѣлалъ; аульные же старшины, хотя бы и могли это сдѣлать, и сдѣлали бы навѣрное, но, будучи уже слишкомъ невѣжественны въ дѣлѣ пониманія нашихъ порядковъ, притомъ нигдѣ не видя въ степи примѣра власти, которая дѣйствіями своими рѣзко противорѣчила бы съ тѣмъ, что говоритъ имъ ихъ старшій султанъ, при своей силѣ, краснорѣчіи и знаніи народнаго воззрѣнія, успѣвающій убѣдить самыхъ сильныхъ скептиковъ въ томъ, въ чемъ хочетъ, не могутъ помочь разоряемому народу. Проницательныхъ же старѣйшинъ, кое въ чемъ облегчающихъ киргизъ въ этомъ отношеніи, разъясняющихъ народу истинныя стремленія нашего правительства, предѣлы, далѣе которыхъ установленная нами въ степи власть переходить не можетъ, и проч., еще такъ мало въ области, что, при теперешнемъ порядкѣ, долго еще придется ждать того времени, когда большинство населенія будетъ довѣрчиво относиться къ нашему законодательству, къ установляемымъ правительствомъ властямъ. Большинство это чувствуетъ, что ему становится противу прежняго все хуже и хуже жить, и отчего это происходитъ—не знаетъ: лица, которымъ оно вполнѣ довѣряетъ, объяснить

этого не могутъ, за разрѣшеніемъ недоразумѣній оно по неволѣ адресуется къ старшему султану, и, не подозрѣвая того, что въ немъ именно, а не въ чуждой власти, которой суждено было подпасть степи, заключается причина всѣхъ золъ, а между тѣмъ, побесѣдовавъ съ окружнымъ правителемъ, оно уноситъ съ собою убѣжденіе въ томъ, что всему виною новые порядки, и, главное, уноситъ то печальное убѣжденіе, что было бы еще хуже, ежели бы не было у нихъ такого защитника народныхъ интересовъ, какъ старшій султанъ. Отъ кого онъ защищаетъ киргизъ, отъ какой напасти избавляетъ народъ, ежегодно представляя ему, напримѣръ, необходимость каждый годъ ѣздить въ Омскъ для того, чтобы тамъ хлопотать за его права, мы этого не знаемъ; но намъ извѣстно, что старшіе султаны это дѣлаютъ, и даже для ихъ ежегодныхъ поѣздокъ въ Омскъ, или, вообще, для достиженія успѣха въ ходатайствахъ разнаго рода, установленъ въ нѣкоторыхъ округахъ особенный постоянный сборъ. Что дѣлаютъ старшіе султаны въ Омскѣ—всѣмъ извѣстно, кромѣ киргизъ, хотя и не замѣчающихъ, чтобы ихъ положеніе сколько-нибудь измѣнилось, но однако вѣрящихъ, что хлопоты были. Не будемъ вдаваться въ подробности—какія это хлопоты, какъ представляется народу отчетъ о разныхъ ходатайствахъ и проч., — мы хотѣли только показать, на чемъ строится убѣжденіе киргизъ въ томъ, что старшій султанъ—эта высшая для нихъ власть—дѣйствительный защитникъ народныхъ интересовъ. Это надобно было показать намъ потому, что выше было замѣчено о недовѣріи киргизъ къ той же самой власти.

И такъ, въ одно и тоже время, народъ не любитъ, искренно не уважаетъ, мало довѣряетъ правителю, въ выборѣ котораго не принимаетъ участія, но наружно показываетъ ему всѣ знаки почтенія, слушается безпрекословно, и только находя какое-либо для себя отягощеніе отъ введенныхъ русскими порядковъ, адресуется къ старшему султану, считая его въ этомъ случаѣ своимъ ближайшимъ защитникомъ, потому что отъ еще болѣе высшей власти народъ мало по малу отчуждается искуствомъ и эгоизмомъ окружныхъ правителей, которымъ вторятъ и подчиненные имъ волостные султаны, и благодѣтельствуемые ими ходжи, а иногда и аульные старшины; но послѣдніе поступаютъ такъ единственно по незнанію.

Въ выборѣ старшаго султана участвуютъ только султаны, изъ коихъ каждый, наиболѣе почетный, имѣетъ свою партію. При ея помощи во-первыхъ, при деньгахъ во-вторыхъ, при интригахъ въ-третьихъ, онъ зани-

маетъ выгодный постъ. Чѣмъ больше недовольныхъ избраніемъ извѣстнаго лица въ султаны, тѣмъ больше, стало быть, послѣдній истратилъ денегъ на то, чтобы достичь цѣли, тѣмъ, вслѣдствіе этого, онъ сильнѣе наляжетъ на ввѣренный его попеченію округъ, тѣмъ быстрѣе его разоряетъ. Относительно же контроля руководится слѣдующими соображеніями: имѣя въ средѣ народа много недовольныхъ, другими словами—слабую партію, онъ сходится съ окружнымъ приказомъ; будучи же болѣе или менѣе популяренъ въ средѣ окружнаго населенія, становится въ антагонизмъ съ могущимъ контролировать его дѣйствія учрежденіемъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ населеніе терпитъ отъ любимаго имъ султана едва-ли не болѣе, нежели въ первомъ, потому что, прикрываясь защитникомъ будто бы угнетаемыхъ русскими чиновниками киргизъ, самъ, не упуская изъ виду главной своей цѣли—быстраго обогащенія на счетъ подчиненныхъ, притѣсняетъ послѣднихъ несравненно болѣе, объясняя высшему начальству каждый свой незаконный поступокъ дѣйствіемъ, согласнымъ съ народными обычаями, каждую выгодную только для него одного мѣру выставляетъ за мѣру, крайне-необходимую для благосостоянія народа. Послѣдній же очень часто дѣйствительно на дѣлѣ видитъ, какъ окружной правитель оберегаетъ интересы киргизъ отъ чиновниковъ, служащихъ по округу, и въ своемъ увлеченіи не замѣчаетъ другихъ, еще худшихъ послѣдствій довѣрія къ своему мнимому благодѣтелю, вслѣдствіе чего партія недовольныхъ увеличивается развѣ уже послѣ чрезмѣрно отяготительнаго, ясно всѣми сознаваемаго, разоренія, но и въ этихъ случаяхъ искусный правитель успѣваетъ, при помощи своей партіи, ускользнуть отъ контроля высшаго начальства, перейдя къ другой системѣ дѣйствія.

Не имѣя въ средѣ народа сильныхъ защитниковъ, но за то во всемъ довѣряясь русскимъ чиновникамъ, султанъ основываетъ свою силу на томъ хорошемъ о немъ мнѣніи, которое, вслѣдствіе благосклоннаго обращенія его съ служащими по округу, составляется въ областномъ правленіи. Такое положеніе, хотя и очень невыгодное для управляемыхъ, въ томъ отношеніи, что управляющіе поощряются высшею окружною властью къ притѣсненіямъ, и всегда съ большимъ, разумѣется, умѣньемъ, защищаются старшимъ султаномъ, въ случаяхъ открытія ихъ злоупотребленій, все-таки, какъ уже сказано, это положеніе мы считаемъ изъ худшихъ лучшимъ, выгоднѣйшимъ для народа, потому что составленное въ областномъ правленіи доброе мнѣніе объ окружномъ правителѣ, вслѣдствіе какого-либо непредвидѣннаго обстоятельства, можетъ легко пошатнуться, и

злоупотребленія по округу можетъ открыть посланная изъ Омска коммисія—и напротивъ, эта же самая коммиссія ничего не сдѣлаетъ, ничего не откроетъ въ округѣ, въ которомъ старшій султанъ, опираясь на хотя бы и частный, незначительный авторитетъ свой въ народѣ, энергически успѣваетъ устранять вмѣшательство русскихъ чиновниковъ въ киргизскія дѣла, успѣваетъ увѣрить киргизъ, этимъ будтобы защищеніемъ ихъ интересовъ, въ томъ, что разъигрываемая имъ роль, не роль, а сущность, и что въ дальнѣйшемъ довѣріи къ нему народа — все спасеніе послѣдняго; въ этомъ случаѣ, отъ самаго строгаго изслѣдованія дѣйствій старшаго султана, по управленію не можетъ произойдти желаемой пользы. Трудно отъискать, между доселѣ бывшими въ области старшими султанами, личности, которыя бы занимали благоразумную середину между двумя очерченными положеніями, т. е. были бы дѣйствительными защитниками народныхъ интересовъ, и, въ тоже время, не были бы во враждѣ съ русскимъ чиновничествомъ; кромѣ того, которые довольствовались бы опредѣленнымъ отъ правительства жалованьемъ и тѣмъ доходомъ, который издавна установленъ въ пользу своихъ высшихъ правителей обычаемъ народа; трудно, хотя въ послѣднемъ отношеніи, т. е. неотягощающія народъ сильными поборами въ свою пользу личности и выискиваются, и вотъ только къ этимъ людямъ киргизы питаютъ болѣе или менѣе искреннее уваженіе;— почтительное же обращеніе большинства черной кости съ прочими старшими султанами положительно притворно, относительно же волостныхъ правителей его совсѣмъ нѣтъ, даже и по виду.

Волостной правитель избирается и черной, и бѣлой кости киргизами, принадлежащими къ извѣстной волости. Таково право, предоставленное народу уставомъ о сибирскихъ киргизахъ (глава II, §§ 31, 32, 33 и 35), но не такъ бываетъ въ дѣйствительности, и простому народу, лишь только въ выборъ предоставлено вмѣшиваться султанскимъ родамъ, нѣтъ возможности осуществить свои желанія; не было этой возможности и во времена хановъ, теперь же не можетъ ея быть тѣмъ болѣе. Дѣломъ выборовъ во всякой волости управляетъ партія старшаго султана, потому что волостные правители—прямые агенты послѣдняго, съ тою разницею, что у нихъ нѣтъ того искуства благовидно прикрывать дѣлаемые ими поборы, какимъ въ совершенствѣ обладаетъ каждый старшій султанъ. Кромѣ того, тотъ же уставъ, которымъ предоставлено киргизамъ право избирать своихъ волостныхъ султановъ, даетъ послѣднимъ, если не всегда возможность удержать власть въ своемъ родѣ, то всегда поводъ стремиться

къ этому. Именно въ § 31 устава о сибирскихъ киргизахъ сказано: «право ихъ (волостныхъ султановъ) на управленіе волостями должно переходить только по одной прямой нисходящей линіи и по первородству, но и въ семъ случаѣ, сообразно съ нынѣшними обычаями, должно предварительно истребовать согласіе общества, которое можетъ избрать и другаго султана, но не ввѣряетъ ему власти безъ утвержденія областнаго правленія».

Упираясь на это право, нѣкоторые изъ волостныхъ правителей иногда управляютъ ввѣренными ихъ опытности волостями не непосредственно, но черезъ своихъ сыновей, иногда очень молодыхъ людей, какъ будто изъ желанія пріучить ихъ къ управленію, въ сущности—изъ лѣни самимъ трогаться для разбора дѣлъ, гдѣ особенной выгоды, по бѣдности состоянія тяжущихся, не предвидится. Какое уваженіе можетъ имѣть привыкшій повиноваться только своимъ аксакаламъ киргизъ къ этимъ недорослямъ, если и къ убѣленному сѣдинами волостному, питая постоянную антипатію, онъ никогда не идетъ жаловаться, будучи увѣренъ, и совершенно основательно, что безъ значительнаго подарка онъ не получитъ никакого вознагражденія; его даже не выслушаютъ, ежели онъ бѣденъ. Намъ извѣстенъ одинъ волостной правитель баянъ-аульскаго округа, которому и самому не болѣе 28 лѣтъ отъ роду *), да къ тому же отличается необыкновенною тупостью и, какъ всѣ волостные правители, большою жадностью. Боятся его конечно потому, что это фаворитъ старшаго султана, но можетъ-ли уважать такого человѣка киргизъ, убѣжденный въ томъ, что мудрое слово можетъ сказать только бѣлобородый старикъ или, пожалуй, хотя и человѣкъ не совсѣмъ преклонныхъ лѣтъ, но непремѣнно бій, живущій на томъ, чтобы съ самыхъ молодыхъ лѣтъ знать всѣ обычаи народа, никогда не проронить ни одного слова даромъ, не сдѣлать ни одного промаха въ рѣшеніяхъ дѣлъ, охотно отдаваемыхъ киргизами на его судъ и въ то время, когда ему не болѣе 30 или 35 лѣтъ отъ роду. И дѣйствительно, народъ не ошибается — молодой бій часто, почти всегда, оправдываетъ его ожиданія. Оттого-то онъ и адресуется скорѣе къ молодому бію, нежели къ умышленному невѣждѣ народныхъ обычаевъ, волостному султану, какихъ бы почтенныхъ лѣтъ ни былъ послѣдній. Какъ бы тамъ однако ни было, не бояться поставленныхъ надъ нимъ волостныхъ правителей, добившихся мѣста отнюдь не народнымъ

*) Ксоюнъ, волостной правитель Джангазу-айдабульской волости, получившій это мѣсто по протекціи старшаго султана Баянъ-аульскаго округа, который въ свою очередь находился въ большой милости у отца Ксоюна, бывшаго прежде старшимъ султаномъ.

выборомъ, а единственно происками у старшихъ султановъ, иногда у русскаго чиновничества, киргизъ не можетъ, если только дорожитъ своимъ имуществомъ; но за то въ тайнѣ клянетъ ихъ какъ только можно, потому что въ нихъ видитъ ближайшую причину своего обѣдненія. Между тѣмъ, волостные правители суть только орудія старшаго султана, хотя иногда и производящаго разныя операціи пріумноженія своихъ суммъ помимо волостныхъ правителей, но по большей части упрощающаго способъ своего обогащенія путемъ прямыхъ выборовъ съ этихъ мелкихъ административныхъ единицъ. Доставивъ старшему султану изъ своего состоянія болѣе или менѣе порядочный кушъ за его будто бы хлопоты по утвержденію мѣстъ за волостными правителями и, кромѣ того, исправно выплачивая каждый годъ собираемую для киргизскаго правителя дань съ народа, волостные прежде всего только и думаютъ о томъ, чтобы поскорѣе вернуть свой проигрышъ, а потомъ, постепенно вникая въ выгоду такого положенія, измышляя новые пути для своего обогащенія, становятся тѣми маленькими ханами надъ своими подчиненными, на притѣсненія которыхъ киргизы то и дѣло приносятъ жалобы высшему начальству. Послѣднее же находится въ большомъ затрудненіи исправить зло, во-первыхъ потому, что убѣждено, будто волостной выбранъ самимъ же жалующимся народомъ, во-вторыхъ потому, что, для удостовѣренія незаконныхъ дѣйствій правителя, надобно всякій разъ наряжать разорительное для народа слѣдствіе, и потому рѣдкія просьбы киргизъ побуждаютъ правительство принимать дѣятельныя изслѣдованія, особенно при распространенномъ у насъ понятіи о томъ, что киргизъ зачастую любитъ жаловаться по-пусту. Да притомъ, на мѣсто смѣняемаго явится, не желаемый народомъ старшина, не умѣющій вести интригу, но такой же, какъ и прежній, искатель выгодной для себя власти. Иногда, лишь только пройдетъ въ народѣ слухъ о желаніи смѣнить своего волостнаго, претенденты на занятіе новой должности уже толпятся въ юртѣ старшаго султана *), и успѣвшій здѣсь

---

*) Иногда по этому поводу происходятъ забавныя произшествія съ претендентами. Считаемъ нелишнимъ привести одинъ изъ тысячи случаевъ обогащенія старшихъ султановъ, потому что въ этомъ случаѣ довольно рельефно выражается понятіе киргизъ о власти старшаго султана. Въ одномъ изъ областныхъ округовъ, одинъ изъ волостныхъ правителей (нѣтъ надобности точно обозначать мѣсто дѣйствія, такъ какъ подобное произшествіе можетъ случиться всюду въ области), заслышавъ о томъ, что народъ хочетъ смѣнить его, немедленно послалъ 1000 барановъ въ подарокъ старшему султану, уже успѣвшему получить отъ одного изъ претендентовъ на новое мѣсто, очень бога-

успѣетъ и всюду, народное желаніе будетъ удовлетворено: прежняго правителя смѣстятъ; но заступившій на его мѣсто часто оказывается хуже прежняго. Все дѣло въ способѣ производства выборовъ, а такъ какъ введенный способъ имъ совершенно непонятенъ, такъ какъ понаторѣть въ дѣлѣ интриги, какъ понаторѣли въ этомъ дѣлѣ султанскіе роды, черная кость еще не могла, да и едва-ли сможетъ, то ей и остается безропотно переносить иго маленькихъ тирановъ и, въ видѣ примиренія съ нашею властію, съ нашимъ закономъ, тѣшить себя мыслію, что все же мы внимаемъ гласу народному, смѣняемъ волостныхъ правителей, по желанію большинства, уважаемъ такимъ образомъ, на сколько это въ нашихъ силахъ, дарованное киргизамъ право выбора своихъ волостныхъ угнетателей. Отсюда понятно, что ни одного изъ своихъ волостныхъ киргизъ любить не можетъ, слушается же его потому, что это власть, могущая всегда къ чему-нибудь придраться и запрятать ослушника въ тюрьму, которой степнякъ боится болѣе всего на свѣтѣ.

Наконецъ, послѣдній разрядъ киргизскихъ чиновниковъ, засѣдатели изъ почетныхъ киргизъ, избираются, согласно § 36 устава о сибирскихъ киргизахъ, біями и старшинами, срокомъ на два года. Обязанности этихъ чиновниковъ уставомъ точно не обозначены; въ статьѣ 28 этого устава

таго человѣка, 300 лошадей. Обѣщавъ этому человѣку хлопотать за назначеніе его на мѣсто волостнаго, онъ встрѣтился съ настоящимъ волостнымъ, который, узнавъ о подаркѣ искателя, пригналъ старшему султану, въ добавокъ къ прежней 1000 барановъ, еще 200 лошадей, прося его ходатайства за то, чтобы остаться на мѣстѣ; — обѣщалъ султанъ и этому. Когда же пришло время ѣхать въ Омскъ просто для того, чтобы тамъ весело провести зиму, старшій султанъ, не довольствуясь обычнымъ сборомъ, который съ этою цѣлію дѣлается по волостямъ, призываетъ къ себѣ новаго претендента, объявляя ему, что для ходатайства по его дѣлу въ Омскѣ ему нужны деньги; тотъ сейчасъ же даетъ султану 1000 рублей, будучи вполнѣ увѣренъ, что его дѣло будетъ выиграно. Преждевременно разнесшійся слухъ былъ однако не вполнѣ справедливъ; партія, желавшая смѣны прежняго волостнаго, была не особенно сильна, да и изъ нихъ къ губернаторской ревизіи, когда обыкновенно производятся подобнаго рода заявленія, многіе передумали и жалобы на правителя не приносили. Старшій султанъ, конечно, ни за кого не хлопоталъ въ Омскѣ, потому что дѣло не было разъяснено. Когда же претендентъ давшій ему 1000 рублей, явился узнать, отчего не состоялось его домогательство, султанъ отвѣтилъ: «неудалось», добавивъ: «я кажется занялъ у тебя какія-то деньги, извини, издержалъ, впрочемъ вотъ тебѣ, что осталось, возми», и мечтавшій о мѣстѣ волостнаго, получивъ десятирублевую бумажку, до того обрадовался, что потомъ всѣмъ своимъ знакомымъ и незнакомымъ съ гордостію повторялъ о томъ, что онъ отъ самаго старшаго султана, изъ его собственныхъ рукъ, получилъ подарокъ въ 10 рублей, событіе, которое дѣйствительно рѣдко съ кѣмъ можетъ случиться. Отъ прежняго же волостнаго султанъ получилъ еще подарокъ, состоявшій кажется изъ 20 лучшихъ кобылъ, давно у него подмѣченныхъ.

сказано только, что: «въ приказѣ подъ предсѣдательствомъ старшаго султана, присутствуютъ два россійскіе засѣдателя, опредѣляемые областнымъ начальникомъ, и два засѣдателя изъ почетныхъ киргизовъ, по выбору». Въ округахъ эти послѣдніе играютъ роль помощниковъ старшаго султана, и потому ихъ выборъ въ совершенной волѣ послѣдняго. Слово же «почетный киргизъ» такъ гибко, что этимъ именемъ султанъ, при своей силѣ, можетъ назвать кого угодно изъ своихъ приближенныхъ. Изъ этихъ послѣднихъ, но не изъ біевъ и старшинъ, и появляются киргизскіе засѣдатели, разъѣзжающіе, по усмотрѣнію старшаго султана, чаще же по своему собственному усмотрѣнію, по ауламъ для рѣшенія дѣлъ, въ сущности же для своего обогащенія, и такъ какъ они очень часто рискуютъ устранять біевъ отъ производства суда тѣмъ, что не уважаютъ рѣшеній этихъ послѣднихъ, то нелюбовь свою народъ распространяетъ и на этихъ чиновниковъ, пользующихся, согласно съ уставомъ о сибирскихъ киргизахъ, правами чиновниковъ 9-го класса.

Такимъ образомъ, любимыми начальниками киргизъ, настоящею для нихъ властью остаются одни аульные старшины, въ выборѣ которыхъ султаны, на основаніи § 27 устава о сибирскихъ киргизахъ, не участвуютъ. Только этимъ, — непользующимся казеннымъ жалованьемъ, но пользующимся полнымъ, непритворнымъ уваженіемъ народа, — киргизы и довѣряютъ безусловно; только на нихъ и надѣятся, и ни одного дѣйствія не предпринимаютъ безъ ихъ совѣта. Другая, любимая народомъ и, стало быть, дѣйствительная власть — это его біи; но названіе это развѣ въ насмѣшку прилагаютъ нѣкоторые киргизы къ кому-нибудь изъ служащихъ по округу на казенномъ жалованьѣ лицъ; нѣтъ, оно дается истиннымъ совѣтникамъ народа,—не султанамъ,—людямъ простымъ, но хорошо знающимъ условія жизни народа, въ совершенствѣ знакомымъ съ его бытомъ, привычками, стремленіями, способами умиротворенія спорящихъ, людямъ, вполнѣ уважающимъ всѣ обычаи и права народа, совершенно подчиняющимся этимъ правамъ, — и потому-то слова бія, отдавшаго приказаніе, считаются священными; противъ судейскаго рѣшенія, не испортившійся внесеннымъ въ степь зломъ, порожденнымъ нашею администраціею, киргизъ никогда не станетъ апеллировать. Онъ твердо убѣжденъ, что судьи за неправый судъ отдадутъ отчетъ на томъ свѣтѣ, и потому никогда не споритъ противъ положеннаго въ присутствіи народа рѣшенія. Если же иногда и являлись сопротивленія судейскимъ рѣшеніямъ, обыкновенно оканчивавшіяся барантою, то при этомъ, или не были соблюдены всѣ

требуемыя народомъ и—какъ увидимъ ниже—очень несложныя формы суда, или одна сторона вовсе не желала прибѣгнуть къ какому бы то ни было суду, руководясь, въ какихъ-нибудь важныхъ обстоятельствахъ, чувствомъ мстительности и надѣясь на свою силу; но въ концѣ концовъ и она искала суда, и она подчинялась организованному ею же самою устройству. При неразвитости народа, при укорененномъ въ немъ, какъ и у другихъ необразованныхъ народовъ, понятіи о правѣ мщенія за кровь кровью, за увѣчье увѣчьемъ, за отгонъ скота такимъ же отгономъ, надобно удивляться не тому, что въ степи такъ укоренилась баранта, но тому какъ слабо она пустила корни, какъ легко сторона, обиженная убійствомъ родственника, находила возможность примириться съ оскорбителями, не прибѣгая къ убійству, окончивъ вражду полученіемъ выкупа за убитаго, полученіемъ извѣстной пени, присуждавшейся судомъ біевъ, къ которымъ въ этихъ случаяхъ прибѣгалъ народъ. У нашихъ черкесъ одинъ родъ не примирялся съ другимъ, пока не выполнялъ священнаго обѣта за смерть отмстить смертію, между пастухами же киргизами о выполненіи такихъ строгихъ обѣтовъ совсѣмъ не слышно; напротивъ, вражда постоянно находитъ исходъ въ уплатѣ и полученіи куна за убитаго, въ торжественномъ примиреніи спорящихъ сторонъ, а какъ этого не могло быть безъ вмѣшательства власти обоюдно уважаемой, то судъ біевъ былъ, стало быть, всегда болѣе дѣйствителенъ, нежели недѣйствителенъ.

Изъ біевъ тотъ пользовался наибольшею извѣстностью въ народѣ, который умѣлъ рѣшать самые запутанные споры, другими словами—который былъ умнѣе, который обладалъ бо́льшимъ запасомъ знаній, а при равныхъ другихъ условіяхъ, изъ двухъ біевъ выбирался старшій годами, какъ болѣе опытный. Въ настоящее же время и біи уже начинаютъ сортироваться по своей честности, стало быть и между ними киргизы успѣли уже найдти людей, не отвѣчающихъ этому условію, людей, болѣе или менѣе уже заразившихся примѣромъ почетныхъ засѣдателей, въ чемъ, разумѣется, виноваты не біи, а новый порядокъ, при которомъ ихъ кредитъ долженъ былъ упасть, благотворное дѣйствіе ихъ рѣшеній на народъ ослабнуть, при которомъ сторона, недовольная приговоромъ біевъ, имѣетъ право апеллировать выше, не исполняя этихъ приговоровъ, и при помощи денегъ всегда находить себѣ руку посильнѣе теперешней власти народнаго суда. Сомнительно, чтобы сверху, при недостаточномъ знаніи народныхъ обычаевъ, могло послѣдовать рѣшеніе болѣе вѣрное, болѣе безобидное для обѣихъ сторонъ, болѣе для нихъ понятное, нежели рѣшеніе

біевъ. Тѣмъ не менѣе, въ уставѣ о сибирскихъ киргизахъ сказано: «ежелибъ кто рѣшеніемъ біевъ не былъ доволенъ, тогда, съ представленіемъ ясныхъ доказательствъ, можетъ возобновить дѣло (исковое) подачею письменной просьбы областному начальству» (§ 218, глав. V, наказъ судебный). Послѣднее же «посредствомъ окружнаго приказа даетъ таковымъ дѣламъ слѣдственный ходъ и рѣшаетъ оныя также по степнымъ киргизскимъ законамъ». (Тамъ же, § 219). Эти законы намъ еще неизвѣстны и по настоящее время, и, слѣдственно, судить на сколько правъ, на сколько виноватъ бій, положимъ, злоупотребляющій своею властію, мы не можемъ и теперь, но, вѣроятно въ виду пріобрѣтенія правительствомъ этихъ знаній, уставъ полагаетъ подвергать отвѣтственности и взысканію біевъ, лишь только ясно обнаружатся съ ихъ стороны злоупотребленія (тамъ же § 220).

Злоупотребленій этихъ быть не могло, когда была въ силѣ организація прежняго суда, потому что бій довольствовался хотя и малою, но постоянною платою, установленною обычаемъ за рѣшеніе исковыхъ дѣлъ. Когда же киргизы открыли возможность укрываться отъ справедливыхъ преслѣдованій обиженной стороны, отъискивая поддержку въ сферахъ высшихъ, болѣе сильныхъ, нежели ихъ народный судъ, послѣдній потерялъ свою прежнюю правильную организацію, сталъ не такъ страшенъ для народа, не такъ дѣйствителенъ, потому что можно было обойдтись и безъ него. Біи, жившіе рѣшеніемъ дѣлъ, стали получать меньшій доходъ, а иногда и никакого; иные остались прежними справедливыми совѣтниками народа, другіе, видя дурной примѣръ вверху, свихнулись; такимъ образомъ и въ прекрасно устроенномъ нѣкогда судѣ народномъ взятка отыскала, наконецъ, себѣ мѣстечко. Однако, при всемъ этомъ, киргизы любятъ своихъ біевъ, старѣйшинъ, и, напротивъ, чуждаются, чтобы не сказать болѣе, своихъ и русскихъ чиновниковъ, хотя и оказываютъ имъ всѣ наружные знаки почтенія.

Теперь нѣсколько словъ объ общепринятыхъ знакахъ вѣжливости. При встрѣчахъ между собою, люди незнакомые обмѣниваются словомъ аманъ-булъ (будь здоровъ) или саломъ-алокумъ (арабское селямъ-алейкюмъ, мое почтеніе), непремѣнно вступятъ въ разговоръ, будь это въ дорогѣ или дома, и, обмѣнявшись новостями, разъѣзжаются со словомъ исенъ-булъ, при чемъ подаютъ другъ другу руку. Такъ встрѣчаются между собою и всѣ знакомые киргизы равнаго званія; разумѣется, богатый, встрѣтивъ на дорогѣ джатака, руки ему не подастъ, пока тотъ самъ

не подойдетъ къ нему для этого; точно также менѣе достаточные люди, разговаривая съ баями, иногда вмѣшиваютъ въ разговоръ слово батырь, и обѣими руками сжимаютъ протянутую руку батыря, а говоря съ неслужащими султанами, называютъ ихъ таксыръ, чаще же обходятся и безъ этого. Богачи же и люди средняго состоянія ни къ какому титулованію такихъ султановъ не прибѣгаютъ; только знатнѣйшія фамиліи пользуются отъ нихъ такимъ почетомъ, но всѣ вообще подаютъ другъ другу одну руку. Короткіе же знакомые, тамыри или давнишніе пріятели, а также ближніе и дальніе родственники, долго не видавшись между собою, при встрѣчахъ схватываются за руки и, вмѣсто объятія, прижимаютъ или приближаютъ другъ къ другу сначала свои лѣвыя плечи, потомъ, такимъ же образомъ, прикладываютъ правое плечо къ правому, и наконецъ разнимаютъ руки.

Женщины, какъ знакомыя, такъ и незнакомыя, выражаютъ одна другой свое привѣтствіе наклоненіемъ головы; съ мужчинами здороваются и прощаются на словахъ, не подавая рукъ и не наклоняя головы; но вступая въ разговоръ съ почетнымъ лицомъ или говоря съ старикомъ преклонныхъ лѣтъ, становятся на одно колѣно.

Дѣвушки между собою цѣлуются, между женщинами же это не принято. При входѣ въ юрту знакомаго человѣка, дѣвушки наклоняютъ голову и разговариваютъ; отъ незнакомаго же должны, по внушенію родителей, воспитанныхъ въ правилахъ магометанскаго закона, спрятаться за занавѣску или выбѣжать въ другую юрту; однако это не вездѣ выполняется.

Вступая въ разговоръ съ своимъ или русскимъ чиновникомъ, киргизъ складываетъ на груди руки и отвѣшиваетъ низкій поклонъ; усиленно прося о чемъ-нибудь, всякій разъ повторяетъ тоже самое, но руку рѣшится протянуть, развѣ никогда не видѣвши русскаго чиновника, потому что этотъ ему не отвѣтитъ тѣмъ же, ежели проситель незначащій человѣкъ. Богатые же и всѣ султаны, никакихъ поклоновъ не соблюдая, сами подаютъ чиновникамъ одну руку; точно также здороваются они и съ старшимъ султаномъ. Послѣдній, если вздумаетъ подать руку малодостаточному и вообще неслужащему или незначительному киргизу, — этотъ сжимаетъ ее обѣими руками, совершенно такъ, какъ поступаетъ въ этомъ случаѣ и знатный или богатый, но въ чемъ-либо нуждающійся въ чиновникѣ, своемъ или русскомъ, киргизъ.

Встрѣчая далеко до въѣзда въ аулъ какого-либо важнаго человѣка,

неслужащаго по округу, напримѣръ губернаторскаго чиновника, пріѣхавшаго на слѣдствіе, или старшаго султана, пріѣзжающаго въ гости, а то и непремѣннаго члена или засѣдателя русскаго, всякій хозяинъ аула, или старшина, сходитъ съ лошади, обѣими руками сжимаетъ руку гостя, и провожаетъ къ себѣ въ аулъ; также и прощаются.

Біи, народные старѣйшины и всѣ старые люди, всѣмъ равно подаютъ одну руку, и только одного старшаго султана или вообще извѣстнѣйшаго своимъ вліяніемъ и древнимъ родомъ называютъ таксыръ (господинъ), ожидая, когда тотъ протянетъ имъ руку. Простые киргизы, на всякое привѣтствіе такого господина, громко вскрикиваютъ: алдіаръ таксыръ (т. е. будь благословенъ отъ Бога господинъ).

Невольниковъ теперь нѣтъ, но съ своими работниками хозяинъ обращается такъ, какъ со всѣми джатаками и байгушами, т. е. руки имъ не подаетъ и тѣ ему тоже; но всѣ прочіе, пріѣзжающіе въ юрту этого господина киргизы здороваются съ его слугами такъ, какъ вообще и между собою, если только не кичатся какою-либо знатностію по богатству, чину или породѣ; киргизы, за воровство присужденные біями въ работники къ тѣмъ, у кого они произвели воровство, играютъ нѣкоторое время роль тюленгутовъ, т. е. не невольниковъ, какъ это было прежде, а просто слугъ, съ которыми хозяева и обращаются такъ, какъ господа съ лакеями.

Производство народнаго суда и приведеніе въ исполненіе судейскихъ рѣшеній.

Продолжая разбирать всѣ случаи, нарушающіе обыденное теченіе жизни киргизовъ въ аулахъ, нельзя пройдти молчаніемъ тѣхъ совѣтовъ старшинъ и біевъ, которые собираютъ всегда болѣе или менѣе значительную толпу народа. Точно также, какъ на народныхъ праздникахъ, юрты, гдѣ льются рѣчи уважаемыхъ народныхъ глашатаевъ, собираютъ къ себѣ множество слушателей, Киргизы любятъ стекаться и на всякое производимое біями въ какомъ-либо аулѣ судопроизводство, тѣмъ болѣе, что тутъ же, обыкновенно въ тотъ же день и во всякомъ случаѣ въ присутствіи суда, производится и разсчетъ истца съ отвѣтчикомъ. На этой любви, на желаніи всегда присутствовать при рѣшеніи дѣлъ, а равно на возможности, при отсутствіи всякихъ занятій, каждому выполнить свое задушевное желаніе, и основывалось всегда гласное судопроизводство киргизъ,

несложное, непродолжительное, справедливое и совершенно понятное для народа, умѣвшаго такимъ образомъ совершенно обойдти столь вредный для страны бюрократическій элементъ, нашедшій возможность и при своей неразвитости избавиться отъ дорого стоющей администраціи; а отсюда народъ, намъ теперь подчиненный, имѣлъ нѣкоторое основаніе считать свое неустройство лучшимъ, нежели наше устройство. Поприсмотрѣвшись къ нашимъ порядкамъ по производству слѣдствій и проч., онъ не могъ не признать устройство своего суда несравненно для себя выгоднѣйшимъ, и, хотя нѣкоторые теперь обѣгаютъ этотъ судъ, хотя прежняя его простота и чистота нѣсколько нарушились, но во многихъ отдаленныхъ отъ приказовъ волостяхъ во всей строгости еще сохранились, какъ формы производства суда, такъ и господствовавшія у предковъ нынѣшнихъ киргизовъ понятія объ общественныхъ правахъ и обязанностяхъ; коегдѣ сохранились даже и тѣ обрядности, которыми прежде обставленъ былъ разсчетъ съ отвѣтчикомъ, другими словами—торжественное примиреніе прежде враждовавшихъ между собою родовъ, отдѣленій и проч.

Мы разскажемъ въ короткихъ словахъ:

I. Объ основаніяхъ киргизскаго судоустройства; II. о порядкѣ судопроизводства и приведенія въ дѣйствіе судейскихъ рѣшеній вообще, потомъ назовемъ III. преобладающія въ настоящее время въ народѣ понятія о справедливости того или другаго возмездія за тотъ или другой родъ преступленій, и въ заключеніе укажемъ IV. порядокъ приведенія въ исполненіе судейскихъ рѣшеній по нѣкоторымъ весьма важнымъ дѣламъ, влекущимъ за собою раздоръ между родами и проч. Представляемыя свѣдѣнія касаются только областныхъ киргизовъ, преимущественно самыхъ южныхъ, удаленныхъ отъ линіи, волостей, хотя кое-что, только развѣ не совсѣмъ въ полномъ видѣ, существуетъ и въ другихъ частяхъ области.

I) Главныя основанія, на которыхъ зиждется киргизское судоустройство, были уже высказаны нами выше. Повторимъ ихъ и кое-чѣмъ дополнимъ: 1) только тотъ судъ дѣйствителенъ, который производится въ присутствіи народа или, покрайней мѣрѣ, 3-хъ свидѣтелей; 2) женскій полъ и невольники въ свидѣтели не допускаются, и за утайку преступленія, совершеннаго главою семейства, отъ взысканія освобождаются не только упомянутыя лица, но даже сыновья и младшіе братья преступника; 3) выбранные судьи, равно и свидѣтели, должны быть признаны обѣими тяжущимися сторонами. Истецъ или отвѣтчикъ, не желающій видѣть въ числѣ своихъ судей какое-либо всѣми уважаемое лицо, обязанъ

гласно объяснить свои подозрѣнія собравшемуся народу. Тогда названный бій не имѣетъ права голоса на совѣщаніи; 4) такъ какъ судьи выбраны съ общаго согласія тяжущихся, то приговоръ суда считается священнымъ и неповиновеніе этому приговору равносильно выходу изъ общества, а дабы придать силу и значеніе судейскимъ рѣшеніямъ, они приводятся въ исполненіе въ присутствіи тѣхъ же свидѣтелей и по возможности немедленно; 5) ежели одна сторона желаетъ суда, а другая нѣтъ, то первая, съ согласія призванныхъ біевъ и своего старѣйшины, имѣетъ право произвести баранту, которая и послѣ судейскихъ рѣшеній допускалась въ томъ случаѣ, когда одна сторона передъ началомъ суда высказывала свои подозрѣнія противъ судей или свидѣтелей, и если эти подозрѣнія не были приняты во вниманіе, другими словами, когда судъ былъ произведенъ неправильно. Наконецъ, къ давно уже отжившимъ, но главнымъ же основаніямъ суда присоединялось еще правило 6) чтобы въ случаяхъ опредѣленія судьями смертной казни преступнику, за сохраненіе жизни котораго родственники не желаютъ или не могутъ уплатить равносильнаго смертной казни штрафа и тѣмъ выдаютъ обвиненнаго головою обиженной сторонѣ,—послѣдняя, произведя какую бы то ни было казнь, обязана во всякомъ случаѣ возвратить тѣло преступника его родственникамъ въ видѣ неизуродованномъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ. Отсюда, если въ средней ордѣ и была когда производима серьозная казнь, она производилась чрезъ повѣшеніе или удавленіе. На страницѣ 183-й своей книги (глава III «опис. киргизъ-кайсацкихъ ордъ») г. Левшинъ упоминаетъ о существованіи между киргизами только этихъ двухъ видовъ казни, но въ концѣ (стр. 183) прибавляетъ, что въ заключеніе преступника привязывали къ хвосту дикой лошади, которую гнали въ поле. Очень можетъ быть, что и въ той части Сибирской степи, которую занимаетъ область, существовала этого послѣдняго рода казнь, но, вѣроятно, такъ поступалъ развѣ какой-нибудь маленькій царекъ съ безотвѣтнымъ невольникомъ, у котораго не было родныхъ, чтобы отмстить за казнь, произведенную безъ суда. Преступникъ же, приговоренный къ смерти судомъ, въ средней ордѣ, вѣроятно, не подвергался этого рода казни, иначе трупъ его нельзя было бы возвратить родственникамъ въ такомъ видѣ, въ какомъ предписывалъ основный законъ древняго кодекса, извѣстный многимъ изъ нынѣшнихъ областныхъ аксакаловъ. 7) Судья, каково бы ни было состояніе тяжущихся и какое бы ни было дѣло, всегда получалъ одну и ту же опредѣленную часть съ иска, различную только въ различныхъ мѣстностяхъ степи. Те-

перь играетъ большую роль достатокъ каждаго, и вознагражденіе судьи, отъ куска бязи и барана, доходитъ до 10 и 20 лошадей, смотря по состоянію тяжущихся и по роду иска.

Высказанныя положенія лежали въ основаніи древняго судоустройства, въ нынѣшнемъ же два предпослѣдніе пункта не имѣютъ вовсе значенія, такъ какъ пятый даетъ нѣкоторымъ образомъ законное мѣсто строго преслѣдуемой нашимъ законодательствомъ барантѣ, а шестой не можетъ имѣть приложенія съ тѣхъ поръ, какъ дѣла уголовныя рѣшаются на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній.

Что касается 4-хъ первыхъ основныхъ положеній киргизскаго судоустройства, русское законодательство идетъ съ ними въ разладъ, и хотя ему очень часто и очень энергично приходится сталкиваться съ распространенными въ народѣ понятіями, тѣмъ не менѣе оно очень туго подвигаетъ эти понятія впередъ. Такъ, напримѣръ, умышленное сокрытіе уголовнаго преступленія нашъ законъ строго преслѣдуетъ, а киргизскій въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаетъ; въ свидѣтели для открытія преступленія чиновники наши призываютъ всѣхъ безъ исключенія, а по понятіямъ киргизовъ женщины вообще, а жены или дѣти уже въ особенности, не могутъ показывать на своихъ мужей или отцовъ, да и на кого бы то ни было; знающій, но скрывающій уголовное преступленіе, ежели это обнаружилось слѣдствіемъ, по нашему считается виновнымъ, кто бы онъ ни былъ и кого бы ни касались его показанія, между тѣмъ киргизы всякаго собрата, содержащагося въ острогѣ, положимъ, за сокрытіе преступленія, совершеннаго его отцомъ или вообще старшимъ родственникомъ, считаютъ не только совершенно правымъ, но даже хорошимъ человѣкомъ, и донесшій на своего родственника, какъ прежде, такъ и теперь награждается народнымъ презрѣніемъ.

Точно также судейское рѣшеніе, постановленное біями при соблюденіи всѣхъ требуемыхъ народомъ основаній киргизскаго судоустройства, считалось прежде безапцеляціоннымъ; по уставу же о сибирскихъ киргизахъ (§ 218 главы V), всякій недовольный рѣшеніемъ біевъ имѣетъ право возобновить дѣло подачею жалобы вверхъ. Этимъ противорѣчіемъ, ежели бы только киргизы не уважали свой древній порядокъ суда, послѣдній могъ бы быть совершенно разрушенъ, но какъ рѣшенія біевъ всюду еще чтимы народомъ гораздо болѣе, нежели судейскія рѣшенія русскихъ властей, то названное противорѣчіе только пошатнуло силу народомъ устроеннаго суда, и нѣсколько нарушило его чистоту, затянувъ разныя

дѣла на неопредѣленное время, при чемъ аппелирующій обидчикъ, избавляясь на опредѣленное, часто весьма долгое время, иногда же навсегда, отъ справедливой кары киргизскаго суда, располагалъ тѣмъ самымъ и обиженную сторону въ другой разъ уже не искать удовлетворенія у себя дома, чрезъ что постоянные доходы нѣкоторыхъ біевъ уменьшились, опредѣленность платы за рѣшеніе дѣлъ изчезла, замѣнившись платою, смотря по состоянію истца и отвѣтчика, а отсюда оставалось не много и до кривизны судейскихъ рѣшеній, возможность которыхъ съ такимъ искуствомъ была устранена прежнимъ порядкомъ.

II. Въ древнемъ киргизскомъ судопроизводствѣ, смотря по роду разбираемыхъ преступленій, отличалось два рода совѣщаній, было два совѣта: *большой* или *кенѐсъ* и *малый* или *джугунусъ*. Существовала еще и третья форма производства суда, имѣющая и теперь мѣсто, — это рѣшеніе маловажныхъ дѣлъ (напримѣръ: брань, побои безъ изувѣченія и проч.) *однимъ біемъ*. Киргизы допускаютъ эту форму и, хотя бы и безъ свидѣтелей произнесенный, приговоръ почтеннаго аксакала всегда уважаютъ; но какъ въ основаніи законодательства киргизскаго лежитъ совсѣмъ иная мысль, то даже, и въ разбирательствѣ самыхъ незначащихъ проступковъ, аксакалы избѣгаютъ говорить что-либо безъ свидѣтелей, и всегда сами приглашаютъ какого-нибудь стараго человѣка на совѣтъ, а ближнихъ киргизовъ просятъ присутствовать при рѣшеніи.

Въ дѣлахъ нѣсколько болѣе важныхъ, какъ-то: побои съ нанесеніемъ знаковъ, воровство, грабежъ и проч., обѣ рѣшившіяся прибѣгнуть къ суду стороны, избравъ одного и того же бія, уполномочивали его пригласить на совѣтъ другихъ аксакаловъ, отъ 6 до 8 человѣкъ, — это *джугунусъ*.

Для рѣшенія самыхъ важныхъ дѣлъ, какъ напримѣръ: убійства, изнасилованія, изкалеченія и проч., въ совѣщаніи должно было учавствовать отъ 8 до 24 судей—это *кенѐсъ*. Порядокъ сбора кенеса былъ тотъ же, т. е., обѣ стороны предварительно условливались въ выборѣ одного бія,—который былъ, не смотря на лѣта, предсѣдателемъ въ обоего рода совѣтахъ. Ему же, до начала съѣзда, давала каждая сторона опредѣленные обычаемъ подарки для имѣющихъ собраться судей. Полномочіе на собраніе джугунуса или кенеса, хотя ему и давалось, но, передъ открытіемъ совѣщаній, каждая сторона имѣла право устранить изъ числа собранныхъ аксакаловъ кого угодно,—этимъ собственно и начинались пренія въ назначенный для суда день. Выбранный бій извѣщалъ приглашен-

ныхъ имъ аксакаловъ, а послѣдніе, въ свою очередь, увѣдомляли по возможности всѣхъ родственниковъ обѣихъ тяжущихся сторонъ, о времени и мѣстѣ производства суда. Въ выбранные біями аулъ и день стекается народъ. Засѣданіе происходитъ всегда подъ открытымъ небомъ. Истецъ и отвѣтчикъ стоятъ, или тоже сидятъ, передъ сидящими полукругомъ судьями, ихъ окружаетъ народъ, которому предсѣдатель въ короткихъ словахъ объясняетъ сущность дѣла, потомъ истецъ излагаетъ передъ судьями свою жалобу и называетъ свидѣтелей, за нимъ отвѣтчикъ пускается въ оправданіе и тоже называетъ свидѣтелей, которые, ежели они на лицо, точно также допрашиваются, и этимъ слѣдствіе оканчивалось. Когда всѣ переспрошены, каждый изъ собранныхъ судей, кромѣ предсѣдателя, начиная съ старшаго по лѣтамъ, высказываетъ свое мнѣніе о виновности той или другой стороны и о средствахъ примиренія, т. е. назначаетъ размѣръ возмездія за содѣланное преступленіе, объясняя на чемъ онъ его основываетъ. Послѣднее слово принадлежитъ предсѣдателю, т. е., первоначально выбранному тяжущимися сторонами бію, который, представивъ народу заслуги истца и отвѣтчика передъ обществомъ, проситъ всѣхъ тѣхъ, которые знаютъ подсудимыхъ, сообщить теперь же и о другихъ, сдѣланныхъ ими добрыхъ или недобрыхъ поступкахъ, и, когда это сдѣлано, высказываетъ свое мнѣніе и кладетъ рѣшеніе, рѣшеніе это все равно, что конфирмація. Привезенные обоими тяжущимися сторонами подарки для судей, въ родѣ, напримѣръ, по два халата на каждаго приглашеннаго, по два барана, или по двѣ лошади и т. п., тотчасъ же по окончаніи суда предсѣдатель раздаетъ, въ присутствіи народа, судьямъ, оставляя себѣ такую же самую часть, какую получили и остальные. Приговоръ, ежели отвѣтчикъ принадлежитъ къ тому самому аулу, въ которомъ происходило засѣданіе, приводится въ исполненіе немедленно, пока не разошелся народъ. Истецъ, получивъ опредѣленное судомъ вознагражденіе скотомъ, вещами и проч., спѣшитъ въ свой аулъ, гдѣ его возвращенія ждетъ съ нетерпѣніемъ семья и гдѣ, по случаю этого возвращенія съ судебнымъ вознагражденіемъ, устроивается на другой день праздникъ. Присутствувшіе при совѣщаніяхъ киргизы, знакомые и родные отвѣтчика, въ тотъ же день, по окончаніи суда, пируютъ у него, поздравляя его съ благополучнымъ оканчаніемъ иска, или соболѣзнуя о понесенной имъ потерѣ. Первое, конечно, случается чаще, потому что въ рѣшеніяхъ біевъ, кромѣ удовлетворенія обиженной стороны, есть всегда и нѣкоторая уступка въ пользу обидчика, нѣкоторое облегченіе въ уплатѣ штрафа и

проч. Такъ напримѣръ, въ рѣшеніяхъ этихъ никогда не видно, чтобы рѣшительно все, отнятое силою обидчикомъ, было послѣднимъ возвращено обиженному; всегда болѣе или менѣе принимались во вниманіе издержки, которыя тотъ, творя по глупости своей какое-нибудь преступленіе, положимъ грабежъ, долженъ былъ понести при расплатѣ съ своими сообщниками и проч. Что же касается обиженнаго, нечего и говорить, какъ доволенъ онъ былъ тѣмъ, что въ присутствіи большаго общества выигралъ дѣло, слѣдственно его всегда было съ чѣмъ поздравлять, и, хотя онъ иногда кое-чего и не досчитывался изъ того, что отнято обидчикомъ, но на свой праздникъ, случалось, призывалъ и послѣдняго, въ знакъ окончательнаго примиренія. Судьи въ этихъ празднествахъ не принимаютъ участія, а тотчасъ по окончаніи всѣхъ церемоній разъѣзжаются; но на торжественныхъ примиреніяхъ спорящихъ сторонъ присутствуютъ исполнительная власть—народъ, присутствовавшій на совѣщаніяхъ, который, въ случаѣ ежели отвѣтчикъ принадлежитъ къ дальнему отъ мѣста суда аулу ѣдетъ туда, вмѣстѣ съ истцомъ, получающимъ, такимъ образомъ, удовлетвореніе почти всегда въ тотъ же или на другой день.

Кенѐсъ въ настоящее время собирается рѣдко, потому что рѣшеніе подлежавшихъ его вѣдѣнію уголовныхъ дѣлъ принадлежитъ русскому суду. Это не значитъ, чтобы послѣдній совершенно исключалъ въ подобныхъ случаяхъ устроенный киргизами судъ; напротивъ, дѣла эти, даже и послѣ приговора русскаго суда, очень часто опять рѣшаются въ народѣ все таки своимъ судомъ, только для этого собирается уже не дорого стоющій для обѣихъ тяжущихся сторонъ кенѐсъ, а джунгунусъ, потому что, при производствѣ русскихъ слѣдствій, родственники истца и отвѣтчика успѣваютъ и безъ того порядочно поиздержаться.

Въ разныхъ мѣстностяхъ области есть нѣкоторыя особенности въ способѣ производить свой судъ и расправу, но эти особенности, касаясь,—напримѣръ, числа приглашаемыхъ судей, размѣра полагаемой имъ платы, присяги свидѣтелей, того числа ихъ, какое требуется при разборѣ того или другаго преступленія, и проч.,—нисколько не измѣняютъ высказанныхъ нами общихъ положеній веденія суда.

Такой простой, скорый, неотяготительный для населенія и всегда дѣйствительный судъ могъ появиться среди полудикаго народа потому, что, при всѣхъ, порождаемыхъ невѣжествомъ, недостаткахъ киргизовъ, въ нихъ есть же и присущія всѣмъ людямъ добрыя начала, тоже успѣвшія вылиться въ форму священныхъ для народа обычаевъ. На одномъ изъ та-

ковыхъ — на обычаѣ изгонять изъ своего общества лжесвидѣтеля— строится все зданіе ихъ суда.

Къ свидѣтельству допускаются, какъ уже сказано, одни мужчины, но не изъ родственниковъ судящихся и не изъ невольниковъ (въ настоящее время это послѣднее положеніе должно относить къ работникамъ по суду, или нынѣшнимъ тюленгутамъ); въ дѣлахъ неважныхъ, или маловажныхъ, достаточно присяги двухъ человѣкъ (изъ коихъ одинъ можетъ быть даже и не киргизъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ степи непремѣнно требуется три свидѣтеля при всякомъ судѣ) для того, чтобы запирательство обвиняемаго считать недѣйствительнымъ. Въ дѣлахъ важныхъ, за обвиняемаго для его оправданія должны поручиться непремѣнно три человѣка, изъ коихъ одинъ долженъ быть человѣкъ, болѣе или менѣе достаточный. Трудно что-нибудь скрыть въ степи, и ложно присягнувшій въ невинности обвиняемаго рано или поздно будетъ уличенъ, а такъ какъ такой человѣкъ, по народному обычаю, лишается покровительства общества, другими словами—его имущество можетъ быть разграблено безнаказанно, онъ самъ убитъ, и проч., то изъ киргизовъ, изъ коихъ каждый всегда упорно запирается въ содѣланномъ имъ преступленіи, ни одинъ не рѣшится на лжесвидѣтельство. Отсюда понятно принятое всѣми джугунусами обыкновеніе признавать киргиза вполнѣ виновнымъ, ежели онъ не имѣетъ у себя ни одного поручителя, который, если не во всемъ, то хотя бы въ чемъ-нибудь его оправдалъ,—и потому дѣло никогда не тянется, судъ никогда не откладывается въ томъ случаѣ, когда обвиняемый, запираясь, называетъ такихъ свидѣтелей, которые къ суду не явились: всѣ убѣждены въ томъ, что они никогда и не явятся, потому что, ежели бы что-нибудь и могло задержать избраннаго обвиненнымъ поручителя дома,—онъ непремѣнно прислалъ бы за себя другаго и т. д.

III. Возмездіе за содѣланныя преступленія и прежде, въ большинствѣ случаевъ, почти всегда сводилось къ уплатѣ пеней разныхъ размѣровъ, смотря по важности проступка или преступленія. Съ тѣхъ же поръ, какъ рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ принадлежитъ русскому законодательству, слова смертная казнь или баранта—исключены изъ киргизскаго кодекса, вслѣдствіе чего, дѣйствовавшая система оштрафованій различнаго рода должна была претерпѣть много измѣненій, и въ настоящее время она такъ сложна, что нѣтъ возможности представить въ какой-нибудь системѣ сводъ наказаній за извѣстныя преступленія. Вообще же должно замѣтить, что всѣ полагавшіяся древнимъ законодательствомъ киргизовъ наказанія за разныя

преступленія, со времени введенія въ силу устава о сибирскихъ киргизахъ, дававшаго русскимъ властямъ право вмѣшательства и не въ одни уголовныя дѣла, а рѣшительно во всѣ (§ 218, глава V, уставъ о сибирскихъ киргизахъ), необходимо должны были быть смягчены до возможной степени, вслѣдствіе чего всѣ безъ исключенія, прежде существовавшія, большія оштрафованія изчезли, а малыя въ настоящее время уменьшились до ничтожнѣйшихъ размѣровъ. Такъ напр., полагавшійся за самыя важныя преступленія, напр. за убійство, *большой штрафъ* или *кунъ*, уплата котораго родственникамъ убитаго избавляла преступника отъ смерти, — равнялся 100 лошадямъ и 9-ти яхши или лучшимъ вещамъ *), теперь уменьшился до 27 головъ крупной скотины, въ числѣ которой, кромѣ лошадей и коровъ, одна треть можетъ состоять даже изъ отборныхъ барановъ. Это именно потому, что всякое убійство, какъ бы тщательно ни скрывалось отъ русской власти (въ чемъ небезвинны даже и волостные правители), все же можетъ быть обнаружено, и, слѣдственно, сторона, которой пришлось бы заплатить кунъ въ прежнихъ размѣрахъ, все равно не могла бы быть увѣрена въ томъ, что она сохранитъ находящемуся въ ея средѣ преступнику свободу, или, что одно и тоже для киргиза, жизнь, но съ другой стороны родственники убитаго, по понятіямъ киргизовъ, должны же были получить какое-нибудь вознагражденіе отъ убійцы, и вотъ явился новый маленькій кунъ, не публично, а въ тайнѣ, но чрезвычайно аккуратно выплачиваемый, потому что иначе дѣло можетъ дойти до приказа. Точно также *малый кунъ* или *анпъ* (у иныхъ просто *тогузъ*, по числу девять), полагавшійся за преступленія маловажныя, прежде состоялъ изъ 9-ти скотинъ, изъ коихъ одна первая принадлежала къ высшей породѣ, 8 остальныхъ къ слѣдующей за нею низшей. Назначенная біями, смотря по роду проступка, первая скотина опредѣляла размѣръ всего анпа, раздѣлявшагося такимъ образомъ: на *высшій*, т. е. одинъ верблюдъ и 8 лошадей или быковъ; *средній*, т. е. одна лошадь или одинъ быкъ и 8 барановъ, и *низшій*, равнявшійся 9 баранамъ. Теперь, 9 барановъ составляетъ высшій анпъ, одинъ баранъ низшій. Наконецъ, *обыкновенный штрафъ* (не запомнимъ существовавшее для него особое названіе), состоявшій прежде изъ лошади или, самое меньшее, халата, теперь обратился

---

*) Яхши или лучшею вещью считается та, которой стоимость бываетъ не менѣе стоимости хорошаго верблюда, какъ напримѣръ лисья шуба, большихъ размѣровъ коверъ и т. д. Такъ что по цѣнности наиболѣе выгодный для уплачивавшаго кунъ состоялъ изъ 100 лошадей и 9 верблюдовъ, что допускалось.

въ какой-нибудь аршинъ или два ситцу. И все это — по поводу опасенія вмѣшательства во всякое киргизское дѣло русскихъ властей, при чемъ подвергшійся оштрафованію можетъ снова понести какое-нибудь наказаніе.

Три названные главные вида пеней, т. е. кунъ, айпъ и штрафъ, даютъ возможность разбить всѣ подлежавшіе судейскимъ рѣшеніямъ преступленія и проступки киргизъ на три же главные разряда: 1) *самыхъ важныхъ*, прежде разсматривавшихся кенесомъ, присуждавшимъ обвиненную сторону къ уплатѣ полнаго куна, полуторнаго, двойнаго и т. д., смотря по важности преступнаго дѣйствія въ какомъ-либо отношеніи; 2) *маловажныхъ*, разбиравшихся джугунусомъ, назначавшимъ обвиненной сторонѣ тотъ или другой тогузъ, и 3) *незначительныхъ проступковъ*, за которые полагался обыкновенный штрафъ, назначеніе котораго не указывало киргизамъ на необходимость сбора джугунуса, и потому предоставлялось произволу и одного бія.

1) Изъ преступленій перваго разряда назовемъ три: *убійство*, *изнасилованіе* и *искалѣченіе*.

Убійство влекло за собою убійство же и, кромѣ того, баранту, т. е. отнятіе всего имущества у родственниковъ убійцы, если послѣдніе не соглашались выдать его головою или идти на судъ, а такъ какъ добровольная выдача убійцы его родственниками не могла имѣть мѣста, при томъ же подобный безпримѣрный случай, ежели бы и былъ, все же не избавилъ бы родственниковъ убитаго, другими словами, отъ баранты, то всѣ безъ исключенія дѣла по убійству оканчивались судомъ, назначавшимъ уплату пеней, приблизительно, на слѣдующихъ главныхъ соображеніяхъ:

Если тѣло убитаго брошено въ степи и убійца не указалъ мѣста, гдѣ оно брошено, или ежели и указалъ, но трупъ все-таки не былъ найденъ родственниками убитаго, то послѣдніе получали съ родственниковъ убійцы $1^1/_2$ куна, въ противномъ случаѣ платился одинъ полный кунъ; а теперь платится: 27 скотинъ, если возвращено тѣло, и 36, если нѣтъ; прежде въ назначеніи пени всегда различалось, кромѣ того, званіе убитаго и, напримѣръ, за убійство султана, жившаго при немъ ходжи и т. п., платилось отъ одного до 7 полныхъ куновъ; теперь трудно ожидать, чтобы за убійство и этихъ лицъ штрафъ превысилъ 36 скотинъ, еслибы подобные случаи возъимѣли мѣсто.

Мужъ, убившій жену, кромѣ того, что возвращалъ взятое за нею

приданое, но еще платилъ ея родственникамъ неполный кунъ, т. е. безъ яхши; теперь, кромѣ приданаго, платитъ нынѣшній полный кунъ или 27 скотинъ; калымъ, разумѣется, не возвращается.

Жена, убившая мужа, прежде приговаривалась къ смертной казни; теперь за нее платятъ ея родственники брату убитаго полный кунъ, но ея приданаго никто не касается; калымъ тоже не возвращается.

Женщина, умертвившая незаконно прижитаго младенца, прежде подлежала общественному суду, теперь въ это дѣло, равно какъ и прежде въ рѣдко разбиравшіяся дѣла объ убійствахъ, совершенныхъ отцомъ надъ своими дѣтьми или невольниками, киргизскій судъ вовсе не вмѣшивается.

Точно также избѣгается теперь разбирательство убійствъ, совершенныхъ во время баранты, хотя прежде родственники убитаго, если только находили 3-хъ свидѣтелей, рѣшившихся присягою обличить преступника, получали неполный кунъ съ родныхъ убійцы.

Убійство, совершенное беременною (въ послѣднихъ мѣсяцахъ) женщиною, какъ прежде не разбиралось, такъ и теперь отъ этого дѣла устраняютъ себя біи.

Изнасилованіе наказывалось смертію въ случаяхъ невозможности или нежеланія родственниковъ преступника выплатить положенный судомъ штрафъ; послѣдній же въ большинствѣ случаевъ равнялся полному куну. Разныя оттѣнки преступленія,—какъ-то насиліе, совершенное надъ замужнею женщиною или вдовою, дѣвушкою свободною или просватанною,—болѣе или менѣе видоизмѣняли уплату куна, при чемъ штрафъ нисколько не измѣнялъ выше сказанныхъ постановленій о калымѣ. Въ настоящее время за обезчещенную вдову и замужнюю женщину платится кунъ въ теперешнихъ его размѣрахъ, точно также, какъ и за непросватанную изнасилованную дѣвушку, если только преступникъ не намѣренъ на ней жениться; въ противномъ случаѣ, онъ платитъ, на общемъ основаніи, но обыкновенно нѣсколько уменьшенный отцомъ калымъ. За насиліе надъ просватанною дѣвушкою біи принуждаютъ преступника внести, кромѣ куна, еще и калымъ, на томъ основаніи, что женихъ обезчещенной можетъ потребовать отданный имъ калымъ обратно.

За изкалѣченіе человѣка преступникъ присуждался къ уплатѣ полнаго куна въ томъ лишь случаѣ, ежели изувѣченный принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, за убійство которыхъ былъ положенъ двойной, тройной и т. д. полный кунъ, вообще же платилось полъ-куна, кунъ безъ яхши,

и разныя другія оштрафованія, превышавшія однако размѣръ древняго анпа. Изкалеченіе беременной женщины, въ послѣдней половинѣ ея беременности, считалось наравнѣ съ убійствомъ, и потому тоже вызывало необходимость уплаты полнаго куна; а за увѣчье женщины, носившей первые мѣсяцы, преступникъ отдѣлывался половиннымъ куномъ, иногда высшимъ анпомъ и еще меньшими штрафами. Всѣ эти оттѣнки преступленія принимаются во вниманіе и теперь; только штрафъ за нихъ не превышаетъ нынѣшній уменьшенный кунъ. Иной, лишившійся, положимъ, пальца, бѣднякъ, получивъ по суду отъ обидчика одну, двѣ лошади, остается доволенъ рѣшеніемъ и вверхъ не жалуется.

2) Изъ преступленій втораго разряда, т. е. подлежавшихъ обсужденію джугунуса и анповымъ оштрафованіямъ, назовемъ также три: воровство, грабежъ и публичныя оскорбленія и обиды съ нанесеніемъ какихъ-либо знаковъ на лицѣ и прочихъ частяхъ тѣла.

Воровство, какъ тайное завладѣніе чужою собственностью, если только эта собственность не скотъ, а какое-нибудь другое имущество, въ степи, собственно между киргизами, почти не имѣетъ мѣста. Рѣшается на такое похищеніе развѣ только человѣкъ бѣдный, голодный, котораго судъ приговариваетъ къ отдачѣ украденнаго и, кромѣ того, чтобы впередъ съ нимъ такой бѣды не случилось, назначаетъ его, или одного изъ его сыновей, на извѣстный срокъ въ услуженіе къ обокраденному, который, хотя и смотритъ на него какъ на тюленгута, но за то бѣднякъ сытъ, или не имѣетъ надобности преступными дѣйствіями снискивать хлѣбъ для своихъ сыновей, поступившихъ такимъ путемъ въ работники. Срокъ такому, не особенно обидному, невольничеству полагался годичный, двухгодичный и т. д., смотря по цѣнности украденнаго имущества; ежели же послѣднее не возвращалось, то и гораздо продолжительнѣе *).

Но ежели не въ ходу между киргизами тайное похищеніе имущества, то за то кража скота дѣло совершенно обыкновенное. Обворованный

---

*) Тотъ же самый видъ принимаетъ возмездіе за воровство, которое киргизъ сдѣлалъ у русскаго поселенца: если только вмѣшавшаяся въ это дѣло наша власть открыла украденное, оно возвращается казаку, а киргизъ, пока производится дознаніе, сидитъ въ острогѣ на казенныхъ хлѣбахъ. Если же замѣтившій вора казакъ обращается къ суду бія, что иногда бываетъ, то, кромѣ возврата украденной у него собственности, получаетъ еще какое-нибудь опредѣленное біемъ вознагражденіе съ родственниковъ вора или отъ аульнаго старшины, охотно соглашающагося, чтобы сохранить одного изъ членовъ его обширной семьи отъ наказанія, на мировую, ежели только требованія казака не уродливо велики.

киргизъ начиналъ искъ только тогда, когда замѣтивъ хотя одну изъ своихъ скотинъ въ чужомъ стадѣ, припасалъ посторонняго свидѣтеля или двухъ, трехъ, знавшихъ, что эта скотина принадлежала ему, и слѣдственно готовыхъ присягнуть въ этомъ передъ джугунусомъ. Въ этихъ случаяхъ запиравшійся отвѣтчикъ возвращалъ украденное, съ прибавкою халата, барана и проч., смотря по времени пользованія чужимъ скотомъ; а ежели воровство совершено годъ, два и т. д. тому назадъ, то съ приблизительно опредѣлявшимся судьями приплодомъ, былъ-ли такой или нѣтъ, все равно. Если же значительная часть украденнаго скота была уже истреблена уличеннымъ свидѣтелями воромъ, то послѣдній присуждался къ уплатѣ одного изъ трехъ анповъ, смотря по величинѣ понесенной истцомъ въ этомъ случаѣ потери. Воръ въ этихъ случаяхъ, конечно, оставался иной разъ въ матеріальномъ выигрышѣ, но за то былъ презираемъ, а истецъ оставался довольнымъ, что хотя что-нибудь да возвратилъ на мѣсто своего погибшаго скота, потому что, не найдя никакихъ уликъ, онъ долженъ былъ бы навсегда распроститься со всѣмъ украденнымъ. Уличаемый безъ присяги свидѣтелей воръ оставался безнаказаннымъ, однако общество всегда принимало живое участіе въ обокраденномъ киргизѣ, и требуемыя судомъ біевъ улики рѣдко не находились.

Теперь порядокъ остался тотъ же, съ тою лишь разницею, что истецъ, не имѣющій требуемыхъ біями уликъ, обѣгая ихъ судъ, жалуется волостному или прямо старшему султану, высказывая свои, на чемъ-нибудь основанныя, подозрѣнія; такія исковыя дѣла поступаютъ иной разъ и въ приказъ. Но какъ обѣгаемое такимъ истцомъ общество, не принимая въ его дѣлѣ большаго участія, своимъ равнодушіемъ способствуетъ большему, нежели, прежде, сокрытію преступленія, то обидчикъ имѣетъ бóльшую возможность и чаще оставаться безнаказаннымъ, чрезъ что воровство скота въ степи не уменьшается, но скорѣе увеличивается, тѣмъ болѣе, что исковыя дѣла подобнаго рода иногда тянутся безъ конца.

Грабежъ, т. е. угонъ скота, сопровождаемый насиліемъ, или *баранта*, по древнимъ киргизскимъ законамъ, не считается преступнымъ дѣйствіемъ въ случаяхъ, когда обидчикъ не желалъ подчиниться рѣшенію какого-нибудь суда. Однако, обезсиливая другъ друга барантою и годъ отъ году бѣднѣя, обѣ враждующія стороны не могли, наконецъ, не примириться съ необходимостью найдти какой-нибудь исходъ своей непріязни, выйдти изъ тягостнаго положенія, и обращались къ суду біевъ. Это былъ

одинъ изъ самыхъ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, потому что иная баранта велась десятки лѣтъ, и всѣ сопряженныя съ нею потери скота, порча имущества, бывшія драки, наносившіяся отдѣльнымъ лицамъ оскорбленія, и проч. и проч.—все припоминается передъ судьями. Ежели баранта была первая, то біи обыкновенно разбирали сначала поводъ къ послужившему несогласію, и, сообразно сдѣланному преступленію, обиженный, т. е. барантачь, возвращалъ или тотъ же самый и въ томъ же числѣ скотъ обидчику, то есть, сторонѣ прежде нежелавшей подчиниться судейскому рѣшенію, и потому подвергнувшейся барантѣ, а эта сторона платила барантачу кунъ, анпъ и т. д., опредѣляемые судомъ, на основаніи соображеній о важности преступленія, о понесенномъ во время баранты изъянѣ, и проч., или сторона, возбудившая несогласіе, никакого оштрафованія не платила сторонѣ обиженной, но за то послѣдняя имѣла право возвратить не отбарантованный скотъ, но тоже самое число скота угнанныхъ породъ, или, наконецъ, какъ поступали зачуйскіе біи въ отношеніи областныхъ киргизовъ и наши біи въ отношеніи зачуйскихъ хищниковъ, барантачи отдавали немедленно третью часть изъ украденнаго и, притомъ, какимъ-нибудь скотомъ изъ числа угнанныхъ породъ, а по поводу возбудившаго несогласіе преступленія обѣщались примириться особою уплатою, выбравъ для этого по обоюдному соглашенію новый судъ, что, впрочемъ, рѣдко случалось, и барантовавшіе роды рѣдко послѣ такого суда прекращали вражду. Съ введеніемъ въ силу устава о сибирскихъ киргизахъ, этотъ родъ преступленія судится нашимъ судомъ, вслѣдствіе чего, съ этого времени и до образованія Туркестанской области, въ рѣшеніяхъ дѣлъ по барантѣ приходилось упражняться только біямъ южныхъ волостей области, да и то не часто.

Публичнымъ оскорбленіемъ считается: если киргизъ съ своими сообщниками дѣлаетъ неожиданное нападеніе на аулъ противника, бьетъ нагайкою встрѣчающихся людей, пугаетъ женщинъ, врываясь въ юрты, куда тѣ запрятались; раскидываетъ жилище, выбрасываетъ и иногда портитъ имущество, хотя, разумѣется, ничего не похищаетъ изъ чужой собственности. Такія дѣла подлежали разсмотрѣнію джугунуса, различавшаго въ преступленіи два главные оттѣнка: если нападеніе сдѣлано ночью, оскорбленіе считалось болѣе тяжкимъ и, сообразно сдѣланному изъяну, за него назначался или высшій анпъ (т. е. одинъ верблюдъ и 8 лошадей) или средній (т. е. одна лошадь и 8 барановъ), если же днемъ, то средній, или низшій (т. е. 9 барановъ); въ томъ и другомъ случаѣ, по-

бои, нанесенные кѣмъ бы то ни было изъ аула, оскорбленнаго нападающимъ, не принимаются въ уваженіе. Въ настоящее время этотъ способъ мстить противнику за какую-либо обиду и проч. въ такомъ же ходу, какъ и прежде,—и тоже біи разбираютъ прежде всего, днемъ или ночью произведено нападеніе, и, сообразно тому, а также сдѣланному изъяну, назначаютъ штрафъ отъ 1 до 9 барановъ.

Обиды съ нанесеніемъ какихъ-либо знаковъ на лицѣ и прочихъ частяхъ тѣла, а также съ изорваніемъ одежды,—смывались прежде, смотря по званію оскорбленнаго лица, уплатою средняго или низшаго анповъ. Теперь, для разбора подобнаго рода дѣлъ, джугунусъ не созывается, а просто: одинъ изъ біевъ примиряетъ тяжущихся назначеніемъ цѣлаго или какой-нибудь части нынѣшняго уменьшеннаго анпа (9 барановъ). Наконецъ

3) *Проступки третьяго разряда*, какъ то: легкіе побои, брань, оскорбленіе хозяина насильнымъ входомъ въ юрту съ крикомъ, разбрасываніе и какая-либо порча имущества, обиды, наносимыя его женамъ и дѣтямъ, разгонъ пришедшихъ съ поля стадъ и т. п., какъ прежде, такъ и теперь, не подлежали разбору джугунуса, а только бія или одного изъ стариковъ, имѣвшихъ право примирять спорщиковъ назначеніемъ обыкновеннаго штрафа, который, какъ уже было сказано, уменьшился въ настоящее время до нѣсколькихъ аршинъ ситцу; иной же жалующійся бѣднякъ весьма доволенъ рѣшеніемъ аксакала, если получитъ съ своего оскорбителя одну мерлушку (15 копѣекъ серебромъ).

IV. Порядокъ приведенія въ исполненіе судейскихъ рѣшеній по дѣламъ, не особенно важнымъ, мы уже обрисовали въ общихъ чертахъ, говоря о производствѣ суда. Онъ былъ очень простъ, потому что самъ народъ, само сборище брало на себя обязанность исполнительной власти и иногда доканчивало то, чего и требовать нельзя было отъ судей, т. е. окончательно примиряло спорящихъ, пируя на ихъ праздникахъ. Такимъ образомъ, въ тотъ день, когда былъ судъ, общество обыкновенно обѣдаетъ въ аулѣ отвѣтчика, котораго уговариваетъ присоединить къ отданному штрафу турсукъ или чашку, наполненныя кумысомъ, потому что подобнаго рода посылка была знакомъ полнаго примиренія. Посылавшій кумысъ своему противнику выражалъ этимъ желаніе видѣть его у себя въ гостяхъ, и такъ какъ на другой день праздникъ былъ у истца, то послѣдній, если только получилъ этотъ знакъ забвенія прежнихъ неудовольствій, ѣдетъ къ отвѣтчику самъ звать его къ себѣ въ гости; тотъ ко-

нечно ѣдетъ, и, послѣ праздника у истца, онъ встрѣчается съ прежнимъ своимъ врагомъ по дружески.

Примиреніе родовъ, враждовавшихъ между собою за убійство, было обставлено не такою простою обрядностью. Здѣсь, по понятіямъ киргизовъ, надобно было примириться не съ одними родственниками убійцы, но, главное, съ тѣнью покойника, а это возможно было только тогда, когда и всѣ родственники убійцы помянутъ убитаго такъ, какъ родные этого послѣдняго поминаютъ его. Отсюда обрядъ уплаты куна за убитаго во многомъ сходствуетъ съ обрядами, которыми обставлено празднованіе годовыхъ поминокъ. Именно, по окончаніи суда, приговорившаго обвиненную сторону къ уплатѣ куна, старшина этой стороны назначаетъ въ присутствіи собравшагося народа день и мѣсто, гдѣ будетъ происходить разсчетъ. Въ назначеніи дня старшина руководится соображеніемъ: успѣть сдѣлать правильную раскладку на всѣхъ своихъ подчиненныхъ для образованія назначеннаго къ уплатѣ куна, потому что 100 лошадей и 9 яхши, а иногда полуторный и болѣе кунъ—не маленькій капиталецъ, чтобы о немъ не велось потомъ еще долгихъ споровъ въ аулѣ убійцы. На ближайшихъ родственниковъ послѣдняго, конечно, падаетъ большая часть расходовъ, однако соображается, чтобы имъ было чѣмъ жить, и, сообразно съ этимъ разсчетомъ, въ уплатѣ куна, болѣе или менѣе, принимаютъ участіе и всѣ, даже самые дальніе родственники, — все это дѣло родоначальника, а потому ему и предоставляется право публично объявить о днѣ торжественнаго примиренія. Въ назначенный день народъ стекается въ аулъ убійцы, около юрты котораго стоитъ шестъ съ траурнымъ флагомъ, и предназначенный къ отдачѣ скотъ, а также, на видномъ мѣстѣ разложены всѣ яхши. Во всѣхъ юртахъ, на счетъ той же складчины съ родственниковъ убійцы, варится пища для угощенія собравшагося народа. Праздникъ открывается тѣмъ, что получающая кунъ сторона садится на лошадей, вскачь несется съ крикомъ по направленію къ юртѣ убійцы, выражая этимъ, что было бы ею дѣлано, если бы виновная сторона не согласилась на примиреніе. По окончаніи этой атаки, траурный шестъ ломается, сжигается, разсматривается кунъ, и начинается угощеніе. Послѣ обѣда преступникъ съ своими родными провожаетъ получившихъ кунъ въ ихъ кочевья, гдѣ снова весь собравшійся народъ угощается на счетъ удовлетворенныхъ, и этимъ окончательно возстановляется миръ между враждовавшими родичами. Байги на этихъ праздникахъ не устроивается.

Такъ торжествовали въ средней ордѣ уплату полнаго куна. Въ настоящее время уплата куна не сопровождается такою обрядностью, однако и теперь еще многія области въ южныхъ волостяхъ придерживаются обычая торжествовать окончаніе рѣшенныхъ ихъ собственнымъ судомъ, исковыхъ дѣлъ по уголовнымъ преступленіямъ.

Губернаторская ревизія.

Слухъ о ежегодно предпринимаемой областнымъ начальникомъ поѣздкѣ по окружнымъ приказамъ, всякій разъ производитъ большой переполохъ во всѣхъ аулахъ. Намъ однажды пришлось быть въ кочевьяхъ областныхъ киргизовъ именно въ то время, когда шла въ окружномъ приказѣ губернаторская ревизія; въ другой разъ пришлось видѣть эту ревизію въ административныхъ центрахъ, а потому мы и намѣрены сказать здѣсь нѣсколько словъ какъ о самой ревизіи, такъ и о томъ переполохѣ, но не болѣе какъ переполохѣ, который она производитъ въ кочевьяхъ— говоримъ не болѣе, потому что дѣйствительныхъ послѣдствій, которыя могли бы отразиться на улучшеніи быта степныхъ жителей, ревизія не можетъ произвесть, пока будетъ идти въ томъ видѣ, какъ теперь.

Къ суду біевъ, — который, думаемъ, мы достаточно обрисовали для того, чтобы показать невозможность его существованія на прежнихъ, прочныхъ и чистыхъ началахъ, совмѣстно съ русскими учрежденіями, киргизы обращаются теперь, хотя съ прежнимъ уваженіемъ, поощряясь къ тому непониманіемъ духа русскихъ законовъ, но не съ прежнею охотою, потому что въ немъ, въ этомъ судѣ, нѣтъ силы. Поддержать древнее киргизское судоустройство во всей его полнотѣ и силѣ—значило бы оставить за неизвѣстными намъ судьями, руководившимися неизвѣстными намъ, хотя бы и основанными на народныхъ обычаяхъ, законами, право управлять спокойствіемъ степи, право вліять на народные нравы неизвѣстнымъ нашему правительству образомъ, право, которое, при измѣнившейся степной обстановкѣ, не могло быть терпимо тою верховною властію, которой покорилась степь силою историческихъ обстоятельствъ. Русское законодательство *по необходимости* должно было начать дѣйствовать тамъ, гдѣ къ его воспріятію народъ еще не былъ достаточно подготовленъ. Правительственныя учрежденія, обязанныя поддерживать его, *по необходимости* должны были столкнуться съ общественными учреж-

деніями киргизовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось немедленное примѣненіе къ дѣлу непонятнаго для киргиза и, слѣдовательно, по его понятію, несправедливаго, русскаго закона. Столкновенія эти *по необходимости* должны были измѣнить понятія киргизовъ о правѣ, а слѣдственно и ихъ понятія о силѣ своихъ общественныхъ учрежденій. Послѣднія же, лишившись своей силы, не могли имѣть для всего общества прежней цѣнности, хотя общество это и признавало за ними прежнее совершенство, прежнюю, понятную этому обществу, прелесть справедливаго суда. Сравнивать свои порядки съ вновь появившимися было легко, потому что, рядомъ съ прежними учрежденіями, нѣкогда оказывавшими одинаковую помощь и богатымъ, и бѣднымъ, и сильнымъ, и безотвѣтнымъ, явились другія, сильно принимавшія въ разсчетъ состояніе спорившихъ, ихъ значеніе въ народѣ, или покровительство ихъ у русскаго начальства, и проч. Первыя проводили понятныя всему народу идеи о справедливости, подчиняясь его обычаямъ, его взгляду на условія общественной жизни, другіе, т. е. старшіе султаны и волостные правители, не проводили никакихъ высокихъ идей въ народъ, не вполнѣ подчинялись его обычаямъ, шли наперекоръ составленному народомъ о чемъ-нибудь понятію, а объяснить ему, почему поступали такъ, а не иначе, или не хотѣли, или не могли. Вмѣсто того, чтобы воспитать себя русскимъ законодательствомъ, и свое воспитаніе передавать другимъ, стараясь примирить русскій законъ съ пониманіемъ киргиза, они топтали и топчутъ до сихъ поръ это пониманіе, а новаго не даютъ, потому что, какъ уже сказано, или не хотятъ, желая представиться въ глазахъ народа его защитниками отъ всегнетущей, будто бы, чуждой власти, или не могутъ, сами не понимая истиннаго смысла нашихъ законовъ, что сводится одно на одно. Свои прежнія учрежденія киргизу нельзя было не любить, потому что біи сами подавали примѣръ уваженія къ тому, что установлено было народомъ, и, какъ ни несовершенны были распространенныя въ народѣ понятія о справедливости, онъ другихъ не зналъ и потому чтилъ ихъ, имъ только безъусловно и подчинялся; столкнувшись же съ русскимъ законодательствомъ, киргизы увидѣли, что оно не согласно съ выработанными степною цивилизаціею идеями, народъ только догадался, что есть другая, лучшая идея правды, но въ дѣйствіяхъ истолкователей этой идеи, въ русскихъ степныхъ учрежденіяхъ онъ ее не видѣлъ. Отсюда понятно, что любить эти учрежденія онъ не могъ, хотя и подчинился имъ въ надеждѣ разъискать въ высшихъ правительственныхъ инстанціяхъ руководящую всѣми учрежденіями идею.

Не находя ея въ дѣйствіяхъ своихъ волостныхъ правителей, засѣдателей, старшихъ султановъ, онъ ищетъ ее въ окружныхъ приказахъ, въ распоряженіяхъ военнаго губернатора, адресуется, наконецъ, съ своими жалобами и къ генералъ-губернатору,—и такимъ путемъ постепенно знакомясь болѣе и болѣе съ истиннымъ смысломъ нашего законодательства, съ благими цѣлями правительства, съ настоящими требованіями высшей власти, научается отличать законныя дѣйствія своихъ ближайшихъ начальниковъ отъ незаконныхъ, и хотя, сознавая свое безсиліе, онъ равно безропотно подчиняется какъ тѣмъ, такъ и другимъ, однако всегда ласкаетъ себя надеждою, въ случаѣ обиды, найдти справедливость выше, всегда таитъ въ себѣ желаніе принести жалобу, былъ бы только къ тому удобный случай. И вотъ однимъ изъ такихъ удобныхъ случаевъ, гдѣ являлась бы для киргизовъ возможность воспользоваться дарованнымъ имъ ихъ Государемъ правомъ жаловаться на свое окружное начальство областному [1])—представляется губернаторская ревизія [2]).

Мы знаемъ, какъ много подается киргизами жалобъ и въ окружные приказы, и въ областное правленіе, и военному губернатору и даже генералъ-губернатору Западной Сибири, жалобъ, признающихся начальствомъ то справедливыми, то нѣтъ, то заслуживающими вниманія, то нѣтъ; мы и теперь признаемъ, какъ обременены русскія учрежденія киргизскими жалобами разнаго рода; между мѣстнымъ начальствомъ уже успѣло составиться убѣжденіе, что большая часть киргизскихъ жалобъ пусты, что киргизъ любитъ жаловаться и что поэтому на многія изъ его жалобъ не должно обращать большаго вниманія. Но мы не знаемъ того, что масса жаждущихъ, но по разнымъ причинамъ не смѣющихъ принести словесную жалобу на свое мѣстное начальство, гораздо значительнѣе; не знаемъ, что при каждой ревизіи губернатору готовится киргизами такой ворохъ письменныхъ прошеній, который не было бы никакой возможности не только разобрать и изслѣдовать, но просто прочитать. Какъ первые, т. е. не имѣвшіе возможности или смѣлости изложить свою жалобу письменно, такъ и вторые, т. е. имѣвшіе эту возможность, — не выполняютъ того,

[1]) «Жалобы на старшаго султана, на членовъ приказа и начальника стражи подаются письменно областному начальству» (§ 213, глава V, уставъ о сибирскихъ киргизахъ).

[2]) «Одинъ разъ въ году областной начальникъ отправляется самъ или отряжаетъ особыхъ чиновниковъ для обозрѣнія и ревизіи порядка въ степи» (§ 267, глава VIII, уставъ о сибирскихъ киргизахъ).

на что по видимому нѣкоторые изъ нихъ уже рѣшились, написавъ прошеніе. До ревизіи киргизъ необыкновенно храбръ, клянется, что подастъ жалобу, положимъ, на своего волостнаго правителя; пріѣхавъ въ мѣсто расположенія окружнаго приказа, онъ свою горячность уже значительно поумѣрилъ; видя все свое начальство въ сборѣ, въ ожиданіи пріѣзда губернатора, онъ успѣваетъ остыть совершенно; а лишь только приходится идти въ мѣсто общаго сборища, гдѣ губернаторъ спрашиваетъ киргизовъ, всѣмъ ли они довольны, нашъ смѣльчакъ далеко за пазуху запрятываетъ приготовленное прошеніе, расчитывая въ будущую ревизію пожаловаться непремѣнно, а теперь посмотрѣть на тѣхъ, которые менѣе его трусятъ подпасть въ послѣдствіи притѣсненіямъ волостнаго султана, въ случаѣ ежели поданная на послѣдняго жалоба какъ-нибудь не дойдетъ по назначенію, или не обратитъ вниманія высшаго начальства и проч.

Источникъ появленія безчисленнаго множества недовольныхъ находится въ безсиліи суда біевъ и въ безконтрольныхъ дѣйствіяхъ презираемыхъ народомъ волостныхъ и старшихъ султановъ, которымъ русскій законъ хотя и не далъ права быть ни владѣтелями, ни помѣщиками надъ подвѣдомственными имъ киргизами *), но которые, тѣмъ не менѣе, сами присвоили себѣ право какихъ-то владѣтельныхъ князьковъ, пользуясь безропотностью невѣжественнаго народа, запуганнаго прежними строгими уроками, преподанными ему русскими за неповиновеніе установленнымъ правительствомъ властямъ. Каждый волостной беретъ что хочетъ, дѣлаетъ что ему ни вздумается, и опираясь, съ одной стороны на поддержку старшаго султана, которому исправно платитъ, съ другой на то обстоятельство, что его вѣдь самъ же народъ выбралъ (хотя мы уже знаемъ, какъ дѣлаются эти выборы), — никого не боится; въ случаяхъ возникновенія ропота, подачи на него жалобъ, онъ смѣло отвѣчаетъ, что эти недовольные не болѣе, какъ люди легкомысленные, по напрасну волнующіе народъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, — и этою нахальною смѣлостью иногда дѣйствительно успѣваетъ убѣдить высшую мѣстную власть въ своей правотѣ; ежели же строгое слѣдствіе раскроетъ его злоупотребленія, онъ рискуетъ только лишиться мѣста, но нисколько не боится подпасть иному, болѣе строгому, законному возмездію за свои преступныя дѣйствія. Эта

---

*) «Султаны надъ подвѣдомственными имъ киргизами не имѣютъ права ни владѣтеля, ни помѣщика, но суть только волостные правители, отъ высшаго начальства съ согласія народа постановленные» (§ 274, глава IX, уставъ о сибирскихъ киргизахъ).

безбоязненность, при совершенномъ непониманіи своихъ обязанностей, но при невѣжественномъ пониманіи только своихъ правъ, отличаетъ каждаго волостнаго султана, всегда пользующагося своею властію единственно только для достиженія своихъ личныхъ выгодъ. Гдѣ нѣтъ этихъ выгодъ, тамъ невѣжественный азіятецъ ничего не захочетъ сдѣлать, или ничего не сможетъ, ежели бы и хотѣлъ быть отголоскомъ высшей правительственной власти. Оказываясь, такимъ образомъ, совершенно безполезнымъ для правительства, учрежденіе это не можетъ быть безвреднымъ для народа, потому что, не зная народныхъ обычаевъ или, лучше сказать, не умѣя ихъ уважать, волостной правитель, между тѣмъ, чинитъ судъ и расправу, хотя подобное дѣйствіе ему и запрещено § 97 устава о сибирскихъ киргизахъ.

Правительству нужно было посредствующее между окружными приказами и множествомъ аульныхъ старшинъ учрежденіе, и оно нашло такое въ волостныхъ правителяхъ, которые, на основаніи § 104 устава о сибирскихъ киргизахъ, исполняя всѣ судебные приговоры, приводя въ исполненіе, на основаніи § 101 того же устава, всѣ повелѣнія приказа, собирая всѣ требуемыя послѣднимъ свѣдѣнія, на основаніи § 100 того же устава, и наконецъ будучи агентами старшаго султана, черезъ волостныхъ правителей собирающаго разные устанавливаемые имъ сборы (объ этихъ сборахъ говорится ниже), успѣли до такой степени усилиться въ народѣ, напугать киргизовъ своими, и законными, и незаконными, дѣйствіями, что въ нихъ по неволѣ народъ долженъ былъ видѣть силу большую, нежели въ своемъ судѣ біевъ, къ которому по этому люди, почему нибудь разсчитывавшіе на поддержку волостнаго или старшаго султана, перестали обращаться. И прежде судъ біевъ отказывался отъ права приводить въ исполненіе свои рѣшенія, но между тѣмъ эти рѣшенія строго приводились въ исполненіе, потому что за это дѣло брался народъ. Теперь же этотъ судъ долженъ былъ въ большей части случаевъ отказаться и отъ постановленія рѣшеній, потому что сторона, боявшаяся проигрыша, къ нему не прибѣгала, а обращалась къ волостному или засѣдателю, къ старшему султану, или даже въ окружной приказъ и выше, вслѣдствіе чего и общество должно было отказаться отъ приведенія въ исполненіе рѣшеній, сдѣланныхъ какимъ бы то ни было учрежденіемъ, то есть и своими общественными судами, выслушивавшими жалобу только одной стороны, и русскими учрежденіями, къ которымъ обращалась другая сторона. Рѣшенія первыхъ прежде выполнялись въ точности, потому что

были уважаемы народомъ, теперь неимѣвшимъ прежней охоты ихъ выполнять, вслѣдствіе того, что они должны были быть по необходимости односторонни, да и неимѣвшимъ къ тому и прежней силы приводить въ исполненіе эти рѣшенія, потому что въ степи явилась другая исполнительная, гораздо сильнѣйшая власть волостныхъ и старшихъ султановъ, окружныхъ приказовъ и проч. Рѣшенія же русскихъ учрежденій, вслѣдствіе еще большей ихъ односторонности, вовсе не могли быть уважаемы народомъ, но такъ какъ за ними была сила, то имъ и подчинялись киргизы наружно; но чтобы общество энергически взялось за приведеніе ихъ въ исполненіе, какъ это оно дѣлало прежде въ отношеніи рѣшеній біевъ, чтобы явилось точное, немедленное, сознательное выполненіе правительственныхъ распоряженій—этого быть не могло, не можетъ этого быть и въ будущемъ, если не измѣнится нынѣшній порядокъ. Результатомъ такого порядка явилось въ степи то, что передъ богатымъ окончательно смолкло все; бѣдный человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ правъ, сталъ всегда проигрывать въ тяжбѣ съ достаточнымъ киргизомъ. Будучи обиженъ послѣднимъ, онъ терпѣливо сноситъ все, изъ боязни проиграть еще болѣе, потому что обратись онъ къ все таки, по народному убѣжденію, справедливѣйшему и до сихъ поръ суду біевъ, богатый тотчасъ обратится къ волостному или старшему султану и, разумѣется, выиграетъ, а бѣднаго, не смотря на понесенный имъ ущербъ, заставятъ еще, пожалуй, вымаливать прощеніе у будто бы оскорбленнаго имъ бая. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда люди равнаго состоянія рѣшаются прибѣгнуть къ суду біевъ, обидчикъ теперь имѣетъ возможность не удовлетворить обиженнаго, а общество безсильно принудить его къ выполненію судейскаго рѣшенія, потому что трепещетъ всегда противорѣчащаго бійскимъ рѣшеніямъ рѣшенія волостнаго, къ которому не замедлитъ обратиться киргизъ, не желающій подчиниться своему суду. Прекрасное учрежденіе это падаетъ, а новаго, удовлетворяющаго народное понятіе о справедливости пока еще не является,—и чѣмъ безсильнѣе становится судъ біевъ, тѣмъ менѣе народъ уважаетъ русскія учрежденія, присвоивающія себѣ власть, которую управляемые внутренно за ними не признаютъ, хотя наружно это какъ будто въ нихъ и проявляется. Наружная же покорность гораздо хуже явнаго неповиновенія. Она-то именно и успѣла породить ту вредную раздвоенность управленія степью, которую мы замѣчаемъ теперь и при которой нѣтъ никакой возможности успѣшно привить къ народу начала нашего законодательства. Мы сказали, что къ безсильному теперь

суду біевъ киргизы имѣютъ возможность не обращаться, результатомъ чего является то безплодное обремененіе мѣстнаго начальства рѣшеніемъ исковыхъ дѣлъ, котораго правительство наше, вводя уставъ о сибирскихъ киргизахъ, желало избѣжать *), и котораго однако, по вышеизложеннымъ причинамъ, оно не избѣгло. Вышло то, что дѣло, бывъ рѣшено вверху, т. е. когда рѣшеніе правительственнаго учрежденія пріобрѣтаетъ для киргиза уже силу закона, снова перерѣшается внизу, потому что, при приведеніи его въ исполненіе, избѣжать общественнаго обсужденія уже обѣ стороны не могутъ и по неволѣ должны обратиться къ прежде оставлявшемуся ими въ сторонѣ суду біевъ. Послѣдній же иначе не можетъ разсудить подлежащее къ исполненію рѣшеніе, какъ переиначивъ его, сообразно съ народнымъ пониманіемъ, и если ему это удается, обѣ стороны выполняютъ хотя и не то, что постановлено свыше, но за то не ссорятся; если же не удается, снова возникаетъ искъ по тому же самому дѣлу. Такихъ, безпрерывно возобновляемыхъ киргизами исковъ по одному и тому же дѣлу множество. Покончить ихъ нѣтъ никакой возможности, да и никогда не будетъ, при равнодушіи общества къ тѣмъ рѣшеніямъ сверху, которыя несогласны съ рѣшеніями судовъ біевъ. Истинно всѣмъ управляютъ аульные старшины, уважающіе только бійскія рѣшенія, но наружно подчиняющіяся всѣмъ выходящимъ сверху постановленіямъ. Наружно всѣмъ управляютъ старшіе султаны, черезъ волостныхъ правителей, неуважающихъ общественныхъ учрежденій киргизовъ, и потому истинно ненавидимыхъ народомъ, безпрекословно—только наружно, имъ повинующимся. Ничего нѣтъ мудренаго, что, при такомъ тягостномъ положеніи, народъ постоянно ищетъ возможности выйдти изъ него подачею жалобъ не въ окружной приказъ, въ безсиліи котораго давно уже убѣдились киргизы, но къ ежегодно посѣщающему степь областному начальнику.

Дѣйствительно обиженныхъ и не получившихъ удовлетворенія множество; надежды найдти правдивый судъ въ своихъ кочевьяхъ нѣтъ никакой. Остается одна ревизія, гдѣ каждый имѣетъ право изустно или письменно жаловаться объѣзжающему область русскому чиновнику, котораго, киргизы знаютъ это, подкупить уже нѣтъ никакой возможности, который

---

*) «Всѣ исковыя дѣла разбираются посредствомъ біевъ въ аулахъ и волостяхъ» (§ 215, глава V устава о сибирскихъ киргизахъ); къ исковымъ дѣламъ причисляется даже кража (тамъ же § 207).

можетъ показать народу, что и надъ старшимъ султаномъ есть законъ, одинаково для всѣхъ обязательный, который своими распоряженіями не отчаяваетъ, но обнадеживаетъ киргизъ на измѣненіе ихъ нынѣшняго устройства къ лучшему, и хотя многіе, судя по нѣкоторымъ явленіямъ *), давно потеряли эту надежду, но большинство думаетъ иначе, разсчитывая что придетъ же наконецъ и новое устройство, которое дѣйствительно ограничитъ тяготящій населеніе произволъ волостныхъ и старшихъ султановъ. Оно вправѣ такъ думать, потому, что высшее русское начальство безпрестанно повторяетъ ему § 97 устава о сибирскихъ киргизахъ, по которому судъ и расправа не зависятъ отъ поставленныхъ надъ нимъ султановъ, а принадлежитъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, ихъ собственнымъ учрежденіямъ, имѣющимъ это право по тому же уставу, на основаніи §§ 215, 216 и 217 судебнаго наказа. Оно видитъ, такимъ образомъ, что русское правительство вовсе не имѣло въ виду облечь султановъ и судебною, и исполнительною властію, видитъ, что верховная власть, вводя въ дѣйствіе уставъ о сибирскихъ киргизахъ, желала уважить и народныя, общественныя учрежденія, если и потерявшія свою силу и значеніе, то не по тому, чтобы этого искало русское правительство, но по тому, что этому правительству нужно было, при первоначальномъ устройствѣ степи, установить нѣкоторыя посредствующія исполнительныя учрежденія, безправно захватившія въ свои руки и другую сторону власти, помимо желанія правительства. Все это очень хорошо сознаетъ народъ, и потому-то вся его надежда на ревизію; всѣ ждутъ не дождутся того дня, когда ихъ округъ посѣтитъ губернаторъ.

Задолго до начала ревизіи начинаются между киргизами толки и предположенія о томъ, какой исходъ можетъ имѣть подача жалобы: не

*) Лѣтомъ 1863 года, слѣдомъ за военнымъ губернаторомъ, разъѣзжала по окружнымъ приказамъ коммисія, состоявшая изъ совѣтника областнаго правленія, г. Яценко, на обязанности котораго лежало прочтеніе еще неразъѣхавшимся въ кочевья киргизамъ проэкта вводившагося въ Имперіи новаго судопроизводства, съ тѣмъ, чтобы узнать мнѣніе киргизъ, ихъ желанія относительно введенія и у нихъ новаго порядка. Состоявшій въ этой коммисіи, въ качествѣ толмача, г. Валихановъ (сынъ старшаго султана кокчетавскаго округа) обязанъ былъ объяснять киргизамъ сущность проекта и пр. Какъ поняли киргизы своего толмача, видно изъ слѣдующихъ, сыпавшихся по окончаніи чтенія, вопросовъ: «скажи, зачѣмъ намъ все это читаютъ? насъ не желаютъ-ли обратить въ крестьянъ? насъ не будутъ-ли брать въ солдаты?» и проч. въ этомъ родѣ. Имъ отвѣчаютъ на всѣ эти вопросы: нѣтъ.— «Ну—такъ мы довольны и тѣмъ, что есть». Такъ и записывала коммисія: киргизы молъ желаютъ остаться при прежнемъ порядкѣ вещей.

обидится ли этимъ старшій султанъ, покровительствующій всѣхъ волостныхъ? И если обидится, то вѣдь тогда житья не будетъ? Наконецъ, письменная просьба можетъ дойти до начальства, можетъ и не дойти, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не гарантированъ киргизъ, что его жалоба получитъ надлежащій ходъ, а такъ какъ нѣтъ увѣренности въ этомъ, то лучше не ссориться съ своимъ мѣстнымъ начальствомъ, —заключаютъ благоразумнѣйшіе, и этими заключеніями самыхъ смѣлыхъ изъ киргизовъ отваживаютъ отъ подачи жалобы. Вотъ почему, желающихъ аппелировать въ каждомъ округѣ—тьма, а жалобу къ губернатору подаетъ одинъ или два человѣка, да и этихъ, въ случаѣ ихъ неуспѣха, сопровождающаго бо̀льшую часть киргизскихъ жалобъ, народъ потомъ осыпаетъ насмѣшками, какъ и всякую неудачную попытку; а волостной правитель ужъ дастъ почувствовать свою власть нарушителямъ его спокойствія такъ, какъ будто они были нарушители общественнаго спокойствія. Казалось бы эти насмѣшки сотоварищей, эта боязнь подпасть гнѣву волостнаго и старшаго султановъ должны были бы совершенно уничтожить у киргизовъ всякое проявленіе намѣренія пожаловаться. Ничуть не бывало. Этимъ намѣреніемъ только и живетъ киргизъ, имъ только онъ и стращаетъ еще своихъ притѣснителей—начальниковъ, нѣсколько умѣряя этимъ ихъ деспотическія дѣйствія: нѣтъ, нѣтъ, а все же иногда и повидимому пустая жалоба можетъ послужить къ наряду слѣдствія, раскрывающаго такія злоупотребленія султана, за которыя тотъ лишается мѣста. Тому бывали примѣры. И хотя на мѣсто смѣщенной является новая, совершенно такая же личность, все-таки эта личность опасается ревизіи, что тотчасъ же выражается и въ ея дѣйствіяхъ, а для киргиза совершенно достаточно и этого одного, чтобы прибѣгать къ запугиванію своихъ начальниковъ намѣреніемъ пожаловаться, намѣреніемъ, которое не приводится въ исполненіе, отчасти, какъ уже сказано, изъ одной неувѣренности въ благопріятномъ исходѣ жалобы, иногда же именно отъ убѣжденія въ томъ, что жалоба вызоветъ дорого обходящееся для хозяйства киргизовъ слѣдствіе (см. выше отдѣлъ скотоводство), да и частая смѣна волостныхъ опять невыгодна, потому что каждый, затратившій извѣстную сумму на то, чтобы выборъ устроился въ его пользу, потомъ сторицею возвращаетъ эту сумму съ своихъ подчиненныхъ. Все это хорошо взвѣсивъ, посовѣтовавшись съ своими аксакалами, киргизъ задался одною системою застращиванія, для чего собственно онъ и готовитъ письменное прошеніе; иногда ѣдетъ къ старшему султану посовѣтоваться на счетъ того, что вотъ онъ намѣренъ

принести такую и такую жалобу. Онъ знаетъ напередъ, что старшій султанъ ему отсовѣтуетъ это, и ежели прибѣгаетъ къ этой уловкѣ, то единственно съ тѣмъ, чтобы это дошло до волостнаго или до какого-нибудь богатаго притѣснителя, который иной разъ, подъ вліяніемъ боязни отвѣтственности, и согласится отдать бѣдняку то, что отнялъ отъ него, вознаградить его за какую-нибудь прежде нанесенную обиду и проч. Такимъ образомъ киргизъ иногда достигаетъ цѣли и не подавая жалобы, если только онъ наткнулся на человѣка, мало знакомаго съ нашимъ административнымъ порядкомъ, т. е. не на тертый калачь, очень хорошо знающій, что проситель навѣрное не выполнитъ своего намѣренія, а ежели и выполнитъ, то этотъ тертый калачь знаетъ, какъ выпутаться, и потому, разумѣется, не его имѣетъ въ виду застращать требующій о своемъ намѣреніи жаловаться киргизъ, а кого-нибудь изъ новичковъ-обидчиковъ. Слава Богу, что хоть на кого-нибудь да дѣйствуетъ страхъ, наводимый губернаторскою ревизіею. За одну надежду на облегченіе своей участи, вселяемую въ бѣдное, безотвѣтное населеніе дарованнымъ ему правомъ жаловаться на кого бы то ни было, населеніе это мирится съ тяжелыми для него русскими учрежденіями, безропотно повинуется имъ, и право стоитъ того, чтобы эта надежда когда-нибудь да осуществилась. Впрочемъ, покамѣстъ хорошо и то, что каждогодная ревизія, какъ бы она ни выражалась, производитъ, какъ мы въ началѣ замѣтили, нѣкоторый переполохъ, какъ въ аулахъ, такъ и въ русскихъ селеніяхъ, потому что и здѣсь многіе связаны съ киргизами по долго-неразрѣшающимся исковымъ дѣламъ. Этихъ многихъ интересуетъ—не будутъ-ли эти дѣла рѣшены въ эту ревизію, и какъ именно; идутъ разные толки въ разныхъ кружкахъ, составляются соображенія о томъ, какія последствія может имѣть та или другая жалоба, разузнается мнѣніе старшаго султана по нѣкоторымъ дѣламъ; по другимъ—мнѣніе русскихъ засѣдателей. Точно также и намѣревающіеся отправиться въ приказъ для подачи жалобы киргизы предварительно узнаютъ, какіе могутъ быть сдѣланы ихъ противниками доводы, мѣряютъ свое оружіе, и, сообразно этому, исправляютъ написанныя своими грамотеями прошенія, при помощи нѣкоторыхъ толмачей, по какимъ-нибудь своимъ соображеніямъ подстрекающихъ киргизовъ къ тѣмъ или другимъ, болѣе или менѣе убѣдительнымъ пріемамъ (разумѣется, все это не даромъ, хотя по большей части безполезно).

Наконецъ приближается послѣднее время ревизіи, производимой въ

маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ: въ эти два мѣсяца губернаторъ успѣваетъ объѣхать всѣ областные административные центры, потому что въ каждомъ изъ нихъ рѣдко останавливается болѣе трехъ или четырехъ дней; развѣ задержитъ что-нибудь особенное. По своему усмотрѣнію, областной начальникъ, или его помощникъ, начинаетъ поѣздку съ праваго фланга т. е. ѣдетъ черезъ Кокчетавъ, Атбассаръ, Акмоллы, Каркараллы въ Баянъ-аулъ, откуда, черезъ Павлодаръ, возвращается въ Омскъ, или наоборотъ съ лѣваго фланга. Киргизы съ нетерпѣніемъ,—поводы къ проявленію котораго, полагаемъ, мы достаточно обрисовали, - слѣдятъ за движеніемъ походной канцеляріи начальника. Въ каждомъ аулѣ, и безъ повѣстокъ, присылаемыхъ въ кочевья волостнаго, для заблаговременнаго увѣдомленія подвѣдомственныхъ ему аульныхъ старшинъ о времени прибытія въ приказъ военнаго губернатора, извѣстно, гдѣ послѣдній находится въ данный моментъ. Вѣсть о томъ, что, гдѣ сказалъ губернаторъ, какія распоряженія и по какимъ дѣламъ имъ сдѣланы въ томъ или другомъ приказѣ, какой адъютантъ и какой толмачь его сопровождаютъ и т. п., съ быстротою молніи разносятся по ауламъ, гдѣ все копошится приготовленіями къ поѣздкѣ въ свой диванъ (дуанъ-ге), какъ киргизы называютъ наши приказы. Все по немногу собирается къ назначенному для ревизіи сроку. Въ аулахъ остаются только женщины съ дѣтьми, да работники, да тѣ немногіе изъ дикарей, хотя и знатнаго происхожденія, но почему то нелюбящіе русское чиновничество, боящіеся показаться на его глаза, число которыхъ, чѣмъ ближе къ линіи, тѣмъ менѣе, и вообще каждый годъ всюду уменьшается. Не устроиваемый для киргизовъ праздникъ, которымъ сопровождается каждый пріѣздъ губернатора въ мѣсто расположенія приказа, влечетъ сюда любопытныхъ, но единственно желаніе быть свидѣтелемъ, какой исходъ будутъ имѣть разныя, давно задуманныя и всѣмъ извѣстныя жалобы.—Киргизъ разсчитываетъ пріѣхать въ приказъ за два, много за три дня, чтобы не переплачивать много поденныхъ денегъ станичнымъ казакамъ за постой, харчи, прислугу; нѣкоторые везутъ съ собою палатки и коши, располагаясь въ окрестностяхъ селенія; иныя пригоняютъ съ собою и скотъ, какъ для праздника, такъ и для того, чтобы прокормиться до времени окончанія ревизіи; всѣ вообще запасаются хорошею одеждою, а имѣющіе почетные кафтаны, эполеты, медали и другія знаки отличія, не забываютъ захватить все это съ собою.

Одинъ изъ дней своего пребыванія въ приказѣ областной началь-

никъ употребляетъ на осмотръ войскъ и всѣхъ казенныхъ зданій, другой на ревизію дѣлъ въ приказѣ, послѣ чего въ тотъ же или на другой день назначается байга, о которой сказано въ главѣ III (отдѣлъ скотоводства).

Въ день, назначенный для ревизіи дѣлъ, на дворѣ приказа собраны: всѣ волостные правители, аульные старшины, киргизы въ своихъ почетныхъ и непочетныхъ кафтанахъ. Въ присутствіи приказа собраны всѣ чиновники русскіе, толмачи, засѣдатели отъ киргизъ и старшій султанъ. Приносится денежный ящикъ, въ присутствіи губернатора повѣряются суммы, потомъ производится опросъ собраннаго на дворѣ народа, принимаются письменныя прошенія отъ смѣльчаковъ, но большею частью слышатся клики: всѣмъ довольны, такъ, по крайней мѣрѣ, переводитъ народныя восклицанія состоящій при губернаторѣ толмачь. Остается, стало-быть, только отпраздновать день ревизіи, что и дѣлается, какъ уже сказано, въ тотъ же или на другой день. Здѣсь уже всѣмъ управляетъ старшій султанъ, а потому и рѣчи о томъ, чтобы кому-нибудь высказать во время праздника свое неудовольствіе—быть не можетъ, по этому рѣшившіеся на такое дѣло, но почему-либо не успѣвшіе въ немъ во время такъ называемой ревизіи дѣлъ, откладываютъ свою рѣшимость до будущей ревизіи—и такъ ведется дѣло полстолѣтія.

Здѣсь считаемъ неумѣстнымъ говорить о томъ, при какихъ условіяхъ ревизія могла бы принести киргизамъ болѣе, нежели теперь, существенную пользу, но не можемъ умолчать о важной роли, какую играетъ въ ней состоящій въ походной канцеляріи губернатора толмачь. Черезъ него доходятъ до областнаго начальника всѣ изустныя жалобы народа. Не знаемъ въ какой степени справедливъ слухъ о томъ, что жалобу киргиза, энергически изъяснявшаго губернатору вынесенныя имъ отъ мѣстныхъ властей притѣсненія, толмачь имѣлъ дерзость перевести слишкомъ уже вольнымъ переводомъ, именно онъ представилъ жалобу киргиза восторженною похвалою русскому управленію, благодарностью губернатору, который въ свою очередь отблагодарилъ киргиза за его будто бы лестныя выраженія. Непонимающіе русскаго языка киргизы съ недоразумѣніемъ взирали на хладнокровіе начальника, на его улыбку по выслушаніи столь энергически выраженной жалобы, понимавшіе удивлялись смѣлости переводчика, который, какъ добавляютъ разсказывавшіе намъ эту исторію, не былъ преданъ суду, чѣмъ конечно немало было подорвано уваженіе къ высшей мѣстной власти, а чрезъ это и надежда на поддержку, которая когда-нибудь да придетъ же къ загнанному населенію, съ нетерпѣніемъ

ожидающему этой поддержки, все болѣе и болѣе слабѣетъ. Еще разъ, не знаемъ въ чемъ именно состояла упомянутая жалоба, и какъ она была переведена, но, судя по тому, что сами видѣли *), охотно вѣримъ возможности подобныхъ злоупотребленій со стороны толмачей.

Говорить, какова по настоящему должна быть административная обстановка столь важнаго для киргизовъ явленія, какъ ежегодная ревизія, не входитъ въ программу этого сочиненія, но какъ она производится мы сказали рѣшительно все. Добродушнѣйшіе пастухи, разъѣхавшись по ауламъ на другой или на третій день по отбытіи губернатора изъ окружнаго селенія, долго еще толкуютъ о бывшей ревизіи. И дѣйствительно есть о чемъ.

Привозъ оптовыхъ закупокъ въ аулъ.

Пересчитывая случаи, нарушающіе обыкновенное теченіе жизни киргизовъ въ аулахъ, нельзя не упомянуть и о прибытіи въ аулъ каравановъ съ ежегодно закупаемымъ къ зимѣ разнымъ товаромъ. Кочующій всегда

---

*) Въ 1863 году, въ одномъ изъ областныхъ округовъ (опять не упоминаемъ въ какомъ, потому что разсказываемый случай можетъ имѣть мѣсто въ каждомъ), волостной толмачь, по наущенію засѣдателя отъ киргизовъ и проискамъ другихъ лицъ, написалъ отъ имени волостнаго правителя, при которомъ состоялъ, его прошеніе объ отставкѣ, на что тотъ его конечно не уполномочивалъ. Къ прошенію приложилъ тамгу (печать) волостнаго (печать волостныхъ обыкновенно въ рукахъ толмачей, такъ какъ послѣдніе заправляютъ всѣми письменными дѣлами по волости), и далъ написанной имъ бумагѣ установленный ходъ. Узнавшій объ этой продѣлкѣ своего толмача волостной отправился было (разумѣется съ подаркомъ) жаловаться къ старшему султану, но послѣдній принялъ его холодно, потому что уже получилъ отъ новаго претендента на открывшееся мѣсто порядочный кушъ. Оставалось ждать ревизіи. Волостной былъ человѣкъ смѣлый, и потому на первой же ревизіи разсказалъ губернатору продѣлку толмача, добавивъ, что онъ вовсе не просилъ объ удаленіи его съ этой должности, и въ заключеніе передалъ письменное прошеніе, заключавшее въ себѣ сущность жалобы. Состоявшій при губернаторѣ толмачь перевелъ жалобу волостнаго далеко не въ такомъ смыслѣ, чтобы она могла обратить на себя особенное вниманіе начальника. Какимъ образомъ, гдѣ, и кѣмъ разбиралась письменная жалоба—неизвѣстно, только старый волостной былъ въ эту же ревизію смѣненъ и осыпанъ насмѣшками киргизовъ, а новый принялъ бразды правленія. Я спрашивалъ потомъ у смѣненнаго волостнаго, что онъ теперь намѣренъ дѣлать. «Еще не одна ревизія впереди, буду жаловаться въ слѣдующую»—говоритъ. Не знаю, чѣмъ кончилось это интересное дѣло, но о толмачахъ — волостномъ, учинившемъ подлогъ, и о томъ, что состоялъ при губернаторѣ, справлялся—оба остаются на своихъ мѣстахъ.

въ направленіи къ какимъ-либо рыночнымъ складамъ аулъ, съ того мѣста, съ котораго, обыкновенно въ половинѣ лѣта, поворачиваетъ обратно къ зимовкамъ, отправляетъ нѣсколько верблюдовъ на ближній рынокъ въ знакомыя лавки, или къ извѣстному торговому кошу и проч., для забора ирбитскаго товара къ зимѣ. Товаръ этотъ, прибывающій въ область еще въ апрѣлѣ (иногда даже въ концѣ марта), раскупается и раньше, но не такими оптовыми партіями, какъ въ половинѣ лѣта. Въ это время каждая семья аула, отправляющаго караванъ за новыми закупками, уже успѣла разсчитать, что именно нужно ремонтировать къ будущему году изъ платья, посуды и проч.; кромѣ того извѣстно, что ирбитскій товаръ расходится обыкновенно скоро, и къ концу лѣта или осенью цѣны на него иногда слишкомъ возрастаютъ, а макарьевскій товаръ прибываетъ въ степь не раньше, какъ въ декабрѣ. Вслѣдствіе этихъ разсчетовъ, о будущей зимней швейной работѣ приходится подумать именно теперь. Съ караваномъ, состоящимъ изъ представителей семей, составляющихъ извѣстный аулъ, отправляется иногда и старшина, потому что при этомъ торговецъ вѣритъ въ долгъ болѣе. Вотъ возвращенія-то этого каравана въ аулъ и ждутъ всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ. Его прибытіе тотъ же праздникъ. Разсматриваются закупки, соображаются долги, идутъ толки о предстоящей зимней работѣ, женщины примѣряютъ привезенныя мужьями обновы, дѣвушки щеголяютъ сдѣланными ихъ родителями подарками и проч. Чтобы приблизительно опредѣлить размѣръ этихъ ежегодно дѣлаемыхъ каждою киргизскою семьею закупокъ, скажемъ нѣсколько словъ объ одеждѣ киргизовъ, о которой до сихъ поръ мы почти еще ничего не говорили, а между тѣмъ ремонтъ которой—главный поводъ дѣлать эти закупки.

Исподнее платье мужчинъ и женщинъ во всѣхъ мѣстностяхъ области составляютъ ситцевыя рубахи и такіе же, короткіе, но широкіе шальвары. Поверхъ этого платья надѣваются халаты, покрытые нанкою, а поверхъ ихъ, лѣтомъ плисовые, а зимою кожаные шаравары или *чамбары*. На ногахъ у женщинъ и дѣвушекъ полусапожки своей домашней работы, или сапоги; у мужчинъ длинные козловые сапоги или *ичиги*, и, какъ въ послѣднихъ, по причинѣ чрезвычайной тонкости подошвы, опираться на стремя или ходить по землѣ было бы больно, то каждый, кромѣ ичигъ, непремѣнно имѣетъ и калоши изъ твердой, дурно вымоченной кожи. Вмѣсто чулковъ служатъ онучи. Про главный уборъ женщины и дѣвушки мы уже говорили (см. выше); бритую голову

мужчинъ прикрываетъ ермолка, покрытая полушелковою тканью (друя или парча) и подбитая шелковою матеріею или ситцемъ; у нѣкоторыхъ ермолка вышита золотомъ и серебромъ; сверхъ нея надѣвается, лѣтомъ, бѣлая войлочная шапка въ родѣ колпака, зимою остроконечный, подбитый разнымъ мѣхомъ (собольимъ, кошачьимъ, волчьимъ, барсучьимъ, бѣличьимъ, но преимущественно лисьимъ) и покрытый сукномъ, плисомъ, а то и просто ситцемъ, треухъ, отлично прикрывающій уши и затылокъ. Галстуховъ и шарфовъ ни въ какое время года мужчины не носятъ; женщины еще укутываютъ шею покрываломъ головнаго убора, а дѣвушки завязываютъ платкомъ; мужчинъ же и зимою, въ самые трескучіе морозы, можно встрѣтить иногда съ полуоткрытою грудью, а если шея и завязана платкомъ поверхъ халата, то всегда очень неакуратно.

Поверхъ перваго халата мужчины надѣваютъ другой, съ лучшею покрышкою, т. е. полушелковою, иногда шелковою, а то и съ суконною, а сверхъ этого, если время зимнее, армякъ изъ шерстяной матеріи, или изъ кошачьихъ или куланьихъ шкуръ, иногда шубу лисью, волчью, собачью и проч., и поверхъ всего другіе кожаные шаровары; подпоясываются калтою, т. е. кожанымъ поясомъ, къ которому привѣшиваются разные мѣшечки и футляры для ножей, огнива, и проч. Женщины и дѣвушки, на первый халатъ тоже надѣваютъ другой; иногда же, вмѣсто этого другаго халата, надѣвается ситцевое, шелковое или полушелковое платье, въ родѣ длинной рубахи; отправляясь въ зимнюю дорогу, и онѣ укутываются въ шубы и армяки, сверхъ которыхъ надѣваются кембары.

Нижнее платье, т. е. рубашки и шальвары, каждая семья ремонтируетъ ежегодно, потому что ежели на человѣка приходится двѣ рубахи и двѣ пары шальваръ—это много, а одна изнашивается совершенно, поступая въ слѣдующій годъ на онучи и разное тряпье. Точно также нанковую покрышку на нижнихъ халатахъ приходится перемѣнять почти что каждый годъ, потому что въ этомъ платьѣ всю зиму приходится ерзать около очага, да не разстается съ нимъ киргизъ и киргизка и все лѣто. Плисовые шаравары, по причинѣ слишкомъ уже дурнаго качества матеріала, хорошо если проносятся два лѣта. Чембары служатъ долго, но въ два или три года киргизъ на свое семейство все же долженъ купить ихъ хоть одну пару. Ичиги, галоши и башмаки, хотя и не на всѣхъ, онъ покупаетъ каждый годъ. Точно также запасается онъ лишнимъ ситцемъ, миткалемъ, нанкою, коленкоромъ и разными ташкентскими бумажными тканями на покрышку и подбивку халатовъ, одѣялъ, на по-

стройку наволочекъ для подушекъ, на занавѣски и проч. На отдѣлку кошемъ и покрышку шапокъ покупаютъ лишній плисъ и сукно. Для подарка женамъ покупаетъ матерію на платье, готовые верхніе халаты, бязь на разныя ихъ надобности; дѣвушкамъ даритъ бумажные и шелковые платки, бобровые воротники для шапокъ, разныя ожерелья и проч.; сыновьямъ привезетъ, одному калту, другому халатъ или армякъ, третьему сѣдло или арчакъ, и т. п.

Кромѣ ремонта платья, приходится каждое лѣто думать и о ремонтѣ посуды и проч. домашнихъ вещей. Иной годъ приходится купить деревянное блюдо, въ другой треногу или чугунный котелъ, въ третій кунганъ, ступку какую-нибудь, а то сундукъ, ножикъ, литовку для сѣнокошенія и т. п. вещи.

Изъ провизіи почти каждому приходится закупать чай, сахаръ и сушеные фрукты. Все это, положимъ, и роскошь, особенно для небогатаго человѣка, однако и ему, въ случаяхъ пріема, положимъ, русскихъ чиновниковъ, предметы эти приходится занимать у сосѣдей, или по болѣе дорогой цѣнѣ покупать въ торговомъ кошѣ, да еще случится-ли послѣдній близко; можетъ придется скакать за чаемъ на десятки верстъ. Отсюда покупку, хотя и въ самомъ ограниченномъ количествѣ, изюма, сахара, чая и проч. большинство киргизовъ считаетъ не роскошью, а необходимостью.

Соображая всѣ эти обстоятельства, постараемся приблизительно вычислить самый ограниченный годовой расходъ, который принуждено дѣлать малодостаточное киргизское семейство, состоящее, положимъ, изъ 5 женщинъ (2 пожилыхъ и 3 дѣвушки) и 3 мужчинъ (одного взрослаго и 2 мальчиковъ). — Цѣны возьмемъ нынѣ существующія, предполагая немедленную расплату трехлѣтними баранами.

1) *Ситцу*, на шитье рубахъ, полагая на каждаго члена семьи по одной рубашкѣ въ годъ, возьмется, если класть кругомъ по 5 аршинъ на всякую рубаху, всего 40 аршинъ, стоющихъ, по меньшей мѣрѣ, 3 *барана*; на нижніе шальвары, полагая кругомъ по 4 аршина на каждаго человѣка, всего 32 аршина, стоющихъ почти тоже *3 барана*; на одно женское платье 10 или 12 аршинъ, стоимостью на *одного барана*, всего, стало быть, считая, что излишекъ отъ всего этого пойдетъ на покрышку одѣялъ, починку наволокъ, халатовъ и проч., ситцу потребуется около 80 аршинъ, т. е. *на 7 барановъ.*

2) *Нанки* на покрышку нижнихъ халатовъ, полагая на каждый по

10 аршинъ, всего 80 аршинъ, т. е. *на 5 барановъ;* остатки идутъ на то же употребленіе, на что и нанка.

3) *Плису* на верхніе шаравары для 3 мужчинъ, полагая по 5 аршинъ на каждаго, всего 15 аршинъ, стоимость коихъ составляетъ *5 барановъ;* остатокъ плису идетъ на отдѣлку кошемъ.

5) *Чернаго сукна* на покрышку шапокъ 2 аршина, цѣною *1 баранъ;* остатки идутъ на отдѣлку кошемъ.

5) *Бязи, миткалю* и *коленкору* на разныя надобности возмется, положимъ, не болѣе какъ на *одного барана.*

6) *Ичигъ* купится, положимъ, 2 пары, а *башмаковъ* одна, всего цѣною *1 баранъ.*

7) Готовыхъ простыхъ *халатовъ* на ватѣ возмется два, стоимостью каждый по $1\frac{1}{2}$ барана, всего *на 3 барана.*

8) Деревянныхъ *блюдъ* возьмется два, или, вмѣсто нихъ, купится одна литавка и 1 чугунная тренога, что обойдется не болѣе какъ *въ 1 баранъ.*

9) Фунтъ *чаю* $\frac{1}{2}$ барана.

10) Фунтъ *сахару* $\frac{1}{2}$ барана.

Всего лѣтняя закупка товаровъ для семьи, которая ведетъ самымъ экономнымъ образомъ свой расходъ, обходится ей, по меньшей мѣрѣ, въ 25 барановъ.

Мы взяли для примѣра расходъ такого хозяина, у котораго по послѣднему исчисленію имѣлось 200 барановъ, 20 лошадей и 10 быковъ. Можно представить себѣ, по этому, каковъ приблизительно будетъ расходъ болѣе богатаго или болѣе бѣднаго семейства.

Б. Повинности кочевыхъ жителей *).

О древнихъ повинностяхъ киргизовъ мы знаемъ очень мало или ничего. Нынѣшніе обитатели области передаютъ намъ о всюду существовавшемъ въ прежнее время обычаѣ приносить посильную дань родоначальнику съ тою единственною цѣлію, чтобы послѣдній, при помощи собиравшагося, и вещами, но главное скотомъ, капитала, имѣлъ возможность обезпечивать существованіе внезапно обѣднѣвшихъ отъ какого-нибудь не-

*) Такъ какъ разборъ внутренняго и внѣшняго быта осѣдлыхъ жителей мы обошли, то не говоримъ и объ отправляемыхъ ими повинностяхъ, однако не считаемъ лишнимъ привести здѣсь тѣ общія положенія о повинностяхъ Сибирскаго казачьяго войска, которыя изображены въ положеніи 1861 года объ этомъ войскѣ (отдѣлъ IV, раздѣлъ IV, §§ 500—501).

Повинности эти суть:

1) Содержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ, гатей, перевозовъ на войсковыхъ земляхъ.

2) Всѣ мѣстныя обязанности при переходѣ воинскихъ командъ, ремонтовъ и казенныхъ транспортовъ, чрезъ войсковыя земли, относительно временнаго ихъ квартированія, дачи подводъ и вообще доставленія средствъ къ удобнѣйшему слѣдованію.

3) Препровожденіе арестантовъ и возка летучихъ почтъ.

4) Составленіе общественныхъ запасовъ продовольствія.

5) Дача обывательскихъ подводъ, безъ прогоновъ, командированнымъ по дѣламъ службы, до войска относящимся, войсковымъ чиновникамъ и нарочнымъ.

Образъ отправленія названныхъ земскихъ повинностей опредѣляется:

1) Трехъ первыхъ общинъ—уставомъ о земскихъ повинностяхъ и положеніемъ войска Донскаго, изображеннымъ въ IV томѣ свод. зак. гражданск. изданія 1857 года.

2) Порядокъ составленія продовольственныхъ запасовъ опредѣляется правилами, предписанными на сей предметъ для войска Донскаго въ 545—565 статьяхъ XIII тома свод. устав. о народ. продов. изд. 1857 года, съ тѣмъ, чтобы запасные хлѣбные магазины были непремѣнно учреждаемы въ каждой станицѣ. Равнымъ образомъ магазины сіи дозволяется учреждать и въ выселкахъ, имѣющихъ болѣе 25 дворовъ.

3) Подводная повинность опредѣляется 219—233, 676, 678, 680 и 681 статьями IV тома устава о земскихъ повинностяхъ изд. 1857 года, съ слѣдующими дополненіями:

а) Обывательскія подводы по вышеназванному пятому пункту взимаются въ ста-

счастія семействъ. Сколько, гдѣ собиралось капитала, была-ли какая-нибудь опредѣленность во времени представленія этихъ посильныхъ приношеній, была-ли установлена какая-нибудь система въ производствѣ сбора—ничего неизвѣстно. Обычай сохранился и до настоящаго времени, и, судя по тому, что есть, можно заключить и томъ, что было, а именно: для вспомоществованія бѣднымъ семействамъ, богатые, по представленію своихъ родоначальниковъ, давали послѣднимъ сколько кто могъ. Прежнихъ родоначальниковъ заступили въ настоящее время старшіе султаны, поспѣшившіе воспользоваться прекраснымъ обычаемъ киргизовъ, но совсѣмъ не съ прежнею благотворительною цѣлію, а единственно въ свою пользу, о чемъ скажемъ ниже.

Другое, дошедшее до насъ преданіе говоритъ о сборахъ, доставлявшихся тоже по представленію родоначальниковъ въ ихъ руки, для передачи лицу, уполномоченному вести переговоры съ китайскимъ правительствомъ, съ русскимъ чиновничествомъ и т. д. Эти сборы на внѣшнія предпріятія были неопредѣленны и, конечно, не вездѣ существовали, а только тамъ, гдѣ, черезъ султановъ или другихъ батырей, киргизы при-

---

ницахъ и выселкахъ Сибирскаго казачьяго войска не иначе, какъ по билетамъ, однажды принятой формы за подписью и печатью наказнаго атамана.

б) Билеты сіи, съ соблюденіемъ 878 ст. IV тома и съ запискою въ особой книгѣ, выдаются чиновникамъ каждый разъ при самомъ командированіи ихъ по дѣламъ службы: при войсковомъ штабѣ — отъ войсковаго дежурства, а въ расположеніи войска—отъ окружныхъ правленій.

в) По истеченіи каждаго мѣсяца, окружныя правленія доставляютъ въ войсковое дежурство подробныя вѣдомости объ израсходованныхъ ими на предназначенную надобность билетахъ, съ объясненіемъ кому, когда, по какому дѣлу и до котораго мѣста выданъ билетъ, представляя и самые билеты для повѣрки и уничтоженія.

г) Затѣмъ, безъ бланковыхъ билетовъ наказнаго атамана, лошади отъ обывателей никому въ подводы безъ прогоновъ не выдаются.

Примѣчанія: 1) Препровожденіе арестантовъ и возка летучихъ почтъ возлагается исключительно на служащихъ казаковъ, которые, участвуя наравнѣ съ прочими въ отправленіи повинностей, поименованныхъ въ 1, 2 и 4 пунктахъ изъ вышеназванныхъ, освобождаются отъ почтовой гоньбы.

2) По значительному протяженію войсковыхъ земель и затруднительности уравнять въ натурѣ подводную повинность, предоставляется наказному атаману вообще съ войсковымъ правленіемъ изыскивать способы къ уравненію этой повинности, посредствомъ денежной раскладки, по добровольному соглашенію войсковыхъ обывателей.

Отъ себя добавимъ, что для областныхъ казаковъ подобная повинность составляетъ самую тяжелую повинность именно потому, что чрезвычайно неравномѣрно разлагается на все казачье населеніе. Желаніе же правительства уравнять отбываніе этой повинности путемъ денежной раскладки до сихъ поръ еще ничѣмъ не выразилось.

нуждены были вступать въ сношеніе съ сосѣдями. Слѣды этихъ сборовъ остались и въ настоящее время въ тѣхъ поборахъ, которые совершаютъ старшіе султаны *для ходатайства за киргизскій народъ передъ высшимъ русскимъ начальствомъ*, о чемъ тоже скажемъ ниже.

Третій видъ сборовъ составляла плата судебныхъ издержекъ, упадавшая на обѣ тяжущіяся стороны и отличавшаяся опредѣленностью и законностью. Этого рода сборъ въ настоящее время принялъ видъ взятки, и потому о немъ мы говорить не будемъ *). Но вмѣсто него скажемъ о нѣсколькихъ вновь появившихся сборахъ, какъ напримѣръ, на духовенство.

Четвертый видъ повинностей заключался въ обычаѣ киргизовъ доставить каждому путнику пристанище и не отказать въ пищѣ. Этотъ видъ въ настоящее время обратился въ квартирную повинность, о которой въ своемъ мѣстѣ поговоримъ, также какъ и о вновь явившейся подводной повинности, столь нежалуемой киргизами до сихъ поръ, отчасти потому, что и въ древнее время не было обыкновенія доставлять путнику средства передвиженія: каждый имѣлъ ихъ самъ.

Наконецъ, подушной повинности, которая равномѣрно распредѣлялась бы на все населеніе степи, никогда не было. На стр. 177 част. III «Описан. киргизъ-кайсацкихъ ордъ» Левшинъ упоминаетъ о постановленіи хана Тявки, желавшаго установить подать съ черной кости, размѣромъ въ 1/20 имущества каждаго. Желаніе это осталось однимъ желаніемъ. На стр. 161 и 162 той же книги говорится о подати, платимой киргизами большой орды китайскому правительству, но тамъ же замѣчается, что подать эта была менѣе тѣхъ подарковъ, которые получали представители орды отъ китайскаго богдохана, слѣдственно ее нечего считать податью. Наконецъ киргизы, подпавшіе владѣльцу коканскому, въ концѣ 18 вѣка уже платили дань своимъ властителямъ (тамъ же стр. 163).

Что касается своихъ сѣверныхъ сосѣдей, ими они не были отягощены никакимъ сборомъ, никакою повинностью до 1800 года, кромѣ развѣ той, что отъ извѣстныхъ старшинъ, аулы которыхъ перепускали

---

*) «Судьямъ и посредникамъ, за рѣшеніе дѣла, положено давать 10-ю часть всего иска» (Левшинъ, часть III, стр. 178 «Описан. киргизъ-кайсацкихъ ордъ»). О существовавшей въ области Сибирскихъ киргизовъ платѣ судьямъ ничего положительнаго неизвѣстно. Въ разныхъ родахъ эта плата была различна, но, какъ говорятъ старики киргизы, всюду постоянная, опредѣленная, всѣмъ извѣстная.

свой скотъ черезъ русскія линіи, отбирались аманаты, на основаніи указовъ, вышедшихъ въ 1770 и 1771 годахъ.

Въ 1800 году 7 августа, Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ инспектору сибирской инспекціи, генералъ-лейтенанту Нефедьеву, установленъ сборъ съ сибирскихъ киргизовъ, переходившихъ зимовать черезъ нашу линію. Сборъ касался немногихъ кочевниковъ, однако пріобрѣтаемая имъ линейными казаками выгода побуждала мѣстное пограничное начальство ходатайствовать о его утвержденіи и распространеніи, не смотря на то, что другое мѣстное начальство, таможенное, говорило о ничтожности этого сбора и о стѣсненіи имъ торговли.

Въ историческомъ очеркѣ торговли были разобраны основанія установленія этого сбора, выгоды, извлекавшіяся изъ него казною, порядокъ поступленія и распредѣленія доходовъ, и, наконецъ, тѣ доходы, въ силу которыхъ сборъ этотъ послѣ первыхъ опытовъ все-таки остался, не смотря на то, что имъ стѣснялась торговля, и еще болѣе на то, что дѣйствовавшимъ въ тогда еще мало, да и теперь еще въ несовершенно устроенной линіи произволомъ сборщиковъ мы затрудняли подлежавшее повинности кочевое населеніе, а остальное, тоже намъ подвластное, но не платившее никакихъ податей, мы этимъ самымъ запугивали.

Какъ бы то ни было, и при приведеніи въ дѣйствіе устава о сибирскихъ киргизахъ, положенный указомъ 1800 г. сборъ оставленъ въ полной своей силѣ на прежнемъ основаніи *).

Со введеніемъ въ дѣйствіе устава о сибирскихъ киргизахъ, т. е. съ открытіемъ въ сибирской степи округовъ, каждый округъ, согласно съ § 128 этого устава, долженъ былъ пользоваться пятилѣтнею льготою отъ всѣхъ податей. По прошествіи же этого срока, линейный сборъ 1800 года долженъ былъ распространиться на все принявшее новое устройство кочевое населеніе: это и есть начало собираемой нынѣ съ киргизовъ подати, съ разсмотрѣнія которой мы и начнемъ; потомъ скажемъ нѣсколько словъ о квартирной и подводной повинности, и, въ заключеніе, перечислимъ тѣ неоффиціальныя, т. е. точно неизвѣстныя и правительству повинности, которыя только отчасти порождены обычаемъ киргизовъ, большею же

*) «Съ переходящихъ на кочевку внутрь линій киргизовъ, положенный указомъ 1800 года сборъ и въ теченіи льготныхъ лѣтъ производить по прежнему» (§ 201 глав. IV наказ. хозяйствен. устав. о сибирскихъ киргизахъ).

частію введены и распространились со времени установленія въ степи русскихъ учрежденій, лучше сказать—они порождены самимъ уставомъ о сибирскихъ киргизахъ, въ который, вслѣдствіе малаго знакомства нашего съ степью въ то время, очень легко могли вкрасться нѣкоторые промахи, послѣдствіемъ которыхъ явились такія сильныя злоупотребленія со стороны установленныхъ мѣстныхъ властей, которыхъ правительство никакъ не ожидало и которыя новымъ изданіемъ устава будутъ конечно устранены [1]).

I. Ясачная повинность.

Однопроцентная пошлина со скота, перепускаемаго черезъ сибирскую линію, собиралась натурою и шла: лошади—на ремонтъ въ драгунскіе, артиллерійскіе и казачьи полки, а собранный рогатый скотъ и бараны—на поддержаніе лазаретныхъ обзаведеній вдоль сибирской линіи.

Цѣль установленія сбора съ волостей, принимавшихъ новое устройство, осталась та же, именно ремонтированіе лошадьми казачьихъ полковъ и содержаніе линейныхъ госпиталей, а также (добавляетъ уставъ о сибирскихъ киргизахъ) больницъ и благотворительныхъ заведеній въ степи. Излишекъ сбора предполагалось отсылать въ государственное казначейство и употреблять его на покрытіе степнаго управленія.

Размѣръ подати уставомъ о сибирскихъ киргизахъ (глав. IV, наказ. хоз. § 134) опредѣленъ тотъ же самый: одна голова со 100 каждой породы скота, кромѣ верблюдовъ. Брать подать опредѣлено натурою, не дѣлая «излишней браковки, лишь бы только рогатый скотъ былъ здоровъ, а лошади годны къ употребленію» (тамъ же § 141). Позволялось вносить ясакъ и деньгами, при чемъ, вмѣсто каждой принимаемой лошади, взималось 10 рублей, вмѣсто головы рогатой скотины 5 руб. 75 коп., вмѣсто барана 28 копѣекъ серебромъ [2]). Впослѣдствіи оказалось, что

---

[1]) О платѣ за перепускъ скота на казачьи земли и вообще о расходахъ киргизовъ, сопряженныхъ съ пользованіемъ казачьими угодьями, находящимися, по мнѣнію киргизовъ, не въ вѣчномъ, а во временномъ владѣніи послѣднихъ, не упоминаемъ, равно какъ и о всѣхъ тѣхъ повинностяхъ, которыя несетъ не все населеніе, а одна его часть. О таможенной же повинности не говоримъ здѣсь потому, что о ней почти все сказано въ отдѣлѣ торговли.

[2]) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1855 г. Часть 10-я, «Статистическія свѣдѣнія о степи Сибирскихъ киргизовъ за 1853 годъ».

производившійся по этой оцѣнкѣ сборъ недостаточенъ, потому что собираемымъ ясакомъ не покрывались всѣ расходы по содержанію степнаго управленія. Вслѣдствіе сего, съ 1852 года повелѣно собирать ясакъ по прежнему и скотомъ, и деньгами, но въ послѣднемъ случаѣ оцѣнка скота возвышена: именно вмѣсто лошади положено брать 13 рублей, вмѣсто быка 8, вмѣсто барана 1 руб. сер. Такъ какъ и эта оцѣнка слишкомъ незначительна въ сравненіи съ установившимися на скотъ мѣстными цѣнами, то понятно, что лишь только распространились въ степи наши кредитные билеты и пошла въ обращеніе монета, деньгами киргизы и стали отдавать весь ясакъ.

Опредѣленный уставомъ о сибирскихъ киргизахъ порядокъ производства сбора заключался въ слѣдующемъ:

«Областное управленіе предварительно обязано для каждаго года составить смѣту, сколько потребно лошадей въ ремонтъ казачьимъ полкамъ, и сколько потребно, какого именно, рогатаго скота, для учрежденныхъ по линіи госпиталей, равно для больницъ и благотворительныхъ заведеній въ степи» (§ 135 глав. IV наказ. хозяйствен.). «По таковой смѣтѣ, главнымъ управленіемъ утвержденной, отсылается потребное число скота въ тѣ мѣста, куда назначено, изъ общаго годоваго сбора» (тамъ же § 136).—«Остальной затѣмъ скотъ продавать при таможняхъ, и вырученныя деньги отсылать въ государственный доходъ» (тамъ же § 137).— Сборъ положено производить по волостямъ одинъ разъ въ году, въ лѣтнее время (тамъ же §§ 138 и 140), на основаніи тѣхъ производимыхъ черезъ каждые три года исчисленій скота, о которыхъ мы говорили въ отдѣлѣ скотоводства.

Произведенная перепись считается постоянною на три года, слѣдственно каждый годъ извѣстнаго трехлѣтія аулы, составляющіе волость, платятъ одну и ту же сумму денегъ. Эту сумму вносятъ аульные старшины черезъ своихъ волостныхъ, или прямо въ приказъ, для чего каждому аульному старшинѣ по окончаніи всякаго исчисленія дается особая повѣстка, въ которой обозначено: съ одной стороны—количество числящагося въ его аулѣ скота и причитающагося по итожной цифрѣ ясака, а съ другой—росписка волостнаго правителя или приказа въ полученіи ясака за извѣстный годъ. Такой же формы повѣстка, общая по цѣлой волости, дается волостному правителю. Повѣстка эта служитъ три года.

Вотъ форма аульной повѣстки:

Повѣстка

О количествѣ показаннаго въ исчисленіи на трехлѣтіе съ 18.. по 18.. годъ скота и слѣдующаго за оный ясака.

	Лошадей.		Рогатаго скота.		Барановъ и козловъ.	
У киргизовъ джузмамбетъ-тобуклинской волости, вѣдѣнія аульнаго старшины мусульмана Сагубаева записанныхъ по исчисленію съ № по №	00	Таже цифра: прописью по русски.	00	Прописью по русски.	00	Прописью по русски.
(Тоже самое по татарски)	00	Прописью по татарски.	00	Прописью по татарски.	00	Прописью по татарски.

Ясаку слѣдуетъ въ годъ тысяча двѣсти тридцать два рубля сорокъ три копѣйки серебромъ. (Тоже самое. . . . . подстрочнымъ переводомъ по татарски).

А на ассигнаціи: столько-то (прописью по русски и подстрочнымъ переводомъ по татарски).

. . . .

(Подпись производителя исчисленія).

На оборотной сторонѣ повѣстки значится:

Собранныя съ киргизовъ джузмамбетъ-тобуклинской волости, вѣдѣнія аульнаго старшины мусульмана Сагубаева, въ ясакъ за 1861 годъ деньги серебромъ 000 (прописью), а на ассигнаціи 000 (тоже прописью) получены отъ старшины мусульмана Сагубаева и представлены въ окружной приказъ при рапортѣ отъ 22 декабря 1861 года за № 54.

(Между строками тоже самое по татарски).

(Подпись волостнаго управителя).

Подъ этою такая же росписка слѣдуетъ за 1862 годъ, а подъ нею, на той же оборотной сторонѣ, и за 1863 годъ.

Форма волостной повѣстки та же самая. На ея оборотной сторонѣ въ полученіи ясака росписывается приказъ, который, по собраніи всей подати, командируетъ, для ея отвоза въ Омскъ, надежнаго толмача.

Годовой окладъ подати съ имѣющагося у богатыхъ киргизовъ ясашнаго скота составляетъ, среднимъ за 5 лѣтъ (съ 1859 по 1864 годъ)

числомъ —124,134 рубля. Изъ этого числа ежегодно вносится, по тѣмъ же 5-лѣтнимъ результатамъ, около 81%, такъ что средняя годовая недоимка, какъ показываетъ нижеслѣдующая таблица, равняется 23.538 руб., или $^1/_5$ всего оклада.

ГОДЫ.	Годовой окладъ ясачной подати съ областныхъ киргизовъ.		Изъ этого числа собрано, зачтено въ счетъ оклада и исключено изъ него.		Осталось недобору.		ПРИМѢЧАНІЕ.
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	
1859 . . .	122.572	$19^3/_4$	118.689	$82^3/_4$	3.882	37	Изъ отчетовъ военнаго губернатора области сибирскихъ киргизовъ.
1860 . . .	123.961	$80^1/_2$	123.700	$79^1/_2$	261	1	
1861 . . .	127.750	$30^1/_2$	78.873	82	48.876	$48^1/_2$	
1862 . . .	123.283	66	86.267	69	37.015	97	
1863 . . .	123.091	85	95.450	23	27.641	62	
Среднія за 5 лѣтъ . .	124.134	—	100.596	—	23.538	—	

Примѣчаніе 1. Къ цифрѣ недобора 1861 года (48.876 р. $48^1/_2$ коп.) надобно добавить еще недоимку за прошлые годы, состоявшую изъ 484 р. 5 коп. сереб., всего, стало быть, недоборъ къ 1-му января 1862 года равнялся 49.360 р. $53^1/_2$ коп.

Въ этой послѣдней цифрѣ числилось:

523 р. 58 коп. за киргизами, отложившимися отъ Россіи и бѣжавшими въ 1855, 1857 и 1859 годахъ въ Зачуйскій край изъ округовъ акмоллинскаго и каркараллинскаго; остальные затѣмъ 48.836 руб. $95^1/_2$ коп. сер. состояли за наличными киргизами. Изъ этого послѣдняго недобора, какъ показываетъ отчетность окружныхъ приказовъ, по 1-е марта 1862 года было внесено 43.786 р. $35^1/_2$ коп. Такъ что собственно годовая недоимка къ веснѣ 1862 года равнялась 5.050 руб. 60 коп. сереб. *), изъ коихъ: за киргизами одного кокчетавскаго округа,

*) Въ отчетѣ военнаго губернатора за 1861 годъ цифра эта показана на одинъ рубль болѣе (т. е. 5051 р. 60 к. серебр.).

пострадавшаго въ 1861 году отъ гололедицы, числилось 4.670 руб. 46 коп. сереб. Вслѣдствіе того, что значительная часть должниковъ перекочевала для прокормленія стадъ во внутренніе округи (въ тобольской губерніи), совѣтъ главнаго управленія Западной Сибири (журналъ 1 марта 1862 года за № 19) опредѣлилъ отложить сборъ этихъ денегъ до осени 1862 года.

Изъ остальной затѣмъ недоимки, 352 р. 52 коп. состояли на киргизахъ, перечисленныхъ изъ каркараллинскаго округа въ акмоллинскій, 28 руб. 46 коп. за атбассарскими киргизами и 16 коп. сереб. за баянъ-аульскими. Ко взносу этихъ послѣднихъ денегъ, добавлено въ отчетѣ, приняты мѣры настоянія.

Примѣчаніе 2. Цифра недобора 1862 года (37.015 руб. 97 коп. сер.) образовалась изъ слѣдующихъ цифръ:

31.183 р. 26 к. с.	невзысканныхъ съ кокчетавскихъ киргизовъ, по причинѣ упадка скота въ 1862 году.
133 » 80 » »	доставленныхъ въ атбассарскій приказъ киргизами этого округа къ 1-му января 1863 года, когда отчетъ уже былъ отосланъ.
96 » — » »	взысканныхъ съ киргизовъ каркараллинскаго округа, но отнятыхъ у аульныхъ старшинъ ворами, о чемъ производилось слѣдствіе.
8.444 » 58 » »	не взысканныхъ съ киргизовъ акмоллинскаго округа по краткости времени для обложенія нѣкоторыхъ изъ нихъ ясачною податью за прежнее время и за 1862 годъ, —и наконецъ
изъ 453 » 38 » »	оставшихся на счету за киргизами каркараллинскаго и акмоллинскаго округовъ, отложившимися въ 1856, 1857 и 1859 годахъ въ неподвѣдомственныя русскому правительству владѣнія».

Примѣчаніе 3. Къ недобору 1863 года (27.641 р. 62 коп. сер.) надобно добавить еще 3.969 руб. 79 коп. сер. недоимки прежнихъ лѣтъ. Изъ этой послѣдней недоимки 392 руб. 85 коп. сер. числится на акмоллинскихъ и каркараллинскихъ киргизахъ, отложившихся въ 1856, 1857 и 1859 годахъ, Остальные 3.569 руб. 94 коп., а также недоборъ 1863 года (27.641 р. 62 к. с.), всего 31.211 р. 56 к. состояли за наличными киргизами къ 1 января 1864 года. Изъ этихъ денегъ къ 1 марта того же года внесено въ окружные приказы 29.226 руб. $2^2/_4$ коп. сер., исключено со счета 10 р. 40 коп. сер., такъ что вся остающаяся за киргизами недоимка равняется 1.975 руб. $13^1/_4$ к. сер.

Изъ этихъ 3-хъ, заимствованныхъ изъ губернаторскихъ годовыхъ отчетовъ, примѣчаній видимъ, что въ самые трудные для киргизовъ годы, какими были, по причинѣ гололедицы, безкормицы и клубовъ, словомъ по причинѣ частыхъ падежей, три названныхъ (1861, 1862 и 1863 года), недоимки, которая откладывалась бы на долгое время, не было. Взысканіе сбора откладывалось много что на двѣ трети, а въ слѣдующемъ году все прошлое непремѣнно пополнялось. Въ болѣе же благопріятные годы и этихъ откладываній не случается. Взносъ денегъ затягивается или по той причинѣ, что киргизы одного округа перекочуютъ въ другой, или изъ области въ другую, гдѣ внесутъ подать когда заведется по этому случаю переписка между приказами, или по какому-нибудь другому, непредвидѣнному случаю, въ родѣ, напримѣръ, грабежа и проч., отчего и являются цифры послѣдней графы вышеприведенной таблицы. Собственно же недоимки, которая продолжительностью своего существованія ясно говорила бы объ отяготительности сбора, въ области нѣтъ. Это послѣднее положеніе нисколько не исключаетъ того, что мы говорили выше (глав. III скотоводство) объ отяготительности дѣйствующаго нынѣ способа исчисленія скота, при которомъ налогъ на имущество распредѣляется весьма несправедливо на населеніе, вслѣдствіе чего иному бѣдняку подать дѣйствительно бываетъ тяжела, можетъ быть даже сильно разоряетъ его, но какъ аульный старшина уже пріученъ исправно взносить подать по выданной ему повѣсткѣ, то мы ничего не знаемъ о числѣ сильно обѣднѣвшихъ черезъ взносъ этого, въ теоріи совсѣмъ неотяготительнаго, налога. Объ этомъ знаютъ только аульные старшины, мы же можемъ дѣлать кое-какія догадки только по безпрерывно возрастающимъ вблизи русскихъ селеній колоніямъ джатаковъ, да по увеличивающемуся числу нищихъ.

Общее состояніе податей по области сибирскихъ киргизовъ съ 1854 по 1864 годъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	Г О							
	1854.		1855.		1856.		1857.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Всего недоимокъ прежнихъ лѣтъ.	59.354	69¾	91.359	70½	178.850	74¼	59.172	49
Къ тому причислено:								
Окладъ нынѣшняго года	159.445	42	126.418	40½	119.930	47¾	122.864	85¾
Недоимокъ за прежніе годы, по разнымъ случаямъ невошедшихъ въ прежній счетъ	28.790	7¾	352	72¼	206	11¾	220	96½
Всего слѣдовало взыскать	247.590	19½	218.130	83¼	237.113	67½	182.258	31¼
Въ то число взыскано:								
Недоимокъ прежнихъ лѣтъ . . .	55 408	92¾	61.915	39	85.506	88½	59.387	46
Оклада нынѣшняго года.	61.919	39¼	37.134	27¼	57.112	83¼	114.032	6½
Всего взыскано	117.328	32	99.049	66¼	142.619	72¾	173.419	52½
Зачтено въ число оклада, перечислено и исключено изъ оклада и недоимокъ по разнымъ причинамъ	*38.902	16¾	2.104	9	35.321	45¾	46	87¼
Осталось къ слѣдующему году невзысканныхъ.	91.359	70½	116.977	8	59.172	49	8.791	91½

Примѣчанія: 1-е, въ графѣ 1854 года, статья 5-я состоитъ изъ цифры 38.902 руб. въ Семипалатинское областное правленіе по числу перешедшихъ въ этотъ округъ кир-
2-е, въ графѣ 1856 года, въ той же пятой статьѣ цифра 35.321 р. 45¾ к. с. велика зовъ, согласно статьѣ IV-й Всемилостивѣйшаго манифеста отъ 26 Августа 1856 года, и на основаніи Высочайшаго повелѣнія, изъясненнаго въ предложеніи генералъ-губер-

Д Ы.

	1858.		1859.		1860.		1861.		1862.		1863.		Среднія за 10 лѣтъ.
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Рублей.
	8.791	91½	9.519	82½	5.504	18	787	57	49.360	53½	40.311	2	
	118.385	21½	122.572	19¾	123.961	80½	127.750	30	123.283	66	123.091	85	
	327	67	6.738	14¼	262	64	167	22¾	51	71	261	89½	
	127.504	80	138.830	16½	129.728	62½	128.705	10¼	172.695	90½	163.664	76½	
	8.522	37½	14.217	85¾	5.209	70	404	52	86.252	10½	30.973	56½	
	109.433	24½	114.410	90¾	123.665	65¾	78.844	62	46.088	4½	81.940	82½	
	117.955	62	128.628	76½	128.875	35¾	79.249	20	132.340	15	112.914	39	
	29	35½	4.697	22	65	69¾	95	36¾	44	73½	15.258	9½	
	9 519	82½	5.504	18	787	57	49.360	53½	40.311	2	31.611	41	

16¾ к. с. по той причинѣ, что сюда входятъ 38.507 р. 72¾ к. с., перечисленныхъ гизовъ Кокпектинскаго и Аягузскаго округовъ.
такъ потому, что въ нее входятъ: 4.545 р. 9½ к., исключенныхъ съ наличныхъ кирги-
24.083 р. 32¼ к., по безнадежности взысканія исключенныхъ съ отложившихся киргизовъ
натора Западной Сибири отъ 30 Ноября № 1209.

II. Квартирная повинность.

Въ областныхъ селеніяхъ квартирную повинность всѣ станичники отбываютъ натурою. Служащіе получаютъ квартирныя деньги изъ земскаго сбора Тобольской губерніи. Войска живутъ въ казармахъ; въ случаяхъ же значительнаго прилива воинскихъ чиновъ, ихъ временно располагаютъ въ домахъ казаковъ, татаръ, толмачей и разночинцевъ.

Что касается киргизовъ, то уставъ 1822 года не упоминаетъ въ числѣ очередныхъ, наложенныхъ на народъ, повинностей о квартирной, но это не значитъ, чтобы кочевое населеніе не несло ея.

Выше было уже замѣчено объ укорененномъ въ степи обычаѣ накормить и дать пристанище всякому проѣзжему, кто бы онъ ни былъ *). Въ силу этого обычая, киргизъ, безъ всякаго за то вознагражденія, отбываетъ квартирную повинность, какъ въ отношеніи служащихъ по округу лицъ, такъ и въ отношеніи всѣхъ проѣзжающихъ черезъ его аулъ чиновниковъ, толмачей, казаковъ и прочихъ, а иногда и въ отношеніи проходящихъ войскъ, для ночлега которыхъ на степи собираются съ стоящихъ по близости ауловъ юрты, кошмы и проч. вещи, къ сожалѣнію не всегда возвращаемыя хозяевамъ, вслѣдствіе чего послѣдніе, лишь только заслышатъ о прохожденіи войскъ извѣстнымъ трактомъ, обращаются въ самое поспѣшное бѣгство. А такъ какъ слухъ о передвиженіи войскъ, какъ и всякій другой слухъ, необыкновенно быстро и далеко разносится по степи, то поэтому всѣ тракты передвиженія какихъ-либо транспортовъ, или прослѣдованія войскъ, всегда пусты.

*) Въ кочевьяхъ Средней орды часто приходилось слышать легенду о томъ, что къ одному изъ весьма богатыхъ киргизовъ заѣхалъ незнакомецъ, по наружности непринадлежавшій къ семьѣ киргизъ-кайсаковъ. Киргизъ пустилъ проголодавшагося незнакомца переночевать въ свою юрту, но, чтобы посмѣяться надъ нимъ, требовалъ, чтобы тотъ, прежде нежели сядетъ за столъ, подстригъ себѣ усы, обрѣзалъ ногти, выщипалъ бороду, словомъ сдѣлалъ все то, что дѣлаютъ и киргизы. Раздосадованный незнакомецъ рѣшился лучше остаться голоднымъ, чѣмъ согласиться на требованія киргиза, и, сѣвъ на своего верблюда, отъѣхалъ. Въ ту же ночь киргизу представилось видѣніе, что весь его скотъ выпалъ; остался только одинъ бѣлый верблюдъ, въ которомъ хозяинъ узналъ высочайшее существо, объявившее ему, что оскорбителя проѣзжаго дѣйствительно постигнетъ въ первую же весну видѣнное имъ несчастіе; что у него не останется ни одного барана, ежели онъ тотчасъ же не возвратитъ къ себѣ оскорбленнаго имъ странника. Проснувшійся киргизъ немедленно пустился въ догоню за незнакомцемъ, но послѣдній не согласился вернуться иначе, какъ лишь въ томъ случаѣ, когда киргизъ возьметъ и его, и его верблюда на плечи и донесетъ: «такъ вотъ какія муки» — добавляетъ разсказчикъ,—«принужденъ былъ вынести человѣкъ, пренебрегшій обычаемъ гостепріимства.»

Для проѣзжающаго по дѣламъ службы чиновника, въ каждомъ аулѣ, хотя бы остановиться въ немъ пришлось на какихъ нибудь $1/2$ часа, всегда выставляется особая юрта, и ежели заблаговременно прибывшій квартиргръ, т. е. русскій казакъ извѣстилъ хозяина о томъ, что здѣсь будетъ чиновникъ закусывать, то немедленно убивается свѣжій баранъ. Ежели вы дадите киргизу за его угощеніе какое-либо вознагражденіе, онъ навѣрное откажется, но если вы настоите на томъ, чтобы оно было взято, тогда конечно онъ возметъ, но почему-то ни за что у себя не оставитъ, а какъ-нибудь изъ подъ полы передастъ все полученное сопровождающему васъ казаку. Если проѣзжающій стоитъ въ юртѣ киргиза одинъ день, другими словами если хозяину приходится заколоть одного барана или двухъ, то иногда онъ принимаетъ расходъ перваго дня на свой счетъ, но дальнѣйшее пребываніе проѣзжаго было бы для одного человѣка слишкомъ убыточно, и потому всѣ издержки на пріемъ гостя непремѣнно разлагаются на весь аулъ. Изъ сказаннаго есть конечно исключенія. Такъ бѣдный аулъ, состоящій изъ нѣсколькихъ, отдѣльно стоящихъ юртъ, тоже колетъ для васъ барана, но тотчасъ же разлагаетъ эту повинность на всѣ юрты, и если вы вознаградите хозяина за пріемъ, онъ, разумѣется, не откажется принять вознагражденіе, потому что потеря барана для этихъ бѣдняковъ составляетъ величайшій разсчетъ. Не отказался бы отъ вашего вознагражденія и болѣе достаточный киргизъ, какъ онъ теперь это дѣлаетъ, ежели бы почему-то не боялся подобнаго поступка. Не знаемъ положительно, на чемъ основывается эта боязнь, на томъ-ли что, такого хозяина пристыдятъ свои, или на томъ, что и самъ онъ, и другіе недовѣряютъ искренности высказываемаго проѣзжающимъ убѣжденія въ томъ, что это справедливо; какъ бы то ни было, сколько бы барановъ ни закололь аулъ, какія бы издержки ни сдѣлалъ по пріему рускаго чиновника или толмача,—онъ никакого за то вознагражденія не получаетъ, и мы положительно утверждаемъ, что проѣздъ всякаго русскаго черезъ киргизскіе аулы, хотя бы это было на тысячи верстъ, въ отношеніи прокорма, постоя и переѣздовъ, не влечетъ за собою ни одной копѣйки расходовъ.

Принимая же во вниманіе частыя и продолжительныя слѣдствія, разъѣзды русскихъ чиновниковъ и толмачей по волостямъ для осмотра дистанцій и проч., разъѣзды киргизскихъ засѣдателей и старшихъ султановъ для разбора исковыхъ дѣлъ, развозъ почты и разные переѣзды казаковъ чрезъ кочевья киргизовъ, безвозмездное требованіе отъ киргизовъ

юртъ, кошемъ, арканьевъ и проч. по случаю прохожденія войскъ и передвиженія транспортовъ, — принимая все это во вниманіе, а главное то, что и харчи, и постой даются киргизами положительно всегда безвозмездно, мы не можемъ отрицать того, что народъ обложенъ квартирною повинностью и, сравнительно, довольно тяжелою. Повинность эта распредѣляется въ настоящее время еще очень неравномѣрно. О ея справедливомъ разложеніи, о томъ, чтобы какъ можно большее число лицъ учавствовало въ извѣстномъ союсѣ (см. выше гл. III), хлопочутъ сами киргизы, вполнѣ успѣвшіе убѣдиться въ томъ, что избѣжать безвозмездной поставки юртъ или дароваго колотья барановъ—невозможно. За прокормъ проѣзжающихъ старымъ мясомъ, молокомъ, сырами, хлѣбною пищею, за угощеніе чаемъ, урюкомъ и изюмомъ, киргизъ не постоитъ; на безвозмездную дачу всего этого онъ не обращаетъ никакого вниманія, и человѣка, отказывающаго, положимъ, даже казаку во всѣхъ этихъ вещахъ, всѣ киргизы непремѣнно осмѣяли бы. Этого рода повинность никогда не разлагаютъ киргизы между собою. Но дачею юртъ, а главное союсомъ, т. е. колотьемъ барановъ по службѣ, населеніе дѣйствительно тяготится. Есть аулы, гдѣ запасныхъ юртъ иногда нѣтъ; въ такомъ случаѣ пріѣздъ чиновника, особенно какого-нибудь важнаго, служащаго по округу, или другаго лица—истинное наказаніе для киргизовъ: для этой разъѣзжающей личности, особенно если это окружной чиновникъ, или непремѣнный членъ приказа, по мнѣнію киргизовъ, мнѣнію не разрушаемому, а напротивъ поддерживаемому казаками и толмачами, надобно непремѣнно три, а ужъ наименьшее 2 юрты, т. е. одну для чиновника, другую для толмача, третью для казаковъ и кухни, или одну для чиновника, другую для сопровождающаго его конвоя; слѣдовательно два или три семейства будутъ, во взятомъ нами случаѣ, выгнаны изъ своихъ помѣщеній, ихъ вещи будутъ разнесены по другимъ юртамъ, гдѣ и сами они должны тѣсниться,—и все это иногда только на нѣсколько часовъ. Можно себѣ представить, какъ пріятно хозяевамъ очищенныхъ юртъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда аулъ о пріѣздѣ какого-нибудь любящаго сибаритствовать чиновника не увѣдомленъ заблаговременно: суматоха въ аулѣ поднимается страшная, изъ очищаемыхъ юртъ выбѣгаютъ съ крикомъ дѣвушки, выносятъ плачущихъ дѣтей, всѣ лишнія вещи швыряются какъ и куда ни попало, и ежели за всѣмъ этимъ еще надзираетъ квартиргръ-казакъ, то хозяинъ очищаемой юрты пожалуй, чего-нибудь и не досчитается изъ своихъ вещей.

Объ обременительности выполненія союса мы уже говорили въ от-

дѣлѣ скотоводства. Сознавая ущербъ, наносимый населенію какимъ-нибудь продолжительнымъ слѣдствіемъ или, напримѣръ, пребываніемъ производителя исчисленія въ извѣстномъ аулѣ и вообще долговременнымъ пребываніемъ чиновника по какому-либо дѣлу въ одномъ и томъ же аулѣ, — общество дѣлаетъ складчину, стараясь притянуть къ ней возможно большее число лицъ; и дѣйствительно въ извѣстнаго рода складчинахъ, являющихся по случаю напасти отъ подобныхъ посѣщеній участвуютъ аулы, имѣющіе стоянку въ самыхъ отдаленныхъ отъ мѣста напасти мѣстностяхъ. Иногда, какъ напримѣръ во время пребыванія русскихъ чиновниковъ у волостнаго правителя, въ складчинѣ принимаетъ участіе вся волость, —дѣло хорошее, ежели бы сборомъ не распоряжался волостной правитель, а тутъ именно на его долю выпадаетъ этотъ новый предлогъ обирать подвѣдомственные ему аулы. Тоже самое случается и во время слѣдствій, по непонятной для насъ причинѣ производимыхъ мѣсяца по 3, по 4 и долѣе въ кочевьяхъ киргизскихъ, тогда какъ всѣхъ причастныхъ къ дѣлу кочевниковъ очень легко и удобно вытребовать въ окружное селеніе, послѣ, конечно, иногда нужнаго, но недолговременнаго, чрезвычайно разорительнаго для народа, пребыванія чиновниковъ съ толмачами и конвойными въ киргизскихъ аулахъ.

Гдѣ сборомъ по пріему дорогихъ гостей завѣдываетъ аульный старшина, тамъ, разумѣется, больше справедливости въ раскладкѣ повинности на подвѣдомственное ему населеніе, но за то меньшее число лицъ можетъ въ этихъ случаяхъ принять участіе; ежели же дѣло вручить волостному, тотъ, пожалуй, въ силу какого-либо аргумента, сдѣлаетъ участниками извѣстной повинности и киргизовъ другихъ ауловъ, но за то не забудетъ при этомъ и себя, вслѣдствіе чего немногимъ выиграетъ обратившійся за этимъ дѣломъ къ волостному старшинѣ, а между тѣмъ вооружитъ противъ себя другихъ старшинъ. Не смотря однако на это послѣднее обстоятельство, аульные прибѣгаютъ къ этому нерѣдко, потому что повинность, повторяясь часто, иногда оказывается слишкомъ отяготительною, чтобы ее перенести иному небольшому обществу, а интересы этого общества аульный старшина хранитъ свято. Такимъ-то путемъ съ теченіемъ времени и разлагается квартирная повинность на большее число лицъ, т. е., разумѣется въ извѣстной степени, становится болѣе равномѣрною и болѣе опредѣленною, но конечно все еще тяжела, тяжела до такой степени, что всякій, кто только побывалъ въ степи и вникъ въ сущность отправленія этой повинности, — кто только могъ замѣтить, что за радушнымъ

пріемомъ, оказываемымъ киргизомъ каждому пріѣзжему въ аулъ чиновнику, скрывается тяжелая дума о будущихъ разорительныхъ для населенія поборахъ,—мы увѣрены, пожелаетъ чтобы отправляемая народомъ съ такою готовностью, съ такою безропотностью повинность дѣйствительно была признана нашимъ правительствомъ за повинность, а признать ее—значитъ внести въ тотъ новый уставъ объ устройствѣ степи, котораго давно ждетъ кочевое населеніе, особенно бѣдное; внести же въ новый уставъ—значитъ облегчить населеніе въ чемъ иномъ, если только теперь отправляемая квартирная повинность не будетъ признана вовсе необременительною для киргизъ, каковою она теперь считается мѣстнымъ чиновничествомъ, слишкомъ живо заинтересованнымъ поддержаніемъ этой послѣдней мысли.

III. Подводная повинность.

Отыскать что-нибудь похожее на эту повинность въ прежней исторіи киргизовъ невозможно. Какъ бы ни былъ знатенъ, богатъ киргизъ, какимъ бы вліяніемъ ни пользовался въ ордѣ извѣстный султанъ, дѣлая переѣзды по степи, путешествуя съ своею многочисленною свитою, онъ бралъ съ собою и потребное число верховыхъ лошадей или вьючнаго скота. Посылаемый отъ какого-нибудь родоначальника въ дальнюю дорогу гонецъ снабжался нѣсколькими отличными скакунами. Но того, чтобы безцеремонно брать на дорогѣ подводный скотъ, это могъ сдѣлать развѣ только тамыръ съ тамыромъ, или вообще поступали такъ, да и тѣ вѣроятно не безъ ссоръ, люди коротко знакомые между собою. Особенныхъ почтовыхъ учрежденій нигдѣ никогда не было. Это плодъ новаго устройства степи, введеннаго уставомъ о сибирскихъ киргизахъ, по которому населеніе было обязано сочинить между введенными русскими учрежденіями правильныя внутреннія сообщенія (§ 113 наказа хозяйств. уст. о сибирскихъ киргизахъ); именно:

«Каждый аулъ съ волостнымъ султаномъ и волостной султанъ съ окружнымъ приказомъ имѣютъ сообщеніе, равно и сіи послѣдніе между собою и съ областнымъ начальствомъ» (§ 144 тамъ же).

«Сообщеніе сіе имѣть чрезъ киргизовъ, по очереди съ каждаго аула, на верховыхъ лошадяхъ, отряжаемыхъ» (§ 145 тамъ же).

«Сіи отряжаемые киргизы имѣютъ обязанность хранить и исправно сдавать всѣ ввѣряемыя имъ бумаги». (Тамъ же § 146).

«Посылки изъ ауловъ къ султанамъ могутъ быть ежедневно, отъ султановъ въ приказы и отъ приказовъ къ областному начальству и между собою, одинъ разъ въ недѣлю, по обыкновеннымъ дѣламъ». (Тамъ же § 147).

«Въ случаяхъ чрезвычайныхъ посылаются нарочные». (Тамъ же § 147).

«Сихъ нарочныхъ, какъ равно всѣхъ чиновниковъ и служителей, по службѣ отправляемыхъ, обязаны киргизы возить отъ одного аула до другаго, по письменнымъ видамъ». (Тамъ же § 149).

Какъ ни новъ былъ для киргизовъ этотъ призывъ русскаго правительства къ устройству правильныхъ сообщеній, народъ отвѣтилъ на него, какъ и на всякое требованіе высшаго начальства, съ полною охотою. Гдѣ не было къ выполненію новаго казимета готовности, тамъ употреблена сила, и посидѣвшіе разъ, другой въ острогѣ непокорные покорились, такъ что въ настоящее время подводную повинность считаетъ каждый областной киргизъ столь же для себя обязательнымъ дѣломъ, какъ дать юрту и накормить проѣзжаго. Чѣмъ больше разростались разныя отрасли введеннаго нами въ степи управленія (т. е. бумажное дѣлопроизводство), тѣмъ дача подводъ становилась все чаще и чаще, а какъ порядка въ ея равномѣрномъ разложеніи на населеніе не было, нѣтъ еще во многихъ мѣстахъ и донынѣ, то повинность стала слишкомъ обременять нѣкоторыхъ (напримѣръ ближнія къ приказу волости, жительствующія какъ-разъ на проѣздѣ въ многолюдные аулы), а желаніе русскаго начальства, т. е. старшихъ султановъ и окружныхъ приказовъ, устранить это послѣднее неудобство было причиною, что его почувствовали и другія волости. Вслѣдствіе сего, сами киргизы стали думать объ изысканіи средствъ справедливой раскладки повинности на все общество.

Въ главѣ I этого труда, говоря о киргизской почтѣ (см. Пути сообщенія), мы пояснили, въ чемъ именно состояли принятыя киргизами въ разныхъ частяхъ степи средства къ правильному устройству почтовой части. Не повторяя сказаннаго тамъ, мы постараемся здѣсь только выяснить, во-что обходится киргизамъ отправленіе подводной повинности при нынѣшнемъ устройствѣ административной части въ степи.

По смыслу устава о сибирскихъ киргизахъ и на основаніи нынѣшнихъ требованій окружныхъ приказовъ, киргизы обязаны устроить пра-

вильное сообщеніе, во-первыхъ, между окружными приказами и всѣми подвѣдомственными имъ учрежденіями, т. е. волостями и аулами, и во-вторыхъ, эти дробныя административныя единицы должны имѣть между собою правильное сообщеніе. Въ первомъ случаѣ вопросъ сводится на то, чтобы установить правильное и постоянное сообщеніе между приказами и ближайшими къ мѣсту ихъ расположенія аулами, во второмъ на то, чтобы имѣть тоже правильное и постоянное сообщеніе между всѣми аулами. Первый вопросъ лучше прочихъ разрѣшили киргизы каркаралинскаго округа, второй покамѣстъ разрѣшенъ только одними киргизами басентеинской дистанціи баянъ-аульскаго округа. Выяснимъ стоимость той и другой системы для названныхъ киргизовъ, потомъ примѣнимъ эту стоимость ко всѣмъ областнымъ округамъ—и найдемъ цифру, которую должно признать minimum'омъ выраженія натуральной подводной повинности деньгами.

Въ каркаралинскомъ округѣ 17 волостей. Изъ нихъ очередныя должны бы выставлять въ окружной приказъ срокомъ на одинъ мѣсяцъ 24 лошади съ 12 почтарями (иногда съ 8 почтарями), съ харчами, разумѣется, и со всѣмъ нужнымъ для верховой и вьючной ѣзды, какъ-то: арканьями, уздами, потниками и т. п. Такимъ образомъ въ $1\frac{1}{2}$ года каждая волость должна была отбыть эту повинность два раза. Въ настоящее время, для содержанія постояннаго сообщенія приказа съ окрестъ-лежащими ближними аулами, нанятъ каркаралинскими киргизами проживающій въ селеніи почтсодержатель, которому каждая волость платитъ за свой мѣсяцъ около 60 р., съ тѣмъ, чтобы онъ отвѣтствовалъ уже за все требуемое приказомъ. Этимъ путемъ, за 1,440 р., выплачиваемыхъ въ годъ 17 волостями, послѣднія избавляются отъ поставки подводъ въ приказъ. На одну волость въ годъ приходится, стало быть, около 85 руб. Если мы примѣнимъ этотъ разсчетъ ко всѣмъ прочимъ округамъ, гдѣ способъ отбыванія повинности гораздо хуже каркаралинскаго, то получимъ меньшее, во что можетъ обходиться областнымъ киргизамъ поставка подводъ въ окружные приказы, равнымъ 6,290 р. въ годъ, считая на каждую изъ 74 волостей по 85 р. въ годъ.

Въ басентеинской дистанціи, для содержанія сообщеній между аулами, каждое аульное общество, т. е. аулъ, какъ административная единица, собрало по раскладкѣ своего аульнаго старшины извѣстную сумму денегъ, на которую искуплено для почтовой гоньбы лѣтомъ и зимою 12 лошадей по цѣнамъ отъ 20 до 30 р. Принимая среднее этихъ двухъ, покупка ло-

шадей обошлась аулу въ 300 р. Кромѣ того, куплено 6 уздечекъ, 2 хомута, 1 черезсѣдельникъ и проч. Для присмотра за лошадьми выбранъ почтарь, которому платится отъ общества ежегодно 30 р., отводятся лѣтнія и зимнія пастбища, а также покупается на ту же аульную сумму сѣно. Вычислимъ, во что обходится прокормъ 6 лошадей (потому что только 6 употребляется для зимнихъ разъѣздовъ и стоятъ постоянно на мѣстѣ, другая же половина идетъ на выгонъ) въ 5 зимнихъ мѣсяцевъ, если сѣно покупное. Меньшее, по чемъ можетъ быть куплено сѣно у областныхъ заготовителей, составляетъ $1\frac{1}{2}$ к. пудъ. По этой цѣнѣ однако киргизу оно никогда не достается, и потому для нихъ положимъ пудъ сѣна въ 2 к. Полагая на одну лошадь въ сутки $\frac{1}{2}$ пуда, въ 5 мѣсяцевъ на 6 лошадей потребуется 450 пудовъ, стоимость котораго будетъ 9, положимъ даже для круглаго счета 10 р. Слѣдовательно, не считая ремонта сбруи, стоимость содержанія почты для одного басентеинскаго аула составляетъ около 40 р. въ годъ. Ежели бы подобное устройство почты было примѣнено ко всѣмъ 602 областнымъ ауламъ, стоимость содержанія сообщеній отъ аула до другаго составила бы для областныхъ киргизъ 24.080 р. въ годъ. Первое же обзаведеніе, если считать только покупку почтовыхъ лошадей, стоило бы 180,600 р.

Не значитъ, чтобы и басентеинцы своимъ устройствомъ вполнѣ устранили всѣ неудобства по отбыванію подводной повинности, но это отбываніе у нихъ оказывается несравненно менѣе тягостнымъ для населенія, нежели въ другихъ частяхъ степи. Въ самомъ дѣлѣ, прослѣдимъ поѣздку какого-нибудь русскаго или киргизскаго засѣдателя по киргизскимъ ауламъ. Тотъ и другой ѣдутъ обыкновенно въ тарантасахъ *). Выѣзжаютъ изъ приказа въ первовстрѣчный аулъ на тѣхъ лошадяхъ, которыя здѣсь находятся постоянно въ сборѣ. Сборщики лошадей, т. е. русскіе казаки заблаговременно ѣдутъ далеко впередъ, чтобы заготовить подъ засѣдательскій экипажъ подставы. Берутъ лошадей столько, сколько, по соображенію тяжести повозки и числа сопровождающихъ чиновника людей, нужно, а нужно всегда очень много, потому что непріученныя къ экипажной ѣздѣ киргизскія лошади верстъ пять, десять протянутъ повозку вскачь, да и

*) Экипажами уже успѣли обзавестись не только старшіе султаны и засѣдатели отъ киргизовъ, но и многіе изъ волостныхъ. Нѣкоторые изъ богатыхъ киргизовъ тоже имѣютъ тарантасы, но употребляютъ ихъ рѣдко, именно, въ случаяхъ поѣздокъ въ Омскъ или на ревизію въ свой приказъ.

станутъ; на степи, прежде нежели доѣхать до слѣдующаго аула, отстоящаго положимъ верстъ на 50, перепрягать усталыхъ лошадей приходится по меньшей мѣрѣ разъ пять, такъ что если положить подъ экипажъ самое меньшее четверку, вотъ уже для подъема одной повозки на одинъ перегонъ надобно по меньшей мѣрѣ 20 лошадей; а свита чиновника? а сколько ничѣмъ неотвратимыхъ злоупотребленій при сборѣ? да кромѣ всего этого, протащить засѣдательскую повозку совсѣмъ не то, что проскакать подъ верьхомъ. Киргизская лошадь, пройдя, хотя бы и подъ тяжелымъ казачьимъ сѣдломъ, верстъ 30 вскачь, остается свѣжа, и, если только дать ей нужную выстойку, на другой день она уже исправна. Вышедшая же изъ подъ упряжи, та же лошадь не такъ скоро поправляется, а иной разъ даже и совсѣмъ не поправится, если перегонъ былъ болѣе нежели 10 верстъ, или если она изъ хомута не выходила весь день. О сбереженіи лошадей некому заботиться, потому что хозяевъ здѣсь нѣтъ, да еслибы и были, ничѣмъ они горю своему помочь не могутъ. Все несется вскачь до слѣдующей подставы, съ которою повторится тоже. Возвращенныя хозяевамъ измученныя лошади возбуждаютъ въ нихъ только сожалѣніе о томъ, что существуетъ такой порядокъ, но не надоумливаютъ на то, чтобы перейдти къ иному, болѣе правильному устройству гоньбы, какое сочинили себѣ басентеинцы. Киргизъ вполнѣ сознаетъ тяжесть отправленія подводной повинности, но чѣмъ же онъ выражаетъ это сознаніе: во-первыхъ проситъ сборщика лошадей не брать подводъ съ него, указывая на сотоварища, имѣющаго менѣе охоты или средствъ откупиться болѣе или менѣе цѣннымъ подаркомъ отъ сборщика; во-вторыхъ, если избѣжать повинности никоимъ образомъ нельзя, то проситъ казака, чтобы тотъ бралъ изъ табуна лошадей не по своему выбору, а по указанію хозяина, потому что сборщикъ обыкновенно руководится не тѣмъ, чтобы набрать крѣпкихъ лошадей, но тѣмъ, чтобы, набравъ дойныхъ или жеребыхъ кобылъ, сытыхъ, т. е. слишкомъ откормленныхъ коней, которые отъ быстрой ѣзды портятся или погибаютъ,—тѣмъ самымъ настращать хозяина, который изъ боязни потерять одну изъ такихъ лошадей, подаркомъ выкупаетъ каждую изъ нихъ у сборщика, замѣняя ихъ крѣпкими конями, за которыхъ менѣе опасается; въ-третьихъ, киргизъ проситъ казака не впрягать его лошадей въ экипажъ, а пустить подъ верхъ, на что сборщикъ соглашается тоже не даромъ. Однимъ словомъ, ежели бы киргизъ сосчиталъ только, сколько онъ, при каждомъ взиманіи подводъ, долженъ переплачивать однимъ сборщикамъ лошадей, не говоря уже о тѣхъ разорительныхъ для

населенія слѣдствіяхъ, которыя почасту затѣваются по поводу сопротивленія, выказываемаго киргизами сборщикамъ, по поводу дракъ съ послѣдними, — онъ конечно пожертвовалъ бы на устройство почтовой части ту сумму, какая нужна была басентеинцамъ на покупку 12 почтовыхъ лошадей съ упряжью. И басентеинцы своимъ устройствомъ, положимъ, не избѣжали совершенно отъ произвольнаго сбора лошадей съ первовстрѣчныхъ ауловъ, но здѣсь подобный сборъ можетъ вызваться какою-либо крайнею необходимостью, въ противномъ случаѣ онъ будетъ считаться уже явнымъ злоупотребленіемъ: тогда какъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого устройства, онъ всегда считается необходимостью, вслѣдствіе чего на злоупотребленія сборщиковъ мѣстное начальство по необходимости должно смотрѣть сквозь пальцы, иначе сборщикъ не станетъ усердно хлопотать о скоромъ сгонѣ лошадей, въ чемъ иногда представляется дѣйствительно много затрудненій, если только казакъ не обратился къ аульному старшинѣ, слово котораго для киргиза все-таки законъ, потому что въ справедливой раскладкѣ очередей на подставку подводъ старшина никогда не грѣшитъ. Но какъ аульнаго старшину не вездѣ можно встрѣтить, да притомъ же казакъ какъ-то всегда его обѣгаетъ, то отвратить сопряженныя съ сборомъ подводъ злоупотребленія строгимъ изслѣдованіемъ дѣйствій сборщиковъ бываетъ довольно трудно, тогда какъ у басентеинцевъ это дѣло возможное.

Притомъ же у послѣднихъ есть всегда возможность вознаградить такого человѣка, который, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, понесъ большой убытокъ отъ разгона: стоитъ только, да оно такъ и дѣлается, съ такого человѣка брать меньшій кушъ или совсѣмъ ничего не брать для образованія той аульной суммы, которая назначена на содержаніе почтовой части. Въ другихъ же волостяхъ, даже того же самаго баянъ-аульскаго округа, этого нѣтъ, и что же выходитъ: одинъ отъ извѣстнаго расхода ничего не потерялъ, потому что у него никогда не берутъ лошадей; другой мало проигралъ, потому что его лошади были подъ верхомъ; третій получитъ лошадей никуда не годныхъ, потому что его лошади тащили засѣдательскій экипажъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ всегда люди, не имѣвшіе возможности задобрить сборщика, т. е. такіе бѣдняки, которые можетъ быть черезъ одинъ такой разгонъ лишаются возможности кочевать, другими словами—оттого, что они не могли отстоять своихъ лошадей взяткою или запрятать ихъ куда-нибудь, должны лишиться въ будущемъ возможности передвигаться, т. е

возможности легко поправлять скотъ, это значитъ — лишиться всѣхъ средствъ къ жизни. Понятно, что такой бѣднякъ, не имѣя другой возможности, отстаиваетъ свой послѣдній кусокъ хлѣба силою, дерется съ казакомъ до остервененія, навлекаетъ на аулъ слѣдствіе, совсѣмъ не предъугадывая того, что слѣдствіе это въ концѣ концовъ все-таки разоритъ его семейство. Гдѣ ему все это разсчитать, онъ руководится только ближайшей мыслью – боязнью потерять, можетъ быть, послѣднюю лошадь, — и прибѣгаетъ къ силѣ; — тутъ нѣтъ ни капли буйства, приписываемаго мѣстными властями многимъ изъ этихъ бѣдняковъ. И вѣдь ежели бы такая бѣда случилась съ бѣднякомъ въ то время, когда кругомъ его аула далеко нѣтъ ни одного другаго, а то рядомъ съ ауломъ джатаковъ стоитъ богачъ, у котораго, неудивительно, что сборщикъ не беретъ лошадей по уже извѣстнымъ намъ причинамъ, но то удивительно, что бай, видя несчастіе своего собрата, у котораго отнимается послѣдняя лошадь, никогда не сжалится надъ джатакомъ; примѣры тому намъ къ сожалѣнію приходилось видѣть на каждомъ шагу. Отсюда-то мы всего болѣе и основали высказанное въ главѣ II (нравств. качества жителей), убѣжденіе наше въ томъ, что у киргиза вообще не проявляется ни малѣйшаго состраданія къ своимъ сородичамъ, если это только не близкіе его родственники. Мы уже не говоримъ о царствующей повсюду въ степи несправедливости, напримѣръ, такого рода: рядомъ съ бѣднымъ ауломъ, въ которомъ числится всего на все двѣ лошади, стоитъ аулъ татарина, пасущаго безчисленные табуны отборныхъ лошадей на земляхъ этого самаго бѣдняка, который конечно никакого вознагражденія за это не получаетъ, потому что отводъ пастбищъ многимъ чалаказакамъ зависитъ въ большинствѣ случаевъ не отъ аульнаго старшины, но отъ волостнаго султана, преслѣдующаго только свои интересы, — и чтоже? проѣзжающій чиновникъ ни одной лошади не смѣетъ взять изъ табуна торгующаго татарина, а у бѣдняка берутся обѣ его единственныя клячи. Ту же самую льготу, какою неизвѣстно почему пользуются въ степи всѣ *ногои*, силятся присвоить себѣ и всѣ султаны, которыхъ правительство наше вовсе и не думало освобождать отъ отбыванія подводной повинности, но которые, тѣмъ не менѣе, сами присвоили себѣ право не давать лошадей изъ своихъ табуновъ, если только гдѣ-нибудь вблизи стоитъ аулъ простыхъ киргизовъ. Иногда же они не смотрятъ и на разстоянія, которыя приходится дѣлать сборщику въ тѣхъ случаяхъ, если аулы черной кости лежатъ далеко отъ султанскихъ или ежели табуны первыхъ

угнаны за нѣсколько десятковъ, иногда за сотню верстъ; все равно, султанъ отказывается отъ выполненія подводной повинности, утверждая, что онъ всегда стоялъ несравненно выше киргиза и потому тѣхъ повинностей, которыя въ прежнее время народными обычаями налагались на простой народъ, султаны не выполняли; теперь точно также они не намѣрены выполнять подводной повинности, такъ какъ и при новомъ устройствѣ степи правительство признало султановъ высшимъ сословіемъ, а киргизовъ низшими *). Удивительно право, какъ, послѣ того, это довольно презрѣнное и между киргизами сословіе рѣшается вносить ясакъ: вѣдь послѣдній тоже самое, что и подводная повинность. Въ нѣкоторыхъ округахъ энергическія дѣйствія какого-нибудь непремѣннаго члена иногда успѣваютъ посбавить эту спѣсь султановъ, равнымъ взысканіемъ и съ нихъ, и съ простыхъ киргизовъ за упорное сопротивленіе сборщикамъ лошадей; тѣмъ не менѣе порядокъ, который основанъ только на одной энергіи начальника, а не на знаніи закона, непроченъ, и пока бѣлой кости не будетъ втолковано въ голову, что она по закону подлежитъ одинаковымъ въ этомъ отношеніи повинностямъ, какъ и черная, пока всѣ киргизы не убѣдятся въ томъ, что законъ въ отбываніи подводной повинности не дѣлаетъ исключеній для султановъ, до тѣхъ поръ трудно будетъ приступить еще очень мало свѣдущимъ въ этихъ дѣлахъ киргизамъ къ правильному устройству почтовой части. Гдѣ эти знанія распространены сильнѣе, гдѣ различіе между султанами и черною костью почти ни въ чемъ не существуетъ,—тамъ какое-нибудь правильное устройство этой части возможно. Оттого-то оно и явилось покамѣстъ только въ одной басентеинской дистанціи, т. е. у киргизовъ близь-линейныхъ, и притомъ такихъ, которые, сравнительно съ другими близь-линейными же жителями, отличаются наиболѣе частыми сношеніями съ русскими, такихъ, въ средѣ которыхъ очень много людей, часто бывавшихъ въ Омскѣ, и вообще менѣе, нежели гдѣ-нибудь, сидней—дикарей.

Мы до сихъ поръ разобрали только одну сторону подводной повинности,—дачу лошадей; мы видѣли, что ежели бы подводная повинность всюду отбывалась такъ, какъ отбываютъ ее каркаралинскіе киргизы, въ дѣлѣ установленія постоянныхъ сообщеній приказовъ съ первовстрѣчными

---

*) «Султаны составляютъ высшее и почетнѣйшее между киргизами сословіе и освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній» (§ 279, глав. IX Устав. о сибирскихъ киргизахъ).

аулами, и какъ отбываютъ ее басентеинскіе киргизы, въ дѣлѣ установленія правильныхъ переѣздовъ отъ аула до аула, то годовой расходъ киргизовъ по выполненію этой повинности, приблизительно, составлялъ бы около 3.000 руб. сер. въ годъ (6.290 руб. на сообщенія приказа съ первовстрѣчными аулами, и 24.080 рублей на содержаніе почты между аулами), что составляетъ около 42 коп. сер. въ годъ на каждую юрту, если число таковыхъ, согласно губернаторскому отчету за 1863 годъ, принять въ 71.828. Но такъ какъ къ правильному устройству почтоваго сообщенія между аулами приступлено только въ одномъ маленькомъ уголкѣ баянъ-аульскаго округа, въ прочихъ же частяхъ области повинность по прежнему отбывается съ громадными издержками для кочевыхъ жителей и единственно по тому, что правильное ея отбываніе не опредѣлено закономъ, а основано или на неоффиціальныхъ сдѣлкахъ окружныхъ приказовъ съ старшими и волостными султанами, а послѣднихъ съ аульными старшинами, или ни на чемъ не основано, т. е. является требованіе съ съ одной стороны, съ другой сопротивленіе, кончающееся тѣмъ, что сила установленнаго правительствомъ учрежденія,—всегда имѣющаго возможность опереться на законъ, котораго киргизъ не понимаетъ, или, понимая, не можетъ выполнить,—беретъ верхъ; такъ какъ до сихъ поръ не замѣчается распространенія между киргизами вѣрныхъ понятій о томъ, что и отъ кого требуетъ законъ и чего не требуетъ, кого освобождаетъ отъ выполненія подводной повинности; наконецъ, такъ какъ мѣстное чиновничество только требуетъ, но своими познаніями нисколько не помогаетъ кочевому населенію въ организаціи почтовой части,—то, намъ кажется, не будетъ ошибочнымъ, если мы станемъ измѣрять теперешнее отбываніе подводной повинности тою же самою цифрою, какою выражается и ясакъ, т. е. 124.000 руб. сер., тѣмъ болѣе, что и сами киргизы считаютъ эту повинность нисколько не меньшею, нежели ясакъ. Послѣдній даже болѣе сносенъ, потому что въ немъ по крайней мѣрѣ не дѣлается различія между черною и бѣлою костью, а тамъ, помимо различія состоянія, дѣлается и это различіе.

Остается сказать о другой сторонѣ подводной повинности—о дачѣ проводниковъ.

Въ оренбургской степи вожакъ получаетъ 10 рублей, посыльный и всякій почтарь 5 руб. въ мѣсяцъ, и оба казенное продовольствіе, а въ случаѣ отличнаго выполненія порученія, наградныя и поверстныя деньги *).

*) Статист. описаніе киргизской степи оренбургскаго вѣдомства, г. Мейера, стр. 268.

Та же самая система неопредѣленныхъ наградъ за выполненіе порученій и опредѣленнаго вознагражденія почтарей, смотря по тому, на своихъ или на чужихъ лошадяхъ они отправляютъ гоньбу, существовала и въ зачуйскомъ краѣ, когда мы его заняли; тоже вѣроятно осталось и теперь. Въ области сибирскихъ киргизовъ ничего подобнаго никогда не было. Посылается-ли почтарь на своей лошади, берется-ли для него чужая,—никакого вознагражденія онъ за свой трудъ не получаетъ, ни одного сухаря онъ не получитъ отъ казны и на свое продовольствіе, хотя бы пришлось скакать нѣсколько сотъ верстъ. Правда, что его во всякомъ аулѣ накормятъ, особенно если онъ сообщитъ новость, но однако можетъ случиться и такъ, что ѣхать нѣсколько дней придется по безлюдью: въ этомъ случаѣ онъ довольствуется тѣмъ кумысомъ и айраномъ, который успѣлъ захватить въ свой турсукъ въ послѣднемъ аулѣ, а если нѣтъ и этого, то ужъ право не знаемъ, чѣмъ онъ сытъ.

Проводники, доставляющіе проѣзжающаго чиновника изъ одного аула до другаго, тоже ни отъ кого ничего не получаютъ. Случится чиновнику пробыть на степи два, три дня, онъ довольствуется взятою съ собою закускою, казаки сухарями и мясомъ, которымъ и дѣлятся съ проводникомъ-киргизомъ, но чтобы послѣдній былъ чѣмъ-нибудь обезпеченъ въ продовольствіи, чтобы хотя аулъ, его отправляющій, снабдилъ его чѣмъ-нибудь—этого никогда не случается. Полагается, что почтарь и всякій проводникъ найдетъ себѣ продовольствіе въ томъ аулѣ, гдѣ остановится чиновникъ, а ежели заночевать случиться на степи, то можетъ и перетерпѣть голодъ, не великъ баринъ. Чиновникъ, разсчитывая также, какъ разсчитываютъ и киргизы, можетъ позабыть справиться, сыты-ли слѣдующіе съ нимъ проводники; послѣдніе же, ни слова не понимая по русски, адресуются къ казакамъ, которые либо накормятъ, либо нѣтъ,—это какъ Богъ дастъ. Даже на тѣхъ киргизовъ, которые въ качествѣ лаучей наряжаются въ какую-нибудь предпринимаемую изъ области экспедицію, никакого содержанія отъ казны, какъ это дѣлается въ оренбургской степи, здѣсь не отпускается. Положимъ, къ такимъ безвозмезднымъ пожертвованіемъ средняя орда привыкла, положимъ здѣшніе киргизы никогда и не помышляютъ о требованіи вознагражденія правительства, которому, напримѣръ, понадобятся верблюды съ проводниками, для снаряженія заграничной экспедиціи *), или просто понадобится снарядить

*) Осенью 1862 года изъ Улутава, для изслѣдованія бассейна рѣки Сары-су и путей, ведущихъ къ сыръ-дарьинской линіи, была выслана экспедиція. На подъемъ тяже-

какую-нибудь дальнюю почту и проч. Но такъ какъ за поставки и порученія подобнаго рода казна вознаграждаетъ оренбургскихъ киргизовъ, то справедливо было бы не принимать безвозмездныхъ пожертвованій и со стороны сибирскихъ: подарки этого рода тѣмъ и другимъ степнымъ жителямъ приносятъ одинаковый ущербъ по хозяйству.

Все дѣло въ томъ, что въ сибирской степи распоряжающійся подрядомъ чиновникъ, изъ желанія выиграть по службѣ, дѣйствительно иногда успѣваетъ уговорить киргизовъ къ какому-нибудь безвозмездному пожертвованію, потому что вознагражденія за извѣстныя повинности здѣшній киргизъ дѣйствительно никогда не видѣлъ: оно и кажется, что средней орды киргизъ какъ будто болѣе способенъ дѣлать подарки казнѣ. Ничѣмъ бы это не выражалось, ежели бы здѣсь существовала отъ казны та же плата за выполненіе извѣстныхъ сторонъ подводной службы, какая существуетъ въ оренбургской степи.

IV. Прочія повинности областныхъ киргизовъ.

Въ этомъ отдѣлѣ назовемъ сначала два рода тѣхъ повинностей, начало которыхъ можно отыскать въ прежней жизни киргизовъ, это: 1) сборъ на бѣдныхъ и 2) сборъ для султановъ, ходатайствующихъ за киргизовъ передъ русскимъ правительствомъ; потомъ скажемъ о 3) вновь установившемся сборѣ на духовенство.

Перваго рода сборъ, какъ уже сказано выше, составлялся изъ тѣхъ добровольныхъ пожертвованій, которыя, по представленію родоначальниковъ, дѣлали достаточные киргизы въ пользу своихъ неимущихъ родственниковъ. О существованіи этого сбора упоминается во всѣхъ волостяхъ области сибирскихъ киргизовъ. Возбуждавшееся родоправителями и, такимъ образомъ, проявлявшееся у киргизовъ чувство гуманности, съ введеніемъ русскаго устройства въ степи, ослабѣло по двумъ причинамъ: 1) пожертвованія, начавшія поступать не въ руки старшихъ султановъ, съ

стей караджарскаго сотеннаго отряда баганалинскіе киргизы пожертвовали 40 верблюдовъ, дали, тоже безвозмездно, около 50 лошадей, назначили отъ себя вожаковъ и лаучей, которыхъ ссудили даже деньгами на покупку провіанта,—отъ казны же ни баганалинцы, ни проводники никакого вознагражденія не получили, и киргизы никогда его не искали, ничего не требовали, а напротивъ несказанно были благодарны за то, что получили обратно всѣхъ безъ исключенія верблюдовъ и почти всѣхъ лошадей.

большимъ жаромъ схватившихся за этотъ прекрасный обычай киргизовъ, иногда шли на помощь бѣднякамъ, принадлежавшимъ совсѣмъ чуждому племени, тогда какъ тѣ джатаки, которые принадлежали къ роду, сдѣлавшему можетъ быть и значительное пожертвованіе, оставались на глазахъ у всѣхъ безъ призрѣнія; 2) доподлинно сдѣлалось всѣмъ извѣстна та остроумная, принятая старшими султанами, система, по которой бѣдные, хотя и получали собранныхъ съ округа барановъ, но не въ вѣчное свое владѣніе, а лишь для временнаго пользованія съ даннаго имъ скота молокомъ; по прошествіи извѣстнаго срока скотъ отъ нихъ отбирался, поступая въ стада старшаго султана.

Системы этой окружные султаны держатся и до настоящаго времени. Прежняго вида добровольныхъ приношеній нынѣшній сборъ не имѣетъ. Старшій султанъ, по своему усмотрѣнію, назначаетъ тому или другому достаточному человѣку отдать такое и такое-то число барановъ такому-то и такому бѣдняку безвозмездно. Для принятія опредѣленнаго султаномъ *пожертвованія* и для передачи его въ руки бѣднаго семейства, посылается изъ числа постоянно состоящихъ при султанѣ прислужниковъ, или почтарей, одинъ, снабжающійся инструкціею передать бѣдному семейству, что съ вручаемаго на его сохраненіе скота оно можетъ пользоваться молокомъ и шерстью до тѣхъ поръ, пока старшій султанъ не потребуетъ этотъ скотъ съ приплодомъ въ свои стада. Срокъ этотъ обыкновенно ограничивается однимъ годомъ, потому что у себя дома все-таки какъ-то удобнѣе наблюдать за приплодомъ, чѣмъ довѣрять въ этомъ случаѣ бѣднякамъ, хотя до сихъ поръ не было примѣра, чтобы послѣдніе рѣшились въ чемъ-нибудь, когда-нибудь обмануть своего старшаго султана. Но такова уже жадная, ненасытная, корыстолюбивая душа богатаго азіятца, неумѣющаго довѣрять голодному, но умѣющаго искусно копить и сберегать безъ труда достающееся ему богатство.

Старшій султанъ иногда не шутя убѣжденъ въ томъ, что, давъ бѣдняку возможность кое-какъ перебиться цѣлый годъ при помощи доставленныхъ ему изъ стадъ богатаго барановъ, онъ приноситъ какую-нибудь пользу, и за эту принесенную бѣдняку пользу считаетъ себя въ правѣ отобрать у него скотъ черезъ годъ, много два, тогда какъ въ этотъ годъ или два бѣднякъ вовсе не успѣлъ пріискать себѣ работы, да и никогда не успѣетъ, потому что ея нѣтъ въ степи, а отправиться на заработки въ русское селеніе или на заводъ — значитъ навсегда потерять надежду на полученіе помощи отъ старшаго султана, потому что

послѣдніе особенно какъ-то недолюбливаютъ такихъ джатаковъ, которые снискиваютъ себѣ пропитаніе своимъ трудомъ, а не выпрашиваніемъ помощи у старшаго султана. И оно понятно: не будь бѣдняковъ собственно въ кочевьяхъ, не будетъ и такого удобнаго предлога обирать богатыхъ для приращенія жертвуемымъ скотомъ своихъ стадъ. Оттого-то старшіе султаны до того не любятъ джатаковъ, окружающихъ русскія селенія, служащія для послѣднихъ единственнымъ якоремъ спасенія, что не только не доставляютъ имъ никакихъ пособій, но еще стремятся къ тому, чтобы узнать этихъ бѣдняковъ въ волости: въ этомъ случаѣ главная, руководящая старшимъ султаномъ мысль—имѣть въ кочевьяхъ болѣе бѣдныхъ съ тою цѣлію, чтобы собирать на нихъ пожертвованія, которыя, какъ мы уже знаемъ, обогащаютъ одну только султанскую казну,—это мысль тайная; объясняетъ же султанъ всѣмъ свое желаніе отогнать джатаковъ отъ селеній тѣмъ, что воровство въ станицахъ черезъ эту стоянку увеличивается, возникаютъ частыя жалобы русскихъ на киргизовъ отдаленныхъ волостей, тогда какъ въ этомъ виноваты джатаки и т. д.,—доводы вполнѣ неосновательные, и потому, къ счастію и русскихъ, и киргизовъ, не успѣвшіе убѣдить мѣстное начальство въ томъ, что такая мѣра можетъ быть полезною. Въ самомъ дѣлѣ, какая участь ожидаетъ бѣдняка въ кочевьяхъ?—Голодная смерть, это положительно, если только у него нѣтъ достаточныхъ родственниковъ, потому что работы онъ рѣшительно никакой не достанетъ. И вѣдь нельзя сказать, чтобы старшіе султаны этого не знали. Можно, стало быть, представить себѣ какъ человѣколюбивы эти алчные лихоимцы.

Обирая богатаго подъ видомъ вспомоществованія бѣднымъ, въ сущности же приумножая свою казну, султанъ вселяетъ и въ достаточныхъ людяхъ неувѣренность за сохраненіе того, что и у малотрудящагося киргиза можетъ быть накоплено трудомъ, напримѣръ торговлею и проч. Но главное зло не въ этомъ, а въ томъ, что тайно или явно поддерживая съ корыстолюбивою цѣлію нищенство, онъ растлѣваетъ понятія тѣхъ бѣдныхъ людей, которые, по какому-либо несчастному случаю лишившись послѣдняго куска хлѣба, всегда могли бы найдти этотъ кусокъ въ русскихъ селеніяхъ, на заводахъ, въ сибирскихъ губерніяхъ и проч., еслибы только ихъ иногда не увлекали столь обманчивыя надежды на даровое вспоможеніе старшаго султана. Надо, впрочемъ, думать, что число этихъ лицъ годъ отъ году уменьшается, хотя того же самаго о производимыхъ въ округахъ сборахъ на бѣдныхъ сказать нельзя. Куда идутъ эти сборы,

объ этомъ въ округѣ знаютъ всѣ, кромѣ окружныхъ приказовъ, тогда какъ именно на эти учрежденія правительство возложило обязанность слѣдить за всѣми пособіями, которыя дѣлаютъ киргизы старшимъ султанамъ, и наблюдать, чтобы пособія эти отнюдь не были бы вынужденными (§ 131 главы IV устава о сибирскихъ киргизахъ). Но во-первыхъ пособія эти подъ такимъ видомъ никогда и не слывутъ, потому что старшій султанъ, какъ главный начальникъ, обязанный заботиться о призрѣніи бѣдныхъ, отдаетъ приказаніе о вспоможеніи въ формѣ приглашенія богатаго на доброе дѣло; послѣдній же, зная силу старшаго султана, никогда не отказывается отъ приглашенія. Во-вторыхъ, еслибы пособіе и было вынуждено у богатаго, послѣдній никогда не рѣшится пожаловаться на старшаго султана, слѣдовательно окружной приказъ имѣть какой-либо оффиціальный фактъ въ этого рода дѣлахъ не можетъ, неоффиціально же хотя и знаетъ, но разслѣдывать эти дѣла—значило бы, безъ даннаго къ тому повода, производить обидныя заподозрѣнія одной изъ главныхъ мѣстныхъ властей,—на что приказъ закономъ точно не уполномоченъ. Притомъ, подобнаго рода разслѣдованія ни къ чему бы не повели, ничего бы не раскрыли, потому что, какъ уже сказано, киргизъ не рѣшается жаловаться на своего старшаго султана даже объѣзжающему область губернатору, а ужъ производителю слѣдствія и подавно не захочетъ. Между тѣмъ зло успѣло уже пустить довольно глубокіе корни. Повторяемъ, оно заключается не въ безконтрольномъ поборѣ старшаго султана, а въ томъ, что бѣдные люди въ округѣ поощряются даровою поддержкою къ ничего-недѣланію, совсѣмъ не разсчитывая на то, что все данное имъ дано не навсегда, хотя въ этомъ, кажется, пора было бы уже всѣмъ имъ убѣдиться. Наконецъ обязанность призрѣнія бѣдныхъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ, съумасшедшихъ и прочихъ нуждающихся въ пособіи возложена правительствомъ не на старшаго султана, а на окружной приказъ *), о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Другой древній сборъ былъ на султановъ, ходатайствовавшихъ за киргизовъ передъ русскимъ правительствомъ, т. е. на тѣхъ султановъ, которыхъ Левшинъ на стр. 165 (часть III «Описанія киргизъ-кайсацкихъ ордъ») своего труда называетъ не болѣе, какъ стряпчими, успѣвающими «вмѣстѣ и обогащаться, и давать поступкамъ своимъ видъ усердія къ

---

*) См. главу VI устава о сибирскихъ киргизахъ §§ 250, 251, 252 и 253.

общей пользѣ, или преданности Россіи, за которую получаютъ отъ правительства нашего похвальные листы и подарки». Этихъ древнихъ стряпчихъ въ настоящее время замѣнили для народа старшіе султаны, съ тою разницею, что должность древняго стряпчаго была временная, теперь же постоянная, но какъ прежній султанъ, надувая обѣ стороны, самъ обогащался отъ нихъ, такъ точно поступаетъ и нынѣшній, успѣвшій убѣдить киргизовъ въ томъ, что онъ вѣчный и самый энергическій ходатай за нихъ и что это ходатайство крайне необходимо, мало того—что для этого ходатайства, заступничества (употребляемое султаномъ выраженіе) необходимы деньги, которыя и собираются съ волостей при каждой поѣздкѣ старшаго султана въ Омскъ, точно въ самомъ дѣлѣ въ Омскѣ живетъ какая-то чуждая для киргизовъ власть, менѣе, нежели старшіе султаны, радѣющая объ интересахъ народа. Неизвѣстно, куда идутъ собранныя съ киргизовъ для старшихъ султановъ деньги, но достовѣрно то, что на какое-либо ходатайство за народъ они не истрачиваютъ ни копѣйки. Существованіе древнихъ стряпчихъ, а слѣдовательно и сборовъ, на нихъ производившихся, еще оправдывалось чѣмъ-нибудь: правительство русское хотя и не было для киргизовъ совершенно чуждою властію, однако киргизы тогда могли считать его такою; въ настоящее же время, когда каждый изъ киргизовъ имѣетъ право на ревизіи, да и всегда, пожаловаться военному губернатору даже и на старшаго султана, непонятно, какимъ образомъ послѣдніе успѣваютъ разъигрывать роль прежнихъ стряпчихъ.

Между тѣмъ это дѣйствительно такъ, и прежнее убѣжденіе киргизовъ въ необходимости изрѣдка посылать отъ себя къ нашему правительству депутаціи, для удостовѣренія въ расположеніи къ народу верховной власти, не ослабѣло. Пользуясь этимъ убѣжденіемъ, старшіе султаты очень успѣшно дѣйствуютъ въ томъ случаѣ, когда представляется какой-либо поводъ къ отправкѣ депутацій въ Петербургъ или Москву, какъ это было, напримѣръ, во время коронаціи нынѣшняго Государя. Сборы съ народа для султановъ въ этихъ случаяхъ становятся громадны. Правда, возвратившаяся въ степь депутація разсказываетъ народу много видѣнныхъ ею чудесъ; съ жадностью слушаютъ киргизы разсказы о похоронахъ покойнаго Государя, о роскошныхъ праздникахъ, сопровождавшихъ коронованіе новаго Императора, о великолѣпіи Москвы и Петербурга, городовъ, отличающихся, по мнѣнію разскащиковъ, только однимъ недостаткомъ—тѣмъ, что въ нихъ негдѣ покормить верховаго коня, но что за то и лошадей тамъ не надо, потому что есть такіе экипажи, ко-

торые везутъ множество людей при помощи одной, дышащей огнемъ лошади, что, наконецъ, расходы депутаціи по прожитію въ столицахъ были такъ значительны, что заинтересовавшимся разсказомъ слушателямъ не мѣшало бы прибавить кое-что къ прежде сдѣланному сбору. Поморщатся киргизы, но даютъ, потому что надобно же пополнить расходы, сдѣланные народнымъ ходатаемъ—старшимъ султаномъ; дадутъ даже и въ томъ случаѣ, когда депутація отправилась бы на счетъ казны *), потому что народъ къ этому привыкъ, а вѣдь старшій султанъ не врагъ же своего кармана, и ужъ никогда въ этомъ случаѣ не будетъ защитникомъ кошелька своихъ подчиненныхъ, потому что подобные случаи представляются рѣдко, такъ рѣдко, что онъ можетъ быть и смѣненъ, не дождавшись другаго; надобно, стало быть, ковать желѣзо пока оно горячо. Эти, и прежде существовавшіе между киргизами, сборы на султановъ, имѣвшихъ, въ качествѣ народныхъ ходатаевъ, сношенія съ русскимъ правительствомъ, послѣднее, вѣроятно, и имѣло въ виду, вводя въ уставъ о сибирскихъ киргизахъ такой параграфъ: «равномѣрно могутъ киргизы, по нынѣшнему ихъ обыкновенію, дѣлать вспоможенія своимъ султанамъ» (глава IV, § 130). Но, добавляетъ уставъ, вѣроятно опасавшійся за то, что теперь дѣйствительно случилось, «о каждомъ таковомъ вспоможеніи извѣщать окружные приказы, которымъ поставляется въ обязанность наблюдать, дабы пособія сіи отнюдь не были вынужденныя». (Тамъ же, § 131). Мы уже говорили, что никакое дѣлаемое киргизами пожертвованіе, хотя въ сущности и вынужденное, не является однако въ такомъ видѣ. Султанъ не такъ простъ, чтобы прибѣгать къ явному насилію; но онъ такъ силенъ, а боязнь въ прежде-запуганномъ русскими властями народѣ такъ велика, что каждое приглашеніе старшаго султана къ пожертвованіямъ должно считать вымогательствомъ, тѣмъ болѣе, что киргизы, еще разъ повторяемъ, этихъ властителей не любятъ, не участвуя въ ихъ выборѣ.

*) Такъ какъ, уставомъ о сибирскихъ киргизахъ, послѣднимъ доставлена полная свобода сноситься съ высшимъ русскимъ правительствомъ, «то посылка отъ нихъ особыхъ депутацій становится ненужною» (§ 280 главы IX устава о сибирскихъ киргизахъ).— «Но дабы не были лишены они способовъ лично увѣряться въ расположеніи къ нимъ Верховной власти, позволяется султанамъ цѣлаго округа совокупно отправлять депутаціи въ С.-Петербургъ, но не иначе, какъ на счетъ тѣхъ самыхъ округовъ и по желанію народа». (Тамъ же § 281). «Въ таковомъ случаѣ, мѣстное главное управленіе можетъ позволять сіи депутаціи и отряжаетъ съ своей стороны пристава». (Тамъ же § 282).— «На счетъ казны депутаціи пріемлются тогда только, когда само высшее правительство потребуетъ оныхъ». (Тамъ же § 283).

Наконецъ, третья неоффиціальная повинность киргизовъ — сборъ на духовенство, порождена уже чисто однимъ уставомъ о сибирскихъ киргизахъ, именно тою его статьею, въ которой говорится: «содержаніе духовенства вообще возлагается на попеченіе султановъ» (глава IV, § 132).

Въ прежнее время никакихъ сборовъ на духовенство, на мечети и проч. не существовало. Съ распространеніемъ магометанства, вліятельные въ народѣ люди, сдѣлавшись истыми послѣдователями пророка, приближали къ себѣ ходжей и давали имъ нѣкоторую возможность поправить свое состояніе на счетъ паствы, которой внушалось, что ходжа нѣкоторымъ образомъ потомокъ святыхъ людей,—были пожертвованія, но не облекались эти жертвы въ правильную организацію; хотя кое-гдѣ и разсказываютъ областные киргизы о томъ, что ихъ прежніе правители внушали имъ давать десятаго барана ходжамъ, надобно однако думать, что если и были такіе случаи, то были уже въ то время, когда въ степи сталъ дѣйствовать уставъ о сибирсхихъ киргизахъ. И теперь ходжамъ даютъ, хотя и не десятаго барана, все же очень много, но не потому, чтобы святость жизни этихъ людей, ихъ умъ, т. е. умѣнье рѣшать спорные вопросы по корану, возбуждали въ киргизахъ нѣкоего рода уваженіе къ личности, въ силу котораго степнякъ иной разъ дѣйствительно готовъ щедро раскошелиться, а просто потому, что каждый ходжа—приближенное къ султану лицо, могущее киргизу быть полезнымъ или вреднымъ, смотря потому, кто сколько дастъ святому человѣку. Ходжи, каждый годъ свободно разъѣзжая по округу, подъ протекціею старшаго султана, дѣйствительно быстро наживаютъ себѣ громадное состояніе. Какой-нибудь бѣглый смѣтливый ташкенецъ, имѣвшій за душою одинъ халатъ, принявъ званіе ходжи и умѣвъ подольститься къ извѣстному старшему султану, года черезъ два дѣлается однимъ изъ первыхъ богачей въ округѣ. Въ долгу у султана, позволившаго такъ быстро нажиться на счетъ его подчиненныхъ, такой ходжа не остается, внушая киргизамъ самыя нелѣпыя мысли о святой жизни старшаго султана, о его справедливости, о предписаніи пророка повиноваться именно старшимъ султанамъ, благоговѣть предъ ними, чтить каждое ихъ слово, раболѣпствовать. Султанъ ходжѣ, ходжа султану одинаково необходимы, и, слѣдственно, этою одною необходимостью, а не вліяніемъ ходжей на султановъ, объясняется ярый фанатизмъ послѣднихъ и то поддѣльное благоговѣніе передъ потомками Магомета, которое многими принимается за истинное. Наединѣ съ султаномъ ходжа по прежнему низкій лакей, но въ народѣ этого не

показываетъ. Точно также старшій султанъ всегда болѣе прикидывается ревностнымъ магометаниномъ, чѣмъ онъ дѣйствительно таковъ, потому что, не внушивъ киргизамъ своимъ примѣромъ понятія о святости корана, о крайней необходимости слѣдовать ученію пророка, онъ не имѣлъ бы лишняго повода производить тѣ сборы, которые, кромѣ сборовъ для ходжей, теперь производитъ на будто бы дающуюся имъ помощь разнымъ духовнымъ лицамъ, обращающимся къ нему за пособіемъ, на отсылку приношеній муфтію оренбургскому, на постройку и ремонтъ мечетей. Мы даже знаемъ султана, который ровно пять лѣтъ собиралъ съ киргизовъ своего округа деньги на то, чтобы отправиться въ Мекку, но все еще не отправился, и вѣроятно никогда не отправится, потому что и самъ, и особенно его сынъ, сильно играютъ въ карты въ одномъ изъ административныхъ центровъ степи, гдѣ этотъ султанъ живетъ почти безвыѣздно.

Ежели въ округѣ идетъ сборъ на постройку мечети, этотъ сборъ производится тоже подъ наблюденіемъ старшаго султана, идетъ черезъ руки послѣдняго, отпускающаго производителю работъ, или наблюдающему за постройкою муллѣ столько, сколько надо, а излишекъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, было бы странно возвращать жертвователямъ, и конечно онъ никогда не возвращается.

Вообще всѣ дѣйствія старшаго султана, какъ въ отношеніи производства послѣднимъ разныхъ сборовъ, такъ и въ отношеніи веденія отчетности полученныхъ съ окружныхъ киргизовъ для разныхъ надобностей денегъ,—не подчинены никакому контролю. Послѣдній, въ отношеніи киргизскихъ пожертвованій, установленъ только для окружныхъ приказовъ *); султаны же и старшины даже въ расходѣ ввѣряемыхъ имъ на казенныя надобности суммъ «подаютъ только простые счеты» (глава IV, § 122), а куда дѣваются ими разныя пожертвованія киргизовъ, до этого никому нѣтъ дѣла, потому что о нихъ никто не знаетъ, или, ежели и знаютъ, то смотрятъ на эти пожертвованія какъ на частное дѣло, а не

*) «Всему движенію денежныхъ суммъ, при окружныхъ приказахъ, ведутся, на обыкновенныхъ правилахъ, шнуровыя книги». (§ 121 глав. IV, наказъ хозяйственный). «Пожертвованія киргизъ на благотворительныя заведенія поступаютъ въ приказы, которые ведутъ имъ счетъ запискою въ шнуровыя книги, и какъ большая часть таковыхъ пожертвованій состоять можетъ въ скотѣ, то употребляютъ оный по мѣрѣ надобности, излишній же за тѣмъ продается. Вырученныя деньги, совокупно съ денежными приношеніями, составлять должны экономію тѣхъ заведеній». (Тамъ же, § 133).

какъ на общественное имущество, хотя и въ послѣднемъ случаѣ: «султаны и старшины», сказано въ уставѣ о сибирскихъ киргизахъ, только «отвѣтствуютъ за ввѣряемое имъ казенное или общественное имущество» (глава VII, § 261), но о способахъ контролировать ихъ дѣйствія въ этихъ случаяхъ уставъ нигдѣ не говоритъ.

Во то время, когда вводился уставъ о сибирскихъ киргизахъ, т. е., когда большихъ неудобствъ отъ того значенія, отъ той силы, которыя правительство наше, изъ желанія поскорѣе прекратить самоуправство и другіе безпорядки въ степи, старалось придать всѣмъ должностнымъ султанамъ, возложивъ на нихъ полную отвѣтственность за безпорядки и своевольство киргизовъ (глава VII, § 255), когда такого, какъ теперь, множества, подъ разными видами производимыхъ съ киргизовъ разными вліятельными лицами, поборовъ не существовало; когда никто не могъ предвидѣть, чтобы прежде существовавшія между киргизами добровольныя приношенія ихъ родоправителямъ, стряпчимъ и судьямъ организовались бы въ столь правильные, сильно разоряющіе народъ, поборы; когда никто не могъ ожидать чтобы именно правительствомъ установленныя власти, обязанныя заботиться о благосостояніи своихъ подчиненныхъ, за одно получаемое ими отъ казны жалованье, и тотъ льстящій самолюбію и не одного азіятца почетъ, которымъ окружило ихъ наше правительство, и которымъ они никогда прежде не пользовались,— чтобы эти власти сдѣлались первыми и самыми невыносимыми притѣснителями народа, первыми хищниками его благосостоянія; когда, наконецъ, недостатокъ знанія всѣхъ условій жизни народа не позволялъ придумать какую-либо систему контроля дѣйствій властей, столь близко поставленныхъ къ киргизамъ, но столь удаленныхъ отъ глазъ высшаго начальства,—тогда разумѣется было достаточно гарантировать благосостояніе новыхъ подданныхъ тѣмъ лишь, что имъ дано право жаловаться на притѣсненія султановъ ближайшему начальству, т. е. приказамъ, а на членовъ приказа и прочее высшее степное начальство областному начальству *), письменно, или ревизующему область начальнику словесно. Областной же начальникъ, на особенное попеченіе котораго правительство возложило успѣхъ по введенію новаго порядка (гл. X, § 294), былъ облеченъ «особенною властью

*) Всякій киргизъ, отъ притѣсненій султана, имѣетъ право просить, у ближайшаго начальства, защиты». (Глава IX, § 275).—«Жалобы на старшаго султана, на членовъ приказа и начальника стражи, подаются письменно областному начальнику». (Глава V, § 233).

дѣйствовать всѣми зависящими отъ него способами для общей пользы». (Тамъ же § 296). Способовъ этихъ однако прежде не было, потому что одна власть, какъ бы ни была она сильна, ничего не могла сдѣлать, пока ей не была извѣстна общественная обстановка киргизовъ,—обстановка, которая даже не давала киргизу возможности воспользоваться своимъ правомъ жаловаться. Надобно, стало быть, не ожидая жалобъ, намъ самимъ, и какъ можно скорѣе, ознакомиться съ этою обстановкою, съ тѣмъ, чтобы улучшить бытъ народа, принесшаго множество жертвъ изъ одного желанія безпрекословно выполнять всѣ требованія правительства, изъ одного страха въ чемъ-либо отступить отъ того устройства, которое введено въ степи сорокъ лѣтъ тому назадъ. Изъ всѣхъ русскихъ законовъ, касающихся правъ, выгодъ и обязанностей киргизовъ, другими словами, изъ всѣхъ параграфовъ устава о сибирскихъ киргизахъ, хотя всѣ они и переведены на киргизскій языкъ, народъ знаетъ и твердо помнитъ только одинъ, помѣщенный въ главѣ X, именно § 290, которымъ предписано объявить киргизамъ о томъ, что къ принятію тогда вводившагося устройства они не принуждаются, «но, принявъ оное единожды, отступать уже не позволится». — Принимая новое устройство, народъ конечно не зналъ, также какъ и русское правительство, до какихъ размѣровъ разовьется и какими злоупотребленіями выразится власть волостныхъ правителей и старшихъ султановъ, не зналъ, что онъ совершенно потеряетъ свои прежнія, гораздо лучшія учрежденія; а когда узналъ все это, онъ и радъ бы былъ вернуть прошлое, но, увидѣвъ какъ строго наказываетъ русское правительство за неповиновеніе установленнымъ властямъ, запомнилъ § 290 до того твердо, что теперь боится даже воспользоваться дарованнымъ ему его Государемъ правомъ жаловаться на кого угодно изъ своихъ притѣснителей. Слѣдовательно, ожидать пока сами киргизы заявятъ правительству о томъ, что вытерпливаютъ они отъ служащихъ по округу султановъ, справляться относительно установленія новаго устройства съ мнѣніемъ народа такъ, какъ справлялась разъѣзжавшая по области въ 1863 году коммисія, значило бы никогда не подвинуть впередъ дѣло преобразованія степи. Напротивъ, ознакомившись до малѣйшихъ подробностей съ общественнымъ бытомъ жителей, на что много времени не потребуется, это дѣло будетъ рѣшено скоро, и неблагопріятныя условія, въ какія была поставлена степь прежнимъ управленіемъ, навѣрное не повторятся.

Все, что сказано о повинностяхъ, которыми гдѣ болѣе, гдѣ менѣе,

но вездѣ отягощены киргизы при помощи своихъ благодѣтелей, отцовъ-заступниковъ—старшихъ султановъ, въ миніатюрѣ можетъ быть приложено и къ волостнымъ правителямъ-хищникамъ. Пользы изъ этихъ и другихъ правительство не извлекло никакой; вредъ же подобныхъ учрежденій до того ясенъ, что первымъ шагомъ правительства къ введенію новаго устройства, мы не сомнѣваемся, будетъ освобожденіе народа отъ этихъ, помимо желанія правительства и киргизовъ образовавшихся, владѣтельныхъ князьковъ. Мы не сомнѣваемся въ этомъ потому, что не исчислили, можетъ быть, и сотой доли тѣхъ неоффиціальныхъ повинностей, которыми безъ вѣдома правительства отягощены киргизы, благодаря этимъ, справедливо ненавистнымъ для нихъ учрежденіямъ. Подробный разборъ этого вопроса могъ бы повести насъ слишкомъ далеко, могъ бы занять и много времени на описаніе одного и того же, и потому-то, совершенно опустивъ разборъ развитія древней повинности киргизовъ по рѣшенію исковыхъ и уголовныхъ дѣлъ, т. е. нынѣшній расходъ населенія по судебнымъ дѣламъ, мы ограничились обрисовкою самыми крупными чертами только нѣкоторыхъ повинностей населенія, частію имѣющихъ основаніе въ прошлой жизни народа, частію нѣтъ.

ГЛАВА VI.

Управленіе.

А. ИСТОРІЯ ОБРАЗОВАНІЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНІЯ ОБЛАСТЬЮ СИБИРСКИХЪ КИРГИЗОВЪ.

Въ 1822 году вся Сибирь, въ видахъ удобства управленія ею, была раздѣлена на двѣ части: Восточную, съ своимъ главнымъ управленіемъ, находившимся въ Иркутскѣ, и Западную, съ своимъ, мѣстопребываніе котораго до 1839 года находилось въ Тобольскѣ, а съ этого года перенесено въ г. Омскъ.

Въ составъ Западной Сибири вошли губерніи: Тобольская, Томская и область Омская, къ которой причислена и вся занятая кочевьями средней и большой ордъ киргизская степь.

Начала, на которыхъ строился механизмъ управленія каждою изъ трехъ частей Западной Сибири, т. е. Тобольскою и Томскою губерніями и Омскою областью, сходствуя съ началами, принятыми для управленія вообще каждою изъ губерній Европейской Россіи, были одни и тѣ же; а такъ какъ степь киргизская составляла часть Омской области, то начала эти были распространены и въ ней, войдя въ особый Высочайше утвержденный 22 іюля 1822 года уставъ о сибирскихъ киргизахъ.

Такимъ образомъ механизмъ управленія, присущій каждой изъ русскихъ губерній, сталъ вводиться въ Омской области съ началомъ ея образованія, то есть, въ 1822 г., степи же сибирской, или части этой области, новый порядокъ коснулся въ 1814 г., когда открыты въ ней первые округи, а въ 1838 г., когда семью такими округами охвачены были всѣ кочевья средней орды, порядокъ этотъ введенъ окончательно.

Самобытное управленіе сохранилось только въ непринявшей еще къ этому году русскаго подданства, большой ордѣ.

Въ 1838 г., съ изданіемъ особаго положенія для управленія сибирскими киргизами, Омская область упразднена. Выразилась эта перемѣна только тѣмъ, что гг. Семипалатинскъ и Усть-Каменогорскъ причислены къ Томской губерніи, а въ Омскѣ образовалось пограничное управленіе, въ вѣдѣніи котораго находились всѣ киргизы, кочевавшіе съ внѣшней стороны сибирской линіи, а также и внутренніе, потому что, по смыслу статьи 188 тома II св. зак., всѣ перешедшіе на нашу сторону, то есть во внутрь линіи, киргизы, еще не принявшіе устройства по уставу о сибирскихъ киргизахъ, долженствовали быть приписаны къ одному изъ степныхъ округовъ. Не смотря однако на это, кочуя вдали отъ линіи сибирской и, напротивъ, постоянно находясь вблизи крестьянскихъ селеній омскаго, колыванскаго, барнаульскаго и бійскаго округовъ, киргизы эти, вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ крестьянами означенныхъ округовъ, находились въ бо̀льшей зависимости отъ земскихъ судовъ Тобольской и Томской губерній, нежели отъ пограничнаго начальника, именно потому, что за линію, обратно въ степь, никогда не кочевали и поземельныхъ угодій тамъ никакихъ не имѣли, да, за недостаткомъ земли, и не могли имѣть, иначе бы стѣснили заграничныхъ киргизовъ. Такимъ образомъ одна эта часть киргизовъ, подчиняясь и пограничному начальству, и земскимъ судамъ двухъ губерній, и начальству горному, и начальству казачьему, находилась въ какомъ-то странномъ, точно неопредѣленномъ нашимъ законодательствомъ положеніи.

Эта послѣдняя причина, въ связи съ тѣми, о которыхъ говорено было въ историческомъ введеніи, послужили къ образованію новаго управленія всѣми сибирскими киргизами. Реформа состояла только въ томъ, что 19 мая 1854 года вся сибирская степь разбита на двѣ области: восточная часть образовала семипалатинскую область, въ которую вошли и находившіеся до этихъ поръ въ состояніи какой-то неопредѣленной подчиненности внутренніе киргизы; западная часть составила область сибирскихъ киргизовъ, въ которую вошло пять разновременно открытыхъ округовъ *).

---

*) Къ кокчетавскому округу въ 1839 г. причисленъ находившійся до того въ вѣдомствѣ оренбургскаго начальства родъ Баганалы, изъ коего образовано 4 волости, впослѣдствіи, именно въ 1859 году, вошедшія въ составъ атбассарскаго округа.

Слѣдовательно новый порядокъ коснулся одной высшей инстанціи степнаго управленія и опять выразился только тѣмъ, что бывшее пограничное правленіе переименовано въ областное сибирскихъ киргизовъ, а пограничный начальникъ названъ военнымъ губернаторомъ области; для семипалатинской же области образовано особое управленіе съ своимъ военнымъ губернаторомъ.

Что же касается устава 6 апрѣля 1838 г., въ немъ не сдѣлано никакихъ важныхъ измѣненій и по настоящее время. Такимъ-то образомъ начала, введенныя въ систему управленія Западной Сибири, другими словами въ систему управленія каждою русскою губерніею, остались въ томъ видѣ, въ какомъ они явились въ 1822 г. Начала эти впослѣдствіи вошли въ сводъ законовъ изданія 1857 года, тома II, части II: особыя губернскія учрежденія, гдѣ въ главѣ II, о сибирскихъ учрежденіяхъ, дано мѣсто и учрежденію управленія областью сибирскихъ киргизовъ. Статьею 483 этого послѣдняго учрежденія область сибирскихъ киргизовъ составилась изъ округовъ кокчетавскаго, каркаралинскаго, акмоллинскаго, баянъ-аульскаго и кушмурунскаго.

Въ 1859 г. 12 апрѣля Высочайше повелѣно кушмурунскій округъ, съ его 5 волостями, причислить къ кокчетавскому, а изъ 4-хъ южныхъ волостей послѣдняго, изъ одной волости акмоллинскаго округа и изъ одной вновь образованной волости, всего изъ семи юго-западныхъ волостей, образовать атбассарскій округъ.

Ст. 484 той же гл. II: управленіе областью сибирскихъ киргизовъ раздѣляется на областное, окружное, волостное и аульное.

Ст. 486—490 опредѣляютъ составъ областнаго управленія, а

Ст. 504—508 — кругъ его дѣйствія.

Въ сводѣ особенныхъ губернскихъ учрежденій, книга VII, раздѣлъ I: объ управленіи сибирскихъ инородцевъ, въ гл. II помѣщено особенное учрежденіе управленія инородцами, именуемыми сибирскими киргизами.

Ст. 177 говоритъ, что сибирскіе киргизы принадлежатъ къ разряду кочевыхъ сибирскихъ инородцевъ и имѣютъ съ ними, кромѣ своихъ особенныхъ, равныя права на всегдашнюю свободу отъ рекрутства и равныя обязанности, исключая участія въ общихъ по Западной Сибири земскихъ повинностяхъ и др.

Ст. 180—263 опредѣляются основанія раздѣленія области на округи, волости, аулы, а также составъ и кругъ дѣйствія окружнаго, волостнаго и аульнаго управленій.

Ст. 264—274 опредѣляютъ расходы по степному управленію.

Ст. 279—284 говорятъ о пятилѣтней льготѣ по освобожденію отъ податей со дня открытія округа. Разрѣшается принимать отъ киргизовъ въ это льготное время одни добровольныя приношенія на школы, больницы, благотворительныя заведенія и проч.

Въ ст. 285 сказано, что порядокъ податнаго сбора съ киргизовъ опредѣляется въ уставѣ о податяхъ. Но гербоваго сбора между киргизами, на основаніи ст. 286, не полагается.

Ст. 287 опредѣляетъ очередныя повинности киргизовъ, состоящія единственно въ устройствѣ внутреннихъ сообщеній между окружными приказами, волостными султанами и проч.

Ст. 294 рекомендуетъ, въ правилахъ хлѣбной казенной продажи въ каждомъ округѣ, руководиться уставомъ о народномъ продовольствіи.

Ст. 295 и 296 трактуютъ объ употребленіи киргизами соли изъ озеръ, о ея продажѣ, а также о продажѣ въ степи вина, рекомендуя уставъ о соли и уставъ питейный.

Ст. 297. Отводъ земель, удобныхъ для земледѣлія, скотоводства и другихъ заведеній въ частное пользованіе, опредѣляется уставомъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ.

Правила о частной горной промышленности въ округахъ сибирскихъ киргизовъ опредѣлены въ уставѣ горномъ.

Ст. 298. Общія правила о торговлѣ киргизовъ изложены въ уставѣ торговли.

Ст. 303. Таможни на линіяхъ дѣйствуютъ на основаніи таможеннаго устава.

Въ ст. 309 — 319 говорится о судныхъ дѣлахъ. Порядокъ производства дѣлъ уголовныхъ и исковыхъ опредѣленъ законами уголовными и гражданскими. Дѣла же по жалобамъ на управленіе производятся по своимъ инстанціямъ, на основаніи ст. 311—319.

Ст. 320. Правила о медицинской и карантинной частяхъ опредѣляются въ уставѣ врачебномъ.

Въ ст. 321—327 говорится объ установленіяхъ по части народнаго просвѣщенія и дѣлъ духовныхъ.

Ст. 328. Устройство благотворительныхъ заведеній въ степи сибирскихъ киргизовъ опредѣляется правилами устава объ общественномъ призрѣніи.

Ст. 329. Всѣ законы, относящіеся до правъ, выгодъ и обязанностей

киргизовъ, должны быть переведены на ихъ языкъ, напечатаны и имъ объявлены.

Ст. 346. Военному губернатору поставляется въ обязанность склонять независимыхъ киргизовъ къ подчиненію общему порядку, вводимому въ степи, дѣйствуя въ семъ случаѣ съ благоразуміемъ, мѣрами увѣщанія, и внушая имъ надлежащія понятія о выгодахъ сего порядка.

Ст. 366. Линіи, отдѣляющія Тобольскую и Томскую губерніи отъ области сибирскихъ киргизовъ и внѣшнихъ округовъ Семипалатинской области, или, по старому наименованію, сибирскія линіи, въ значеніи стражи, не составляютъ учрежденія на всегдашнія времена; но по мѣрѣ распространенія порядка въ занимаемыхъ киргизами земляхъ, стража сія подвигается впередъ и наконецъ должна кончить постояннымъ утвержденіемъ себя на дѣйствительной государственной границѣ.

Въ такомъ видѣ явились въ общемъ сводѣ гражданскихъ законовъ главныя, касавшіяся области сибирскихъ киргизовъ узаконенія.

Для охраненія вводившагося въ степи съ 1824 г. порядка, съ линіи высылалась изъ казачьихъ полковъ стража.

Воинскіе отряды исправляли должность временнаго конвоя окружныхъ приказовъ, при которыхъ они состояли. Отбывъ извѣстный срокъ въ степи, казачьи отряды возвращались на линію. Чѣмъ болѣе разростались наши предѣлы на югъ, тѣмъ высылка войскъ съ линіи становилась и для казны и для казаковъ слишкомъ обременительною; кромѣ того, возможность повторенія такихъ безпорядковъ, какъ, напримѣръ, кенисаринское возмущеніе, указывала на необходимость содержанія внутри степи постояннаго военнаго резерва, который бы уже не возвращался на линію. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, положено выселить съ линіи въ мѣста расположенія окружныхъ приказовъ нѣсколько казаковъ. Кромѣ того, со времени открытія, въ почти тысячеверстномъ разстояніи отъ линіи, Актаускаго укрѣпленія, оказалось необходимымъ имѣть по близости этого укрѣпленія, въ болѣе удобномъ мѣстѣ, резервъ войскъ регулярныхъ. Вслѣдствіе сего, на постоянную стоянку въ степь переведенъ 2-й баталіонъ 24-ой пѣхотной дивизіи. На юго-западѣ области, для прикрытія ея отъ кенисаринскихъ шаекъ, основано Улутавское селеніе, занять которое пришлось казакамъ 10-го полка, впослѣдствіи переименованнаго въ 1-й полкъ. Этотъ полкъ, какъ мы видѣли выше (гл. II), составился изъ вызванныхъ въ 1849 и 1850 гг. малороссійскихъ казаковъ и изъ малоземельныхъ крестьянъ смежныхъ съ Сибирью губерній. Онъ былъ поселенъ въ кокчетав-

скомъ округѣ, и, вмѣстѣ со 2-мъ полкомъ, составившимся частію изъ тѣхъ же крестьянъ, частію изъ прежнихъ сибирскихъ казаковъ и изъ улутавскихъ поселенцевъ, входитъ въ составъ сибирскаго казачьяго войска, подчиненнаго, также какъ и всѣ расположенныя въ области войска, военному министерству.

На основаніи положенія 1861 г. о сибирскомъ казачьемъ войскѣ, главное управленіе имъ принадлежитъ генералъ-губернатору Западной Сибири (§ 140, отд. II, полож. о сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 г.). Мѣстное же управленіе составляютъ восемь особенныхъ учрежденій, о которыхъ будемъ говорить ниже. Наконецъ, расположенныя въ области войска и всѣ военныя учрежденія находятся въ завѣдываніи военнаго губернатора, облеченнаго въ отношеніи ихъ властью дивизіоннаго начальника и во всемъ руководящагося сводомъ военныхъ постановленій, приказами военнаго министра, а также исходящими изъ корпуснаго штаба распоряженіями относительно снаряженія, расквартированія, передвиженія и употребленія войскъ на службу, такъ какъ послѣднія входятъ въ составъ бывшаго отдѣльнаго сибирскаго корпуса.

Послѣ этого общаго указанія узаконеній, подъ вліяніемъ которыхъ выработалась нынѣшняя система управленія областью, переходимъ къ болѣе подробному разбору этой системы.

Б. НАСТОЯЩЕЕ СОСТОЯНІЕ МѢСТНЫХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ И УПРАВЛЕНІЙ.

Сначала скажемъ о I) гражданскомъ управленіи, потомъ о II) военномъ.

I. Гражданское управленіе.

А. АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ОБЛАСТИ.

(Сводъ особ. губернскихъ учрежденій, книга VII, раздѣлъ I, глава II, ст. 180—263; уставъ о сибирскихъ киргизахъ, глава I, §§ 4—14).

Кочевое населеніе степи, по мѣрѣ изъявленія съ своей стороны желанія принять новое устройство, выраженное въ уставѣ о сибирскихъ киргизахъ, должно было группироваться въ аулы, составлявшіеся изъ 50 или

70 кибитокъ; 10 или 12 такихъ ауловъ должны были образовать волость, а отъ 15 до 20 волостей, по возможности принадлежащихъ одному роду или поколѣнію, или привыкшихъ кочевать вмѣстѣ, долженствовали составить округъ.

На этихъ основаніяхъ, со времени упраздненія Омской области (къ 1838 г.), въ сибирской степи числилось 7 округовъ, въ составъ которыхъ вошла почти вся средняя орда, а именно:

1. Каркаралинскій округъ, открытый 8 апрѣля 1824 г., заключалъ въ себѣ 18 волостей, 147 ауловъ, 18,320 юртъ.

2. Кокчетавскій округъ, открытый 29 апрѣля 1824 г., состоялъ изъ 14 волостей, 167 ауловъ, 26,121 юрты.

3. Въ Кушмурунскомъ округѣ было 5 волостей, 63 аула, 4,385 юртъ.

4. Баянъ-аульскій, открытый 22 августа 1832 г., былъ образованъ изъ 14 волостей, 149 ауловъ, 11,819 юртъ.

5. Акмоллинскій, открытый одновременно съ предъидущимъ, заключалъ 20 волостей, 212 ауловъ и 15,007 юртъ.

6. Аягузскій, открытый 17 мая 1831 г., имѣлъ 12 волостей, 118 ауловъ, 16,808 юртъ.

и 7. Кокпектинскій, съ 15 волостями, 106 аулами и 13,508 юртами.

Два послѣдніе въ 1854 г. отошли въ составъ Семипалатинской области, а пять первыхъ образовали область сибирскихъ киргизовъ.

Въ 1859 г., какъ уже сказано, кушмурунскій округъ уничтоженъ, а на его мѣсто открытъ атбассарскій. Число волостей въ каждомъ округѣ иногда уменьшалось, иногда увеличивалось, сообразно съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ числа кибитокъ, точно также сообразно съ этими обстоятельствами измѣнялся и составъ каждой волости.

Въ настоящее время административный составъ области, для управленія кочевымъ населеніемъ, слѣдующій:

НАЗВАНІЕ ОКРУГОВЪ.	Число волостей.	Число ауловъ.	Число юртъ.	Кочевое населеніе.		
				Число мужескаго пола.	Число женскаго пола.	Число обоихъ половъ.
1. Кокчетавскій	15	175	16.286	33.453	28.766	62.219
2. Атбассарскій . . . . (открытъ 8 Октября 1859 г.).	7	35	5.303	12.786	13.193	25.979
3. Акмоллинскій	20	181	19.176	40.957	36.994	77.951
4. Баянъ-аульскій . . .	15	110	12.765	21.008	17.408	38.416
5. Каркаралинскій. . .	17	101	18.398	31.809	26.841	58.650
ИТОГО	84	602	71.828	140.013	123.202	263.215

Изъ отчета военнаго губернатора области за 1863 годъ.

Округи получили свои названія по тѣмъ урочищамъ, близь которыхъ основалось постоянное мѣстопребываніе окружнаго управленія.

Уставомъ о сибирскихъ киргизахъ опредѣлено, чтобы жители одного округа, не испросивъ разрѣшенія своего мѣстнаго начальства, не переходили въ другой, точно также жители пограничныхъ округовъ не имѣли бы права откочевывать далѣе предѣловъ и земель имъ принадлежащихъ (§ 78 гл. III). Предѣлы эти правительство имѣло въ виду обозначить точнымъ разграниченіемъ земель каждаго округа (§§ 77 и 80 гл. III и §§ 9 и 10 гл. I), до приведенія же этой мѣры въ исполненіе, окружныя границы должны были быть оберегаемы, по распоряженію приказовъ, посредствомъ разъѣздовъ изъ воинской стражи и изъ самихъ киргизовъ, подъ наблюдеденіемъ старшинъ (§ 79, гл. III).

Ни той, ни другой мѣры не приходилось приводить въ исполненіе. Точное разграниченіе округовъ можетъ явиться результатомъ пріобрѣтенія бо̀льшихъ знаній о мѣстахъ жительства всѣхъ волостей и о поземельномъ правѣ киргизовъ, тогда какъ ни того, ни другаго до сихъ поръ не имѣется.

Что касается охраненія границъ разъѣздами изъ военной стражи,

при содѣйствіи аульныхъ старшинъ, въ этомъ дѣлѣ или не было надобности, потому что волости, имѣвшія зимнія стойбища внѣ той условной, приблизительно опредѣленной черты, которая была извѣстна приказу, все равно не рѣшились бы разстаться съ своими землями, въ томъ случаѣ, когда были бы принуждаемы къ тому окружнымъ приказомъ, или ежели и предстояла подобная надобность прибѣгать къ содѣйствію приказа, въ случаѣ, напримѣръ, захвата чужой собственности киргизами другаго округа, — приказъ въ этого рода исковыя дѣла не имѣлъ прямаго права вмѣшиваться, такъ какъ, по смыслу § 207 гл. V того же устава, дѣла подобнаго рода почитались исковыми, а исковыя дѣла, на основаніи § 215 (тамъ же), положено разбирать біямъ, и хотя въ случаяхъ подачи жалобы на рѣшенія біевъ (въ данномъ случаѣ по дѣламъ о поземельной собственности) областное начальство имѣло право, на основаніи § 219 (тамъ же), перерѣшать такія дѣла по степнымъ киргизскимъ законамъ, однако мудрено было этимъ правомъ воспользоваться, потому что законы киргизовъ намъ не были извѣстны и неизвѣстны до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ о правѣ на поземельную собственность мы и теперь почти ничего положительно не знаемъ. Отсюда само собою слѣдовало, что всѣ поземельные споры будутъ оставаться надолго не разрѣшенными въ тѣхъ случаяхъ, если русская власть вмѣшается въ нихъ, поэтому мы всегда старались избѣгать этого вмѣшательства, продолжая держаться той же политики и до нынѣшняго дня. При такихъ условіяхъ, границы между областными округами не могли быть точно обозначены прежде. Теперь есть къ тому бо́льшая возможность, но вѣроятно наше правительство не вполнѣ еще знакомо со всѣми условіями общественной жизни киргизовъ, чтобы приступить къ совершенію столь важнаго дѣла. Размежеваніе округовъ необходимо повлечетъ за собою и размежеваніе частныхъ земель, въ чемъ, какъ мы уже нѣсколько разъ замѣчали, предстоитъ крайняя надобность въ настоящее время.

По господствовавшимъ прежде въ народѣ понятіямъ, вся степь есть общественное достояніе киргизовъ. При обзорѣ хлѣбопашества, мы упомянули какъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, измѣнились эти понятія. Новыя же условія жизни народа во многомъ порождены устройствомъ степи по уставу 1822 года. Вслѣдствіе чего, здѣсь будетъ умѣстно исчислить тѣ статьи этого устава, которыя коснулись прежняго права киргизовъ на поземельную собственность.

Въ числѣ собственныхъ правъ киргизовъ, изображенныхъ въ главѣ IX

устава, опредѣлено и право каждаго киргиза имѣть недвижимую собственность (§ 276). Но въ тоже самое время правительство присвоило себѣ право раздавать всѣ поземельныя угодья по своему усмотрѣнію, кому угодно. Такое право основывалось на желаніи управлять хозяйствомъ народа, преслѣдуя ту или другую цѣль.

При составленіи устава о сибирскихъ киргизахъ, наше правительство было одержимо желаніемъ во что бы то ни стало поскорѣе увидѣть въ степи хлѣбопашество, полагая, что киргизъ-земледѣлецъ, сдѣлавшись осѣдлымъ жителемъ, обстроится, лучше обезпечитъ себя въ средствахъ къ жизни, станетъ сильнѣе дорожить стремленіемъ правительства поддержать заведенный порядокъ и вообще, сильнѣе прикрѣпившись къ землѣ, скорѣе прикрѣпится и къ введеннымъ у него учрежденіямъ и проч.

Имѣя въ виду подѣйствовать на киргизовъ примѣромъ и, вѣроятно, полагая, что занятіемъ нѣсколькихъ удобныхъ угодій въ округѣ оно никого изъ кочевыхъ жителей особенно не стѣснитъ, правительство стало прежде всего раздавать вновь занятыя земли служащимъ по округу, какъ русскимъ, такъ и киргизскимъ чиновникамъ.

Такимъ образомъ изъ земель, назначенныхъ для каждаго округа, уставомъ положено было: «отдѣлить во-первыхъ удобныя для земледѣлія, скотоводства и другихъ заведеній, при мѣстопребываніи приказа, отъ 5-ти до 7-ми квадратныхъ верстъ, собственно для старшаго султана, которыми можетъ онъ пользоваться, пока пребываетъ въ должности, не лишаясь права на участіе въ общихъ пастбищахъ». (Глава II, § 167 уставъ о сибирскихъ киргизахъ). «Недвижимыя на сихъ земляхъ заведенія, при смѣнѣ старшаго султана, оцѣниваются и продаются въ его пользу». (§ 168 тамъ же).

«Отвести, на томъ же основаніи, по двѣ квадратныя версты для каждаго засѣдателя» (тамъ же § 169).

Нечего и говорить о томъ, что ни старшіе султаны, ни засѣдатели никакихъ заведеній на отведенныхъ имъ земляхъ не строили. У каждаго изъ нихъ, также какъ и у каждаго киргиза, были уже въ это время свои зимовки, на которыхъ еще могло возникнуть кое-какое строительное домообзаводство; но на временно арендуемыхъ, такъ-сказать, у казны земляхъ, которыя были отняты у прежнихъ владѣльцевъ безъ всякаго вознагражденія послѣднихъ, этихъ обзаведеній не могло появиться и не появлялось. Временно отводимыя земли отдавались и отдаются въ пользованіе кому-либо изъ русскихъ поселенцевъ; имѣющіе на нихъ право султаны и

засѣдатели живутъ на своихъ прежнихъ зимовкахъ; въ приказъ же, ежели и пріѣзжаютъ, то только лѣтомъ, и то одинъ, много два раза въ году, на ревизію или по какому другому случаю. Земли, о которымъ идетъ рѣчь, извѣстны подъ именемъ земель принадлежащихъ приказу.

Занимая довольно обширныя пространства, онѣ правильно не нарѣзаны и казна не извлекаетъ изъ нихъ той пользы, какую можно было бы извлечь, хоть бы отдавъ ихъ, напримѣръ, обратно ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Разомъ прекращено было бы множество споровъ за поземельную собственность; семейства, по какому-либо случаю лишившіяся своихъ прежнихъ зимнихъ пастбищъ, захваченныхъ, напримѣръ, киргизами чужаго округа, богатыми людьми своего и т. под., нашли бы пріютъ для своихъ, тоже иногда не маленькихъ стадъ, теперь пасущихся на тѣхъ земляхъ, которыя нанимаются ими у другихъ владѣльцевъ, вслѣдствіе чего иному владѣльцу одну зиму приходится провести въ одномъ мѣстѣ, другую въ другомъ, при чемъ, конечно, нельзя и думать о какомъ-нибудь обзаведеніи. Лучшаго ничего правительство изъ этихъ земель извлечь пока не можетъ. Что же касается вознагражденія, въ которомъ нуждаются засѣдатели и старшіе султаны за свою службу, то думаемъ, мы довольно ясно показали въ предъидущей главѣ, какъ мало они нуждаются въ подобномъ вознагражденіи, умѣя находить его сами. Уничтожить же это послѣднее зло, не уничтожая эти совсѣмъ ненужныя власти,—невозможно; а когда власти, о которыхъ идетъ рѣчь, будутъ уничтожены, что же лучше всего сдѣлать съ напрасно отводимыми имъ землями, какъ не отдать ихъ въ пользованіе прежнимъ владѣльцамъ или малодостаточнымъ киргизамъ. Наконецъ, если уже необходимо нужно видѣть подлѣ приказовъ хлѣбопашество, то всего проще отдать ихъ стоящимъ подлѣ селенія джатакамъ, разумѣется, доставивъ послѣднимъ и средства къ обработкѣ земли, какъ это нѣкогда было дѣлаемо и для нѣкоторыхъ казачьихъ семействъ, бросившихъ промыслы единственно потому, что для казака всегда скорѣе найдутся другіе, болѣе выгодные заработки, нежели для киргиза.

Вмѣстѣ съ киргизскими чиновниками, правомъ на отводъ земель пользовались и русскіе, а также состоявшіе въ приказѣ толмачи и проживавшіе въ округѣ казаки. Первымъ, на основаніи § 170 устава, назначено отводить по одной квадратной верстѣ, толмачамъ столько, сколько положено для казачьихъ офицеровъ (тамъ же § 180), а водворяющимся въ степи казакамъ, каждому по 15 десятинъ (тамъ же § 171).

Мы уже знаемъ изъ главы II и III, какъ пользуются отводимыми

имъ землями всѣ служащія по округу лица, равно и казаки. При помощи отведенныхъ земель осѣдлые жители развиваютъ скотоводство, чѣмъ и живутъ, а о хлѣбопашествѣ, на которое такъ разсчитывало правительство *), вовсе не думаютъ; только въ кокчетавскомъ округѣ промыселъ этотъ служитъ у казаковъ нѣкоторымъ подспорьемъ ихъ скотоводству. Слава Богу, что отведенныя земли, такъ или иначе, приносятъ пользу осѣдлымъ жителямъ; жаль только, что до сихъ поръ нѣтъ точной нарѣзки, вслѣдствіе чего много изъ окружающихъ селенія казачьихъ земель, иногда очень удобныхъ, лежатъ впустѣ, въ то время какъ многіе изъ киргизовъ, у которыхъ эти земли отняты, тоже безъ опредѣленнаго за то вознагражденія, часто сами очень нуждаются въ пастбищахъ.

Наконецъ, все съ тою же цѣлію скорѣе видѣть киргизовъ хлѣбопашцами, тѣмъ же уставомъ положено:

§ 172. «Каждому киргизу, который пожелаетъ производить хлѣбопашество или имѣть другія на мѣстѣ хозяйственныя заведенія, отводить для сего по 15-ти десятинъ на душу».

§ 173. «Окружные приказы должны заботиться какъ объ охраненіи сихъ земель, такъ и о томъ, дабы не были оныя оставляемы безъ воздѣлыванія».

§ 174. «Ежели на отведенной землѣ, въ теченіи 5-ти лѣтъ, не сдѣлано будетъ никакого заведенія или хлѣбопашества, тогда земли сіи должно отбирать и предоставлять другимъ».

§ 175. «При отводѣ наблюдать, что ежели на одну и ту же землю будетъ много желающихъ, тогда право владѣнія рѣшить имъ по жеребью, въ присутствіи трехъ свидѣтелей изъ числа біевъ».

§ 176. «Также поступать и въ случаѣ многихъ разныхъ требованій на одну землю подъ временное кочевье».

§ 177. «Вообще, кочевье на неотведенныхъ никому земляхъ, для киргизовъ состоящихъ въ одномъ округѣ, почитать свободнымъ».

§ 178. «Султанамъ, подъ хозяйственныя заведенія, отводить тройную пропорцію, старшинамъ же двойную».

§ 179. «Земли, отведенныя для хлѣбопашества и заведеній, пере-

*) Россійскіе засѣдатели въ приказахъ и казаки, составляющіе стражу, должны подать первый примѣръ къ воздѣлыванію земель и хозяйственнымъ заведеніямъ (тамъ же § 181). «На отведенныхъ имъ земляхъ должны они стараться завести хлѣбопашество и, буде представится возможность, садоводство, пчеловодство и проч.» (§ 182 тамъ же). «Они должны употребить все стараніе, чтобъ султаны, старшины и прочіе киргизы, убѣждены были въ пользѣ таковыхъ заведеній, доставлять имъ къ тому всѣ способы и помогать нужными совѣтами» (тамъ же § 83).

ходятъ въ наслѣдство, какъ недвижимая собственность, выключая тѣхъ, которыя не лицамъ, но занимаемымъ ими мѣстамъ присвоены, и на которыхъ, какъ выше сказано, однѣ недвижимыя заведенія составляютъ собственность».

Эти пять пунктовъ устава показываютъ, что правительство не признавало за киргизомъ права на поземельную собственность въ томъ случаѣ, ежели онъ останется пастухомъ, а не сдѣлается земледѣльцемъ. Но какъ сдѣлаться таковымъ кочевой житель могъ только въ крайней бѣдности, въ противномъ же случаѣ ему не было никакого разсчета измѣнять кочевой образъ жизни, то кабинетныя мудрствованія о томъ, какимъ образомъ осчастливить и безъ того счастливый своимъ положеніемъ народъ, какимъ бы фокусомъ развить въ немъ стремленіе къ той отрасли труда, въ которой тотъ не видѣлъ для себя ни малѣйшей пользы,—повели только къ тому, что правительство вмѣшало себя въ тѣ споры о поземельной собственности, которыхъ не могло, да и до сихъ поръ не можетъ разрѣшить безъ помощи біевъ, другими словами—которые не могутъ быть разрѣшены безъ признанія за киргизами ихъ правъ на теперь владѣемую ими землю, потому что права эти на чемъ-нибудь да основаны же, ежели за нихъ стоитъ народъ. Признавая же за киргизами ихъ права, правительству нельзя не отказаться и отъ своего стремленія насильно навязывать народу ту или другую отрасль труда. Поощрять развитіе хлѣбопашества отнятіемъ земли у однихъ и раздачею другимъ, мало того что было несправедливо, но, какъ показалъ опытъ, такой образъ дѣйствій не могъ дать ожидавшихся отъ него результатовъ. Правительственныя мечтанія не могли переломить привычекъ невѣжественныхъ пастуховъ, потому что послѣдніе лучше, нежели ихъ опекуны, умѣли взвѣсить свои выгоды и, вслѣдствіе того, упорно остались пастухами и останутся такими всегда. Льготами, которыми правительство такъ щедро поощряло земледѣльцевъ *), могли воспользоваться только безнравственные люди, такіе, которые имѣли въ виду обмануть мѣстное начальство, наобѣщавъ ему заняться земледѣліемъ, построить домъ на земляхъ, вла-

*) Въ числѣ прочихъ поощрительныхъ мѣръ, которыми правительство желало натолкнуть киргизовъ на занятія хлѣбопахатными работами, необходимо упомянуть и о слѣдующей: «киргизъ, который, первый въ округѣ, разведетъ значительное хлѣбопашество, пчеловодство и проч., равно и всѣ тѣ, которые окажутъ въ сихъ дѣлахъ отличные успѣхи, получаютъ право на особенную награду, о назначеніи которой представлять на Высочайшее усмотрѣніе». (§ 187, наказъ хозяйственный, глава IV уст. о сиб. киргиз.).

дѣльцы которыхъ, никого не желая обманывать, откровенно сознавались, что земледѣльцами они никогда не будутъ, а всегда останутся пастухами. Что же изъ такого основательнаго упорства степняковъ, преслѣдующихъ, какъ и всѣ, только свой интересъ, могло произойти? То, что менѣе ихъ честный богачъ, имѣя намѣреніе воспользоваться ихъ тучными пастбищами, но вовсе не имѣя намѣренія заняться хлѣбопашествомъ, строилъ на чужой землѣ домъ, и тѣмъ пріобрѣталъ право на эту землю, право, которое, по смыслу § 173, должно было быть защищаемо высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ въ округѣ, приказомъ.

Установленный статьею 175-ю порядокъ передачи земель по жеребью, хотя бы и въ присутствіи біевъ, тоже могъ повлечь за собою безправный захватъ собственности, потому что на каждый клочекъ удобной земли въ степи есть свой хозяинъ; что же, ежели не на его счастье выпадаетъ жребій? за что онъ долженъ терять право на собственность, быть можетъ доставшуюся ему путемъ извѣстныхъ уступокъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ не могли быть принимаемы начальствомъ въ уваженіе, потому что объ этомъ ничего не сказано въ уставѣ.

А сколько несправедливостей могла породить статья 178-я, которою положено султанамъ отводить подъ хозяйственныя заведенія тройную пропорцію земли, равно какъ двойную старшинамъ. Послѣдніе этимъ правомъ никогда не воспользуются, потому что близки къ народу, но нелюбимые киргизами султаны пріобрѣтали много шансовъ обижать черную кость въ пользованіи поземельными угодьями.

Приведеніе въ ясность данныхъ о существующемъ между киргизами поземельномъ надѣлѣ *) даетъ правительству возможность ввести болѣе раціональное административное раздѣленіе области на округи и, кромѣ этого, границы послѣднихъ не будутъ, какъ теперь, неопредѣленны.

По своему положенію, открытые въ степи округи раздѣлялись прежде на пограничные, т. е. смежные съ землями непринадлежавшими Россіи, и близь-линейные (глава I, § 11 и 12). Первые должны были быть по пространству болѣе вторыхъ, а этихъ, напротивъ, полагалось, уменьшивъ пространствомъ, увеличить числомъ. Съ открытіемъ областей Семипалатинской и Туркестанской, область сибирскихъ киргизовъ стала впол-

*) Областной начальникъ обязанъ приводить въ извѣстность земли, занимаемыя киргизами, и разграничивать оныя между ними, посредствомъ офицеровъ квартирмейстерской части (§ 265 глава VIII).

нѣ внутреннею губерніею: въ ней нѣтъ болѣе пограничныхъ округовъ, слѣдовательно ее касаться можетъ лишь то, что постановлено уставомъ о сибирскихъ киргизахъ относительно близь-линейныхъ округовъ.

Одно изъ самыхъ важныхъ постановленій состоитъ въ томъ, чтобы мѣстное начальство заботилось объ изъисканіи средствъ увеличить число округовъ (§ 13 тамъ же). Въ настоящее время выяснилось много данныхъ о топографіи страны, о мѣстѣ жительства волостей, о степени ихъ зажиточности, объ общественной и частной жизни народа, объ удобствахъ или неудобствахъ управленія разными административными частями, однимъ словомъ, выяснились польза или вредъ, которые приносятся нынѣшнимъ административнымъ раздѣленіемъ и средства перейдти къ новому. Программа этого описанія не позволяетъ намъ входить здѣсь въ подробности о томъ, каково должно быть это новое дѣленіе; можемъ замѣтить только одно: чѣмъ болѣе воспользуется мѣстное начальство предоставленнымъ ему правомъ ходатайствовать объ увеличеніи числа округовъ, тѣмъ будетъ лучше и для правящихъ и для управляемыхъ. Возьмемъ для примѣра такой маленькій округъ, какъ баянъ-аульскій: его крайне необходимо раздѣлить на два, по числу двухъ находящихся здѣсь дистанцій. Басентеинская или сѣверная дистанція ничего общаго не имѣетъ съ тюртъ-аульскою или южною дистанціею округа, и въ то время, какъ послѣдняя дѣйствительно находится подъ ближайшимъ надзоромъ приказа, вполнѣ пользуясь всѣми заключающимися въ этой близости административными удобствами, вторая такъ далека отъ своего главнаго центра управленія, что, напримѣръ, наблюдать «дабы предоставленныя казакамъ на залинейныхъ мѣстахъ выгоды не выходили изъ назначенныхъ предѣловъ» (§ 95 глава III) приказъ уже совершенно не можетъ. Во всѣхъ рѣшеніяхъ судебныхъ исковыхъ дѣлъ, въ способахъ производства слѣдствій по уголовнымъ и во всемъ прочемъ басентеинская дистанція тогда бы менѣе терпѣла, нежели тюртъ-аульская, когда бы имѣла хотя бы гдѣ-нибудь на линіи, а не въ глубинѣ степи, свой административный центръ, чѣмъ конечно устранилось бы много неудобствъ по управленію. А, напримѣръ, акмоллинскій округъ, протягивающійся на 1000 верстъ въ длину, сколько долженъ переносить этихъ неудобствъ? Какимъ образомъ приказъ, отстоящій отъ линіи на 500 верстъ, можетъ охранять «ввѣренныхъ ему людей отъ притязаній со стороны живущихъ внутри и на самой линіи» (§ 94 тамъ же)? Не можетъ, разумѣется, и потому-то хотя приказъ дѣйствуетъ слишкомъ 30 лѣтъ, но многіе изъ киргизовъ знаютъ о его суще-

ствованіи только потому, что изъ него черезъ каждые три года наѣзжаютъ для производства исчисленія русскіе чиновники.

Изъ прочихъ постановленій, касающихся близь-линейныхъ округовъ, назовемъ еще слѣдующія:

§ 88. «На особенную обязанность близь-линейныхъ приказовъ возлагается, чтобъ ни подъ какимъ видомъ безъ позволенія не переходили киргизы на внутреннюю сторону съ ихъ кочевьями.»

§ 89. «Кочующіе близь линіи могутъ, по нуждамъ ихъ, бывать въ крѣпостяхъ и редутахъ, форпостахъ и селеніяхъ, подобно, какъ крестьяне и другіе инородцы сіе дѣлаютъ, для сбыта ихъ произведеній.»

§ 90. «Переходъ на дѣйствительное кочевье внутрь линіи позволяется не иначе, какъ по сношенію окружнаго приказа съ земскимъ судомъ.»

§ 91. «Такимъ образомъ перепущенные киргизы имѣютъ только право кочевать на тѣхъ земляхъ, которыя заключаются въ предѣлахъ Омской области и, считаясь въ отлучкѣ отъ округа, должны состоять въ непосредственной зависимости мѣстныхъ земскихъ судовъ.»

§ 92. «Ежели бы киргизы пожелали кочевать далѣе во внутренности сибирскихъ губерній, то позволеніе на сіе дается имъ не иначе, какъ по предварительному сношенію областнаго начальника съ гражданскимъ губернаторомъ.»

§ 93. «Во все время пребыванія внѣ Омской области, киргизы состоятъ въ зависимости мѣстнаго губернскаго и земскаго начальства.»

Б) УПРАВЛЕНІЕ.

Кругъ каждаго мѣстнаго управленія составляютъ: полиція, хозяйство и судъ. Эти три вида вполнѣ, только въ разной степени, или одинъ изъ нихъ тоже въ извѣстной, закономъ опредѣленной степени, въ приложеніи къ управленію сибирскими киргизами, присвоены 5-ти учрежденіямъ: 1) областному правленію, 2) окружному, 3) волостному, 4) аульному и 5) киргизскимъ біямъ. Четыре первыя, по разнымъ, касающимся кочеваго населенія, полицейскимъ и хозяйственнымъ дѣламъ, представляютъ четыре правительственныя инстанціи, послѣднее же составляетъ низшую инстанцію по нѣкоторымъ суднымъ дѣламъ.

Разсмотримъ каждое учрежденіе порознь.

1) Областное управленіе.

(Сводъ законовъ изданія 1857 года, тома II, части II, главы II, стат. 483—508).

Областное управленіе составляютъ: а) *военный губернаторъ*, б) *областное правленіе*, состоящее изъ предсѣдателя, въ чинѣ полковника или подполковника, 4 совѣтниковъ, изъ коихъ одинъ киргизскій, ассесора, стряпчаго казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ, опредѣляемаго отъ министерства юстиціи, и канцеляріи по штату, и в) для заграничной переписки и завѣдыванія разными дѣлами по гражданской части при военномъ губернаторѣ состоятъ секретарь, чиновникъ по особымъ порученіямъ, переводчикъ и писцы по штату.

Военный губернаторъ пользуется по гражданскому управленію всѣми правами, предоставленными гражданскимъ губернаторамъ. Въ отсутствіе военнаго губернатора, его мѣсто, по управленію областью, заступаетъ предсѣдатель областнаго правленія, въ которомъ, въ этомъ случаѣ, предсѣдательствуетъ старшій совѣтникъ.

Областное правленіе, составляя одно нераздѣльное присутствіе, соединяетъ въ своемъ составѣ власть и обязанности губернскаго правленія, казенной палаты и губернскаго суда, руководствуясь и правилами, постановленными для каждой изъ этихъ частей. Отсюда возникла необходимость раздѣленія областнаго управленія на три отдѣленія: исполнительное, хозяйственное и судное.

Исполнительное отдѣленіе, состоящее изъ одного совѣтника, надсмотрщика за крѣпостными дѣлами, экзекутора (онъ же и казначей) и ассесора,—завѣдываетъ устройствомъ полиціи въ областныхъ округахъ, наблюдаетъ за ея дѣйствіями, взыскиваетъ за медленность и неправильность дѣйствій, понуждаетъ къ скорому движенію дѣлъ и уголовныхъ слѣдствій; въ вѣдѣніи этого отдѣленія находятся всѣ дѣла по опекамъ надъ находящимися въ области русскими, а также совершеніе между ними крѣпостныхъ актовъ, наблюденіе за казначейскою частью и вообще все то, что можетъ относиться до части исполнительной.

Хозяйственное отдѣленіе, совѣтникъ котораго вмѣстѣ съ тѣмъ и контролеръ, завѣдываетъ дѣлами по устройству волостей, торговлѣ, сбору ясака, наблюдаетъ за ходомъ золотопромышленности, составляетъ годовой отчетъ о движеніи суммъ по областному правленію, повѣряетъ обороты суммъ и вообще въ завѣдываніи своемъ имѣетъ всѣ дѣла, относящіяся до хозяйства.

Судное отдпленіе, въ которомъ, кромѣ совѣтника, состоитъ стряпчій, разсматриваетъ и рѣшаетъ гражданскія тяжбы и исковыя дѣла по жалобамъ на рѣшеніе окружныхъ приказовъ, если сумма иска или тяжбы не превышаетъ 600 рублей серебромъ. Къ вѣдѣнію этого отдѣленія относятся дѣла о преступленіяхъ должностей гражданскими чиновниками и служителями изъ русскихъ и киргизовъ, а также поступающія изъ окружныхъ приказовъ дѣла по уголовнымъ преступленіямъ, совершеннымъ лицами гражданскаго вѣдомства, русскими или киргизами.

Апелляціи на судебныя рѣшенія областнаго правленія приносятся правительствующему сенату на общихъ основаніяхъ, исключая собственно киргизскихъ дѣлъ, по которымъ жалобы эти допускаются только тогда, когда сумма иска свыше 1500 рублей серебромъ; въ противномъ случаѣ дѣла окончательно рѣшаются областнымъ правленіемъ.

Какія преступленія въ отношеніи къ сибирскимъ киргизамъ считаются за уголовныя и судятся по общимъ законамъ имперіи, какія по киргизскимъ обычаямъ, и какія дѣла, исковыя или тяжебныя, въ округахъ, населенныхъ киргизами, подлежатъ разбору общимъ или особеннымъ порядкомъ—опредѣлено сводомъ законовъ уголовныхъ и гражданскихъ, которымъ областное правленіе и руководится въ постановленіи своихъ рѣшеній. Ниже мы приводимъ свѣдѣнія по этому предмету (см. ниже, окружное управленіе).

Областное правленіе, находясь въ г. Омскѣ, сообщается съ внѣшними приказами кокчетавскимъ, атбассарскимъ и акмоллинскимъ посредствомъ еженедѣльно отправляемой по тракту на г. Петропавловскъ и въ означенныя селенія почты, а съ баянъ-аульскимъ и каркаралинскимъ при посредствѣ дороги, идущей къ востоку отъ Омска на г. Павлодаръ, и тоже каждую недѣлю.

Состоящіе при военномъ губернаторѣ: секретарь, чиновникъ по особымъ порученіямъ, переводчикъ и писцы находятся также въ Омскѣ, откуда, во время ежегодныхъ ревизій, иногда всѣ, иногда нѣтъ, выѣзжаютъ съ губернаторомъ или его товарищемъ (т. е. предсѣдателемъ областнаго правленія), составляя въ этихъ случаяхъ походную канцелярію ревизующаго начальника.

Движеніе дѣлопроизводства по разнымъ областнымъ учрежденіямъ мы разсмотримъ съ того года, въ которомъ открытъ атбассарскій округъ, т. е. съ 1859 года.

Въ слѣдующей таблицѣ показано движеніе дѣлъ и бумагъ въ пять

Движеніе дѣлъ и бумагъ по областному управленію, съ 1859 по 1864 годъ.

	1859 годъ.						1860 годъ.						1861 годъ.						1862 годъ.						1863 года.						1864 года					
	Канцелярія военнаго губернатора.	Областное правленіе.				Всего.	Канцелярія военнаго губернатора.	Областное правленіе.				Всего.	Канцелярія военнаго губернатора.	Областное правленіе.				Всего.	Канцелярія военнаго губернатора.	Областное правленіе.				Всего.	Канцелярія военнаго губернатора.	Областное правленіе.				Всего.	Канцелярія военнаго губернатора.	Областнде правленіе.				Всего.
		Отдѣленіе.			Итого.			Отдѣленіе.			Итого			Отдѣленіе.			Итого.			Отдѣленіе.			Итого.			Отдѣленіе.			Итого.			Отдѣленіе.			Итого.	
		Исполнительное.	Хозяйственное.	Судебное.				Исполнительное.	Хозяйственное.	Судебное.				Исполнительное.	Хозяйственное.	Судебное.				Исполнительное.	Хозяйственное.	Судебное.				Исполнительное.	Хозяйственное.	Судебное.				Исполнительное.	Хозяйственное.	Судебное.		
1. Оставалось отъ предъидущаго года:																																				
дѣлъ. . .	205	358	134	20	512	717	*) 93	308	104	21	433	526	23	338	86	15	462	485	150	432	57	14	503	653	227	474	65	5	544	77	140	382	89	15	486	626
бумагъ. . .	16	2	1	—	3	19	*) 23	24	3	—	27	50	50	35	8	—	43	93	28	46	6	—	52	80	30	37	1	—	38	68	29	29	4	0	33	62
2. Въ теченіи года поступило:																																				
дѣлъ. . .	416	383	247	55	685	1.101	298	390	193	31	614	912	339	360	154	*) 46	560	899	482	345	13 5	27	507	989	460	423	178	40	641	1.101	399	380	181	40	601	1.000
бумагъ. . .	3.273	3.412	2.042	1.229	6.683	9.956	2.918	2.595	1.633	1.339	5.567	8.485	3.018	2.346	1.450	998	4.794	7.812	3.487	3.105	1.118	824	5.047	8.534	3.885	4.123	1.232	888	6.243	10128	3.316	3.116	1.495	1.056	5.667	8.983
3. Всего составилось:																																				
дѣлъ. . .	621	741	381	75	1.197	1.818	*) 491	698	297	52	1.047	1.538	362	*) 693	240	61	994	1.356	632	777	192	41	1.010	1.642	687	897	243	45	1.185	1.872	558	761	270	55	1.086	1.644
бумагъ. . .	3.289	3.414	2.043	1.229	6.686	9.975	*) 2.931	2.619	1.636	1.339	5.594	8.525	3.068	2.381	1.458	998	4.837	7.905	3.515	3.151	1.124	824	5.099	8.614	3.915	4.160	1.233	888	6.281	10196	343	3.145	1.500	1.056	5.701	9.044
Изъ нихъ:																																				
1. Въ теченіе года рѣшено и исполнено:																																				
дѣлъ. . .	430	433	277	54	764	1.194	468	360	211	37	608	1.076	212	266	183	47	486	708	405	303	127	36	466	871	462	445	138	39	622	1.084	395	361	187	43	591	986
бумагъ. . .	2.931	2.213	1.036	952	4.201	7.132	1.942	1.788	756	998	3.542	5.484	2.272	1.646	655	741	3.042	5.314	2.568	2.426	464	668	3.558	6.116	2.699	2.987	586	711	4.284	6.983	2.482	2.212	699	814	3.725	6.207
2. Принято къ свѣдѣнію:																																				
бумагъ. . .	347	1.177	1.004	277	2.458	2.805	973	772	872	341	1.985	2.958	768	689	797	257	1.743	2.511	917	688	659	156	1.503	2.420	1.189	1.134	646	174	1.954	3.143	839	892	796	241	1.929	2.768
3. Всего осталось нерѣшенными:																																				
дѣлъ. . .	191	308	104	21	433	624	23	338	86	15	439	462	150	*) 432	57	14	503	653	227	474	65	5	544	771	225	452	105	6	566	791	163	400	83	12	495	658
бумагъ. . .	11	24	3	—	27	38	*) 50	*) 35	8	—	43	93	28	46	6	—	52	80	30	37	1	—	38	68	27	39	1	3	43	70	29	36	4	0, 6	40, 6	70, 2

лѣтъ съ 1859 по 1864 годъ, въ инстанціи областнаго управленія, т. е. въ канцеляріи военнаго губернатора и въ областномъ правленіи. (*См. Приложеніе къ стр. 169*).

Примѣчаніе 1-е.

Цифры приведенной таблицы точно списаны съ тѣхъ, которыя помѣщены въ годовыхъ отчетахъ военнаго губернатора области за пять означенныхъ лѣтъ. И хотя обозначенныя звѣздочками цифры ошибочны, мы однако не позволили себѣ ихъ измѣнять, такъ какъ на нихъ строятся итожные выводы. Такъ, напримѣръ, къ 1860 году, какъ сказано въ губернаторскомъ отчетѣ за 1859 годъ, оставалось нерѣшенныхъ: дѣлъ 191, бумагъ 11; между тѣмъ, въ отчетѣ за 1860 годъ первыхъ показано 93, вторыхъ 23, безъ объясненія причинъ, почему произошло это несходство. Далѣе, поступило въ 1860 году дѣлъ 298, бумагъ 2.918, такъ что вмѣстѣ съ показанными въ остаткѣ къ 1860 году должно было бы составиться: дѣлъ 391, бумагъ 2.942; но и тутъ составителемъ отчета сдѣлана ошибка, и первыхъ, неизвѣстно почему, показано 491, вслѣдствіе чего, за выключкой 468-ми рѣшеныхъ въ 1860 году дѣлъ, остается къ 1861 году дѣйствительно 23 нерѣшеныхъ дѣла, которыя этою послѣднею цифрою показаны и въ отчетѣ за 1861 годъ. Точно также, на мѣсто цифры 2.942-хъ бумагъ, подлежавшихъ въ 1860 году разсмотрѣнію въ канцеляріи губернатора, является, опять безъ объясненія причинъ, цифра 2.931; даже изъ этой послѣдней цифры 1.942 бумаги рѣшено, 973 принято къ свѣдѣнію, всего, стало быть, должно было бы остаться неразмотрѣнными 16 бумагъ, но ихъ, неизвѣстно почему, показано въ остаткѣ 50, и эта послѣдняя цифра перешла и въ отчетъ за 1861 годъ. Доказываютъ-ли эти ошибки небрежность составителя отчета въ дѣлѣ выкладокъ, или это не ошибки, а недомолвка о нѣкоторыхъ бумагахъ и дѣлахъ, во всякомъ случаѣ большой невѣрности въ среднія за 5 лѣтъ числовыя данныя не вносится чрезъ ихъ существованіе, а потому мы и рѣшились вывести эти среднія по отчетнымъ цифрамъ.

Примѣчаніе 2-е.

Съ 1861 года дѣла, производившіяся у областнаго стряпчаго, показаны въ губернаторскихъ отчетахъ отдѣльными цифрами. Въ цифры приведенной таблицы число этихъ дѣлъ не входитъ.

Мы ихъ приводимъ въ слѣдующей:

У областнаго казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ стряпчаго.	1861 г.		1862 г.		1863 г.		Среднія за 3 года.	
	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.
Оставалось отъ предъидущаго года.								
Поступило	28	492	—	482	—	518	9	497
Всего составилось	28	492	—	482	—	518	9	497
Изъ нихъ:								
Рѣшено	28	483	—	131	—	312	9	309
Принято къ свѣдѣнію.	—	9	—	351	—	206	—	187

Примѣчаніе 3-е.

Принимая во вниманіе сказанное въ этихъ двухъ примѣчаніяхъ, дѣлаемъ такіе выводы:

б') Въ областное правленіе ежегодно поступаетъ разныхъ дѣлъ 610, бумагъ сверху и снизу 6,164;

Въ томъ числѣ: самое большое число тѣхъ и другихъ приходится на исполнительное отдѣленіе,

а именно:	380 дѣлъ	3,116 бумагъ,
Потомъ на хозяйственное	181 »	1,495 »
» » судное	40 »	1,056 »
» » стряпчаго казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ. .	9 »	497 »
Итого . .	610 дѣлъ	6,164 бумагъ.

Изъ нихъ ежегодно рѣшаетъ и исполняетъ областное правленіе 600 дѣлъ и 4.034 бумаги;

Въ томъ числѣ: исполнительное отдѣленіе	361 дѣло и	2,212 бум.
хозяйственное	187 »	699 »
судное	34 »	814 »
стряпчій казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ . . .	9 »	309 »
Итого . . .	600 дѣлъ	4,034 бум.

Принимается къ свѣдѣнію бумагъ:

Въ исполнительномъ отдѣленіи . . .	892
» хозяйственномъ	796
» судномъ	241
У стряпчаго казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ	187
Всего по областному правленію . . .	2,116

Затѣмъ изъ числа ежегодно поступающихъ въ областное правленіе дѣлъ и бумагъ остаются нерѣшенными или не разсмотрѣнными:

Въ исполнительномъ отдѣленіи	19 дѣлъ и	12 бум.
» хозяйственномъ	0 »	0 »
» судномъ	0 »	1 »
У стряпчаго казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ	0 »	0 »
Итого . . .	19 дѣлъ	13 бум.

Вслѣдствіе чего, съ прежде накопившимися дѣлами и бумагами, на рукахъ областнаго правленія ежегодно остается отъ 504 до 477 не разрѣшенныхъ дѣлъ и 33—37 не разсмотрѣнныхъ бумагъ, а именно:

Въ исполнительномъ отдѣленіи .	382—400 дѣлъ и	29—36 бум.
» хозяйственномъ	83— 89 »	4 »
» судномъ	12— 15 »	1 »

У одного только стряпчаго казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ не остается неразрѣшенныхъ дѣлъ и неразсмотрѣнныхъ бумагъ.

в') Въ канцелярію военнаго губернатора ежегодно поступаетъ 399 дѣлъ и 3.316 бумагъ.

Изъ нихъ разрѣшается и выполняется	395 дѣлъ и	2.482 бум.
принимается къ свѣдѣнію .	» »	839 »
ежедневно остается неразрѣшенныхъ . . .	4 »	

а неразсмотрѣнныхъ бумагъ, изъ числа ежегодно поступающихъ въ канцелярію, хотя и не остается, но съ прежде накопившимися и ихъ

излишекъ замѣчается, именно, съ прежде поступившими дѣлами и бумагами, къ концу года остается отъ 140—163 дѣлъ не разрѣшенныхъ *) и 29 неразсмотрѣнныхъ бумагъ.

Всего же по областному управленію:

Ежегодно поступаетъ около	1,000 дѣлъ и	8,983 бумаги.
Изъ нихъ: ежегодно разрѣшается и выполняется	986 »	6,207 »
Принимается къ свѣдѣнію	»	2,768 »

Ежегодно остается неразрѣшенныхъ отъ 14 до 23 дѣлъ и отъ 8 до 13 неразсмотрѣнныхъ бумагъ.

Вмѣстѣ же съ прежде имѣвшимися дѣлами и бумагами, остаются неразсмотрѣнными каждый годъ около 658 дѣлъ и около 70 бумагъ, и именно: въ исполнительномъ отдѣленіи областнаго правленія годъ отъ году накопляются неразрѣшенныя дѣла и бумаги, а въ канцеляріи военнаго губернатора только дѣла; прочія части областнаго управленія по немногу разрѣшаютъ и заканчиваютъ имѣющійся у нихъ излишекъ дѣлъ и бумагъ.

2. Окружное управленіе.

(Сводъ законовъ изданія 1857 года, тома II, части II, главы II, стат. 483—508).
(Сводъ особенныхъ губернскихъ учрежденій, книга VII, раздѣлъ I, глава II, статьи 180—263, а также уставъ о сибирскихъ киргизахъ 1822 года).

Мѣстное управленіе каждаго округа, сосредоточиваясь въ окружномъ приказѣ, ввѣряется правительствомъ: а) старшему султану, выбираемому знатнѣйшими родовичами (одними султанами, какъ сказано въ уставѣ о сибирскихъ киргизахъ, § 36), на 3 года, по прошествіи которыхъ прежній султанъ можетъ быть опять выбранъ и снова утвержденъ высшимъ начальствомъ.

Старшій султанъ производитъ всѣ дѣла не иначе, какъ черезъ окружной приказъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ.

б) Окружной приказъ, имѣя подобіе земскихъ судовъ Тобольской и Томской губерній, состоитъ, кромѣ предсѣдателя, изъ:

*) Большое накопленіе дѣлъ въ канцеляріи военнаго губернатора отчетъ за 1862 годъ приписываетъ тому, что въ этомъ году подано губернатору прошеній весьма много, сравнительно съ предъидущими годами.

3-хъ русскихъ засѣдателей, опредѣляемыхъ къ должности военнымъ губернаторомъ области и утверждаемыхъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири; 2-хъ засѣдателей изъ почетныхъ киргизовъ, избираемыхъ старшинами и біями, и утверждаемыхъ военнымъ губернаторомъ; одного гражданскаго лекаря; и канцеляріи, въ составъ которой входятъ: секретарь, переводчики, занимающіе должности столоначальниковъ, журналистъ и толмачи.

а) Старшій султанъ.

(Уставъ о сибирскихъ киргизахъ глава II, отдѣл. 2-е §§ 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 48, 49; отдѣленіе 3-е §§ 51 и 52; глава III наказ. полицейск. §§ 56, 71; глава V, § 213, глава VII §§ 255, 256 и 257).

Избирается старшій султанъ, какъ уже сказано, одними султанами. Общіе выборы производятся обыкновенно лѣтомъ и непремѣнно въ мѣстахъ расположенія приказовъ. Неявляющіеся на выборъ султаны могутъ присылать свои отзывы письменно. Большинство наличныхъ письменныхъ или словесныхъ отзывовъ рѣшаетъ выборъ,—потому что неявившіеся или неприславшіе своихъ отзывовъ считаются въ числѣ согласившихся на выборъ. Число голосовъ, съ означеніемъ въ чью пользу, объявляется въ округѣ во всенародное свѣдѣніе. Избранный старшій султанъ не вступаетъ въ отправленіе должности прежде, нежели получится утвержденіе отъ высшаго мѣстнаго начальства. Тогда безъ всякихъ обрядовъ онъ смѣняетъ предмѣстника, о чемъ и объявляется всенародно.

Старшій султанъ, пока находится въ должности, признается и почитается въ чинѣ маіора русской службы. Даже и послѣ срочной смѣны (3 года) онъ считается въ ряду почетнѣйшихъ султановъ, а еслибы случилось старшему султану прослужить три срока, то онъ имѣетъ право просить дипломъ на достоинство дворянина Россійской Имперіи, чинъ же удерживаетъ тотъ, который ему дѣйствительно пожалованъ будетъ.

Старшій султанъ есть земскій чиновникъ, которому, по избранію его родовичей, ввѣряется отъ русскаго правительства мѣстное управленіе. Онъ распоряжаетъ всѣми способами къ сохраненію тишины и порядка и къ достиженію благосостоянія подвѣдомственныхъ ему людей. По дѣламъ распорядительнымъ, въ случаѣ разнорѣчія членовъ приказа, исполненіе дѣлается по голосу старшаго султана. Поданные противъ него голоса представляются на разсмотрѣніе областнаго управленія.

Въ судебныхъ дѣлахъ старшій султанъ имѣетъ только обыкновенное право председателя.

Маловажныя киргизскія дѣла, равно и жалобы киргизовъ на низшія управленія старшій султанъ рѣшаетъ самъ, болѣе же важныя дѣла предлагаетъ рѣшить окружному приказу.

Старшій султанъ, за безпорядки и своевольство отъ киргизовъ, несетъ отвѣтственность, и будучи замѣченъ въ попущеніи грабежей, а тѣмъ болѣе въ участіи, принимаемомъ имъ въ барантѣ, немедленно предается суду, точно также какъ и за непозволенныя сношенія съ иноземцами.

б) Окружный приказъ.

(Уставъ о сибирскихъ киргизахъ, глава II, § 22; глава III, §§ 58, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71 и 72; глава IV, §§ 121, 173; глава V; наказъ судебный, §§ 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 214, 219, 221 и 222; глава VII, §§ 258, 259, 260 и 261).

Окружный приказъ имѣетъ полицейскую и судную власть.

Кромѣ киргизовъ и опредѣленныхъ къ нимъ духовныхъ, приказу подвѣдомственны и проживающіе въ степи осѣдлые жители. Въ приказѣ разсматриваются, кромѣ киргизскихъ, и гражданскія дѣла окружныхъ казаковъ, и уголовныя дѣла казачекъ, какъ тѣ, такъ и другія при депутатахъ со стороны сибирскаго казачьяго войска. Вообще, для осѣдлыхъ жителей степи приказъ составляетъ первую степень суда, и въ судныхъ дѣлахъ пользуется всѣми правами сибирскихъ окружныхъ судовъ.

Въ полицейскомъ отношеніи окружный приказъ есть только присутственное мѣсто, отъ имени котораго должны исходить всѣ повелѣнія въ зависящія отъ него волости. Власть приказа далѣе того округа, гдѣ онъ учрежденъ, не простирается. Въ случаѣ нужды, онъ сносится съ тѣмъ приказомъ, до коего дѣло по мѣстному управленію принадлежитъ.

Общее свойство всѣхъ полицейскихъ дѣлъ, ввѣряемыхъ окружному приказу, есть сохраненіе внутренней тишины и частной безопасности лицъ и имущества мѣрами предупрежденія и пресѣченія. Въ этомъ отношеніи приказъ равняется земскому суду внутреннихъ округовъ (т. е. судовъ сибирскихъ губерній) и имѣетъ всѣ права и обязанности сего установленія, съ примѣненіемъ къ особеннымъ о киргизахъ правиламъ. По этому приказъ обязанъ:

1) Дѣйствовать къ охраненію народа отъ общихъ бѣдствій и подавать въ таковыхъ случаяхъ нужную помощь;

2) Заботиться о просвѣщеніи, трудолюбіи и хозяйственныхъ выгодахъ всѣхъ и каждаго;

3) Употреблять всѣ средства къ немедленному искорененію обычныхъ киргизамъ безпорядковъ, а именно: грабежей, баранты и неповиновенія власти;

4) Явно нарушающихъ порядокъ брать подъ стражу и предавать суду, но не нарушая общей тишины; въ случаѣ же противодѣйствія многихъ или цѣлой области, охраняя прочихъ, немедленно доносить областному начальству и дѣйствовать по его предписанію.

Содѣйствовать всѣмъ дѣйствіямъ приказа должна находящаяся въ селеніяхъ стража, которою, впрочемъ, приказъ имѣетъ право распоряжаться какъ обыкновенною полицейскою командою.

Запрещается преслѣдовать преступниковъ или бѣглецовъ, уходящихъ въ другіе округи; но должно немедленно, для принятія нужныхъ мѣръ, увѣдомить тамошній приказъ.

Пойманныхъ въ степи бѣглецовъ изъ русскихъ подданныхъ приказы отсылаютъ на судъ къ ближайшему внутреннему начальству. О всѣхъ находящихся въ округѣ приказъ долженъ знать, вслѣдствіе чего онъ обязывается:

1) Вести вѣрные списки султанамъ, старшинамъ, съ означеніемъ занимаемыхъ ими мѣстъ, и отмѣчать всѣ случающіяся въ томъ перемѣны;

2) Имѣть свѣдѣнія о мѣстахъ, занимаемыхъ волостями и аулами, во всякое время года, и о перемѣнахъ въ томъ случающихся;

3) Вести народную перепись по числу кибитокъ и повѣрять ее черезъ каждые три года;

4) Имѣть свѣдѣнія о земляхъ, поступающихъ во всегдашнее владѣніе, а равно и о заведеніяхъ, на нихъ сдѣланныхъ.

5) Знать о проходящихъ черезъ округъ купеческихъ караванахъ и охранять послѣдніе.

Всѣ люди, при караванахъ находящіеся, или отдѣльно слѣдующіе, за безпорядки ими сдѣланные, подвергаются на мѣстѣ изслѣдованію, но для дальнѣйшихъ объ нихъ распоряженій приказъ долженъ представлять областному начальству.

По части хозяйственной на приказъ возложены обязанности по завѣдыванію всѣми хозяйственными учрежденіями въ округѣ, по сбору ясака, на основаніяхъ, о которыхъ было говорено въ предъидущей главѣ, а также по сбору и храненію добровольныхъ приношеній со стороны кир-

гизовъ: на устройство благотворительныхъ заведеній, больницъ, школъ и т. п., равно какъ по храненію и правильному расходованію денегъ, отпускаемыхъ отъ казны на разныя надобности, какъ-то: штатной жалованной суммы, канцелярской, пересылочной, арестантской, прогонныхъ денегъ, поступающихъ ясачныхъ денегъ и гербовыхъ пошлинъ, суммъ, отпускаемыхъ на ремонтъ казенныхъ зданій, на благотворительныя заведенія, больницы, на устройство праздника для киргизовъ и проч. Всему движенію денежныхъ суммъ ведутся, на обыкновенныхъ правилахъ, шнуровыя книги и составляются годовые отчеты. Наконецъ, приказъ обязанъ имѣть всѣ свѣдѣнія объ отведенныхъ земляхъ, охранять право поземельной собственности, знать о ходѣ промышленности и обо всѣхъ случающихся въ округѣ происшествіяхъ, доставлять по начертанной для него программѣ всѣ собранныя имъ по этимъ предметамъ свѣдѣнія въ областное правленіе.

По части судной постановлено, чтобы приказъ, безъ изслѣдованія, суда и приговора, никого не наказывалъ. Слѣдствіе онъ долженъ производить чрезъ отряжаемыхъ на мѣсто русскихъ засѣдателей, при посредствѣ одного бія по выбору отъ волости.

Всѣ судныя дѣла киргизовъ раздѣляются на три рода: уголовныя, исковыя и по жалобамъ на управленіе.

Уголовными дѣлами относительно киргизовъ положено считать только: 1) государственную измѣну, 2) убійство, 3) грабежъ и баранту, 4) явное неповиновеніе установленной власти. Всѣ прочія дѣла, даже и самая кража, пока нравы народа не смягчатся образованіемъ, почитаются исковыми. Жалобы на аульныхъ старшинъ приносятся приказу, а на султановъ волостныхъ старшему султану, который можетъ учинить удовлетвореніе самъ или передать дѣло въ приказъ.

Уголовный судъ производится не иначе, какъ по предварительному слѣдствію. Слѣдствіе поступаетъ на разсмотрѣніе въ окружный приказъ. Послѣдній въ этихъ случаяхъ имѣетъ значеніе уѣзднаго суда. Членъ, производившій слѣдствіе, не имѣетъ голоса въ рѣшеніи. Дѣла уголовныя рѣшаются на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній и по большинству голосовъ. Рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ поступаютъ на ревизію областнаго суда.

Исковыя дѣла, будучи рѣшены неправильно, т. е. когда есть недовольные рѣшеніемъ біевъ, поступаютъ въ приказъ и выше. Областное начальство, посредствомъ окружнаго приказа, даетъ таковымъ дѣламъ

слѣдственный ходъ и рѣшаетъ ихъ тоже по степнымъ киргизскимъ законамъ. Жалобы на казаковъ, если онѣ маловажны, разбираетъ и оканчиваетъ офицеръ, командующій отрядомъ. Обличенные въ важныхъ проступкахъ предаются суду на тѣхъ же правилахъ, какъ и прочіе линейные казаки.

Если, за отстраненіемъ или недостаткомъ членовъ, полнаго присутствія въ приказѣ не можетъ быть составлено, то, съ разрѣшенія совѣта главнаго управленія Западной Сибири, дѣло передается изъ одного приказа въ другой.

Всѣ дѣла, касающіяся киргизовъ, приказъ обязанъ производить на русскомъ и татарскомъ языкахъ. Всѣмъ производимымъ дѣламъ ведется журналъ за общимъ подписаніемъ членовъ.

Окружной приказъ отвѣтствуетъ за всѣ сдѣланныя имъ распоряженія, за отданное на его храненіе имущество, какъ общественное, такъ и казенное, а также и за дѣйствія находящейся въ его распоряженіи стражи (т. е. полицейской команды изъ казаковъ). Съ каждаго изъ членовъ приказа должно взыскиваться по законамъ за притѣсненія и другія злоупотребленія, въ которыхъ они будутъ обличены.

Переходимъ къ разсмотрѣнію движенія дѣлъ и бумагъ въ пяти областныхъ округахъ. Помѣщенныя въ нижеслѣдующей таблицѣ цифры заимствованы изъ тѣхъ же годовыхъ губернаторскихъ отчетовъ. Для выбора среднихъ выбрано тоже самое пятилѣтіе.

Движеніе дѣлъ и бумагъ въ 5-ми окружныхъ приказахъ области сибирскихъ киргизовъ съ 1859 по 1864 годъ.

	1859 г.		1860 г.		1861 г.		1862 г.		1863 г.		Среднія за 5 лѣтъ.	
	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.
Кокчетавскій окружной приказъ.												
Оставалось отъ предъидущаго года	195	11	202	26	95	13	41	4	33	18	113	14
Вновь поступило	133	7.241	52	7.050	36	8.164	24	7.921	45	9.526	58	7.980
Въ теченіе года рѣшено	126	6.327	159	6,350	90	7.273	32	7.057	29	8.591	87	7.120
Принято къ свѣдѣнію	—	899	—	713	—	900	—	850	—	277	—	728

	1859 г.		1860 г.		1861 г.		1862 г.		1863 г.		Среднія за 4 послѣдніе года.	
	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.	дѣлъ.	бумагъ.
Атбассарскій окружной приказъ. съ 8 Октября сего года.												
Оставалось отъ прошлаго года	0	0	47	—	23	—	31	31	27	33	32	16
Вновь поступило . .	55	762	50	1.247	26	3.883	20	2.112	10	4.241	26	2.870
Въ теченіе года рѣшено	8	609	74	1.247	18	2.420	24	1.615	17	2.713	33	1.999
Принято къ свѣдѣнію	—	153	—	—	—	1.432	—	495	—	1.530	—	864
Акмоллинскій окружной приказъ.											Среднія за 5 лѣтъ.	
Оставалось отъ предъидущаго года . . .	106	13	51	23	21	14	29	100	28	10	47	32
Вновь поступило . .	74	9.197	27	5.963	60	3.548	19	6.171	24	5.002	41	5.976
Въ теченіе года рѣшено	129	6.776	57	4.522	52	3.462	20	5.685	38	2.576	59	4.604
Принято къ свѣдѣнію	—	2.411	—	1.450	—	—	—	579	—	2.386	—	1.365
Баянъ-аульскій окружной приказъ.											Среднія за 5 лѣтъ.	
Оставалось отъ предъидущаго года . . .	15	—	20	—	151	4	158	12	170	17	102	6
Вновь поступило . .	50	3.400	369	3.229	323	1.095	30	1.902	9	3.134	156	2,552
Въ теченіе года рѣшено	45	3.096	238	2.926	316	928	18	1.432	164	3.051	156	2,287
Принято къ свѣдѣнію	—	304	—	299	—	105	—	465	—	100	—	251
Каркараллинскій окружной приказъ.												
Оставалось отъ предъидущаго года . . .	30	4	34	20	32	26	38	53	40	29	34	26
Вновь поступило . .	35	5.617	117	4.626	21	4.126	18	4.163	23	4.042	43	4,522
Въ теченіе года рѣшено	31	4.190	119	4.620	15	3.664	16	3.874	35	3.837	43	4,037
Принято къ свѣдѣнію	—	1.411	—	—	—	435	—	313	—	200	—	472
Всего въ 5-ти окружныхъ приказахъ области.											Среднія за 4 послѣдніе года.	
Оставалось отъ предъидущаго года . . .	346	28	354	69	322	57	297	200	298	107	316	108
Вновь поступило . .	347	26.217	615	22.115	466	20.860	111	22.269	111	25.945	326	22,797
Въ теченіе года рѣшено	339	20.998	647	19.665	491	17.801	110	19.663	283	20.768	383	19,474
Принято къ свѣдѣнію	—	5.178	—	2.462	—	2.872	—	2.699	—	4.493	—	3,131

Изъ этой таблицы видимъ, что, среднимъ за 4 года числомъ, въ пяти областныхъ приказахъ ежегодно поступаетъ 326 дѣлъ и 22,797 бумагъ сверху и снизу. Дѣла всюду успѣваютъ быть разрѣшены въ теченіе года; ихъ даже рѣшается всегда болѣе, принимая въ разсчетъ прежде накопившіяся. Относительно бумагъ, тоже самое можно сказать про округи акмоллинскій и баянъ-аульскій; въ атбассарскомъ же остается неразсмотрѣнныхъ 7 бумагъ ежегодно, а въ каркаралинскомъ 13; наконецъ, болѣе другихъ утопающій въ бумажномъ производствѣ, кокчетавскій округъ, по результатамъ пяти лѣтъ, ежегодно не успѣваетъ разсмотрѣть 132 бумаги.

Вообще, по числу поступающихъ въ приказы бумагъ, округи стоятъ въ такомъ порядкѣ:

1. Кокчетавскій	7,980	бумагъ	въ годъ	по результатамъ	5	лѣтъ.
2. Акмоллинскій	5,976	»	»	»	»	»
3. Каркаралинскій	4,522	»	»	»	»	»
4. Атбассарскій	2,870	»	»	»	4	»
5. Баянъ-аульскій	2,552	»	»	»	5	лѣтъ.

А по числу вступающихъ дѣлъ въ такомъ:

1. Баянъ-аульскій	156	дѣлъ	въ годъ	по	5	лѣтней сложности.
2. Кокчетавскій	58	»	»	»	»	»
3. Каркаллинскій	43	»	»	»	»	»
4. Акмоллинскій	41	»	»	»	»	»
5. Атбассарскій	26	»	»	»	4	»

Въ заключеніе приводимъ составленную на основаніи отчетныхъ свѣдѣній вѣдомость о числѣ поступавшихъ въ окружные приказы письменныхъ жалобъ съ 1859 по 1864 годъ:

ГОДЫ.	Поступило въ окружные приказы области письменныхъ жалобъ.	Изъ нихъ передано по принадлежности.	Собирались свѣдѣнія.	Признано уважительными.	Отказано.
1859	201	91	14	74	22
1860	108	108	16	139	37
1861	385	245	23	72	45
1862	333	177	18	70	68
1863	345	248	43	0	54
Всего за 5 лѣтъ. .	1.372	869	114	355	226
Среднія за 5 лѣтъ. .	274	174	23	71	45

О числѣ произведенныхъ за это время слѣдствій мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній по всѣмъ округамъ, и потому не разбираемъ этого весьма важнаго вопроса *).

3. Волостное управленіе.

(Сводъ особенныхъ губернскихъ учрежденій, книга VIII, раздѣлъ I, глава II; и уставъ о сибирскихъ киргизахъ, глава III, §§ 96—108 и глава II §§ 16, 30—35, 5—4; глава VII, §§ 255, 256, 257).

Волостное правленіе составляютъ: 1) волостной правитель или волостной султанъ, выбираемый цѣлою волостью и утверждаемый областнымъ правленіемъ; 2) помощникъ его, назначаемый по усмотрѣнію самаго волостнаго султана, который имѣетъ право облечь въ это званіе своего сына или ближайшаго родственника; 3) письмоводитель, знающій русскій и татарскій языки и 4) толмачъ. Послѣдніе двое, или только одинъ изъ нихъ, назначаются приказомъ.

Званіе султановъ наслѣдственное. Ихъ право на управленіе волостями должно переходить только по одной прямой, нисходящей линіи и по первородству (?); но въ этомъ случаѣ должно предварительно истребовать согласіе общества, которое можетъ избрать и другаго султана, только не ввѣряетъ ему власти безъ утвержденія областнаго правленія. Точно также поступается, если родъ султана совершенно прекратится. Султаны, не управляющіе волостями, хотя и не лишаются своего званія, но не должны нимало вмѣшиваться въ управленіе. Порядокъ производства выборовъ тотъ же, что постановленъ и для избранія старшихъ султановъ, т. е. большинство рѣшаетъ дѣло и проч.

Султаны, управляющіе волостями, имѣютъ значеніе чиновниковъ 12-го класса.

---

*) Для любопытства представляемъ слѣдующія, взятыя изъ окружныхъ приказовъ баянъ-аульскаго и кокчетавскаго, цифры о числѣ произведенныхъ по волостямъ слѣдствій, длившихся болѣе или менѣе продолжительно.

Въ 1867 г.	ихъ было произведено въ кокчетавскомъ округѣ	19,	въ баянъ-аульскомъ 9
» 1858 »	» » » » » »	6,	» 11
» 1859 »	» » » » » »	11,	» 7
» 1860 »	» » » » » »	11,	» 8
» 1861 »	» » » » » »	8,	» 5
» 1862 »	» » » » » »	8,	» 7

Движеніе дѣлопроизводства по волостямъ 4-хъ областныхъ округовъ съ 1857 по 1863 годъ.

Названія округовъ.	НАЗВАНІЯ ВОЛОСТЕЙ.	Число исходящихъ бумагъ. Годы. 1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	Средняя за 6 лѣтъ числа.	Число входящихъ бумагъ. Годы. 1857	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	Средняя за 6 лѣтъ числа.
Кокчетавскій.	1. Бабаганъ-Балышевская	Н е	и з в	ѣ с т	н о.	227	Неизв	ѣстно.	Н ѣ т	ъ с в	ѣ д ѣ	н і я.	227	Неизв	ѣстно.
	2. Баба-Багышевская	185	209	215	210	263	214	216	270	236	247	216	201	258	238
	3. Андай-Рысаевская	120	145	113	95	123	111	118	190	203	150	180	165	174	177
	4. Оразъ-Баимбетевская	Н е	н з	в ѣ	с т	н о.	225	—	Н е	н з	в ѣ	с т	н о.	347	—
	5. Карача-Джавлубаевская	286	296	164	164	194	194	216	325	315	285	216	230	250	270
	6. Кулангу-Койлинская	186	194	201	206	209	215	202	225	215	218	231	245	208	224
	7. Баръ-Якши-Уваковская	183	215	256	292	211	203	227	197	275	309	345	297	279	283
	8. Джаваръ-Караульская	175	200	199	130	128	180	152	265	270	300	291	273	302	283
	9. Кылды-Ногаевская	198	198	201	208	219	219	207	235	225	219	231	250	204	227
	10. Есенбаевская	381	392	382	401	387	399	390	470	437	395	481	399	404	431
	11. Майли-Балтинская	183	190	157	157	135	157	163	211	217	173	173	168	199	190
	12. Біндалы-Канжигалинская	219	227	265	285	201	210	234	261	361	247	370	302	270	302
	13. Матакай-Самай-Киреевская	260	243	227	283	337	360	293	282	303	220	270	247	286	268
	14. Именалы-Киресвская	239	230	171	306	242	251	239	237	218	154	340	254	266	245
	15. Сиванъ-Киреевская	298	298	205	450	295	296	273	266	273	184	404	279	270	279
	Сумма выведенныхъ среднихъ	—	—	—	—	—	—	2,930	—	—	—	—	—	—	3,417
Атбассарскій.	1. Бадана-Сентская	—	—	20	130	125	143	133 (Средняя за 3 послѣдніе г.)	—	—	25	152	149	161	154 (Средняя за 3 года.)
	2. Саргалдаковская	—	—	19	125	121	140	129	—	—	22	150	142	160	150
	3. Коканъ-Байназаровская	—	—	50	221	225	251	232	—	—	27	211	237	245	231
	4. Эбеске-Джурчинская	—	—	20	205	275	221	234	—	—	11	193	337	341	290
	5. Тюртъ-Аулъ-Козгановская	—	—	50	182	183	156	174	—	—	41	137	152	148	146
	6. Таракты-Ногаевская	—	—	19	176	147	151	158	—	—	32	200	151	170	174
	7. Алеке-Бійдалинская	—	—	24	204	287	227	239	—	—	18	282	343	349	325
	Сумма выведенныхъ среднихъ	—	—	—	—	—	—	1,299	—	—	—	—	—	—	1,470
Баянъ-Аульскій.	1. Басентеинская	164	120	120	141	89	183	136	144	141	135	135	129	188	145
	2. Баимбеть-Басентеинская	85	111	119	191	154	114	129	106	139	139	173	162	151	145
	3. Айтей-Басентеинская	89	131	97	73	117	125	105	115	170	135	99	145	152	136
	4. Актелешъ-Кучукъ	124	94	155	54	116	117	110	119	113	108	127	147	153	128
	5. Бозгозу-Буранаймоновская	147	111	151	149	140	85	130	161	130	158	160	147	118	146
	6. Джуватей-Буранаймоновск.	130	132	120	99	72	90	107	150	149	160	150	131	120	143
	7. Аджибай-Канжигалинская	80	86	93	102	78	98	89	107	120	119	130	115	125	119
	8. Кулюковская	110	127	119	117	118	107	116	129	132	140	138	129	130	133
	9. Сатылганъ-Туринская	100	80	111	72	87	99	91	114	94	175	94	103	112	115
	10. Айдабульская	74	101	105	72	81	52	80	85	136	139	94	122	95	112
	11. Джангозу-Айдабульская	109	119	125	99	132	99	112	135	125	130	111	129	108	123
	12. Тулнаровская	87	93	127	106	131	125	111	70	76	129	106	123	113	103
	13. Урманчинская	72	70	75	65	80	78	73	105	90	98	110	125	89	103
	14. Козгановская	67	44	59	93	100	77	73	76	83	96	100	97	88	90
	15. Каржасовская	С в	ѣ д ѣ	н і й	н ѣ	т ъ.	36	—	С в	ѣ д ѣ	н і й	н ѣ	т ъ.	53	—
	Сумма выведенныхъ среднихъ	—	—	—	—	—	—	1,462	—	—	—	—	—	—	1,741
Каркаралинскій.	1. Анбике-Чапчаровская	С	в	ѣ	д	ѣ	н	і й	н е	и	м	ѣ	е	т	с я.
	2. Нурбике-Чапчаровская	90	86	100	93	110	107	98	105	95	115	102	120	120	109
	3. Дюсембай-Чекчековская	180	195	195	185	180	197	189	150	190	170	175	170	197	175
	4. Кара-Айтимбетлеевская	76	64	80	73	114	92	83	110	113	120	134	138	129	124
	5. Карсонъ-Кирпѣевская	102	100	106	98	105	92	100	121	119	123	109	116	104	115
	6. Ялыкнашевская	115	111	95	112	116	125	112	140	131	131	126	145	150	137
	7. Тараклинская	172	185	190	179	195	179	183	148	159	168	160	170	154	160
	8. Нодакъ-Тобуклинская	110	99	144	115	135	129	122	135	130	179	149	120	90	134
	9. Джумамбеть-Тобуклинская	180	192	215	230	203	216	206	163	170	187	194	184	190	180
	10. Мамбетей-Тобуклинская	173	187	193	178	197	185	186	152	161	268	159	173	154	161
	11. Кучумъ-Байбуринская	89	80	66	95	100	98	88	73	79	78	80	77	62	73
	12. Джагайбайлы-Байбуринск.	120	126	130	135	137	120	128	100	90	111	109	98	115	87
	13. Куянчи-Тогаевская	153	167	163	168	177	175	167	142	151	148	148	153	154	149
	14. Тюленгутовская	117	125	122	109	173	156	134	132	149	114	138	118	97	125
	15. Кирѣевская	112	107	111	114	89	88	103	122	120	122	129	109	101	117
	16. Караулъ-Камбаровская	59	74	80	63	70	56	67	77	83	79	82	74	76	78
	17. Альтеке-Сарымовская	С	в	ѣ	д	ѣ	н	і	й		н	ѣ	т	ъ.	
	Сумма выведенныхъ среднихъ	—	—	—	—	—	—	1,966	—	—	—	—	—	—	1,924

Султанъ управляетъ ввѣренною ему волостью на правѣ волостнаго головы. Судъ и расправа отъ него не зависятъ. Онъ не болѣе, какъ исполнитель повелѣній окружнаго приказа, мимо котораго не производитъ никакихъ письменныхъ сношеній, разумѣется исключая жалобъ, приносимыхъ на самый приказъ. Вслѣдствіе сего, обязанности волостнаго султана заключаются: въ исполненіи всѣхъ предписанныхъ правилъ по охраненію общей и частной безопасности; въ собираніи по своему вѣдомству и доставленіи въ приказъ всѣхъ требуемыхъ послѣднимъ свѣдѣній; въ исполненіи судебныхъ приговоровъ и въ водвореніи тишины и спокойствія во ввѣренныхъ имъ волостяхъ. Извѣстясь о вредномъ гдѣ-либо покушеніи, султаны немедленно извѣщаютъ приказъ и требуютъ его пособія; но запрещается имъ мстить или дѣлать поиски прямо черезъ подвѣдомственныхъ киргизовъ. Султанъ не распространяетъ своей власти ни въ какой волости, ввѣренной другому султану, хотя бы этотъ послѣдній и искалъ его содѣйствія. Оба они во всѣхъ случаяхъ должны прибѣгать къ окружному приказу, иначе подобнаго рода поступокъ положено считать наравнѣ съ самоуправствомъ. Старшинами въ аулахъ султаны распоряжаютъ словесно, и не посылаютъ къ нимъ никакихъ бумагъ, кромѣ всенародныхъ объявленій, если таковыя получены будутъ отъ приказа.

Отвѣтствуя за безпорядки и своевольство киргизовъ, за попущеніе баранты и проч., султаны обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ въ округѣ обязаны доносить приказу. Въ случаяхъ неповиновенія послѣднему султанъ предается суду.

Для дѣлопроизводства, какъ уже сказано, при волостныхъ правителяхъ находятся толмачи и письмоводители, которые переводятъ и объясняютъ имъ каждую получаемую изъ приказа бумагу; къ каждой отправляемой султанъ, если онъ неграмотенъ, прикладываетъ свою тамгу. Волостной толмачъ ведетъ журналъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ.

Полныхъ свѣдѣній о дѣлопроизводствѣ по волостямъ мы не имѣемъ; но все-таки, для ознакомленія съ средними числами ежегодно отправляемыхъ изъ волостей и получаемыхъ тамъ бумагъ, можемъ руководиться и слѣдующими неполными, полученными нами отъ волостныхъ толмачей области, свѣдѣніями. *(См. Приложеніе къ стр. 181, ч. III)*.

Приведенная таблица даетъ намъ возможность сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) По обилію бумажнаго писанія первое мѣсто занимаетъ тотъ же кокчетавскій округъ, въ которомъ, по результатамъ 6-лѣтней сложности

(для 13-ти волостей), каждая волость отсылаетъ въ приказъ среднимъ числомъ 225 бумагъ въ годъ, получаетъ 363 бумаги; за кокчетавскими слѣдуютъ атбассарскія волости, изъ коихъ каждая, по результату 3-хъ лѣтъ, отсылаетъ въ приказъ ежегодно 185 бумагъ, получаетъ изъ него 210.

Въ каркаралинскомъ округѣ, по результату 6-ти лѣтъ, вычисленному для 15-ти волостей, каждая изъ послѣднихъ отсылаетъ въ приказъ 131 бумагу, получаетъ оттуда 128.

Въ баянъ-аульскомъ округѣ среднее за 6 лѣтъ число исходящихъ изъ каждой отъ 14-ти волостей бумагъ составляетъ 104, входящихъ бумагъ 124 въ годъ.

По акмоллинскому округу свѣдѣній не имѣется, но нѣтъ никакого повода полагать, чтобы и въ немъ число исходящихъ отъ каждой волости и входящихъ бумагъ значительно превышало самыя большія изъ сейчасъ приведенныхъ цифръ или было значительно меньше самыхъ меньшихъ изъ нихъ, а потому средними приведенныхъ по 4-мъ округамъ цифръ исходящихъ и входящихъ бумагъ можно измѣрять объемъ дѣлопроизводства въ каждой изъ акмоллинскихъ волостей, въ которыхъ, въ такомъ случаѣ, будетъ числиться въ каждой 161 исходящая и 181 входящая бумагъ въ годъ.

2) Получивъ, такимъ образомъ, среднія цифры исходящихъ и входящихъ бумагъ для каждой волости извѣстнаго округа и умноживъ ими цифры, выражающія число волостей въ каждомъ округѣ, найдемъ такіе результаты:

Бумажное дѣлопроизводство въ волостяхъ области сибирскихъ киргизовъ.

НАЗВАНІЕ ОКРУГОВЪ.	Число волостей.	Число бумагъ.		Всего всѣми волостями отсылается бумагъ.	Всего всѣми волостями получается бумагъ.
		Ежегодно отсылаемыхъ каждою волостью.	Ежегодно получаемыхъ каждою волостью.		
1. Кокчетавскій.	15	225	263	3,375	3,945
2. Атбассарскій.	7	118	210	1,299	1,470
3. Акмолинскій.	20	161	181	3,220	3,620
4. Каркаралинскій.	17	131	128	2,227	2,176
5. Баянъ-аульскій	15	104	124	1,560	1,860
Всего въ области.	74	—	—	11,681	13,071

Въ 22-хъ волостяхъ первыхъ двухъ округовъ среднія цифры исходящихъ и входящихъ бумагъ болѣе среднихъ, выведенныхъ для цѣлой области, т. е. болѣе цифръ 161 и 181, а въ 32-хъ волостяхъ двухъ послѣднихъ округовъ менѣе. Если же означенныя цифры (161 для исходящихъ бумагъ и 181 для входящихъ) примѣнить къ каждой изъ 74 областныхъ волостей, то найдемъ число ежегодно передвигающихся по киргизскимъ ауламъ бумагъ равнымъ 25.308, въ томъ числѣ исходящихъ бумагъ будетъ 11.914, входящихъ 13.394.

4. Аульное управленіе.

(Сводъ особенныхъ учрежденій, книга VIII, раздѣлъ I, глава II, и уставъ о сибирскихъ киргизахъ, глава III, § 109—116; глава II §§ 15, 25—29 и 55).

Аульное управленіе ввѣряется аульнымъ старшинамъ, выбираемымъ народомъ и утверждаемымъ въ этомъ званіи окружными приказами.

Выборы старшинъ производятся словесно, въ аулахъ, черезъ каждые три года. Большинство голосовъ рѣшаетъ выборъ. Одинъ и тотъ же старшина можетъ быть выбранъ на нѣсколько сроковъ сряду. Султаны въ выборахъ не участвуютъ, но, извѣщая приказъ о выбранныхъ, могутъ присоединять къ тому свои мнѣнія. Приказъ не отмѣняетъ выбора, но, въ случаяхъ своего несогласія на выборъ, представляетъ областному начальству. Старшины считаются наравнѣ съ сельскими головами. Они суть мѣстные чиновники, для управленія народомъ поставленные, и потому-то, разъ будучи избраны къ отправленію должностей и утверждены въ ихъ званіи, старшины, безъ воли высшаго правительства и безъ сдачи должности преемникамъ, не слагаютъ съ себя произвольно ни правъ, ни обязанностей.

Аульный старшина управляетъ ввѣреннымъ ему ауломъ на правѣ сельскаго старшины. Онъ состоитъ въ точной зависимости султана той волости, къ которой принадлежитъ ввѣренный ему аулъ. Выполняя съ точностію всѣ личныя приказанія султана, доставляя ему всѣ потребныя свѣдѣнія, онъ даже не можетъ откочевывать съ мѣста на мѣсто безъ вѣдома султана. Мимо послѣдняго старшина не можетъ производить ни съ кѣмъ по службѣ сношеній.

Обязанность его заключается только въ сохраненіи тишины и порядка во ввѣренномъ ему аулѣ. Но если съ согласія народа старшинѣ будетъ присвоено званіе бія, онъ имѣетъ право принять это званіе, а съ

нимъ вмѣстѣ пріобрѣтаетъ и право рѣшать и разбирать маловажныя исковыя дѣла киргизовъ. Жалобы на своего старшину киргизы приносятъ волостному султану и окружному приказу.

5. Низшая судная инстанція.

(Сводъ особенныхъ губернскихъ учрежденій, книга VII, раздѣлъ I, глава II, и уставъ о сибирскихъ киргизахъ, глава V, §§ 207, 215—220).

Для судебныхъ разбирательствъ въ аулахъ и волостяхъ, почетные киргизы, называемые біями, удерживаютъ свое названіе и значеніе. Біями называются также всѣ тѣ, кои были старшинами или султанами, прослужившими въ должности не менѣе 6-ти лѣтъ.

Вѣдѣнію волостныхъ или аульныхъ біевъ подлежатъ всѣ исковыя дѣла киргизовъ, т. е. всѣ дѣла, кромѣ уголовныхъ и о преступленіяхъ противъ должностей.

Біи рѣшаютъ эти дѣла словесно, по киргизскимъ законамъ и обычаямъ, и рѣшенія ихъ приводятся въ исполненіе въ тоже время. Если кто рѣшеніемъ біевъ недоволенъ, то, съ представленіемъ ясныхъ доказательствъ, можетъ возобновить дѣло подачею письменной просьбы областному начальству. Послѣднее же, посредствомъ окружнаго приказа, даетъ таковымъ дѣламъ слѣдственный ходъ и рѣшаетъ ихъ также по степнымъ киргизскимъ законамъ, а біевъ, за неосновательныя рѣшенія, подвергаетъ отвѣтственности и взысканію, если только ясно будутъ обнаружены со стороны ихъ злоупотребленія.

Мы уже знаемъ изъ предъидущей главы и отчасти изъ главы II, какую роль играютъ въ степи признанные правительствомъ біи и какое значеніе имѣетъ у киргиза организованный народомъ судъ, очень часто обращающійся въ самую верхнюю инстанцію, вслѣдствіе чего все до сихъ поръ сказанное объ управленіи, не введенномъ, но непрочно приклеенномъ къ киргизамъ, не имѣетъ того значенія, какое бы желательно было въ немъ видѣть нашему правительству: управленіе степное существуетъ не для управляемыхъ, но для правящихъ.

в) Особенныя правительственныя учрежденія.

1. Учрежденія для обезпеченія народнаго продовольствія.

(Уставъ о сибирскихъ киргизахъ, глава IV, §§ 150—165).

Хотя хлѣбъ и не составляетъ существенной потребности киргизовъ, говорится въ уставѣ 1822 года, но, дабы предохранить ихъ отъ крайней нужды въ случаѣ истребленія табуновъ ихъ заразою, и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить ихъ къ земледѣлію, полагалось при каждомъ округѣ открыть казенную хлѣбную продажу. Распоряженія по заготовленію и доставкѣ хлѣба принадлежатъ областному начальству, которое руководится въ этихъ случаяхъ тѣмъ порядкомъ, какой наблюдается вообще по части заготовленія хлѣба въ запасные магазины сибирскихъ губерній. На первое заготовленіе хлѣба правительство ассигновало 30.000 руб. ассигн. для каждаго округа. Капиталъ этотъ долженъ былъ возрастать собственнымъ своимъ оборотомъ и когда это возрастаніе достигнетъ суммы въ $2\frac{1}{2}$ раза больше, нежели отпущенная, тогда данная правительствомъ ссуда должна была быть возвращена въ казну. Дальнѣйшее приращеніе капитала должно было составить въ каждомъ округѣ экономическую продовольственную сумму, которая почиталась бы общественною. Для того же, чтобы имѣть это приращеніе, полагалось пускать заготовленный хлѣбъ въ продажу съ десяти-процентнымъ барышомъ противъ того, во что обошлась покупка, доставка, содержаніе смотрителей и вахтеровъ (опредѣляемыхъ къ должностямъ областнымъ правленіемъ, съ жалованьемъ отпускаемымъ, такимъ образомъ, изъ хлѣбнаго капитала). Съ самаго начала предполагалось производство продажи раздѣлить на два разряда: для богатыхъ и для бѣдныхъ. Только первымъ и отпускается хлѣбъ съ 10-процентнымъ барышомъ, вторымъ же онъ отпускается вовсе безъ прибыли или съ уменьшеннымъ процентомъ, по усмотрѣнію областнаго начальства. Цѣны предварительно объявляются по третямъ года. Продажу съ процентами можно дѣлать разомъ до 100 пудовъ, по бѣднымъ нельзя было продавать болѣе, какъ по три пуда вдругъ. Магазины и лавки предполагалось строить изъ той же суммы и въ разсчетъ продажной цѣны полагать проценты на эту издержку.

Установленное на этихъ началахъ положеніе о хлѣбныхъ магазинахъ должно было дѣйствовать только до тѣхъ поръ, пока не усилится вольная продажа хлѣба въ степи. По усиленіи же ея, магазины должно

было содержать единственно для бѣдныхъ и для умѣренія цѣнъ, на общихъ правилахъ о сибирскихъ магазинахъ.

Опытъ учрежденія подобныхъ магазиновъ въ Кокчетавѣ и Каркаралахъ, послѣ открытія этихъ округовъ въ 1824 году, не оправдалъ ожиданій правительства, полагавшаго найдти въ степи покупщиковъ. Послѣднихъ однако не находилось, заготовленные запасы не могли освѣжаться, а потому продажа изъ нихъ хлѣба въ 1839 году прекращена и новыхъ магазиновъ съ тѣхъ поръ не заводилось.

Употребленіе киргизами соли изъ степныхъ озеръ, равно какъ и продажу продукта между ними правительство опредѣлило впредь до усмотрѣнія оставить свободными.

О продовольственномъ скотѣ, собираемомъ султанами, было говорено въ предъидущей главѣ.

2. Врачебныя учрежденія.

(Уставъ о сибирскихъ киргизахъ, глава VI, §§ 229—235, 236—243).

а) Способы лечить и предупреждать людскія болѣзни.

Опредѣленнымъ въ каждый округъ медицинскимъ чиновникамъ законъ предписываетъ подавать пособія всѣмъ заболѣвающимъ, проживаютъ-ли они въ мѣстахъ расположенія приказовъ, или внѣ русскихъ селеній, въ кочевьяхъ киргизовъ, куда гражданскіе лекаря должны ѣздить.

Кромѣ того, имѣлось въ виду устроить въ каждомъ округѣ неподвижныя больницы для тяжелобольныхъ и преимущественно бѣдныхъ киргизовъ. Прислуга въ больницахъ должна была состоять изъ бѣдныхъ киргизовъ, которые содержались бы на счетъ обществъ. Медицинскія установленія должны были состоять въ вѣдѣніи окружнаго приказа и въ зависимости дивизіоннаго доктора.

Таковы были предположенія правительства при открытіи округовъ въ сибирской степи. Больницъ для киргизовъ однако до сихъ поръ не устроилось, и ежегодно отпускаемая на этотъ предметъ отъ казны сумма, 142 руб. сер., расходовалась на другія надобности. Въ губернаторскихъ отчетахъ ежегодно упоминается о томъ, что нуждающіеся въ медицинской помощи киргизы пользуются или въ военныхъ лазаретахъ, находящихся въ мѣстахъ расположенія приказовъ, или на дому, получая въ

этихъ случаяхъ пособія и лекарства отъ гражданскихъ медиковъ. Но, добавляетъ, напр., отчетъ военнаго губернатора за 1863 годъ, «киргизы, по причинѣ религіознаго и народнаго суевѣрія, также вслѣдствіе кочевой своей жизни, рѣдко прибѣгаютъ къ пособію врачей, а лечатся больше у своихъ знахарей разными травами и наговорами». Скажемъ, что знаемъ о томъ и другомъ способѣ пользованія больныхъ. Въ военныхъ лазаретахъ киргизы пользуются не безплатно: за пользованіе каждаго больнаго взыскивается съ общества, къ которому онъ принадлежитъ, та сумма, какая, по числу дней его пребыванія въ лазаретѣ, причитается за содержаніе и медикаменты. Цѣны на разные припасы и продукты ежегодно утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ. По этимъ цѣнамъ вычисляется среднее суточное содержаніе больнаго, и по 3 коп. сер. въ сутки кладется на медикаменты *). Въ средней за 6 лѣтъ сложности, суточное содержаніе больнаго, вмѣстѣ съ медикаментами, обходится, приблизительно, въ 28 коп. сер.—сумма, которая, хотя бы и при продолжительномъ пользованіи больнаго, не показалась бы иному достаточному киргизу слишкомъ отяготительною, но все-таки и онъ не отправитъ своего родственника въ русскую больницу по главнымъ двумъ причинамъ: первая заключается въ томъ, что отправленный на пользованіе

*) Въ слѣдующей таблицѣ показано, во что обходилось суточное содержаніе больнаго въ періодъ съ 1857 по 1862 годъ, въ 4-хъ степныхъ лазаретахъ.

Взято изъ составляемыхъ степными коммисарами вѣдомостей.

Названіе лазаретовъ.	1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	Средніа.	Примѣчаніе.
	копѣйки.							
Акмоллинскій .	22 1/2	23	23 1/2	29 1/2	25	26 3/4	25	По атбасарскому и каркаралинскому лазаретамъ нѣтъ свѣдѣній.
Кокчетавскій .	Неизвѣстно.	23	23 1/2	29 1/2	25	26 3/4	25	
Баянъ-аульскій .	21 1/4	23	23 1/2	28 1/2	25	26 3/4	24 3/4	
Актавскій . .	28 1/2	Неизвѣстно.		21 1/4	Неизвѣстно.		25	

киргизъ можетъ умереть и быть похороненъ раньше, нежели объ этомъ узнаютъ его родственники, для которыхъ очень важно похоронить покойника въ своихъ кочевьяхъ и по своимъ обычаямъ; вторая причина состоитъ въ опасеніи навлечь на аульное общество излишнія издержки, сопряженныя со всякимъ сборомъ, въ которомъ принимаетъ участіе волостной правитель. Порядокъ требованія денегъ за пользованіе больныхъ киргизовъ таковъ: состоящіе при степныхъ лазаретахъ комиссары составляютъ вѣдомость о числѣ пользовавшихся въ лазаретѣ киргизовъ, о суточной стоимости содержанія каждаго больнаго, о числѣ дней пребыванія въ лазаретѣ и о причитающейся въ возвратъ коммиссаріату суммѣ, а также и сколько слѣдуетъ получить денегъ за погребеніе киргизовъ. Вѣдомость эта отправляется въ окружной приказъ, требующій означенныя коммиссаромъ деньги съ волостнаго султана той волости, въ которой числился больной, и если родственники послѣдняго бѣдны или не желаютъ платить, сборъ дѣлается со всего аульнаго общества или съ цѣлой волости. Доставляя лишній поводъ къ злоупотребленіямъ, сборъ этотъ возбуждаетъ въ киргизахъ то неудовольствіе, во избѣжаніе котораго народъ находитъ для себя болѣе выгоднымъ поуберечься отъ отдачи больныхъ въ русскіе лазареты, тѣмъ болѣе, что къ послѣднимъ не питаютъ довѣрія,— обстоятельство на чемъ-нибудь да основанное, только не на пристрастіи народа прибѣгать къ знахарямъ, хотя и это случается.

Въ слѣдующей таблицѣ показано число пользовавшихся въ 4-хъ степныхъ лазаретахъ киргизовъ, и та сумма денегъ за ихъ содержаніе или погребеніе, которая, надобно полагать, была пополнена вышеупомянутыми сборами, потому что въ лазареты поступаютъ только люди бѣдные, изъ числа состоящихъ вблизи селенія джатаковъ.

Название областныхъ лазаретовъ.	Число киргизовъ, бывшихъ на излеченіи.							Взыскано за ихъ пользованіе и за погребеніе усопшихъ, денегъ.											
	Годы							1857.		1858.		1859.		1860.		1861.		1862.	
	1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1762.	Средния за 6 лѣтъ.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Акмоллинскій.	4	7	9	4	4	6	5, 6	30	41	24	18	55	12	37	70	75	96	11	42
Кокчетавскій.	0	6	15	7	4	5	6, 1	—	—	45	55	74	19½	76	5	23	17¼	15	8½
Каркаралинскій. . .	10	0	0	2	7	3	3, 6	61	11	0	0	0	0	6	89	32	48	13	9
Актавскій . .	1	0	0	1	0	0	0, 3	4	9½	0	0	0	0	5	33½				
Среднее число	бол	ьны	хъ	въ	год	ъ	15, 6												
Примѣчаніе. О баянъ-аульскомъ и атбасарскомъ свѣдѣній не имѣемъ.																			

Другое, упоминаемое отчетомъ средство доставлять пособіе заболѣвающимъ заключается въ рѣдкихъ лѣтнихъ выѣздахъ гражданскихъ медиковъ въ волости *). Отправляющійся по волостямъ лекарь беретъ съ собою походную аптеку **), осматриваетъ больныхъ, къ которымъ его попросятъ, но какъ послѣдняго не случается, то лекарства приходится раз-

*) По Высочайше утвержденному 6 декабря 1856 года штату, при гражданскомъ врачѣ состоитъ 1 лекарскій ученикъ.

**) Въ области сибирскихъ киргизовъ, кромѣ 7 казенныхъ аптекъ при военныхъ лазаретахъ, существуетъ для лицъ гражданскаго вѣдомства и для киргизовъ пять аптекъ при окружныхъ приказахъ. Аптеки эти учреждены въ 1861 году съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Расходы по ихъ устройству и ежегодный ремонтъ отнесены на счетъ суммы, отпускаемой по смѣтѣ на устройство больницъ (отчетъ военнаго губернатора за 1863 годъ).

давать здоровымъ, но любопытнымъ степнякамъ, сильно сомнѣвающимся въ томъ, чтобы ихъ русскій *дарігеръ* (докторъ) могъ угадать болѣзнь, а тѣмъ болѣе уничтожить недугъ. Киргизъ является къ лекарю, и, зная обыкновеніе послѣдняго щупать пульсъ, тотчасъ предлагаетъ ему для этого нетолько одну, но обѣ руки, показываетъ языкъ и потомъ требуетъ, чтобы даригеръ угадалъ его болѣзнь. Если лекарство и попадетъ въ руки больнаго, онъ рѣдко имъ пользуется, предпочитая свои домашнія средства, такъ что вообще провѣрить свои медицинскія знанія на пользованіи киргизовъ, а тѣмъ паче убѣдить въ этихъ знаніяхъ кочевыхъ жителей нашимъ степнымъ врачамъ еще не приходилось.

Изъ наичаще встрѣчающихся между киргизами болѣзней назовемъ горячку, леченіе которой намъ приходилось видѣть нѣсколько разъ. Оно очень просто: больному или больной, кромѣ маленькой чашки коровьяго молока, на-половину разбавленнаго водою, ничего не даютъ принимать во внутрь, пока не уймется сильный головной жаръ. Въ этомъ и состоитъ все леченіе. Болѣзнь, названная нами горячкою, т. е. сильный жаръ во всемъ тѣлѣ, особенно въ головѣ, и совершенное разслабленіе всего больнаго, слыветъ у киргизовъ подъ именемъ *сюзѣкъ*. Ту же самую болѣзнь въ другомъ аулѣ лечили тѣмъ, что возбуждали у страдальца испарину способомъ довольно оригинальнымъ, именно: рѣзали козла, снятою шкурою обвертывали туловище больнаго, а вынутыми почками били его ноги. Ежели при этомъ у больнаго и не появилась бы испарина, употребленное средство считается все-таки дѣйствительнымъ, и дальнѣйшее леченіе состоитъ, какъ и въ первомъ случаѣ, въ одной діэтѣ. Къ этому единственному средству прибѣгаютъ киргизы во многихъ болѣзняхъ, и въ этихъ случаяхъ, кажется, имѣютъ право считать всѣ микстуры степнаго даригера безполезными, хотя, какъ уже сказано, изъ любопытства и берутъ ихъ, только не даютъ употреблять больнымъ. Глазную болѣзнь ничѣмъ не лечатъ; иногда, впрочемъ, страдающіе ею носятъ сдѣланную въ родѣ очковъ волосяную сѣтку на глазахъ. Больныхъ сифилисомъ завертываютъ въ сырую кожу кулана, лошади или барана, и въ такомъ положеніи выдерживаютъ болѣе или менѣе продолжительное время. Раны, сильные обжоги пользуютъ тѣмъ же способомъ. Прилагаютъ этотъ способъ иногда и къ леченію оспы, при чемъ, изъ опасенія заразиться этою болѣзнію, оставляютъ больнаго на мѣстѣ появленія болѣзни, а сами откочевываютъ, поручая присмотръ за страдальцемъ какому-либо джатаку, на рукахъ котораго оставляется необходимое для прокормленія количе-

ство барановъ. Для предупрежденія появленія этой страшной болѣзни, оспы, дѣйствительно выхватывающей множество жертвъ, правительство обязываетъ медицинскихъ чиновниковъ прилагать особенное стараніе ко введенію между киргизами прививанія предохранительной оспы. Успѣхи въ этомъ дѣлѣ, сказано въ уставѣ о сибирскихъ киргизахъ (§ 234), вмѣнены имъ будутъ въ особенное отличіе.

Окружному доктору, съ состоящимъ при немъ лекарскимъ ученикомъ, вдвоемъ, невозможно управиться съ дѣломъ оспопрививанія, и потому положено образовать въ каждой волости учениковъ-оспопрививателей изъ киргизовъ. Послѣдніе присылаются въ приказы для обученія при военныхъ лазаретахъ. Плохо однако идетъ это дѣло въ степи, и изъ присылаемыхъ почти-что всѣ возвращаются неучами *), да еслибы они и оказали успѣхи, воспользоваться своимъ знаніемъ имъ можно было бы только тогда, когда народъ довѣрялъ бы дѣлу оспопрививанія, но вотъ этого-то послѣдняго и нѣтъ. Въ отчетахъ военнаго губернатора области каждый годъ повторяется, что «успѣшности оспопрививанія между киргизами весьма много препятствуетъ невѣжество и фанатизмъ народа, вѣрующаго, что всякая предосторожность противъ вліянія натуральной оспы есть не что иное, какъ безбожіе» (см. отчетъ за 1863 годъ). Къ этому надобно добавить еще, что народъ до сихъ поръ не видѣлъ примѣра удачнаго привитія оспы, и потому не только не даетъ своихъ дѣтей для производства операцій, но всячески откупается отъ посылаемыхъ въ степь фельдшеровъ и оспенныхъ киргизскихъ учениковъ, находящихъ въ совершенно основательной боязни народа къ производимымъ надъ его дѣтьми операціямъ вѣрное средство нажиться, и, надо правду сказать, ученики и фельдшера отлично пользуются этимъ средствомъ. Киргизъ очень хорошо знаетъ, что люди эти, также какъ и доктора, разъѣзжаютъ по ауламъ не по своему же желанію, а по приказанію правительства, велѣнія котораго они должны строго выполнять, и потому-то, какъ только увидитъ дикарь разложенные въ его юртѣ ножи и стеклышки съ оспенною матеріею, онъ готовъ дать эскулапу что угодно, только бы онъ оставилъ его юрту. Стеклышки съ оспенною матеріею присылаются изъ г. Омска.

*) Въ 1856 году изъ 17 волостей каркаралинскаго округа прислано было 17 учениковъ для обученія при военномъ лазаретѣ, и только одинъ изъ 17-ти оказалъ знаніе и усердіе.

(Отчетъ 1862 года каркаралинскаго окружнаго приказа).

Намъ случалось слышать отъ самихъ гражданскихъ медиковъ о томъ, что они совсѣмъ не находили на многихъ стеклышкахъ матеріи, а если на другихъ и заставали этотъ присланный изъ далека даръ, то въ видѣ негодномъ для того, чтобы матерія могла произвести желаемое дѣйствіе, чѣмъ степные медики и объясняютъ дурные результаты здѣшняго оспопрививанія. Отсюда нѣсколько уясняется смыслъ выше приведенныхъ словъ, которыми народъ выражаетъ свое мнѣніе объ оспопрививаніи. Пользы, стало быть, отъ нашихъ врачебныхъ учрежденій нѣтъ никакой, а вредъ, производимый однимъ взиманіемъ подводъ этими новыми исполнителями новой воли начальства, весьма значителенъ, не говоря уже о злоупотребленіяхъ, отвратить которыя возможно лишь только однимъ прекращеніемъ выѣздовъ медицинскимъ чиновъ въ кочевья.

Въ русскихъ селеніяхъ оспу прививаютъ лекарскіе ученики и фельдшеры; ихъ дѣйствія свидѣтельствуютъ мѣстные медики, а также гражданское и военное начальство. Въ кочевьяхъ киргизовъ дѣйствія оспопрививанія, какъ показано въ годовыхъ отчетахъ, свидѣтельствуются кѣмъ-нибудь изъ чиновниковъ гражданскаго управленія, т. е. аульными старшинами, волостными или старшими султанами, засѣдателями, непремѣнными членами, окружными врачами и проч.

Въ нижеслѣдующихъ двухъ таблицахъ показанъ ходъ оспопрививанія за пять лѣтъ, въ русскихъ селеніяхъ (первая таблица) и въ кочевьяхъ (вторая таблица). Свѣдѣнія заимствованы изъ годовыхъ отчетовъ военнаго губернатора области.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ дѣтей (изъ русскихъ) коимъ, привита была и у коихъ принялась предохранительная оспа, въ періодъ съ 1859 по 1864 годъ.

Названіе округовъ.	1859 г.		1860 г.		1861 г.		1862 г.		1863 г.		Всего въ 5 лѣтъ.		Примѣчаніе.
	Привита.	Принялась.	Привита.	Принялась.	Привита.	Принялась.	Привита.	Принялась.	Привита.	Принялась.	Привита.	Принялась.	
Кокчетавскій	414	390	490	470	283	265	70	67	Хода оспопрививанія не показано въ отчетѣ безъ объясненія причины.		1257	1192	Изъ числа дѣтей кокчетавскаго округа, коимъ въ 1862 году привита оспа, 29 человѣкъ умерло въ томъ же году.
Атбассарскій	288	278	112	108	30	30	Не было прививанія за неимѣніемъ оспенной матеріи.		Оспопрививаніе не производилось по той же причинѣ.		430	416	
Акмоллинскій	37	37	77	76	61	54					175	167	
Баянъ-аульскій	28	22	35	32	17	17	27	23	32	32	139	126	
Каркараллинскій	27	19	69	66	34	32	54	52	34	26	218	195	
Всего въ области	794	746	783	752	425	398	151	142	66	58	2219	2096	

ВѢДОМОСТЬ

О ЧИСЛѢ КИРГИЗСКИХЪ ДѢТЕЙ, КОИМЪ ПРИВИТА ОСПА ВЪ ТО ЖЕ ПЯТИЛѢТІЕ.

НАЗВАНІЕ ОКРУГОВЪ.	1859 г.		1860 г.		1861 г.		1862 г.		1863 г.		Всего въ 5 лѣтъ.		Примѣчаніе.
	Привита.	Принялась.	Привита.	Принялась.	Привита.	Принялась.	Привита.	Принялась.	Привита.	Принялась.	Привита.	Принялась.	
Кокчетавскій	924	895	742	715	370	259	Не было оспопрививанія по причинѣ, не объясненной въ отчетѣ.		121	110	2157	1979	Въ каркаралинскомъ округѣ въ 1862 году привита оспа 11-ти татарскимъ мальчикамъ и 2-мъ дѣвочкамъ, принялась: у 9-ти мальчиковъ и у обѣихъ дѣвочекъ.
Атбассарскій	Не было оспопрививанія но неимѣнію оспенныхъ учениковъ.		По той же причинѣ оспопрививанія не производилось.		По той же причинѣ не было оспопрививанія.		Не было производимо оспопрививанія за неимѣніямъ оспенной матеріи.		На было и въ этомъ году оспопрививанія по причинамъ, не объясненнымъ въ отчетѣ.		0	0	
Акмоллинскій	Не было оспопрививанія по случаю отбытія гражданскаго лекаря въ отпускъ.		По той же причинѣ не было оспопрививанія.		Гражданскій лекарь хотя и прибылъ, но передъ наступленіемъ оспеннаго времени, когда оспа не можетъ быть прививаема.		Не было оспопрививанія за неимѣніемъ оспенной матеріи.				0	0	
Баянъ-аульскій	73	48	57	28	68	21	61	43	38	38	297	178	
Каркаралинскій	27	19	69	66	51	39	126	101	90	78	363	303	
Всего въ области.	1024	962	868	809	489	319	187	144	249	226	2817	2460	

Повивальныхъ бабокъ въ области сибирскихъ киргизовъ нѣтъ. Врачей гражданскаго вѣдомства, по отчету за 1863 годъ, числилось 5 человѣкъ, кромѣ того при военныхъ лазаретахъ состояло старшихъ и младшихъ ординаторовъ всего 11 человѣкъ.

б') Карантины.

Уставомъ о сибирскихъ киргизахъ положено оставить въ прежнемъ положеніи рядъ карантиновъ, устроенныхъ на сибирскихъ линіяхъ, для предохраненія отъ скотскихъ падежей сибирскихъ губерній или, если падежъ будетъ свирѣпствовать въ нихъ, то киргизской степи. Въ томъ и другомъ случаѣ карантины остаются на попеченіи областнаго начальства.

Въ случаяхъ возникновенія падежа внутри степи, окружной приказъ немедленно извѣщаетъ о томъ ближайшаго окружнаго начальника на линіи, для принятія нужныхъ предосторожностей, а самъ, убѣждая киргизовъ къ перемѣнѣ пастбищъ, старается пресѣчь всякое сообщеніе между зараженными и незараженными волостями посредствомъ устройства пикетовъ, на мѣстахъ къ тому удобныхъ; для испытанія же сомнительныхъ стадъ онъ учреждаетъ подвижные карантины и вообще старается доставить возможныя медицинскія пособія. Султаны и старшины обязаны всѣми средствами содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ приказу и немедленно извѣщать его объ открывшейся заразѣ, такъ что, добавляетъ уставъ 1822 года, «каждое въ семъ случаѣ упущеніе вмѣнится имъ въ вину». Не будемъ говорить о той перепискѣ, которую въ прежнее время плодили между двумя пограничными вѣдомствами распоряженія областнаго начальника по учрежденію временныхъ карантиновъ, стѣснявшихъ торговлю и затруднявшихъ таможенное вѣдомство въ дѣлѣ охраненія границы по непропуску другихъ товаровъ; но нѣсколько словъ о дѣйствіи, производимомъ на торговлю нынѣшними карантинными учрежденіями, будутъ нелишними.

Главная статья степнаго отпуска, какъ извѣстно—скотъ. Весь обмѣнъ съ степью построенъ, можно сказать, на одной этой статьѣ, а между тѣмъ ни одна изъ торговыхъ операцій, по вывозу изъ степи черезъ сибирскую линію остальныхъ товаровъ, не терпитъ такихъ затрудненій, какъ прогонъ черезъ нее скота. Карантины, осмотру которыхъ подлежатъ всѣ прогоняемые черезъ границу гурты, находятся при штабъ-квартирахъ казачьихъ полковъ, расположенныхъ вдоль линіи. Они состоятъ каждый

изъ полковаго командира и ветеринара. Очевидно, что учрежденію (изъ двухъ человѣкъ), кругъ дѣйствія котораго обнимаетъ сотню, другую верстъ *), невозможно выполнить лежащую на немъ обязанность по осмотру повсемѣстно и въ лѣтнее время, можно сказать, ежедневно, прогоняемаго изъ степи скота. Да и допустивъ даже эту возможность, является другое затрудненіе: одному ветеринару нельзя основательно и въ тоже время скоро осмотрѣть гуртъ, состоящій изъ нѣсколькихъ тысячь, а можетъ быть и десятковъ тысячь головъ скота, между которымъ, такимъ образомъ, всегда легко пройдти и больному. Ежели же предположить со стороны ветеринаровъ добросовѣстное выполненіе ихъ обязанностей по осмотру всего проходящаго скота, послѣдній долженъ выжидать очереди и тощать на мѣстахъ, быть можетъ, безкормныхъ, безъ хорошаго пойла, а если и не на вытравленныхъ лугахъ, положимъ казачьихъ, то за такое удобство хозяева гуртовъ должны платить войску или казакамъ, терять много времени, сначала на выжиданіе осмотра, потомъ на добычу карантиннаго и другихъ свидѣтельствъ,—все это отражается на возвышеніи цѣнъ на скотъ, и все-таки, даже и при строгихъ, столь стѣснительныхъ для торговли осмотрахъ, нельзя ожидать, чтобы черезъ линію не имѣлъ возможности пройдти больной скотъ. Отсюда слѣдуетъ, что за существованіе на сибирской линіи карантинныхъ учрежденій, не имѣющихъ возможности предупредить опасность, въ случаяхъ распространенія въ степи заразительныхъ болѣзней, приходится расплачиваться населенію сибирскихъ и внутреннихъ губерній Россіи.

О падежахъ скота годовые отчеты военнаго губернатора упоминаютъ, но о заразительныхъ болѣзняхъ на скотъ почти никогда ничего не говорятъ.

---

*) Штабъ-квартиры расположенныхъ вдоль линіи полковъ сибирскаго казачьяго войска находятся въ слѣдующихъ селеніяхъ:

3-го полка въ ст. Прѣсновской, отстоящей на 135 верстъ отъ земли оренб. каз. войска.
4-го » » Петропавлов. » » 143 » отъ предъид. штабъ-квартиры.
5-го » » Николаевской » » 169 » » » »
6-го » » Омской » » 110 » » » »
(Прежде была въ ст. Песчан.).
7-го » » Павлодарской » » 300 » » » »
(Прежде нах. въ Семіярской, отстоящ. на 183 в. отъ Павлод.).
8-го » » Семипалатинской » » 331 » » » »
(Прежде нах. въ Усть-камен.).
9-го » » Усть-Каменогорской » 202 » » » »
(Штабъ-квартиры: 10-го полка въ Копалѣ, 11-го въ Тобольскѣ, а 12-го въ Томскѣ).

3. Благотворительныя учрежденія.

(Уставъ о сибирскихъ киргизахъ, глава VI, §§ 250—255).

Приказъ каждаго округа обязанъ всѣми средствами заботиться, чтобъ никто изъ ввѣреннаго ему народа не терпѣлъ нищеты и не оставался безъ призрѣнія. Поэтому онъ долженъ истреблять праздность, бродягъ размѣщать въ услуги при общественныхъ установленіяхъ, какъ-то: въ больницахъ и проч., или отдавать въ работники зажиточнымъ киргизамъ, сохраняя, въ послѣднемъ случаѣ, безпристрастіе, обоюдныя выгоды и порядокъ.

Увѣчныхъ, престарѣлыхъ, сумасшедшихъ и вообще неимѣющихъ возможности пропитывать себя трудами, приказъ долженъ принимать на особенное свое попеченіе и доставлять имъ призрѣніе. Для пріюта людей этого рода въ каждомъ округѣ положено имѣть отъ 5 до 10 кибитокъ собственно отъ правительства, а для ухода за нуждающимися въ помощи опредѣлено удѣлять больничную прислугу.

На устройство благотворительныхъ заведеній отъ казны отпускается такая же сумма, какъ и на больницы, и также не расходуется по назначенію, но или употребляется на разныя другія надобности, или хранится въ окружныхъ приказахъ, или отсылается, для приращенія процентами, въ государственный банкъ *).

Для внесенія посильныхъ пожертвованій на устройство благотворительныхъ заведеній были во время-оно приглашены и киргизы. Въ отчетахъ за старые годы, напримѣръ, за 1853, упоминается даже, что въ акмоллинскомъ округѣ киргизы пожертвовали для этой цѣли 2 юрты, а въ кушмурунскомъ собрано 32 руб. 91 коп. сер.; вообще же, какъ говоритъ упомянутый отчетъ, киргизы отозвались, что дряхлые и увѣчные находятъ пріютъ у своихъ родственниковъ и единоплеменниковъ, и потому-то пожертвованій, хотя бы и подобныхъ вышеозначеннымъ, больше не является.

---

*) Отчетъ за 1862 годъ упоминаетъ о томъ, что въ приказахъ каркаралинскомъ и атбассарскомъ хранятся билеты сохранной казны на сумму 4,004 руб. $39\frac{3}{4}$ коп. сер. Въ отчетѣ 1863 года говорится, что сумма 1,753 руб. сер. на благотворительныя заведенія хранится при атбассарскомъ приказѣ, а каркаралинская того же рода сумма 3,032 руб. $3\frac{1}{2}$ коп. сер. отослана въ государственный банкъ; другихъ свѣдѣній не имѣемъ.

4. Исправительныя заведенія.

Тюремныхъ замковъ, рабочихъ или смирительныхъ домовъ и проч. въ области сибирскихъ киргизовъ не имѣется. Арестанты содержатся на военныхъ гауптвахтахъ, въ особыхъ маленькихъ комнаткахъ, вмѣщающихъ въ себѣ человѣкъ 15; въ случаяхъ бо́льшаго числа арестантовъ, часть изъ нихъ размѣщается въ зданіи приказа, именно въ тѣхъ комнаткахъ, которыя, какъ напримѣръ въ баянъ-аульскомъ приказѣ, находятся рядомъ съ покоемъ, гдѣ стоитъ охраняемый часовымъ денежный ящикъ. Нельзя сказать, чтобы тѣ и другія помѣщенія были удобны въ какомъ-либо отношеніи, или хотя бы только вмѣстительны.

Къ улучшенію помѣщеній въ послѣднемъ отношеніи правительство не считаетъ нужнымъ прибѣгать, быть можетъ потому, что въ этихъ окружныхъ острогахъ содержатся только одни подсудимые арестанты; такихъ же, которые должны бы содержаться по судебнымъ приговорамъ въ острогѣ или рабочемъ и смирительномъ домѣ, въ области сибирскихъ киргизовъ не бываетъ; другими словами, арестанты содержатся пока производится надъ ними слѣдствіе, а лишь только состоится надъ ними приговоръ, они отсылаются въ остроги сибирскихъ губерній, въ каторжную работу, на поселеніе и проч. Тѣмъ не менѣе, слѣдствія наши длятся иногда такъ долго, что большой приливъ новыхъ подсудимыхъ, по ежегодно совершаемымъ преступленіямъ, вѣроятно заставитъ расширить степныя острожныя помѣщенія.

На содержаніе арестантовъ отпускается отъ казны по 8 коп. сер., а съ 1862 года по 9 коп. сер. въ сутки. Деньги требуются приказомъ изъ омскаго окружнаго казначейства и выдаются секретарю, который ведетъ имъ счетъ въ шнуровой книгѣ. По числу содержащихся на гауптвахтѣ арестантовъ, секретарь выдаетъ деньги присматривающему за острогомъ унтеръ-офицеру, а послѣдній раздаетъ ихъ на руки арестантамъ, которые какъ хотятъ, такъ и распоряжаются ими: одни, чрезъ стоящихъ по близости селенія джатаковъ, получаютъ провизію (вареную говядину) отъ родственниковъ, а порціонныя деньги платятъ кому нужно заплатить за доставляемое такимъ образомъ удобство находить прокормленіе; другіе изъ полученныхъ денегъ дѣлаютъ складчину, вручая свою артельную сумму тому же, присматривающему за острогомъ унтеръ-офицеру, который покупаетъ на эту сумму провизію на базарѣ, или гдѣ найдетъ болѣе для себя удобнымъ. Унтеръ-офицеръ этотъ ведетъ отчетную книгу о прибы-

вающихъ и убывающихъ арестантахъ и, сообразно тому, дотребываетъ отъ секретаря или возвращаетъ ему деньги, по недѣльному разсчету. Книга, которую ведетъ секретарь, ежемѣсячно свидѣтельствуется наличными чиновниками приказа, а во время годовой ревизіи повѣряется на общемъ основаніи.

Въ слѣдующей таблицѣ показано число подсудимыхъ арестантовъ, содержавшихся въ областныхъ острогахъ въ періодъ съ 1859 по 1864 годъ.

Г О Д Ы.	Оставалось отъ предъидущаго года.	ПОСТУПИЛО.		ВЫБЫЛО.		Изъ годовыхъ отчетовъ военнаго губернатора области.
		Непосредственно.	Изъ другихъ присутственныхъ мѣстъ.	Окончательно.	По случаю передачи въ другія присутственныя мѣста.	
1859	0	19	0	14	0	
1860	5	—	7	5	2	
1861	5	—	5	9	0	
1862	1	—	5	4	2	
1863	0	—	10	10	0	
Всего въ 5 лѣтъ.	11	19	27	42	4	

Полныхъ свѣдѣній о временно-содержавшихся въ областныхъ острогахъ не имѣемъ.

II. Военное управленіе.

Военному управленію подлежатъ всѣ казачьи поселенцы въ области и квартирующія въ ней войска.

Главное управленіе тѣми и другими принадлежитъ генералъ-губернатору Западной Сибири, мѣстное, по отношенію къ войскамъ и всѣмъ военнымъ учрежденіямъ, раздѣляется между военнымъ губернаторомъ и штабомъ западно-сибирскаго военнаго округа, а по отношенію къ казачьему войску—между этими двумя учрежденіями и мѣстными войсковыми управленіями.

а) Главное управленіе.

(Сводъ военныхъ постановленій изданія 1860 года и Положеніе о сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 года).

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири надъ всѣми расположенными въ области войсками и военными учрежденіями имѣетъ власть корпуснаго командира отдѣльнаго корпуса. Дѣлами по снаряженію, квартированію, передвиженію и употребленію, какъ регулярныхъ войскъ, такъ и казаковъ, завѣдываетъ, на общемъ основаніи, штабъ западно-сибирскаго военнаго округа, потому что всѣ эти дѣла входятъ въ кругъ дѣйствій, предоставленныхъ командиру отдѣльнаго сибирскаго корпуса.

Всѣ прочія дѣла, относящіяся до сибирскаго казачьяго войска, производятся въ казачьемъ отдѣленіи, учрежденномъ при главномъ управленіи западной Сибири.

По главному управленію сибирскаго казачьяго войска, военному министру представляются, съ заключеніемъ генералъ-губернатора Западной Сибири, годовой отчетъ о состояніи войска, донесенія объ инспекторскихъ смотрахъ и тѣ только обстоятельства, которыя требуютъ Высочайшаго утвержденія и разрѣшенія; всѣ прочіе затѣмъ вопросы окончательно рѣшаются генералъ-губернаторомъ Западной Сибири (Положеніе о сибирскомъ казачьемъ войскѣ, 1861 года, отдѣлъ II, § 143).

Генералъ-губернаторъ, какъ по этому званію, такъ и по званію корпуснаго командира, осматриваетъ, по мѣрѣ возможности лично, всѣ части войска, ревизуетъ войсковыя управленія и ихъ дѣйствія, принимаетъ зависящія отъ него мѣры исправленія, по указанію нужды или пользы преподаетъ войску способы къ лучшему его устройству и усовершенствованію во всѣхъ видахъ военнаго и внутренняго его быта, и о послѣдствіяхъ обзора и предположеніяхъ къ улучшенію войска сообщаетъ военному министру. (Тамъ же § 144).

б) Мѣстное управленіе.

(Сводъ Законовъ изданія 1857 года, томъ II, часть II; Сводъ особенныхъ губернскихъ учрежденій; Сводъ военныхъ постановленій изданія 1860 года; Положеніе о сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 года).

I. Военный губернаторъ.

Военный губернаторъ завѣдываетъ всѣми расположенными въ области войсками, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ для по-

граничнаго начальника сибирскихъ киргизовъ и на правахъ, предоставленныхъ военнымъ губернаторамъ внутреннихъ губерній. По части военной, губернаторъ всѣ распоряженія дѣлаетъ отъ своего лица, на основаніи существующихъ по этому предмету военныхъ узаконеній, имѣя власть, предоставленную начальникамъ дивизій; по дѣламъ же, превышающимъ эту власть, доноситъ генералъ-губернатору, какъ командиру отдѣльнаго сибирскаго корпуса.

Дѣла по снаряженію, квартированію, передвиженію и употребленію войскъ ведутся, какъ уже сказано, въ штабѣ этого корпуса.

Инспектированіе военныхъ отрядовъ и командъ, находящихся по срочнымъ нарядамъ на дѣйствительной службѣ въ области сибирскихъ киргизовъ, военный губернаторъ, будучи облеченъ властію дивизіоннаго начальника, производитъ, на основаніи 498, 541 и 542 ст. II т. I кн. св. особенныхъ губернскихъ учрежденій, изд. 1857 года, и о послѣдствіяхъ своего осмотра доноситъ генералъ-губернатору Западной Сибири, а также сообщаетъ и войсковому начальству. Для наблюденія за правильностью службы и исправностью казачьихъ отрядовъ, въ степи расположенныхъ, назначается, въ помощь къ военному губернатору, одинъ штабъ-офицеръ сибирскаго казачьяго войска. Наказный атаманъ этого войска, при изложенномъ порядкѣ инспектированія состоящихъ на дѣйствительной службѣ военныхъ отрядовъ и командъ въ киргизской степи военными губернаторами, частей сихъ уже не осматриваетъ, если на то не будетъ особаго приказанія генералъ-губернатора. Что же касается до внутренняго устройства водворенныхъ въ степи казачьихъ полковъ и ихъ управленій, то наказный атаманъ, какъ ближайшій начальникъ сибирскаго казачьяго войска, производитъ имъ инспекторскій смотръ на общемъ основаніи. (Положеніе о сибирскомъ казачьемъ войскѣ, 1861 года, §§ 71, 72 и 73).

Строительная часть въ степи, находящаяся въ военномъ управленіи, подчиняется военному же губернатору.

По части военнаго управленія вообще, при военномъ губернаторѣ состоитъ: старшій адъютантъ, оберъ-аудиторъ, штабъ-лекарь, которому подчиняется вся медицинская часть въ области, переводчикъ и канцелярія по штату. (Св. зак. изд. 1857 года, т. II, ч. II, глава II, ст. 488).

По части строительной при немъ находятся: инженерный офицеръ и кондукторы по штату. (Тамъ же ст. 489).

2. Управленіе войсковое.

(Положеніе о сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 года §§ 145, 148, 169, 189, 190, 218, 242, 248, 249, 250, 251, 254, 258, 259, 260, 267, 268, 273, 275, 276, 290, 292—296, 300—306, 309—347, 350—359, 367, 374 и 376).

Мѣстное управленіе войскомъ составляется изъ: а) войсковаго наказнаго атамана, б) начальника штаба, в) войсковаго дежурства, г) войсковаго управленія, д) прокурора, е) врачебной управы, ж) окружныхъ полковыхъ управленій.

а) *Войсковой наказный атаманъ* управляетъ войскомъ по части военной на правахъ начальника дивизіи, а по части гражданской въ качествѣ гражданскаго губернатора.

б) *Начальникъ штаба*, подъ главнымъ распоряженіемъ атамана, управляетъ непосредственно войсковымъ дежурствомъ и присутствуетъ въ войсковомъ правленіи.

в) *Войсковое дежурство*, завѣдывая собственно военною частью войска и руководясь въ этомъ отношеніи существующими военными постановленіями и положеніемъ о сибирскомъ казачьемъ войскѣ, всѣ распоряженія по предметамъ, входящимъ въ кругъ его занятій, дѣлаетъ не иначе, какъ съ разрѣшенія или отъ лица войсковаго наказнаго атамана.

г) *Войсковое правленіе*, какъ главное присутственное мѣсто сибирскаго казачьяго войска, управляетъ гражданскою частію сего войска, на основаніи общихъ узаконеній, для губернскихъ правленій и палатъ изданныхъ, и особыхъ правилъ, въ положеніи 1861 года обозначенныхъ.

д) *Войсковой прокуроръ* назначается генералъ-губернаторомъ Западной Сибири и утверждается министромъ юстиціи; его обязанности по исправленію должности опредѣляются узаконеніями о губернскихъ прокурорахъ.

е) Цѣль учрежденія *войсковой врачебной управы*, кромѣ сосредоточенія въ управленіи ея всей медицинской части сибирскаго казачьяго войска, заключается въ доставленіи скорѣйшаго разрѣшенія медицинскихъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію врачебныхъ управъ въ губерніяхъ. Такъ какъ въ степныхъ областяхъ Семипалатинской и сибирскихъ киргизовъ, и въ самомъ г. Омскѣ, не имѣется врачебной управы, и по отдаленности этихъ мѣстъ отъ губернскихъ городовъ отъ 600 до 800 верстъ, то вѣдомству войсковой врачебной управы подлежатъ всѣ дѣла сихъ областей, какія общими постановленіями должны окончательно разрѣшаться въ гу-

бернскихъ врачебныхъ управахъ. Въ войсковой врачебной управѣ, по дѣламъ сихъ вѣдомствъ, и въ особенности по постановленію общихъ мѣръ къ прекращенію повальныхъ болѣзней и скотскихъ падежей, присутствуютъ, въ качествѣ членовъ, старшій штабъ-лекарь, состоящій при военномъ губернаторѣ области сибирскихъ киргизовъ и омскій окружной врачъ, а также врачи военные, по усмотрѣнію генералъ-губернатора Западной Сибири. Члены войсковой врачебной управы опредѣляются генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, по сношенію съ медицинскимъ департаментомъ военнаго министерства. Управа, черезъ инспектора своего, имѣетъ надзоръ за способами леченія жителей по округамъ мѣстными медиками и фельдшерами. Къ одной изъ поименованныхъ въ положеніи 1861 года обязанностей войсковой врачебной управы относится физическое и топографическое описаніе земель сибирскаго казачьяго войска и прилегающихъ къ оному мѣстъ другихъ вѣдомствъ, особенно киргизской степи, областей сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинской, въ коихъ поселены казачьи станицы и выселки, съ подробнымъ изложеніемъ того, что наиболѣе входитъ въ часть врачебную. Въ случаяхъ появленія повальныхъ болѣзней въ станицахъ и выселкахъ сибирскаго казачьяго войска, управа поступаетъ по правиламъ, изложеннымъ во II книгѣ, III раздѣла, том. VIII, законовъ гражданскихъ изд. 1857 года. Медицинскія освидѣтельствованія, основанныя на знаніи анатоміи, физіологіи и другихъ медицинскихъ наукъ, и въ разныхъ случаяхъ, встрѣчающихся по дѣламъ суднымъ, гражданскимъ и уголовнымъ, не только по управленіямъ сибирскаго казачьяго войска, но и по *степнымъ областямъ* производитъ войсковая врачебная управа, и вообще въ случаяхъ чрезвычайныхъ члены ея, по распоряженію генералъ-губернатора Западной Сибири, могутъ быть отряжаемы и въ разныя губерніи и области Западной Сибири. Отъ генералъ-губернатора и атамана она получаетъ предписанія, отъ войсковаго правленія указы, относясь къ этимъ учрежденіямъ рапортами и донесеніями; съ прочими же мѣстами и лицами равными сносится сообщеніями.

Распредѣленіе и комплектованіе полковыхъ медиковъ и ветеринаровъ въ округи войска дѣлается управою. Одинъ изъ ветеринарныхъ врачей долженъ постоянно находиться въ станицѣ Кокчетавской. Ею же распредѣляются по станицамъ и фельдшера, обязанные подавать медицинское пособіе станичнымъ обывателямъ.

Остается упомянуть еще о томъ, что именно постановлено положе-

ніемъ 1861 года о сибирскомъ казачьемъ войскѣ, по части карантинной и по оспопрививанію.

По части карантинной опредѣлено: 1) чтобы, для своевременнаго принятія мѣръ къ пресѣченію скотскихъ падежей, каждое окружное полковое правленіе составляло карантинный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ окружнаго начальника, и 2) для надежнаго охраненія степныхъ областей отъ внесенія заразы изъ внутреннихъ округовъ Западной Сибири, и обратно изъ округовъ киргизской степи, постановляется правиломъ, чтобы всѣ сырыя скотскія произведенія перепускались за черту линіи и перегонялся скотъ не иначе, какъ только въ пунктахъ нахожденія окружныхъ правленій, съ надлежащимъ освидѣтельствованіемъ, и чтобы, при томъ, касательно извѣщенія сосѣдственныхъ мѣстъ о принятіи предосторожностей отъ заразы, соблюдались правила во 2 главѣ книги II, раздѣлъ VII, предписанныя.

По части оспопрививанія вотъ что говорится въ разбираемомъ нами положеніи:

Для распространенія въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ прививанія предохранительной оспы, при войсковой врачебной управѣ учреждается оспенный комитетъ, состоящій изъ старшаго члена войсковаго правленія, инспектора войсковой врачебной управы, войсковаго прокурора и старшаго священника войсковой Николаевской церкви. Предметы вѣдѣнія оспеннаго комитета суть: 1) приведеніе въ извѣстность по всему сибирскому казачьему войску числа малолѣтнихъ дѣтей, у коихъ не было еще оспы, и веденіе имъ правильнаго счета; 2) попеченіе, чтобы вездѣ знающими людьми прививаема была предохранительная оспа всѣмъ дѣтямъ безъ изъятія; 3) снабженіе прививателей оспенною матеріею и удобнѣйшими для сего дѣла инструментами; 4) наставленіе отъ медицинскихъ чиновъ желающимъ научиться оспопрививанію; 5) имѣть попеченія объ обученіи оспопрививанію казачьихъ малолѣтковъ, избранныхъ въ оспенные ученики; 6) приведеніе въ общую извѣстность надежныхъ способовъ сохранять оспенную матерію; 7) объясненіе отличительныхъ признаковъ оспы, по коимъ всякому можно оную распознать, въ случаѣ появленія ея на коровахъ.

Комитетъ наблюдаетъ также, чтобы оспопрививатели исполняли свою обязанность безъ всякаго упущенія, чтобы оспопрививаніе производилось неослабно по всѣмъ округамъ и *чтобы во всякое время года можно было имѣть оспенную матерію.* Заботится онъ также и о принятіи

приличныхъ мѣръ къ уничтоженію предразсудковъ противъ прививанія оспы. Комитетъ пользуется канцелярскими служителями, а равно и припасами отъ войсковой врачебной управы.

Раздѣленіе войска на округи, по оспопрививанію, между полковыми медиками, предоставляется войсковой врачебной управѣ. Полковые медики наблюдаютъ за успѣшнымъ распространеніемъ оспопрививанія, и для того они должны объѣзжать ввѣренный каждому изъ нихъ округъ непремѣнно одинъ разъ въ каждую треть года. При этихъ объѣздахъ они обязаны обращать вниманіе, чтобы оспопрививатели имѣли у себя достаточный запасъ оспенной матеріи должнаго качества, а въ случаѣ недостатка или бездѣйствія ея, своевременно доносили бы имъ объ этомъ; чтобы они исполняли должность свою съ усердіемъ и обходились съ дѣтьми и родителями ихъ благосклонно, и отнюдь не вымогали бы себѣ отъ послѣднихъ никакой платы; о жалобахъ же жителей на оспопрививателей медики доносятъ оспенному комитету.

Оспенные ученики изъ казачьихъ дѣтей, знающихъ читать и писать, должны быть обучены оспопрививанію у медиковъ, при лазаретахъ находящихся. Выборъ ихъ предоставляется окружнымъ начальникамъ, согласно примѣчанію къ статьѣ 984 т. XIII св. учрежд. и устав. врачебн. изданія 1857 года. При распредѣленіи оспенныхъ учениковъ по полковымъ округамъ, наблюдается, чтобы при каждомъ станичномъ правленіи находился одинъ ученикъ.

Оспенные ученики пользуются слѣдующими преимуществами: 1) во время нахожденія въ должностяхъ освобождаются отъ всѣхъ натуральныхъ повинностей; 2) по уваженію ихъ всегдашней отлучки отъ хозяйственныхъ занятій, имъ отпускается узаконенная дача провіанта на счетъ станичныхъ общественныхъ суммъ; 3) оспопрививательные инструменты заводятся на счетъ тѣхъ же суммъ; 4) при разъѣздахъ по станицамъ для оспопрививанія имъ дается по одной одноконной подводѣ и отводится квартира; 5) оспенные ученики, оказавшіе болѣе усердія въ оспопрививаніи, производятся, по представленію медиковъ, въ урядники или имъ испрашиваются въ награду серебряныя и золотыя медали.

Независимо отъ оспенныхъ учениковъ, согласно ст. 985, т. XIII св. учрежд. и устав. врач. издан. 1857 года, позволяется въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ прививать предохранительную оспу всякому, кто, по испытанію врачей, признается имѣющимъ потребныя для сего свѣдѣнія и получитъ отъ нихъ въ томъ свидѣтельство. Лица эти обязаны прививать

оспу не иначе, какъ получаемою отъ лекарей матеріею, и доносить имъ всегда о своихъ дѣйствіяхъ по порядку, въ ст. 986 того же тома св. законовъ установленному.

Вотъ сколько принято правительствомъ мѣръ къ успѣшному ходу оспопрививанія, а какъ подъ вліяніемъ этихъ мѣръ идетъ дѣло въ областныхъ селеніяхъ, видно было выше.

ж). *Окружныхъ правленій* столько, сколько полковыхъ округовъ, т. е. 12. Каждое правленіе составляется изъ предсѣдателя, окружнаго начальника, изъ 3 засѣдателей отъ чиновниковъ и одного изъ казаковъ. Первые избираются изъ войсковыхъ штабъ-офицеровъ атаманомъ и, по представленію генералъ-губернатора Западной Сибири, утверждаются въ своихъ званіяхъ Высочайшими приказами. Засѣдатели опредѣляются: три изъ оберъ-офицеровъ, отставныхъ или служащихъ, по общимъ правиламъ о выборахъ, и одинъ отъ казаковъ—всѣ четыре на три года, и, по представленію атамана, утверждаются въ этихъ званіяхъ генералъ-губернаторомъ. Канцелярію каждаго окружнаго правленія составляютъ: секретарь и 3 столоначальника, съ опредѣленнымъ по штату числомъ писарей. Секретарь и столоначальники назначаются, изъ оберъ-офицеровъ или способныхъ урядниковъ, окружными начальниками и утверждаются атаманомъ.

При каждомъ окружномъ правленіи состоитъ словесный судъ, дѣйствующій на основаніи гражданскихъ законовъ.

Главную обязанность окружныхъ правленій составляютъ законное огражденіе правъ личности и по имуществу каждаго отъ произвола и насилія, и скорое доставленіе правосудія жительствующимъ въ округахъ казакамъ. Завѣдывая въ совокупности военною и гражданскою частями, окружныя правленія состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи: войсковаго военнаго начальства—по части военной, а по части гражданской—войсковаго правленія.

Такъ какъ въ области сибирскихъ киргизовъ находится два полковыхъ казачьихъ округа, и такъ какъ между полковыми окружными правленіями и приказами происходятъ непрерывныя, порождающія немаловажное зло для областныхъ жителей, столкновенія, проистекающія, надобно полагать, отъ неточнаго разграниченія правъ и обязанностей этихъ двухъ учрежденій, то здѣсь будетъ умѣстно войдти въ подробное перечисленіе обязанностей окружныхъ правленій.

По части военной или инспекторской эти обязанности состоятъ:

въ исправномъ содержаніи приказовъ и узаконеній по военной части, а также именныхъ списковъ: служащимъ штабъ- и оберъ-офицерамъ по старшинству, служащимъ урядникамъ и писарямъ по производству и по станицамъ, нижнимъ чинамъ полевой и внутренней службы по станицамъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ, имѣющимъ ордена и знаки отличія, отставнымъ штабъ- и оберъ-офицерамъ и казакамъ по станицамъ,—въ представленіи наказному атаману: мѣсячныхъ рапортовъ о состояніи округа *), годоваго отчета о прибыли и убыли людей, формулярныхъ и кондуитныхъ списковъ о служащихъ штабъ- и оберъ-офицерахъ, въ содержаніи въ исправности очередныхъ списковъ штабъ- и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ полевой и внутренней службы, въ нарядѣ на службу очередныхъ командъ вообще, чиновниковъ и казаковъ, отдѣльно,—въ перепискѣ по увольненію на льготу чиновниковъ и казаковъ и наблюденіе за сроками этихъ увольненій,—въ составленіи годовыхъ вѣдомостей о малолѣткахъ, въ требованіяхъ и разсылкѣ по станицамъ пороха и свинца, для обученія малолѣтковъ, и нѣкоторыя другія (опредѣленныя § 336 положенія 1861 года).

По части полицейской обязанности окружныхъ правленій заключаются: въ обнародованіи указовъ и постановленій правительства, въ учрежденіи опекъ и наблюденіи за ихъ дѣйствіями, въ принятіи мѣръ противъ прилипчивыхъ болѣзней и скотскаго падежа, въ распоряженіяхъ: 1) по описи, оцѣнкѣ, наложенію запрещеній на имѣнія, публичной продажѣ ихъ, по требованію присутственныхъ мѣстъ или по предписанію начальства; 2) по вызовамъ къ торгамъ, поставкамъ и подрядамъ; 3) при переходѣ воинскихъ командъ, рекрутскихъ партій, арестантовъ и казенныхъ транспортовъ чрезъ земли, находящіяся въ раіонѣ округа; въ собраніи подробныхъ свѣдѣній о народонаселеніи и составленіи статистическихъ таблицъ объ округѣ; въ перепискѣ о переселеніи и причисленіи къ станицамъ постороннихъ людей; въ надзорѣ за исправностію дорогъ, гатей, мостовъ и переправъ, находящихся въ предѣлахъ округа; въ наблюденіи за всегдашнею уравнительностію отбыванія, какъ жителями станицъ вообще, такъ и лично каждымъ, земской повинности, по правиламъ о земскихъ повинностяхъ войска; въ наблюденіи за правильностію строенія въ станицахъ и выселкахъ. Вообще, такъ какъ все народонаселеніе войска состоитъ изъ людей къ оному причисленныхъ, го-

*) Мѣсячные рапорты составляются по формѣ Высочайше утвержденной 21 мая 1857 года и приложенной къ приказу военнаго министра 30 мая № 149.

ворится въ положеніи 1861 года, то обязанности земской полиціи возлагаются въ округахъ на окружныя правленія, а въ станицахъ на станичныя, кромѣ однако Петропавловска, Омска, Семипалатинска и Корякова, гдѣ, для единства дѣйствій городской полиціи, казачьи форштаты подчиняются надзору общей городской полиціи по благоустройству; внутренняя же полицейская расправа между казаками предоставляется войсковому начальству. «Тоже самое», добавляетъ положеніе 1861 года, «относится и къ казачьимъ жителямъ тѣхъ станицъ 1, 2 и 10 округовъ, кои поселены въ мѣстахъ нахожденія внѣшнихъ окружныхъ приказовъ, которые исполняютъ тамъ обязанности земской полиціи».

По части хозяйственной обязанности окружнаго правленія состоятъ: въ распоряженіяхъ по сбору, храненію и употребленію станичныхъ доходовъ, въ попеченіи объ увеличеніи станичныхъ доходовъ открытіемъ новыхъ къ тому источниковъ, охраненіи неприкосновенности станичныхъ границъ, въ надзорѣ за правильнымъ распредѣленіемъ станичныхъ земель и пользованіемъ ихъ, въ распоряженіяхъ по отдачѣ станичныхъ запасныхъ земель, рыболовныхъ мѣстъ и другихъ угодій въ оброчное содержаніе; въ разныхъ мѣропріятіяхъ къ поощренію и покровительству мѣстной торговли, промышленности и ремеслъ, въ попеченіи объ обезпеченіи народнаго продовольствія на случай неурожаевъ хлѣба, а также въ заботливости о распространеніи въ округѣ хлѣбопашества и скотоводства.

По части судебной окружному правленію принадлежитъ производство и рѣшеніе слѣдственныхъ, исковыхъ, тяжебныхъ, уголовныхъ и прочихъ гражданскихъ дѣлъ. Въ порядкѣ ихъ производства правленія примѣняются къ правиламъ, предписаннымъ для окружныхъ, сыскныхъ и судныхъ начальствъ войска донскаго, и окружныхъ приказовъ областей сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинской. Дѣла исковыя и тяжебныя, прежде начатія ихъ порядкомъ общаго судопроизводства, поступаютъ предварительно на словесное разбирательство постороннихъ людей, избранныхъ обѣими тяжущимися сторонами, по одному или по два съ каждой, гдѣ и оканчиваются примирительнымъ разбирательствомъ, по правиламъ, установленнымъ въ землѣ войска донскаго. Отъ тяжущихся сторонъ зависитъ, сверхъ опредѣленнаго выше числа судей, выбрать общаго посредника, и тогда этотъ словесный судъ, изъ 3 или 5 лицъ составленный, будетъ уже состоять на правилахъ суда третейскаго. Рѣшеніе его считается окончательнымъ, жалобы на него нигдѣ не пріемлются и дѣло судебнымъ порядкомъ нигдѣ не разсматривается.

По всѣмъ дѣламъ суднымъ, гражданскимъ и уголовнымъ, для казаковъ первую степень суда составляютъ окружныя правленія, подчиненныя войсковому правленію, какъ второй степени суда, въ порядкѣ судопроизводства и въ порядкѣ апелляціи или рѣшеній. Жалобы недовольныхъ распоряженіями войсковаго правленія, по дѣламъ исковымъ и тяжебнымъ, въ порядкѣ судопроизводства, рѣшаются окончательно въ совѣтѣ главнаго управленія Западной Сибири, по большинству голосовъ, утвержденному генералъ-губернаторомъ. Въ порядкѣ апелляціи и ревизіи, мнѣнія и рѣшенія окружныхъ правленій восходятъ на рѣшенія войсковаго правленія по принадлежности, которое и оканчиваетъ дѣла тяжебныя и уголовныя на правахъ судовъ 2-й степени, подчиняясь съ своей стороны правительствующему сенату. Если, при рѣшеніи уголовнаго дѣла въ войсковомъ правленіи, наказный атаманъ не согласенъ съ положеннымъ правленіемъ рѣшеніемъ, дѣло вносится въ совѣтъ главнаго управленія, гдѣ, какъ уже сказано, рѣшается большинствомъ голосовъ; но еслибы съ этимъ большинствомъ генералъ-губернаторъ не согласился, тогда дѣло поступаетъ въ правительствующій сенатъ.

По существу дѣлъ военнаго управленія и для большей скорости исполненія ихъ, дѣла эти разсматриваются и исполняются окружными начальниками, не подвергаясь общему сужденію присутствій окружныхъ правленій; по этимъ дѣламъ наказный атаманъ даетъ предписанія окружнымъ начальникамъ прямо отъ себя, и прямо отъ нихъ получаетъ донесенія.

3) *Станичныя управленія*, подъ предсѣдательствомъ станичныхъ начальниковъ, составляютъ двое судей въ каждомъ. Какъ судьи (отставные урядники или казаки), такъ и станичный начальникъ (отставной офицеръ или старшій урядникъ) назначаются къ исправленію должностей по выбору станичныхъ обществъ, срокомъ на три года. Опредѣленіе ихъ и увольненіе зависитъ отъ войсковаго наказнаго атамана. Станичные начальники, не имѣющіе офицерскихъ чиновъ, признаются въ чинѣ хорунжаго на все время, пока находятся въ должностяхъ. При станичныхъ управленіяхъ, для производства дѣлъ, полагается по одному писарю въ каждомъ.

Станичныя управленія составляютъ мѣстную исполнительную власть, дѣйствующую на пространствѣ каждой станицы. Завѣдывая и военною и гражданскою частями, станичныя управленія подчиняются непосредствен-

но окружнымъ правленіямъ, исполняютъ всѣ ихъ предписанія и обязываются представлять имъ полную отчетность о всемъ требуемомъ.

Въ выселкахъ, для завѣдыванія хозяйственными дѣлами и исполненія распоряженій станичнаго управленія, а равно и для разбора маловажныхъ жалобъ и ссоръ между обывателями, назначаются, въ каждомъ, приказный и десятскіе, избираемые обывателями изъ внутренне-служащихъ или отставныхъ урядниковъ и казаковъ, срокомъ на одинъ годъ, и утверждаемые станичнымъ управленіемъ. Послѣднимъ, также какъ и приказнымъ, подчиняются всѣ урядники и казаки, равно и всѣ посторонніе проживающіе въ станицахъ, не исключая (въ отношеніи къ полицейскимъ обязанностямъ) и чиновниковъ.

Въ отношеніи къ лицамъ служащимъ, управленія дѣйствуютъ съ властію частныхъ военныхъ управленій, а къ отставнымъ и разночинцамъ съ правами земской полиціи.

На обязанности станичныхъ управленій лежитъ: охраненіе неприкосновенности станичнаго имущества и границъ отъ поврежденія и захвата, неусыпное попеченіе объ улучшеніи и умноженіи станичныхъ выгодъ и доходовъ, охраненіе личнаго права каждаго жителя станицы на поземельныя довольствія, пресѣченіе обидъ, притѣсненій и т. п., наблюденіе за правильнымъ производствомъ торговли въ станицахъ иногородными лицами, попеченіе о станичныхъ школахъ, наблюденіе, дабы ссыльно-поселенцы отнюдь не проживали въ станицахъ, перепись малолѣтковъ, исправное составленіе и содержаніе именныхъ и очередныхъ списковъ, метрическихъ, штрафныхъ и другихъ книгъ, наряды людей на работы по исправленію дорогъ, мостовъ и проч., для препровожденія арестантовъ, отводъ квартиръ и дача подводъ для проходящихъ разнаго рода командъ. Для облегченія обязанностей по управленію станицами, станичныя управленія, по части благоустройства въ станицахъ, поручаютъ станичнымъ судьямъ, одному—часть полицейскую, другому—хозяйственную.

Выселковый приказный вообще за внутренними, хозяйственными и полицейскими дѣлами выселка наблюдаетъ какъ ближайшій начальникъ.

Для обсужденія дѣлъ, касающихся цѣлой станицы, установляются станичный или общій сходъ и частный, а для обсужденія дѣлъ выселковъ—выселковый. Послѣдніе собираются по приглашенію приказныхъ, а станичные сходы по извѣщенію станичныхъ управленій. На сходахъ, какъ частныхъ, такъ и общихъ, станичный начальникъ съ судьями, а въ вы-

селкахъ, приказный, управляютъ сходомъ, т. е. предлагаютъ на обсужденіе вопросы и наблюдаютъ за порядкомъ.

Общіе станичные сходы бываютъ три раза въ годъ: въ началѣ января, весною, передъ покосомъ, и осенью, въ сентябрѣ или октябрѣ, и продолжаются не болѣе 5 дней.

Въ случаяхъ какой-либо важной общественной надобности, полный сходъ можетъ быть назначенъ и болѣе 3-хъ разъ въ годъ, по особой повѣсткѣ всѣхъ обывателей станицы, о чемъ доносится, чрезъ окружныя правленія, атаману.

Частные станичные сходы бываютъ ежемѣсячно въ первое воскресенье наступившаго мѣсяца.

Къ присутствію на полномъ станичномъ сходѣ допускаются жители станицы и выселковъ, имѣющіе право голоса, именно: служащіе и отставные чиновники, довольствующіеся въ станичномъ юртѣ на общественномъ правѣ, урядники и казаки, хозяева домовъ, а въ небытность ихъ—старшіе сыновья по одному изъ семейства, каждый не моложе 21 года отъ роду. Люди порочные, равно замѣченные въ сварливомъ характерѣ, не допускаются на сходы. Обсужденію сходовъ подлежатъ: всѣ хозяйственныя дѣла казаковъ по поземельному довольствію, сбереженію и приращенію станичныхъ суммъ, въ употребленіи которыхъ судьи и станичный начальникъ даютъ отчетъ; дѣла по назначенію вспомоществованія потерпѣвшимъ разореніе, по охраненію станицъ отъ пожаровъ и проч., а также всѣ дѣла по выборамъ въ разныя общественныя должности, по опредѣленію мѣры взысканія съ обывателей за дурное поведеніе, воровство, пьянство, нерадѣніе къ хозяйству и тому подобное.

Общіе станичные сходы считаются только тогда дѣйствительными, когда въ нихъ будетъ участвовать не менѣе ⅔ изъ всего числа домохозяевъ.

Всякое рѣшеніе станичныхъ сходовъ, соединенное съ превышеніемъ власти или постановленное неправильно и незаконно, по дошедшему о томъ до окружнаго правленія свѣдѣнію, или по представленію онаго на рѣшеніе, какъ недѣйствительное, уничтожается властью окружнаго правленія, и станичное управленіе, обязанное руководить сходами, подвергается, за допущеніе подобныхъ рѣшеній, отвѣтственности.

Дѣлопроизводство станичныхъ управленій должно заключать въ себѣ: 1) письмоводство по перепискѣ съ окружными правленіями и другими мѣстами и лицами, по предметамъ управленія станицами; 2) счетоводство

по содержанію приходо-расходныхъ книгъ; 3) представленіе окружнымъ правленіямъ срочныхъ свѣдѣній и отчетовъ и 4) веденіе приговоровъ по дѣламъ, подлежащимъ вѣдомству станичныхъ управленій, по судебному уставу, для управленія станицъ войска донскаго предписанному.

Сибирское казачье войско, какъ уже сказано, раздѣляется на 12 полковъ. Два изъ нихъ, первый и второй, входятъ въ составъ осѣдлаго населенія области, занимая, между киргизскими кочевьями, земли, отведенныя въ предѣлахъ кокчетавскаго, атбассарскаго и акмоллинскаго округовъ, а въ двухъ восточныхъ округахъ: баянъ-аульскомъ и каркараллинскомъ поселены казаки, числящіеся въ составѣ 7-го полковаго округа, штабъ котораго находится на линіи, въ г. Павлодарѣ.

Для опредѣленія границъ войсковыхъ земель и внутренняго ихъ размежеванія учреждена въ войскѣ временная межевая партія (14 ноября 1850 года). Мѣра поземельныхъ довольствій, по примѣру донскаго войска, опредѣляется слѣдующая: генералу 1,600 десятинъ; полковнику, награжденному при отставкѣ чиномъ генералъ-маіора, 800 десятинъ штабъ-офицеру 400; оберъ-офицеру 200 десятинъ; казаку 30 десятинъ; и каждому церковному причту станичныхъ церквей 99 десятинъ способной къ хлѣбопашеству и скотоводству земли. (Положеніе 1861 года о сибирскомъ казачьемъ войскѣ). Вышеприведенныя пропорціи отводятся тамъ, гдѣ представится къ тому возможность; въ случаѣ же недостатка земель, пропорціи эти могутъ быть уменьшены до половины (тамъ же). Поземельныя довольствія отводятся каждому полковому округу по числу чиновниковъ войсковаго сословія, казаковъ и церковныхъ причтовъ, гдѣ они существуютъ (§ 495). Сверхъ того каждому полковому округу прирѣзывается 24,000 десятинъ, или менѣе, смотря по возможности, въ запасъ на увеличивающееся народонаселеніе и для войсковыхъ хозяйственныхъ заведеній (§ 496). Изъ земель полковаго округа отмежевывается каждой станицѣ подлежащее количество угодій, на томъ же основаніи (§ 497). Земли запасныя въ полковыхъ округахъ, предназначаемыя для будущихъ надѣловъ, отдаются въ оброчное содержаніе, по распоряженію войсковаго правленія, и выручаемыя за то деньги поступаютъ въ войсковой доходъ (§ 498). Затѣмъ въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ, по предмету поземельнаго довольствія вообще, пріемлются въ руководство правила, предписанныя для войска донскаго во II главѣ I раздѣла тома XII, о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, сводъ законовъ изданія 1857 года; относительно же надѣленія чиновниковъ и ихъ семействъ поземельными участ-

ками, примѣняются правила, Высочайше утвержденныя для войска донскаго 10 апрѣля 1858 года, съ тѣмъ, что участки эти отводятся не срочно, а пожизненно (тамъ же § 499).

Таковы общія положенія о поземельномъ надѣлѣ, выраженныя въ положеніи о сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 года.

Относительно же надѣла землею частей войска казачьяго, водворенныхъ въ степныхъ областяхъ Семипалатинской и Сибирскихъ киргизовъ, § 493-й названнаго положенія говоритъ, что надѣлъ этотъ долженъ быть произведенъ по особому распоряженію генералъ-губернатора Западной Сибири, въ количествѣ и размѣрѣ такихъ, какіе представятъ мѣстныя удобства.

Неизвѣстно, когда приступитъ къ этому надѣлу межевая партія, а также какія правила будутъ положены въ основаніе при опредѣленіи размѣровъ надѣла степныхъ поселенцевъ поземельными угодьями; одно только должно замѣтить: какія бы ни были эти правила, лишь бы только явилась въ степи точная нарѣзка, лишь бы только былъ устраненъ теперешній произволъ въ присвоиваніи себѣ правъ на поземельную собственность, и за это кочевое населеніе будетъ премного благодарно, потому что оно уже давно примирилось съ мыслію о необходимости навсегда разстаться съ своимъ правомъ на многія изъ лучшихъ своихъ угодій. Не помирились съ такою мыслію одни басентеинскіе и нѣкоторые другіе близъ-линейные киргизы, но это только по той ничтожной причинѣ, что имъ негдѣ больше жить, какъ при Иртышѣ. Какъ однако ни желательно скорое введеніе въ области сибирскихъ киргизовъ нѣкотораго порядка въ дѣлѣ владѣнія поземельною собственностію, осуществленія этого важнаго дѣла, судя по дѣйствіямъ здѣшней межевой партіи, можно ожидать въ далекомъ будущемъ. Къ нарѣзкѣ земли въ степи до сихъ поръ еще нигдѣ не приступали; опредѣлить, хотя бы и приблизительно, пространство находящихся въ области сибирскихъ киргизовъ полковыхъ округовъ и земель восточныхъ казачьихъ селеній—невозможно, и потому ограничиваемся представленіемъ одного состава 2-хъ степныхъ полковъ и части 7-го. Свѣдѣнія, помѣщенныя въ слѣдующей таблицѣ, взяты изъ отчета войсковаго правленія за 1863 годъ.

Названіе округовъ Сибирскаго казачьяго войска.	НАЗВАНІЕ СТАНИЦЪ.	Число дворовъ.	ЧИСЛО ДУШЪ. Казачьяго сословія. Мужескаго пола.	Казачьяго сословія. Женскаго пола.	Казачьяго сословія. ИТОГО.	Другихъ сословій. Мужескаго пола.	Другихъ сословій. Женскаго пола.	Другихъ сословій. ИТОГО.	ВСЕГО.	Какія управленія и учрежденія находятся въ чертѣ казачьихъ селеній.
Первый полковой округъ	Ст. Кокчетавская . . .	331	592	612	1,204	168	103	271	1.475	Окружное правленіе и Станичное.
	— Котуркульская . . .	158	517	515	1,032	40	9	49	1,081	Станичное правленіе.
	Выс. Щучинскій . . .	109	457	471	928	14	4	18	946	— —
	Ст. Чалкарская	177	673	601	1,274	9	9	18	1,292	Станичное правленіе.
	Выс. Аиртавскій . . .	106	460	411	871	5	2	7	878	— —
	Ст. Лобановская . . .	135	548	460	1,008	4	3	7	1,015	Станичное правленіе.
	Выс. Имантовскій . . .	164	737	582	1,319	3	4	7	1.326	— —
	Ст. Арыкъ-балыкская . .	184	666	618	1,284	30	20	50	1,334	Станичное правленіе.
	— Нижнебурлукская . .	124	514	448	962	—	—	—	962	Станичное правленіе.
	— Верхнебурлукская . .	79	322	273	595	—	—	—	595	— —
	Итого . .	1,567	5,486	4,991	10,477	273	154	427	10,904	

Названіе округовъ Сибирскаго казачьяго войска.	НАЗВАНІЕ СТАНИЦЪ.	Число дворовъ.	ЧИСЛО ДУШЪ. Казачьяго сословія. Мужескаго пола.	Женскаго пола.	ИТОГО.	Другихъ сословій. Мужескаго пола.	Женскаго пола.	ИТОГО.	ВСЕГО.	Какія управленія и учрежденія находятся въ чертѣ казачьихъ селеній.
Второй	Ст. Атбассарская . . .	295	822	784	1,606	47	14	61	1,667	Окружноеправленіе, полковое казначейство, станичное правленіе.
полковой	— Акканъ-бурлукская . Выс. Яхши-янгызтавскій .	221	952	815	1.757	6	4	10	1,767	Станичное правленіе.
	Ст. Зерендинская . . . Выс. Алдабульскій. . .	106	537	462	999	1	—	1	1,000	— —
	Ст. Сандыктавская. . .	164	572	524	1,096	—	—	—	1,096	Станичное правленіе.
округъ.	— Акмоллинская . . .	167	478	454	932	—	—	—	932	Станичное правленіе.
	Итого . .	953	3,361	3,029	6,390	54	18	72	6,462	
Часть 7-го полковаго округа.	Ст. Баянъ-аульская . .	44	180	97	277	21	27	48	325	Станичное правленіе.
	— Каркаралинская . .	140	234	204	438	18	15	33	471	Станичное правленіе.
	Итого . .	184	414	301	715	39	42	81	796	
	Всего въ области . .	2,704	9,261	8,321	17,582	366	214	580	18,162	

ГЛАВА VII.

Свѣдѣнія о селеніяхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстахъ въ области сибирскихъ киргизовъ.

Населенные пункты степи составляютъ казачьи станицы и выселки. Сюда же можно причислить еще заводы, русскія укрѣпленія и посты, пикеты или станціи и всѣ киргизскія зимовки.

Послѣднія обыкновенно не считаются населенными пунктами; мы однако будемъ ихъ считать такими, и съ нихъ именно начнемъ эту главу, а окончимъ ее описаніемъ нѣкоторыхъ разсѣянныхъ по областной площади памятниковъ древности.

А) Киргизскія зимовки.

Число отдѣльныхъ владѣльцевъ скота или имущества, съ котораго платится ясакъ, болѣе или менѣе вѣрно извѣстно окружнымъ приказамъ; но число отдѣльныхъ владѣльцевъ земли совсѣмъ неизвѣстно, даже приблизительно. Приказы знаютъ только, сколько обстроенныхъ зимовокъ; но и эти свѣдѣнія въ разныхъ округахъ, имѣя слишкомъ различную степень полноты, ни въ одномъ изъ нихъ не отличаются большою вѣрностію, по той причинѣ, что свѣдѣнія доставляются волостными правителями, требующими ихъ отъ аульныхъ старшинъ, провѣрять показанія которыхъ не вездѣ одинаково удобно, а иной разъ и невозможно; наконецъ, бываетъ, что и сами аульные старшины не знаютъ о возводимыхъ ввѣренными ихъ управленію киргизами постройкахъ, или не понимаютъ, о какихъ домахъ приказы запрашиваютъ ихъ. Вообще дѣло собиранія этого рода свѣдѣній ведется въ степи чрезвычайно небрежно, и изъ отчетныхъ цифръ окружныхъ приказовъ положительно нельзя вывести никакихъ вѣрныхъ заключеній о ходѣ домостроительности у киргизовъ. Но какъ другихъ свѣдѣній нѣтъ, то приводимъ эти данныя въ томъ видѣ, въ какомъ они являются въ губернаторскихъ отчетахъ пяти послѣднихъ лѣтъ (съ 1859 по 1864 годъ).

ГОДЫ.	НАЗВАНІЕ ОКРУГОВЪ.	Числилось у киргизовъ домовъ.			ВСЕГО.	Примѣчанія.
		Деревянныхъ.	Каменныхъ.	Землебитнаго кирпича.		
	Кокчетавскій				481	
	Атбассарскій.				160	
1859.	Акмоллинсскій	Въ отчетѣ не обозначено.			983	
	Баянъ-аульскій				108	
	Каркараллинскій. . . .				65	
	Итого . .	—	—	—	4,797	
	Кокчетавскій				487	
	Атбассарскій.				161	
1860.	Акмоллинскій	Не обозначено.			1,044	
	Баянъ-аульскій				1,071	
	Каркараллинскій . . .				87	
	Итого . .	—	—	—	2,850	
	Кокчетавскій				495	
	Атбассарскій				162	
1861.	Акмоллинскій	Не обозначено.			4,654 (*)	
	Баянъ-аульскій				1,213	
	Каркараллинскій . . .				90	
	Итого . .	—	—	—	6,614	
	Кокчетавскій	587	—	—	587	
	Атбассарскій	16	7	—	23	
1862.	Акмоллинскій	994	50	3,244	4,288	
	Баянъ-аульскій	58	823	2,000	2,881	
	Каркараллинскій . . .	23	81	—	104	
	Итого . .	1,678	961	5,244	7,883	
	Кокчетавскій	612	—	—	612	
	Атбассарскій.	23	2	—	25	
	Акмоллинскій	1,286	50	3,932	5,268	
	Баянъ-аульскій	86	307	3,253	3,646	
	Каркараллинскій . . .	86	96	—	105	
	Итого . .	2,016	455	7,185	9,656	

(*) Въ томъ числѣ 3,610 землянокъ.

Обративъ вниманіе на цифры послѣдней графы, замѣчаемъ необыкновенно быстрое ихъ возрастаніе. Въ 1863 году число домовъ у областныхъ киргизовъ становится въ 5 разъ болѣе, нежели ихъ показано было четыре года назадъ. Произошло это, конечно, не потому, чтобы дѣйствительно такъ быстро подвигалось впередъ домостроительство между киргизами, но потому, что отчетныя цифры съ каждымъ годомъ становятся ближе и ближе къ истинѣ, что опять-таки происходитъ не отъ того, чтобы нашлись какіе-либо способы добывать болѣе точныя свѣдѣнія, но отъ того, что прочитывающему отчеты высшему начальству всегда пріятно замѣчать у киргизовъ проявленіе охоты къ домостроительству, проявленіе возможности двигаться по этой части. Въ отношеніи къ деревяннымъ постройкамъ отчетныя цифры можетъ быть еще и приблизительно вѣрно усиливаются.

Непонятно только, отчего въ нѣкоторыхъ округахъ (каркаралинскомъ 1862 и 1863 года) число киргизскихъ домовъ, вмѣсто того, чтобы увеличиваться, уменьшается. Въ отношеніи же каменныхъ домовъ и землянокъ, цифры отчетовъ положительно никуда не годятся: онѣ сильно малы противу дѣйствительности, и ежели бы окружные приказы не постепенно, а сразу увеличили ихъ впятеро, ошибки бы не сдѣлали; напротивъ, этимъ они, по крайней мѣрѣ, уничтожили бы то невѣрное понятіе о ходѣ домостроительства, которое обыкновенно составляется по отчетнымъ даннымъ. Возьмемъ для примѣра свѣдѣнія атбассарскаго приказа о киргизскихъ постройкахъ. Въ 1862 году показано въ округѣ киргизскихъ домовъ: 16 деревянныхъ и 7 каменныхъ; въ 1863 году первыхъ было 23, послѣднихъ только 2, а землянокъ вовсе не обозначено. Въ годовомъ отчетѣ не объяснено, почему число каменныхъ домовъ уменьшилось съ 7-ми до 2-хъ. Это вѣроятно тѣ два, довольно исправные и для азіятца-дикаря очень хорошо меблированные дома, которые принадлежатъ атбассарскимъ богачамъ, Багалы Сандыбаеву и хорунжему Ирденю. Оба дома стоятъ на лѣвомъ берегу р. Кара-Кингирь: одинъ (Сандыбаева) верстахъ въ 4-хъ южнѣе могилы Джансейтъ, другой у самаго устья впадающей въ Кингирь рѣчки Караганды. Здѣсь живетъ Ирдень съ первою женою. Домъ сложенъ изъ дикаго камня, стѣны 4-хъ комнатъ оштукатурены, оклеены обоями, въ окнахъ рамы со стеклами, при дворѣ есть *баня*, хорошіе крытые загоны и проч. Такихъ построекъ у киргизовъ атбассарскаго округа, разумѣется, немного. Въ большей части изъ нихъ нѣтъ или обоевъ на стѣнахъ, или досчатой настилки внутри комнатъ, или окна

безъ стеколъ, или крыша каждую осень настилается новая и т. д.; но все это не причины, почему бы постройки эти не считать въ числѣ показываемыхъ отчетами каменныхъ киргизскихъ домовъ. Немного южнѣе только что описаннаго дома виднѣется почти совершенно такой же домъ 2-й жены Ирденя. Почему онъ не попалъ въ отчетъ атбассарскаго приказа за 1863 годъ — неизвѣстно; можетъ быть именно потому, что въ немъ вмѣсто 4-хъ только 2 комнаты.

Во время пребыванія въ кочевьяхъ атбассарскаго округа, въ 1862 году, намъ пришлось насчитать въ одномъ кара-кингирскомъ бассейнѣ, по крайней мѣрѣ, 100 киргизскихъ домовъ, сложенныхъ изъ дикаго камня или землебитнаго кирпича; между тѣмъ въ отчетѣ окружнаго приказа за этотъ годъ ихъ показано въ цѣломъ округѣ, какъ показываетъ таблица, всего 7, а въ 1863 году только два. Мы взяли округъ, въ которомъ подобнаго рода ошибочныя показанія не должны казаться удивительными, во-первыхъ потому, что атбассарскій приказъ, начавъ дѣйствовать всего съ 1859 года (съ октября), не успѣлъ еще хорошо ознакомиться съ домообзаводствомъ своихъ киргизовъ, во-вторыхъ онъ слишкомъ удаленъ отъ южныхъ кочевниковъ (баганалинцевъ), а разъѣзжать по ауламъ киргизскимъ зимою вообще приходится рѣдко, да наконецъ и при частыхъ разъѣздахъ, положимъ, представляется нѣкоторая возможность достичь нѣкоторой вѣрности цифръ, но только нѣкоторой, потому что совсѣмъ не съ этою цѣлью предпринимаются столь затруднительныя зимнія передвиженія чиновниковъ и толмачей. По этой послѣдней причинѣ и отчетныя цифры прочихъ округовъ, хотя, вѣроятно, и не такъ громадно-ошибочны, какъ атбассарскія, но все-таки ихъ должно считать сильно невѣрными, въ особенности по обозначенію такихъ незначительныхъ построекъ, какъ землянки *). Есть въ степи дѣйствительно немало такихъ зимовокъ, все обзаведеніе которыхъ состоитъ изъ большихъ кучъ заготовленнаго къ зимѣ тезека, изъ нѣсколькихъ копенъ сѣна — и все; ихъ число годъ отъ году, должно полагать, уменьшается, т. е. на нихъ постепенно устраиваются землянки, или изъ землебитнаго кирпича сложенныя избы и другія постройки; но ежели бы и не было этого, гораздо полезнѣе приблизительно знать все число, хотя бы и необстроенныхъ, отдѣльныхъ зимовокъ, нежели невѣрное число киргизскихъ домовъ,

*) Полученныя нами въ 1863 году отъ волостныхъ толмачей свѣдѣнія не приводимъ, потому что они сильно противорѣчатъ отчетнымъ цифрамъ.

на нихъ построенныхъ. Свѣдѣнія по послѣднему предмету въ томъ видѣ, какими они являются въ настоящее время, ни къ чему не ведутъ; знаніе же отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ, съ тѣмъ или другимъ числомъ кибитокъ, могло бы принести большую пользу въ дѣлѣ размежеванія киргизскихъ земель.

Относя итожныя цифры послѣдняго года (1863) къ числу находящихся въ каждомъ округѣ волостей, ауловъ и юртъ, получимъ такіе выводы:

НАЗВАНІЕ ОКРУГОВЪ.	Число волостей.	Ауловъ.	Кибитокъ.	Въ нихъ домовъ киргизскихъ.	Приходится домовъ.		
					На каждую волость.	На каждый аулъ.	На каждую юрту.
Кокчетавскій	15	175	16,286	612	40,8	2,9	0,04
Атбассарскій . . .	7	35	5,203	25	3,5	0,7	0,005
Акмоллинскій	20	181	19,176	5,268	263,4	29,1	0,3
Баянъ-аульскій . . .	15	110	12,765	3,646	243,0	33	0,3
Каркараллинскій . .	17	101	18,398	105	6,2	1,0	0,003
Всего въ области.	74	602	71,828	9,656	130,5	16,0	9,15

Припомнимъ теперь сказанное во 2-й главѣ этой книги о мѣстахъ зимней и лѣтней стоянки киргизскихъ поколѣній, и мы увидимъ, гдѣ именно въ той или другой части степи можно встрѣтить всего болѣе киргизскихъ обзаведеній, если только предположимъ ихъ одинаковое число въ каждой волости, а это мы можемъ себѣ позволить, при той невѣрности цифръ, какую признаемъ вообще за всѣми отчетными данными.

I. Сѣверная половина области.

1. *Басентеинское поколѣніе* зимою занимаетъ лѣвый берегъ Иртыша отъ Качирскаго селенія до станицы Семіярской, и нижнія части рѣки Тюндюка. Оно состоитъ изъ 4-хъ волостей баянъ-аульскаго округа, въ которомъ, какъ сейчасъ выведено, приходится на каждую волость 243

дома, слѣдовательно на вышеобозначенномъ пространствѣ надобно предполагать около *972-хъ строеній.*

2. *Буранаймановское поколѣніе,* состоящее изъ 2-хъ волостей того же округа, имѣетъ по Иртышу отъ Григорьевскаго селенія до Чернорѣцкаго, и между рр. Тюндюкомъ и Чаганкою, около *486 домовъ.*

3. *Тюртъ-аульское поколѣніе,* состоящее изъ 8-ми волостей, имѣетъ въ горахъ южной части баянъ-аульскаго округа около *1,944 домовъ.*

4. *Канжигалинское поколѣніе,* состоящее изъ 1 волости баянъ-аульскаго округа, 1 кокчетавскаго и 3-хъ акмоллинскаго, владѣетъ: въ центрѣ перваго округа 243 домами, въ западной части кокчетавскаго округа 41 домомъ и по восточной границѣ сѣверной части акмоллинскаго округа 790—всего *1,074 постройками.*

5. *Кирѣевское поколѣніе,* состоящее изъ 3-хъ кокчетавскихъ и 4-хъ акмоллинскихъ волостей, владѣетъ въ западной части кокчетавскаго округа 122-мя, и въ сѣверной акмоллинскаго 1,054-мя, всего *1,176 домами.*

6. *Атагаевское поколѣніе,* или 6 волостей кокчетавскаго округа имѣетъ въ немъ, по правой сторонѣ сѣвернаго теченія Ишима, *245 домовъ.*

7. *Караулъ-уваковцы,* входящіе 5-ю волостями въ кокчетавскій округъ и 3-мя въ атбассарскій, имѣютъ въ первомъ 204 и во второмъ около 11-ти, всего *215 домовъ.*

8. *Кипчаки,* состоящіе изъ 4-хъ волостей, имѣютъ въ сѣверной части акмоллинскаго округа, близъ линейныхъ станицъ, на протяженіи отъ Желѣзинской станицы до г. Омска и отсюда до Николаевской станицы, тоже число домовъ, что и акмоллинскіе кирѣевцы, именно *1,054 дома.*

А всего въ сѣверной половинѣ области будетъ считаться около 7,167 киргизскихъ построекъ.

9. *Баганалинцы* по бассейнамъ рѣкъ: Кара-Кингиря, нижняго теченія Сары-су, по Терсъ-аккану и Куну, владѣютъ, какъ показываетъ отчетъ, не болѣе какъ *14-ю домами.* (?)

10. *Алтаевское поколѣніе,* къ 4-мъ волостямъ котораго если приложить цифру акмоллинскаго приказа, будетъ имѣть въ окрестностяхъ Актавскихъ горъ, а также въ верхнихъ частяхъ рѣкъ: Куланъ-утмеса и правыхъ притоковъ средняго теченія Сары-су, около 1,054.

11. *Карпыковцы* (2 волости акмоллинскаго округа) въ той же мѣстности имѣютъ 527, а

12. *Тунготаровцы* (1 волость того же округа), тамъ же, около 263 домовъ; всего въ названной мѣстности будетъ числиться 1,844 постройки.

13. *Темешевцы,* въ горахъ между Нурою и Куланъ-утмесомъ и на лѣвой сторонѣ послѣдней, владѣютъ, такъ какъ это одна волость акмоллинская, всего только 263 домами, а

14. *Таминцы,* по той же причинѣ, имѣютъ то же число построекъ въ голодной степи, по долинѣ средняго теченія Сары-су и нижняго Чу. Наконецъ

15. *Кара-кисяки,* расположенные полнотою въ горахъ каркаралинскаго округа, имѣютъ здѣсь, какъ показываетъ отчетъ, 105 домовъ.

А всего въ южной части области считаться будетъ 2,489 домовъ, или 25% отъ всего ихъ числа.

Таковъ будетъ выводъ, если принять показанія каждаго окружнаго приказа одинаково вѣрными. Но, какъ уже сказано, это далеко не такъ, и меньше будетъ ошибочности, ежели мы возьмемъ для выкладокъ итожную цифру приходящихся на каждую волость юртъ, потому что невѣрности по разнымъ окружнымъ приказамъ здѣсь уравниваются. Среднимъ числомъ во всей области на каждую волость приходится 130,5 домовъ всякаго рода; а какъ въ сѣверной половинѣ области всѣхъ волостей 44, то на эту половину выйдетъ 59%, а на южную 41% изъ всего числа имѣющихся въ области домовъ. Этотъ разсчетъ будетъ вѣрнѣе предъидущаго, но все еще не вполнѣ точенъ, потому что не приняты въ соображеніе топографическія особенности той и другой части. Взявъ же ихъ въ разсчетъ, каждая южная волость едва ли не болѣе сѣверной будетъ имѣть у себя построекъ, именно потому, что здѣсь нѣтъ тѣхъ лѣсныхъ пространствъ, которыя на сѣверѣ чаще позволяютъ не думать объ устройствѣ теплыхъ помѣщеній. Въ лѣсахъ, напримѣръ, кокчетавскаго округа киргизъ стоитъ зимою просто въ юртѣ, съ боковъ забросанной снѣгомъ на югѣ бываетъ тоже самое, но однако рѣже, и въ горахъ, иногда очень хорошо защищающихъ стада, киргизъ все-таки строитъ для себя землянку, правда, такую, которую каждый годъ приходится возобновлять, но все же почему ей не идти въ сравненіе съ тѣмъ однопокойнымъ деревяннымъ сараемъ, въ которомъ сѣверный пастухъ, если его зимовка въ лѣсу, складываетъ только свое имущество, а самъ живетъ въ кибиткѣ. Еще разъ повторяемъ: важно исчислить всѣ отдѣльныя зимнія стойбища областныхъ кочевниковъ, какъ бы эти стойбища ни были жалко обстрое-

ны, нежели показывать незаслуживающія довѣрія цифры деревянныхъ, кирпичныхъ и другихъ построекъ.

Сообразивъ топографическія особенности 13-ти вышеназванныхъ, зимою населенныхъ мѣстностей, легко опредѣлить, изъ какого матеріала въ каждой изъ нихъ должна быть возведена бо̀льшая часть построекъ. Въ южной части степи всѣ дома сложены изъ дикаго камня или изъ сырцоваго кирпича, въ сѣверной изъ дерева и дерна; но какъ поставить хорошую русскую избу не для всякаго киргиза одинаково легко, т. е. дешево, то и въ сѣверной половинѣ степи, даже въ такихъ лѣсныхъ чащахъ, какъ ерементаускія, больше землянокъ, нежели деревянныхъ домовъ.

Которая изъ 13-ти названныхъ мѣстностей наиболѣе оживлена кочевыми жителями и въ лѣтнее время, это опредѣляется, при равныхъ другихъ условіяхъ, бо̀льшимъ развитіемъ хлѣбопашества въ тѣхъ волостяхъ, которыя прикрѣплены къ этимъ мѣстностямъ. На югѣ земледѣліе развито сильнѣе, нежели на сѣверѣ, но за то здѣсь есть больше возможности пріобрѣтать хлѣбъ покупкою у русскихъ, нежели на югѣ; а если есть эта возможность, то, стало быть, есть и другая, именно—оставаться на зимовкахъ можетъ бо̀льшее число людей, чѣмъ тамъ, гдѣ нѣтъ хлѣба или привычки къ этой пищѣ. На югѣ, какъ мы уже знаемъ изъ очерка хлѣбопашества, хлѣбная пища употребляется чаще однимъ бѣднымъ классомъ людей, прибѣгающихъ къ земледѣльческому промыслу съ единственною цѣлію только самимъ прокормиться. Ихъ зимовки, поэтому, всегда оживлены, но за то всѣхъ остальныхъ киргизовъ, довольствующихся одною мясною и молочною пищею, пусты совершенно. На сѣверѣ земледѣліемъ занимаются тоже одни бѣдняки; но какъ здѣсь есть бо̀льшая возможность запасаться хлѣбною пищею, и какъ привычка къ этой пищѣ развита сильнѣе и между людьми достаточными, то и зимовки послѣднихъ могли бы быть круглый годъ заняты значительною частію населенія, тогда какъ другая шла бы со скотомъ, который нужно поскорѣе отогнать и подальше держать вдали, съ цѣлью дать поправиться зимнимъ пастбищамъ. Не случается этого однако единственно потому, что еще очень трудно для киргиза перейдти къ новымъ привычкамъ, не смотря на то, что въ этомъ новомъ порядкѣ кроется немалая толика его благосостоянія. Трудно одной части населенія отказаться отъ тѣхъ удовольствій, которыя испытываетъ другая въ перекочевкахъ; трудно не вознаградить себя за претерпѣнныя зимнія лишенія тѣми непрерывными путешествіями, въ которыхъ всѣхъ возрастовъ киргизы находятъ столько привлекательнаго; трудно, наконецъ,

скоро придумать новую обстановку жизни, которая могла бы замѣнить прежнюю, а между тѣмъ ее надобно придумать. Вотъ почему въ сѣверной части степи, хотя на зимовкахъ остается, *при равныхъ другихъ условіяхъ*, и гороздо бо́льшая часть людей, нежели на югѣ, но все это не болѣе, какъ караульщики, пахари, сѣнокосы и проч., а не вся та часть киргизовъ, которая сознательно рѣшилась бы извлечь пользу изъ раздѣленія занятій (см. главу II, а также главу V и главу VI).

Весьма слабо заселенныя или даже совсѣмъ не занятыя зимою мѣстности, оживляющіяся лѣтомъ пастухами, къ которымъ однако принадлежитъ покамѣсть весь народъ, были перечислены въ главѣ II, гдѣ обозначены и зимовки 15 областныхъ поколѣній, и потому здѣсь объ этомъ не повторяется.

Б) Казачьи станицы и выселки, заводы, русскія укрѣпленія и посты.

Объ исторіи образованія въ степи русскихъ поселеній было говорено въ главѣ II-й этой книги; степень прикрѣпленности къ мѣсту станичныхъ жителей каждаго округа и ихъ бытъ въ общихъ чертахъ были обрисованы въ очеркѣ хлѣбопашества и въ той же главѣ II-й.

Къ сказанному тамъ по этимъ предметамъ здѣсь ничего не можемъ прибавить, и потому ограничиваемся краткимъ описаніемъ мѣстоположенія и устройства селеній, въ которыхъ находятся окружные приказы, и общимъ перечнемъ построекъ, возведенныхъ въ остальныхъ станицахъ, выселкахъ и нѣкоторыхъ укрѣпленіяхъ. Все, что можно было сказать объ устройствѣ степныхъ заводовъ, сказано въ очеркѣ мануфактурной промышленности, а потому здѣсь объ этомъ также не повторяется. Всѣ, касающіяся областныхъ станицъ, свѣдѣнія о возведенныхъ въ нихъ строеніяхъ заимствованы нами изъ отчета войсковаго правленія за 1863 годъ, остальныя взяты изъ окружныхъ приказовъ, станичныхъ правленій, или суть результатъ собственныхъ наблюденій.

Въ слѣдующей таблицѣ показано число находящихся въ области станицъ, выселковъ, укрѣпленій и заводовъ.

НАЗВАНІЕ ОКРУГОВЪ.	Къ какому казачьему округу принадлежатъ станицы и выселки.	Ч И С Л О.				
		Станицъ.	Выселковъ.	Укрѣпленій и постовъ.		Заводовъ внѣ станицъ съ особымъ населеніемъ.
				Существующихъ.	Упраздненныхъ.	
Кокчетавскій	1-го полка.	6	4	—	1	—
Атбассарскій	2-го полка.	4	2	—	2	—
Акмоллинскій	2-го полка.	1	—	1	1	1
Баянъ-аульскій	7-го полка.	1	—	—	1	1
Каркараллинскій	7-го полка.	1	—	—	1	1
Всего въ области	—	13	6	1	6	3

Разсмотримъ составъ каждаго округа въ порядкѣ, обозначенномъ въ этой таблицѣ:

I. *Кокчетавскій округъ* открытъ 29-го апрѣля 1824 года. Приказъ находился сначала къ югу отъ сопокъ, примыкающихъ къ юговосточному берегу озера Копа, потомъ перенесенъ къ сѣверу отъ нихъ, въ выстроенныя здѣсь помѣщенія (прежде присутствіе и чиновники помѣщались въ юртахъ), и наконецъ занялъ мѣсто внутри казачьей станицы, постройка которой, по начертанному плану, началась въ 1827 году, на площадкѣ, обрамленной съ юга вышеупомянутою грядою сопокъ, своими сѣверными отраслями охватывающихъ станицу съ востока; съ сѣвера мѣстность совершенно открыта, а съ запада площадка оканчивается озеромъ Копа.

1) *Кокчетавская станица* имѣетъ видъ прямоугольной трапеціи, большое основаніе которой, обращенное къ сѣверо-востоку занимаетъ больше версты; малое, находящееся у подножія кокчетавскихъ сопокъ, имѣетъ около 400 саженъ; сторона, образующая прямой уголъ трапеціи, не больше 250 саженъ, а четвертый бокъ селенія составляетъ берегъ озера Копа, окрестности котораго отличаются обильными покосами. Параллельными одна другой и широкими улицами селеніе распланировано на правильные прямоугольники, имѣющіе каждый по длинѣ 60, по ширинѣ 50 саженъ. Жительскіе огороды почти на 2 версты тянутся вдоль южнаго берега оз. Копа; между ними, опоясывая западную часть кокчетавскихъ сопокъ, извивается дорога, направляющаяся въ Чалкарскую станицу. Другая дорога, т. е. пикетный трактъ, идущій на Атбассаръ, переваливаетъ холмы и огибаетъ тѣ же сопки съ восточной стороны. Къ сѣверу и вос-

току отъ селенія отходитъ много проселковъ. У самаго въѣзда въ станицу съ сѣверной стороны стоитъ: а) военный полугоспиталь—деревянное, одноэтажное, на каменномъ фундаментѣ зданіе, съ дворомъ, ограда котораго, вмѣстѣ съ строеніями, по длинѣ занимаетъ 60, а по ширинѣ 30 саженъ. Собственно лазаретный домъ (длиною 8, шириною $5^1/_2$ саженъ) состоитъ изъ 7-ми жилыхъ комнатъ и 2-хъ нежилыхъ; при лазаретѣ: баня (длиною $2^1/_3$, ширин. $1^1/_2$ саж.) о 3-хъ комнатахъ, кухня и погребъ (длиною $6^1/_4$, шириною $3^1/_2$ саж.), состоящіе изъ жилой и 2-хъ нежилыхъ комнатъ, и еще нѣсколько надворныхъ, тоже, какъ и первыя, деревянныхъ строеній, изъ коихъ лазаретная служба (длиною 9, шириною 3 сажени) состоитъ изъ 2-хъ нежилыхъ комнатъ. Кокчетавскій военный полугоспиталь устроенъ на 32 человѣка. По свѣдѣніямъ здѣшняго станичнаго управленія, всего въ полугоспиталѣ въ 1863 году считалось 13 жилыхъ комнатъ съ 2 русск. и 11 голландскими печами. Къ восточному боку больничной ограды примыкаютъ: б) *оборонительная казарма* съ 2 кухнями (всего 6 комнатъ, 2 русск. и 8 голланд. печей); въ ней помѣщались нижніе чины 4-й роты западно-сибирскаго линейнаго баталіона № 3-го. Нѣсколько далѣе, къ сѣверу отъ этихъ помѣщеній, внѣ селенія построенъ в) деревянный *провіантскій магазинъ* (длиною 30, шириною $4^1/_2$ саж.) на 2,000 четвертей; при магазинѣ находится деревянная караульная изба (длин. и шириною $2^3/_4$ саж.) съ одною жилою комнатою и печью. На противоположномъ концѣ станицы, гдѣ примыкаютъ къ ней холмы, на одномъ изъ нихъ, находящемся какъ разъ противъ большой или главной кокчетавской улицы, построена деревянная, одноэтажная, на каменномъ фундаментѣ г) *церковь* (во имя св. Георгія Побѣдоносца) о 4-хъ комнатахъ съ 3-мя печами; по длинѣ она занимаетъ 15, въ ширину 12 саженъ, построена въ 1851 году, на счетъ добровольныхъ пожертвованій жителей. Въ 1863 году, съ дозволенія епархіальнаго начальства, производилась на церковную сумму (въ 360 руб. сер.) оштукатурка стѣнъ и потолковъ; это были послѣднія исправленія. Подлѣ церкви, нѣсколько южнѣе ея, на томъ же сѣверномъ скатѣ разведенъ небольшой садикъ, дрянной самъ по себѣ, заброшенный, и упоминать бы о немъ не стоило, но видъ отсюда на селеніе и его окрестности очень хорошъ, и изъ-за одного этого садикъ часто посѣщается станичными жителями. Въ самомъ центрѣ кокчетавскаго селенія расположенъ д) *окружный приказъ*, помѣщающійся въ деревянномъ, обшитомъ досками домѣ о 6-ти комнатахъ (4 жилыхъ, 2—нѣтъ; печей: 1 русская, 3 голландскихъ). Около приказа живетъ непре-

мѣнный членъ его въ е) деревянномъ же, покрытомъ въ 2 ряда тесомъ *домъ* о 8-ми комнатахъ (6 жилыхъ, 2—нѣтъ, 2 русскія печи, 4 голландскія). Тутъ же возвышается и ж) *мечеть*, посѣщаемая татарами и ташкентцами, торгующими въ лавкахъ *гостиннаго двора*, устроеннаго на другомъ концѣ той же площади, на которой стоитъ приказъ. Площадь эта по длинѣ занимаетъ около 100 саженей, по ширинѣ близко 50-ти; на ея серединѣ, ближе къ приказу (въ 30-ти саж. отъ его ограды) построена з) *гауптвахта* о 4-хъ жилыхъ комнатахъ (съ 2 печами), въ которыхъ живутъ караульные и помѣщаются арестанты. Внутри же станицы помѣщается и) *почтовое отдѣленіе*, хорошій, деревянный, крытый тесомъ домъ о 4-хъ комнатахъ (1 русская и 2 голландскія печи). Изъ прочихъ казенныхъ строеній надобно назвать еще і) *казачью казарму* о 3-хъ комнатахъ; при ней кухня, аммуничникъ, конюшня, амбаръ для фуража и нѣкоторыя другія. Изъ войсковыхъ зданій отчетъ упоминаетъ о к) *винномъ подвалѣ*, блиндированная постройка (9 саж. 1 арш. длины, ширины 2 саж. 2 арш.), явившаяся въ 1862 году на счетъ войсковой суммы. Изъ общественныхъ строеній: л) станичный деревянный, одноэтажный, на каменномъ фундаментѣ домъ о 4-хъ комнатахъ (съ 2 печами). Зданіе возведено въ 1858 году кокчетавскими казаками, отъ войска отпущены только желѣзные матеріалы на 82 р. сер. Въ немъ помѣщается станичное управленіе и школа; м) другой домъ деревянный, одноэтажный, на каменномъ фундаментѣ о 7-ми комнатахъ и 5-ти печахъ (длина 12, ширина 8 саж. 2 арш.). Построенъ въ 1859 году, тоже хозяйственными средствами казаковъ, съ отпускомъ отъ войска желѣзныхъ матеріаловъ. Наконецъ, третій н) сарай, имѣющій въ длину 14, въ ширину 4 сажени, построенъ въ 1855 году казаками перваго полка, для склада полковаго имущества. Больше ни о какихъ общественныхъ зданіяхъ отчетъ войсковаго правленія за 1863 годъ не упоминаетъ, хотя и насчитываетъ таковыхъ 8; частныхъ домовъ онъ считаетъ 321, лавокъ 81, заводовъ частныхъ (какихъ не обозначено) 4, кузницъ 4, бань 5, мельницъ водяныхъ 2 (на р. Чаглинкѣ) и 3 вѣтряныхъ стоятъ около селенія; мостовъ деревянныхъ три, одинъ въ самомъ селеніи, другой черезъ ручей Колинъ, третій перекинутъ черезъ Кошкарбайку; два послѣдніе, имѣя каждый, въ длину 5 саж., въ ширину 2 сажени, ежегодно починяются кокчетавскими станичниками. По отчету губернаторскому за 1863 годъ, въ селеніи числится: казенныхъ домовъ 21 каменныхъ и кирпичныхъ, 16 деревянныхъ, обывательскихъ 365, школъ двѣ: киргизская и станичная, 1 салотопный

заводъ, 2 кузницы, 11 питейныхъ домовъ, пороховыхъ погребовъ 2, торговыхъ лавокъ 72 и мелочныхъ 10.

2) *Котуръ-кульская станица* стала по плану строиться, на южномъ берегу озера Котуръ-куль, въ 1849 году. Въ 1863 году здѣсь считалось 158 частныхъ домовъ и три общественныя зданія: а) *церковь* (во имя св. Николая чудотворца), деревянная, одноэтажная, на каменномъ фундаментѣ, по длинѣ занимаетъ 11 саж. 1 арш., по ширинѣ 4 саж.; печей въ ней 2; построена въ 1858 году на доброхотныя подаянія жителей; б) *станичный домъ*, одноэтажный, деревянный съ 2 печами, занимаетъ въ длину и ширину по 4 саж.; на дворѣ особенное шести-стѣнное деревянное строеніе, служащее для храненія почтовыхъ экипажей, склада оружія и проч.; въ этомъ же домѣ помѣщаются станичное управленіе, школа и арестантская. Онъ построенъ въ 1858 году трудами станичниковъ, отъ войска отпущены одни желѣзные матеріалы на сумму 89 руб. сер. Совершенно такимъ же способомъ построенъ еще въ 1851 году в) *аммуничникъ* и *овсянникъ* въ одной связи съ первымъ, зданіе, имѣющее въ длину 12, въ ширину 3 саж. Кромѣ названныхъ построекъ, въ станицѣ числилось въ 1863 году: 5 лавокъ, 2 кузницы, 3 водяныя и 3 вѣтряныя мельницы, деревянный навѣсъ для пожарныхъ инструментовъ и 2 деревянныхъ моста.

3) *Выселокъ Щучинскій* основанъ въ 1850 году, западнѣе станицы котуръ-кульской верстъ на 14, при озерѣ Чертанъ-куль. Обывательскихъ домовъ въ немъ 109, общественныхъ 2, а именно: аммуничникъ и овсянникъ, деревянное въ одной связи зданіе (длиною 8, шириною 3 саж.), построенное въ 1852 году казаками съ отпускомъ отъ войска желѣзныхъ матеріаловъ, и сборный домъ (длин. 8, шир. 3 саж.) съ 1 русскою и 1 голландскою печами. Въ выселкѣ числится 2 частныхъ завода (неизвѣстно какихъ), 2 лавки, 1 кузница, 3 водяныхъ мельницы, 2 вѣтряныхъ, сарай для пожарнаго инструмента, два моста, при коихъ одинъ, перекинутый въ 1852 году черезъ р. Кылчактинку, имѣетъ 3 саж. ширины и 10 саж. длины.

4) *Чалкарская станица* основана въ 1849 году на юговосточномъ берегу Чалкарскаго озера. Обывательскихъ домовъ въ ней 177 и 3 общественныхъ. Станичное управленіе и школа помѣщаются въ одноэтажномъ, деревянномъ зданіи о 3-хъ комнатахъ (съ 2-мя печами), построенномъ въ 1851 году казаками, съ отпускомъ отъ войска желѣзныхъ матеріаловъ; длина постройки 7½ саж., ширина 4 сажени. Въ томъ же 1851

году и тѣмъ же способомъ построенъ и аммуничникъ съ овсянникомъ (длина зданія 12 саж., ширина 3 сажени). Мельницъ вѣтряныхъ числится 21, кузницъ 3, бань 25; въ селеніи и его окрестностяхъ перекинуты черезъ разные ручьи 8 мостовъ. Для пожарнаго инструмента есть навѣсъ.

5) *Аиртавскій выселокъ*, основанный верстъ на 12 западнѣе предъидущей станицы, въ 1850 году, имѣетъ 106 обывательскихъ домовъ и 2 общественныхъ. Школа и сборная казарма помѣщаются въ одноэтажномъ деревянномъ зданіи о 3-хъ комнатахъ съ двумя печами (длина зданія 7½ саж., ширина 4 саж.); аммуничникъ и овсянникъ въ сараѣ, имѣющемъ 14 саж. длины и 4 саж. ширины. Мельницъ вѣтряныхъ здѣсь 7, бань 6, кузница 1 и одно строеніе для пожарнаго инструмента; мостъ деревянный одинъ.

6) *Лобановская станица* построена на восточномъ берегу того же названія озера, въ 1849 году. Въ 1863 г. въ ней числилось 135 частныхъ домовъ, и 3 общественныхъ, а именно: станичное управленіе и школа занимали одноэтажное деревянное зданіе о 3-хъ комнатахъ съ 2 печами (длина постройки 8½ саж., ширина 3½ саж.), построено въ 1851 году тѣми же, какъ и всѣ остальныя общественныя зданія, способами, т. е. казаками, съ отпускомъ фабричныхъ матеріаловъ отъ войска; станичный складъ находился въ деревянномъ сараѣ, имѣвшемъ 13 саж. длины, 4 саж. ширины, и навѣсъ для пожарнаго инструмента. Мельницъ въ станицѣ считалось: 3 водяныхъ и 10 вѣтряныхъ; кромѣ того 15 бань, 4 кузницы и 1 мостъ,—все деревянное.

7) *Выселокъ Имантавскій* основанъ въ 1850 году, южнѣе предъидущей станицы, на восточномъ берегу озера Копчи, при устьѣ р. Змѣевки. Въ немъ числилось въ 1863 году: частныхъ домовъ 164, одна *мечеть*, посѣщаемая проживающими здѣсь татарами, и 2 общественныхъ зданія: сборный домъ (длина 8 саж., ширина 3 саж., 2 печки, русская и голландская) и аммуничникъ съ овсянникомъ (длина 8 саж., ширина 3 саж.); для пожарнаго инструмента есть навѣсъ. Мельницъ считалось 4 водяныхъ и 4 вѣтряныхъ, бань 13, кузницъ одна, да черезъ Змѣевку былъ перекинутъ деревянный мостъ.

8) *Арыкъ-балыкская станица* построена на западномъ берегу того же названія озера, въ 1849 году. Въ 1863 году въ ней числилось: обывательскихъ домовъ 184, одинъ заводъ частный, 9 лавокъ, 5 кузницъ, 5 водяныхъ и 6 вѣтряныхъ мельницъ, 22 бани, сарай для пожарнаго инструмента и 7 мостовъ, изъ коихъ одинъ переброшенъ черезъ рѣчку Ба-

бикъ-бурлукъ. *Церковь* здѣшняя, во имя св. Александра Невскаго, построена въ 1858 году на войсковую сумму. Станичное управленіе и школа помѣщаются въ одномъ зданіи (длиною 8, шириною 3 саж.), аммуничникъ и овсянникъ въ другомъ (длиною 12, шириною 3 саж.), оба построены изъ дерева собственными средствами казаковъ, съ отпускомъ желѣзныхъ матеріаловъ войскомъ.

9) *Нижне-бурлукская станица* при р. Бурлукѣ (Кара-Тюльлу-бурлукъ или Бишъ-Томакъ), въ 1849 году. Въ ней числилось въ 1863 году 124 частныхъ домовъ, 3 общественныхъ, 2 кузницы, 4 водяныхъ и 6 вѣтряныхъ мельницъ, 48 бань и 2 моста деревянныхъ. Изъ общественныхъ строеній: станичный домъ деревянный о 3-хъ комнатахъ, съ 2 печами, построенъ въ 1851 году казаками, съ отпускомъ желѣзныхъ матеріаловъ войскомъ; аммуничникъ и овсянникъ, въ одной связи сарай, длиною 12 саж., шириною 3 саж.; тѣми же средствами и тогда же построенъ.

10) *Верхнебурлукскій выселокъ* стоитъ на Бурлукѣ, выше предъидущаго селенія верстъ на 10. Построенъ въ 1850 году. Въ немъ считалось въ 1863 году: 79 обывательскихъ домовъ, 3 общественныхъ, 1 водяная и 5 вѣтряныхъ мельницъ, 26 бань и 1 мостъ. Изъ общественныхъ зданій: навѣсъ для пожарнаго инструмента, сборный домъ съ 2 печами (длина строенія 8, ширина 3 сажени) и аммуничникъ съ овсянникомъ въ одной связи (длина 8, ширина 3 сажени).

Въ число обозначенныхъ въ вышеприведенной таблицѣ упраздненныхъ укрѣпленій подразумѣваемъ кушъ-мурунское, находившееся въ западной части кокчетавскаго округа, при озерѣ того же имени *).

---

*) Въ кушъ-мурунскомъ укрѣпленіи находились слѣдующія строенія: 1) деревянная гауптвахта изъ 4-хъ жилыхъ комнатъ (длиною 6, шириною $3^5/_7$ саж.); 2) оберъ-офицерскій домъ изъ 8 жилыхъ и 2 нежилыхъ комнатъ; оба были построены въ 1843-мъ году изъ дерева; 3) лазаретъ деревянный, построенный въ 1845 и 1846 годахъ, имѣлъ 9 жилыхъ и 6 нежилыхъ комнатъ (длина зданія 12, ширина $5^1/_2$ сажень); 4) лазаретное надворное строеніе ($18^4/_7$ длин. $3^1/_7$ шир.) изъ 4-хъ нежилыхъ комнатъ, возведено изъ камня въ 1845-мъ году; 5) деревянная казарма для казаковъ, изъ 2-хъ жилыхъ и 1 нежилой комнаты (длина 19, ширина $3^1/_7$ саж.); 6) каменная казарма для солдатъ ($8^1/_3$ длины, $3^5/_7$ саж. ширины) изъ 2 жилыхъ и 1 нежилой комнаты; обѣ построены были въ 1843-мъ году; 7) деревянная казарма для солдатъ ($12^4/_7$ длины и $3^5/_7$ саж. ширины) изъ 2-хъ жилыхъ и 1 нежилой комнаты; построена въ 1844-мъ году; 8) каменная кухня для солдатъ (длиною и шириною 3 саж.), изъ одной жилой и 2 нежилыхъ комнатъ, построена въ 1844-мъ году; 9) деревянная казарма для казаковъ (длина $3^1/_2$ и шир. 3 саж.) изъ 1 жилой и 1 нежилой комнаты, построена въ 1843 году; 10) каменный провіантскій магазинъ (длин. 20, ширин. $2^2/_3$ саж,) построенъ въ 1844-мъ году; 11) каменный пороховой

II. *Атбассарскій округъ* открытъ въ 1859 году, основаніемъ 8 октября этого года приказа въ станицѣ атбассарской. Въ составъ его входятъ 4 станицы и 2 выселка 2-го полка сибирскаго казачьяго войска.

1) *Атбассарская станица* построена въ 1846 году, на правомъ берегу впадающей въ Ишимъ съ сѣвера рѣчки Атбассарки, въ 10 верстахъ выше ея устья, именно на томъ самомъ мѣстѣ, куда прежде (напр. въ 1842 году) отъ Джаркаинскаго укрѣпленія выставлялся сторожевой постъ (состоявшій изъ 4-хъ человѣкъ пѣхоты и 73 казаковъ). Окрестности станицы совершенно открыты, представляя безжизненную степную равнину глинистаго свойства; рѣчка Атбассарка довольно водна, луга по ея долинѣ и въ особенности по Ишиму очень хороши, но земля всюду плохо родитъ и хлѣбъ часто бьется кобылкою. Недостатокъ лѣса и необходимость подвоза хлѣба съ линіи позволяютъ считать это селеніе весьма непрочнымъ пунктомъ, о чемъ мы уже замѣчали въ очеркѣ хлѣбопашества. Только было бы со стороны начальства позволеніе переселиться, казаки не замедлятъ оставить это скучное и неудобное мѣсто жительства. И теперь съ разрѣшенія своего начальства идетъ переселеніе на сѣверъ, но желающихъ выбыть отсюда и хлопочущихъ объ этомъ покамѣсть гораздо болѣе, нежели уже успѣвшихъ переселиться *).

Въ 1863 году въ станицѣ числилось: обывательскихъ домовъ 295, общественныхъ 2, войсковыхъ 4, церковь, провіантскій магазинъ (войсковой), пороховой погребъ, 1 лазаретъ, гауптвахта, цейхгаузъ, строеніе для пожарнаго инструмента, 16 лавокъ, 1 кузница, 41 баня, и въ самомъ селеніи одинъ деревянный мостъ.

Церковь атбассарская о 2-хъ престолахъ (въ честь Знаменія Бого-

---

погребъ (длин. 3 1/2, шир. 3 саж.) построенъ въ 1845 году; 12) каменная конюшня (длин. 20 2/3, шир. 4 1/3 саж.), построена въ 1845 и 1855 годахъ; 13) другая такая же конюшня была выстроена въ 1846 году; 14) домъ для окружнаго приказа (длин. 8, шир. 5 саж.) изъ 6 жилыхъ и 1 нежилой комнатъ, построенъ въ 1844 году; 15) домъ для чиновниковъ (длин. 12 2/3, шир. 5 1/6 саж.) изъ 9 жилыхъ и 2-хъ нежилыхъ комнатъ, построенъ въ 1848 году; 16) службы для складовъ (длин. 15 и шир. 4 саж.) изъ 4 нежилыхъ комнатъ, построены въ 1845 году; 17) сарай для пожарныхъ инструментовъ (длин. 3 2/3, шир. 4 саж.) построенъ въ 1849 году; 18) винный подвалъ каменный (длин. 4 2/3, шир. 3 саж.), построенъ въ 1847 году, и 19) каменная казарма, выстроенная въ 1848 году, имѣла 4 2/3 саж. длины и 3 сажени ширины (Киргизская степь западной Сибири, изданіе 1852 года, соч. полков. Сильвергельма).

*) Съ 1857 по 1863 годъ, по свѣдѣніямъ окружнаго приказа, переселилось изъ атбассарской станицы въ другія 59 мужчинъ и 64 женщины, всего 123 человѣка.

родицы и св. Николая чудотворца), деревянная, на каменномъ фундаментѣ, крыта желѣзомъ, имѣетъ въ длину 15 сажень, построена въ 1854 году, частью общественными приношеніями, частью на отпущенныя изъ кордонной суммы 450 р. сер. Изъ войсковыхъ зданій: деревянный цейхгаузъ (длин. 17 саж. 4 вер., шириною 4 саж. 7 вершк.), построенъ еще въ 1846 году, деревянный домъ для окружнаго правленія (длин. 6, шир. 3 саж.), возведенъ въ 1863 году; въ томъ же году оконченъ постройкою каменный лазаретъ. Станичное управленіе и школа помѣщаются въ деревянномъ на каменномъ фундаментѣ зданіи о 2-хъ комнатахъ, построенномъ хозяйственными средствами въ 1853 году. Тѣми же средствами въ 1852 году построенъ пороховой погребъ, а въ 1854 году каменный запасный магазинъ *).

2) *Акканъ-бурлукская станица* устроена въ 1850 году, при рѣкѣ того же названія (вытекающей изъ озера Якши-янгыза). Въ ней въ 1854 году построена станичнымъ обществомъ часовня, теперь обращенная въ *церковь* во имя св. Николая чудотворца; одноэтажное деревянное зданіе это занимаетъ въ длину 6 саж. 2 арш., въ ширину 3 саж. 1 арш. Деревянный цейхгаузъ (аммуничникъ и овсянникъ), о 2-хъ комнатахъ, построенъ въ 1853 году, когда возведенъ (тоже на хозяйственныя средства) и одноэтажный деревянный домъ о 3-хъ комнатахъ для станичнаго управленія, канцеляріи и школы. Въ 1859 году построено еще одно общественное деревянное зданіе съ амбаромъ, завознею и конюшнями, отданное здѣшнему священнику.

3) *Яхши-янгызтавскій выселокъ* основался въ 1851 году, на сѣверо-восточномъ берегу озера Яхши-янгызъ-куль. Въ немъ и въ акканъ-бурлукской станицѣ въ 1863 году числилось 221 частныхъ домовъ, 3 общественныхъ, одна вышеупомянутая церковь, 1 пороховой погребъ, сарай для пожарнаго инструмента, кузница, 4 вѣтряныхъ мельницы, 20 бань, и черезъ рѣчку Якши-янгызтавку переложено 2 деревянные моста, каждый длиною въ 4 сажени (устроены въ 1852 году).

4) *Зерендинская станица* основана въ 1850 году, у юговосточнаго берега озера Зеренды или Джиранды, а въ 1859 году, южнѣе ея, на берегу озера Айдабулъ, образовался выселокъ

*) Въ окрестностяхъ станицы, по Ишиму, занимающіеся сѣнокошеніемъ казаки имѣли въ 1862 году 6 хуторовъ, ближніе изъ которыхъ отстояли на 9, а дальніе на 17 верстъ отъ станицы. Тогда же на откупленной у казаковъ землѣ, по рѣчкѣ Атбассаркѣ, въ 8 верстахъ отъ селенія, однимъ изъ здѣшнихъ татаръ была устроена водяная мельница.

5) *Айдабульскій*, постройкою еще не вполнѣ оконченный. Въ обоихъ этихъ селеніяхъ числилось въ 1863 году: 106 обывательскихъ домовъ, пороховой погребъ, кузница, 9 вѣтряныхъ мельницъ, 17 бань, а изъ общественныхъ домовъ въ отчетѣ названы: деревянные: аммуничникъ, запасный станичный магазинъ, домъ для станичнаго управленія и школа, построенные казаками въ 1852 году, и деревянный же пожарный сарай, построенный тѣми же хозяйственными средствами въ 1853 году. Кромѣ того, въ зерендинской станицѣ тѣмъ же способомъ поставлена въ 1856 году деревянная часовня (во имя св. Архистратига Михаила).

6) *Сандыктавская станица*, самое новѣйшее изъ областныхъ селеній, основано улутавскими выходцами въ 1861 году. Въ немъ, въ 1863 году, изъ общественныхъ зданій былъ деревянный домъ объ одной комнатѣ, для станичнаго правленія; частныхъ домовъ числилось 164 (въ томъ числѣ одинъ каменный), при нихъ было 10 бань.

Изъ упраздненныхъ укрѣпленій въ предѣлахъ атбассарскаго округа находятся два: джаркаинъ-агачское и улутавское.

Джаркаинское укрѣпленіе, заложенное въ 1840 году, на правомъ берегу Ишима, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ, имѣетъ видъ прямоугольника съ 2-мя, по противоположнымъ одинъ другому угламъ, бастіонами, или, лучше сказать, орельонами, въ которыхъ насыпаны барбеты. Въ 75 саженяхъ отъ укрѣпленія началъ было строиться форштатъ. Въ крѣпости еще и теперь уцѣлѣли нѣкоторыя зданія, какія именно, намъ неизвѣстно, въ отчетахъ также не показано (*).

Улутавская станица, основанная съ цѣлью прикрытія западной

(*) Въ статистическомъ описаніи сиб. кирг. степи, изданія 1852 г., полковн. Сильвергельма, упоминается о слѣдующихъ находившихся въ джаркаинскомъ укрѣпленіи строеніяхъ:

1) Деревянная гауптвахта, построенная въ 1849 году; 2) солдатская оборонительная казарма (построен. въ 1840 году), въ двухъ отдѣленіяхъ которой сначала помѣщался полугоспиталь; 3) другая казарма, построенная въ 1841 году, состояла изъ 4-хъ жилыхъ и 2-хъ нежилыхъ комнатъ; 4) третья оборонительная казарма, построенная въ 1842 году, занималась казаками, канцеляріею, здѣсь же былъ и провіантскій магазинъ; 5) деревянныя кухни для солдатъ, построенныя: одна въ 1840 году и двѣ въ 1842 году; 6) оберъ-офицерскій домъ изъ 8-ми жилыхъ и 2-хъ нежилыхъ комнатъ, построенный въ 1840 году, и другой такой же домъ для отряднаго начальника; 7) деревянный полугоспиталь изъ 5 жилыхъ и 2 нежилыхъ комнатъ, построенный въ 1841 году; при нихъ 8) службы изъ 7-ми жилыхъ и 2 нежилыхъ комнатъ,—тотъ и другія построены въ 1841

части степи отъ вторженія въ область кенисаринскихъ шаекъ, была населена казаками 1-го полка, въ 1861 году, какъ уже сказано, выселившимися отсюда въ станицу сандыктавскую.

Съ 1861 года и до занятія нашими войсками зачуйскаго края, опустѣвшая станица, занимая весьма важный пунктъ, въ дѣлѣ обороны нашихъ югозападныхъ кочевниковъ отъ нападенія зачуйскихъ хищниковъ, играла роль военнаго поста, существованіе котораго, съ образованіемъ на югѣ туркестанской области, оказалось ненужнымъ, и казаки, здѣсь стоявшіе, въ прошломъ году оставили селеніе. Не знаемъ, что сдѣлалось съ здѣшними постройками, возведенными изъ плитоваго камня, который ломался въ горахъ улутавскихъ. Въ 1863 году здѣсь еще держалось 3 казенныя зданія (казарма, конюшня и пороховой погребъ), 6 общественныхъ зданій и 240 казачьихъ домиковъ, которыхъ бѣлая штукатурка стѣнъ издали придавала селенію необыкновенно привлекательный видъ. Жаль, если всѣ эти строенія сломаны, а не отданы мѣстнымъ киргизамъ.

III. *Акмоллинскій округъ*, открытый 22-го августа 1832 года, заключалъ въ себѣ прежде три населенныхъ пункта: городъ Акмоллы, заводъ спасскій и актавское укрѣпленіе, упраздненное въ одно время съ улутавскимъ военнымъ постомъ.

1) *Акмоллинская станица* стала строиться въ 1827 году, на правомъ берегу Ишима, немного ниже брода Кара-уткуль, извѣстнаго всѣмъ киргизамъ по своимъ удобствамъ, и потому-то у большинства населенія мѣсто нахожденія приказа называется не Акмолла (бѣлая могила), но Кара-уткуль. Приказъ здѣшній, какъ уже сказано, основанъ въ 1832 году. Мѣсто для крѣпости выбрано нѣсколько ниже станицы, на правомъ же берегу р. Ишима, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка образуетъ небольшую излучину къ югу. Крѣпостною оградою полагалось захватить именно эту излучину. Въ 1839 году выбранная площадка была обнесена невысокимъ валикомъ, передъ которымъ былъ 2-хъ аршинной глубины ровъ, а въ 1840 году начата, сообразная съ мѣстностью, постройка полеваго сомкнутаго укрѣпленія или, вѣрнѣе сказать, полусомкнутаго, потому что четвертую

году; 9) зданіе для отпѣванія мертвыхъ тѣлъ, изъ одного покоя, построенное въ 1845 году; 10) каменный пороховой погребъ (постр. въ 1840 году); 11) провіантскій магазинъ изъ землебитнаго кирпича (построенъ въ 1842 году); 12) фуражный магазинъ изъ землебитнаго кирпича (постр. въ 1842 году); 13) конюшня (построенная въ 1848 и 1849 годахъ); 14) каменный амбаръ (постр. въ 1841 году) и 15) больничная баня, построенная въ 1844 году.

его сторону составляетъ теченіе Ишима, къ которому примыкаютъ фланги укрѣпленія; эти боковыя (восточная и западная), перпендикулярныя къ теченію рѣки стороны, на сѣверѣ оканчиваются полубастіонами, фланкирующими передній фронтъ, выдающійся исходящимъ угломъ на сѣверъ. Передній или сѣверный фронтъ имѣетъ около 250 сажень длины; боковые, обстрѣливаемые, каждый, выдающимися въ ихъ серединѣ капонирами, не превышаютъ 200 сажень. Таковъ планъ акмоллинскаго укрѣпленія, вполнѣ еще не оконченнаго, хотя брустверъ, уже довольно значительной высоты, замыкаетъ внутренность крѣпости со всѣхъ сторонъ. Въ центрѣ очерченной крѣпостными верками площадки возвышается деревянная церковь, отъ которой радіусами расходятся улицы, отдѣляющія построенныя внутри крѣпости казенныя зданія.

Въ 1863 году эти зданія были: 1) полугоспиталь; 2) казарма, занимаемая нижними чинами 2-го баталіона и при ней 2 кухни; 3) казарма для артиллерійскихъ нижнихъ чиновъ; 4) блокгаузовъ два, оба обращены въ цейхгаузы, гдѣ хранятся разные инженерные припасы; 5) гауптвахта и при ней острогъ и 6) офицерскій флигель, въ которомъ помѣщается канцелярія квартирующей здѣсь артиллеріи, архивъ 2-го баталіона, военно-судная коммиссія и проживаютъ нѣкоторые офицеры,— всѣ девять зданій деревянныя, 1) флигель при полугоспиталѣ; въ немъ помѣщается кухня и разные лазаретные склады; 2) двѣ казармы для солдатъ; 3) казарма для подвижной инвалидной и мастеровой инженерной командъ; 4) казарма для чиновъ крѣпостной артиллеріи и для помѣщенія швальни № 2-го баталіона; 5) кухонь при всѣхъ этихъ казармахъ 4, одна изъ нихъ была по ветхости не занята еще въ 1863 году; 6) амбаръ для храненія фуража; 7) конюшня для артиллерійскихъ лошадей; 8) сарай для артиллерійскихъ орудій, ящиковъ и обоза; 9) артиллерійская кузница и слесарня; 10) артиллерійская плотничная съ шорною; 11) два провіантскихъ магазина. Всѣ 16 зданій возведены изъ землебитнаго кирпича (одинъ провіантскій магазинъ плетневый). Изъ плитоваго камня возведенъ: 12) одинъ сарай, занимаемый орудіями, ящиками и принадлежностями петропавловской крѣпостной артиллеріи. Изъ жженаго кирпича построено: 13) 2 погреба для храненія огнестрѣльныхъ припасовъ. Всего казенныхъ зданій военнаго вѣдомства: деревянныхъ 9, каменныхъ, изъ кирпича и плетневыхъ 18. Изъ строеній гражданскаго вѣдомства въ крѣпости находятся: 1) домъ, занимаемый командиромъ 2-го баталіона, и при домѣ одна кухня; 2) домъ для отрядной канцеляріи; 3) домъ для проѣз-

жающихъ по дѣламъ службы чиновниковъ, временно занятъ школою № 2 баталіона; 4) амбаръ, занятый разными церковными припасами, всѣ 5 строеній деревянныя. Изъ землебитнаго кирпича построены: 1) домъ для помѣщенія гражданскихъ чиновниковъ, временно занятый конторою полугоспиталя, больными нижними чинами и школою артиллерійскихъ солдатъ; 2) при этомъ домѣ сарай для храненія экипажей и разныхъ казенныхъ вещей; 3) домъ, занимаемый окружнымъ приказомъ; 4) домъ для почтоваго отдѣленія, со службами, выстроенъ изъ жженаго кирпича, равно какъ и 5) флигель для аптеки и лабораторіи, всего деревянныхъ строеній гражданскаго вѣдомства 5, прочихъ, не считая службъ, тоже 5, а всѣхъ казенныхъ зданій въ акмоллинской крѣпости числится 37. Кромѣ казенныхъ, въ крѣпости есть немало и частныхъ деревянныхъ домовъ. Площадка, образованная Ишимскою лукою, занята солдатскими огородами.

Къ западу отъ акмоллинскаго селенія образовалась довольно порядочная солдатская слободка, въ которой, впрочемъ, неизвѣстно сколько домовъ. Послѣдніе по большей части безъ крышъ, т. е. съ однимъ потолкомъ, засыпаннымъ землею, хворостомъ и соломою; впрочемъ въ послѣднее время стали появляться и крытые тесомъ; огороды отдѣляютъ и эту слободку отъ Ишима, весеннимъ разливомъ своимъ часто довольно обидно потѣшающагося надъ солдатскими домиками. Крѣпостная башня, которою оканчиваются крѣпостные огороды и которою имѣлось въ виду обстрѣливать лѣвый берегъ рѣки, отъ подмыва воды грозитъ не сегодня, завтра рухнуть. Къ сѣверо-востоку отъ крѣпости, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ ея восточнаго полубастіона, расположена татарская слобода, такъ, однако, чтобы не закрывать собою сѣверный и восточный фронты крѣпости, вслѣдствіе чего, между послѣднимъ фронтомъ, татарскою слободкою и станицею образуется довольно обширная площадка, на которой у самой станицы возвышается деревянная *мечеть.* За татарскою слободою базаръ, гдѣ находится гостинный дворъ, заключающій въ себѣ, по отчету войсковаго правленія за 1863 годъ, 84 лавки. За базаромъ начинается слободка разночинцевъ, число домовъ въ которой намъ также неизвѣстно. Въ чертѣ станицы отчетъ войсковаго правленія называетъ слѣдующія общественныя зданія: 1) деревянный домъ о 2-хъ комнатахъ, построенный въ 1849 году, а въ 1853 году перенесенный на другое мѣсто; въ немъ помѣщается станичное управленіе; 2) деревянный домъ (длина 20, ширина 3½ саж.) о 2-хъ комнатахъ, построенъ въ 1845 году, а въ 1854 году перенесенъ на другое мѣсто; служитъ для храненія ору-

жія; 3) хлѣбный запасный магазинъ (длина и ширина 3 саж. 1 арш.), сложенъ изъ камня въ 1854 году, на тѣ же, какъ и предъидущія два, хозяйственныя средства. На счетъ же войсковой суммы построенъ въ 1844 году деревянный домъ (5 саж. длины и 2½ саж. ширины), о двухъ комнатахъ, предназначенный для училища; въ 1854 году онъ перенесенъ однако, хозяйственными станичными средствами, на другое мѣсто. Обывательскихъ домовъ отчетъ опредѣляетъ въ акмоллинской станицѣ 167, пороховой погребъ одинъ, кузница 1 и сарай для храненія пожарныхъ принадлежностей.

По отчету военнаго губернатора области за 1863 годъ, въ акмоллинскомъ селеніи считалось всѣхъ обывательскихъ деревянныхъ домовъ 365, слѣдовательно, за вычетомъ изъ нихъ 167 казачьихъ, на три остальныя слободки, т. е. на солдатскую, разночинцевъ и татарскую, а также и на частныя крѣпостныя зданія приходится всего 198 деревянныхъ домовъ, другихъ же, т. е. землебитныхъ, кромѣ казенныхъ, въ губернаторскомъ отчетѣ не показано; торговыхъ лавокъ отчетъ называетъ 72, мелочныхъ 10, салотопня въ окрестностяхъ Акмоллвъ (съ сѣверной стороны) одна, пороховыхъ погребовъ значится 2, кузницъ тоже 2, магазиновъ хлѣбныхъ 2, винный подвалъ 1, питейныхъ домовъ 11 и двѣ школы: станичная и киргизская.

Окрестности акмоллинскаго селенія открыты и скучны, также какъ атбассарская окрестная степь. Ни въ станицѣ, ни внѣ ея, не разведено ни одного садика. Зимою вокругъ селенія бѣлѣетъ одна безбрежная поляна, лѣтомъ глазъ отдыхаетъ только на виднѣющихся по ишимскимъ лугамъ копнамъ сѣна, гдѣ вышедшіе въ полѣ акмоллинцы находятъ единственную тѣнь. За лѣсомъ приходится ѣздить верстъ за 70 или 100. Луга дѣйствительно хороши и сѣнокошеніе кипитъ, но хлѣбопашество, какъ намъ уже извѣстно, здѣсь не двигается. Рыболовство тоже не особенно занимаетъ станичниковъ, ударившихся единственно въ извозъ и мелкую торговлю. Въ своемъ мѣстѣ было сказано о промышленномъ значеніи акмоллинскаго рынка, на которомъ бываетъ 2 ярмарочныхъ съѣзда и черезъ который двигается китайскій, а главное, весь средне-азіятскій транзитъ. Годъ отъ году усиливающееся значеніе этого промышленнаго центра области побудило правительство возвесть Акмоллы на степень города въ 1863 году, но доходовъ городскихъ еще никакихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ о нихъ не говорится въ послѣднихъ губернаторскихъ отчетахъ.

2) *Актавское укрѣпленіе*, заложенное въ 315 верстахъ къ югу отъ Акмолловъ и нынѣ упраздненное, расположено на открытой, пологопокатой къ рѣкѣ возвышенности лѣваго берега Маноки, въ разстояніи отъ послѣдней сажень на 200. Укрѣпленіе имѣетъ видъ небольшаго штернъ-шанца, къ восточной (прямой) сторонѣ котораго примыкаетъ параллелограмная ограда. Казенныя зданія были расположены всѣ внутри укрѣпленія. Они были возведены частію изъ сырцоваго кирпича, частію же стѣны строеній представляли два плетня, между которыми была набучена земля, а поверхность, обращенная въ покои, оштукатурена, равно какъ и наружная не во всѣхъ, впрочемъ, строеніяхъ. Въ штернъ-шанцѣ находился лазаретъ изъ сырцоваго кирпича, такая же гауптвахта, 4 плетневыя казармы съ кухнями, 4 дома для оберъ-офицеровъ и пороховой погребъ. Внутри пристройки стояли три плетневыя казармы, два магазина для склада провіанта и фуража, конюшни и караульня. Форштатъ расположенъ былъ сажень на 300 отъ укрѣпленія, на берегу Маноки; въ немъ насчитывалось въ 1863 году около 53-хъ плетневыхъ связей, принадлежавшихъ солдатамъ, казакамъ и торгующимъ ташкентцамъ или татарамъ. Отсутствіе всякой промышленности, кромѣ развѣ мелочной мѣны торговцевъ съ изрѣдка подъѣзжавшими сюда въ небольшомъ числѣ киргизами, сильная стужа и частые бураны зимою, а лѣтомъ нестерпимый зной, сухость воздуха, пыль, испорченная вода Маноки, затрудненіе подвоза строительнаго матеріала и дровъ, дороговизна на все и страшная скука,—цѣлыхъ 25 лѣтъ отравляли жизнь здѣшняго гарнизона, избавленнаго наконецъ правительствомъ отъ этой невыносимой стоянки.

О спасскомъ заводѣ ничего сказать не можемъ, потому что не были тамъ.

IV. *Баянъ-аульскій округъ* открытъ въ нынѣшнемъ своемъ составѣ 22-го августа 1832 года. Въ немъ три населенные или имѣющіе возможность быть такими пункта: Баянъ-аульское селеніе, тоже какъ и Акмоллы, именующееся городомъ, александровское плавильное отдѣленіе и кызылтавскій каменноугольный пріискъ.

1) *Баянъ-аульская станица* основана прежде открытія округа, именно въ 1826 году, въ 181 верстѣ къ югу отъ г. Павлодара, близь западнаго берега озера Сабунды, вѣрнѣе къ сѣверо-западу отъ него, но не у самаго озера, а въ 450 саженяхъ отъ него, въ предгорьяхъ группы Баянъ-аулы, прорѣзываемой поперечнымъ ручьемъ. По берегу этого впа-

дающаго въ озеро Сабунды ручья и стали строиться казачьи домики, выбиравшіе болѣе южную сторону ручья, какъ болѣе возвышенную. Почва подъ всѣми постройками песчано-каменистая, иногда домъ приходилось одною частію ставить на глыбахъ камня. Зданія всѣ сдѣланы изъ соснаваго, хорошаго лѣса, которымъ одѣты окаймляющія станицу немного съ сѣвера, съ запада и съ юга горы. Каменные холмы окружаютъ станицу. Съ каждаго изъ нихъ видъ селенія и окрестностей очень живописенъ, въ особенности же съ горъ, да и вообще съ холмовъ, преслѣдующихъ идущій съ сѣвера изъ г. Павлодара пикетный трактъ, который однако входитъ въ селеніе больше съ восточной его стороны.

Юго-западный уголъ станицы занимаетъ домъ окружнаго приказа (длина 8 саж., ширина $5^1/_3$ саж.), о 6-ти комнатахъ, построенный въ 1847 году. Западнѣе его, въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень на одномъ изъ холмовъ образовалась небольшая прямоугольная площадка, по сторонамъ которой расположены почти всѣ казенныя, а частію и общественныя зданія. Эта, обнесенная рогатками площадка носитъ у жителей названіе крѣпости. Здѣсь расположены слѣдующія казенныя зданія: 1) домъ, занимаемый отрядными казаками (длина 6 саж., ширина 3 саж.), о 3-хъ комнатахъ, построенъ въ 1834 году; 2) домъ, занимаемый чиновниками приказа (длина 18, ширина 3 саж.), о 7 комнатахъ, построенъ въ 1834 году; 3) избы двѣ въ одной связи и 2 амбара, а также погреба всѣ построены въ 1847 году, принадлежатъ къ предъидущему строенію; 4) казарма ($16^1/_3$ саж. длины и $3^2/_3$ саж. ширины), построена въ 1834 году; 5) казарменная кухня съ сѣнями и кладовою, построена въ 1863 году; 6) гауптвахта (длина $4^2/_3$, ширина 3 саж.), о 3-хъ комнатахъ, съ платформою, построена въ 1837 году. Всѣ эти зданія занимаютъ внутренній рядъ такъ называемой крѣпости. Южнѣе этого ряда, т. е. къ сторонѣ озера, на той же площади стоитъ 7) домъ отряднаго начальника (ширина и длина $5^1/_4$ саж. о 6-ти комнатахъ съ 4 печами), съ надворными строеніями: избою, амбаромъ и банею, построенъ средствами баянъ-аульскихъ казаковъ въ 1850 году, а въ 1851 году перестроенный съ разборкою почти всего дома и прислугъ, на что, съ разрѣшенія корпуснаго командира, было отпущено отъ войска 25 руб. сер.; 8) часовня деревянная стоитъ около этого дома, тоже внутри ограды у ея восточной стороны, она построена на добровольныя приношенія жителей. Домъ отряднаго начальника стоитъ, какъ мы уже сказали, ближе къ южной сторонѣ ограды, а на ея сѣверной сторонѣ расположены остальныя казен-

ныя и общественныя зданія. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: 9) винный подвалъ деревянный (длиною 4 саж. 2 арш., шириною 2½ сажени), на 20 бочекъ спирту, построенный въ 1847 году на войсковую сумму, отпущенную по смѣтѣ въ количествѣ 67 руб. 93¾ коп. сер.; 10) два сарая въ одной связи, для склада фуража (длина 6 и ширина 3 саж.), построенные хозяйственными средствами казаковъ въ 1856 году, вмѣщаютъ въ себѣ овса до 600 четвертей; 11) казенный провіантскій магазинъ (длина 12, ширина 3³/₇ саж.), построенъ въ 1849 году; 12) артиллерійскій сарай; 13) амбаръ для храненія инженерныхъ строительныхъ матеріаловъ (длиною 8 арш.): 14) навѣсъ для храненія пожарнаго инструмента, находится рядомъ съ гауптвахтою; 15) военный лазаретъ (длина 13, ширина 5 саж.), находится внѣ такъ называемой крѣпости; имъ оканчивается одна изъ поперечныхъ станичныхъ улицъ, направляющихся отъ горъ къ озеру; онъ состоитъ изъ 9-ти комнатъ, изъ коихъ 3 палаты для больныхъ (одна на 4 кровати, другая на 5, третья на 3, всего на 12 кроватей), находятся по одну сторону корридора, а другую занимаютъ: покой для аптеки гражданскаго вѣдомства, покой для аптеки военнаго вѣдомства, комната для ваннъ, арестантская палата, пріемный покой и умывальная съ отхожимъ мѣстомъ; при домѣ находится маленькій садикъ и огородъ, а также 16) баня и кухня, построенныя какъ и лазаретъ, въ томъ же 1843 году. Сзади лазарета, т. е. по направленію къ озеру, на холмѣ возвышается 17) *каменная церковь*, строющаяся съ 1858 года, на пожертвованную заводчиками Поповыми сумму, но до сихъ поръ не оконченная. Въ 1863 году оставалось покрыть куполъ, въ чемъ собственно и заключалась задержка, потому что кровельщиковъ въ степи не отъискалось. Вообще работа шла медленно, потому что во-первыхъ небольшимъ числомъ людей производилась, во-вторыхъ ею завѣдывалъ инженерный офицеръ. Рабочіе—солдаты здѣшней полуроты, матеріалъ, т. е. глина, изъ которой выжигались кирпичи, подъ рукою, фабричный матеріалъ, т. е. желѣзо въ готовомъ видѣ, исправно доставлялъ здѣшній купецъ Рычковъ, взявшійся также и за постройку баянъ-аульской 18) *мечети*, возвышающейся у самаго въѣзда въ селеніе (если ѣхать со стороны города Павлограда). На мечеть собрано было съ волостей 1,500 руб. сер., въ 1863 году предполагалось собрать еще 550 руб. сер., такъ что все ея устройство обойдется болѣе, нежели въ 2,000 р. сер. Деньги поступали въ руки Рычкова, который за строевой лѣсъ платилъ станичнымъ казакамъ по слѣдующему разсчету: за бревно въ 10 арш. длины и 5—7

вершк. толщины 70 коп. (съ доставкою разумѣется), за 7 арш. длины бревно толстое, т. е. 8-ми вершк., 50 коп. сер., а за 5—6 вершк. той же длины 35 коп. сер. Рабочихъ Рычковъ нанялъ изъ солдатъ здѣшней полуроты, именно 8 человѣкъ плотниковъ взяли съ него 500 руб. сер. за возведеніе мечети. Не извѣстно, какія и на какую сумму пошли на постройку фабричные матеріалы, но извѣстно, что мечеть началась строиться 8 ноября 1862 года и въ 8 мѣсяцевъ была уже готова. Тоже нѣтъ сомнѣнія, было бы и съ вышеупомянутою церковью, ежели бы она строилась частнымъ лицомъ: на годъ, много на два, затянулась бы работа, но не на 10 лѣтъ. Не упомянули мы еще о трехъ общественныхъ строеніяхъ, —это 19), экзерцпргаузъ (длина 5 саж. 1 арш., ширина 2 саж. 2 арш.) съ 2-мя печами, построенный въ 1850 году хозяйственными средствами казаковъ; 20) школа, деревянное же зданіе о двухъ комнатахъ съ сѣнями, занимающее въ длину 4½ саж., въ ширину 8½ аршинъ; построено въ 1850 году хозяйственными средствами казаковъ, но съ отпускомъ фабричныхъ матеріаловъ отъ войска на сумму 39 руб. 87¹/₁₆ коп. сер. и 21) деревянный домъ для священниковъ и церковныхъ служителей, по указу войсковаго правленія отъ 9-го іюня 1863 года пріобрѣтенный баянъ-аульскими казаками покупкою за 100 руб. сер., отпущенныхъ отъ войска, но съ возвратомъ изъ станичныхъ суммъ. Домъ имѣетъ въ длину 5 саж. 1½ арш., ширину 4 саж. ½ арш., крытъ тесомъ, о 4-хъ комнатахъ; при домѣ кухня, амбаръ, погребъ, баня, старая изба для птицъ, такъ что все мѣсто подъ домомъ со службами имѣетъ 16½ саж. въ длину и столько же въ ширину.

Всѣхъ обывательскихъ домовъ въ станицѣ отчетъ войсковаго правленія за 1863 годъ считаетъ 44, бань 10, мостовъ деревянныхъ 6. По губернаторскому отчету за тотъ же годъ частныхъ домовъ въ баянъ-аульскомъ селеніи считается 88. Южнѣе станицы и крѣпости, ближе къ послѣдней, почти у самаго озера, расположена солдатская слободка на площадкѣ, имѣющей около 100 саж. длины (по направленію къ озеру) и 70 саж. ширины. Дома всѣ деревянные, но также какъ и дома акмолинской солдатской слободки, да также какъ и нѣкоторые изъ станичныхъ баянъ-аульскихъ, безъ крышъ, т. е. вмѣсто теса крыты дерномъ. Входятъ ли солдатскіе дома въ счетъ 88-ми—не знаемъ; кажется не входятъ.

Жительскіе огороды жмутся по обѣ стороны протекающаго черезъ селеніе ручья, какъ выше станицы, такъ и ниже ея, а отчасти и въ

немъ самомъ. Весною ручей этотъ, обращаясь въ слишкомъ водный потокъ, случается, затопляетъ жительскіе огороды и смываетъ всю огородническую работу. Хлѣбопашество жители совсѣмъ оставили, сѣнокошеніемъ занимаются, но заработковъ по отдачѣ луговъ, какъ въ Акмоллахъ, здѣсь нѣтъ, за то случается казакамъ подвозить лѣсъ, иногда сѣно, на заводы, но какъ послѣдніе плохо дѣйствуютъ или даже стоятъ въ бездѣйствіи, то и приходится жителямъ сильно бѣднѣть, запивая горе въ двухъ открытыхъ здѣсь кабачкахъ. Въ 1863 году одинъ изъ нихъ принадлежалъ купцу Кузнецову, другой здѣшнему единственному торговцу Рычкову, успѣвающему, по его словамъ, продавать въ годъ до 700 ведеръ вина.

2) *Александровскій заводъ*, отстоящій отъ селенія къ сѣверу на 40 верстъ, описанъ нами въ главѣ III этой книги, а про

3) *Кызылтавскій*, находящійся въ 45 верстахъ къ востоку отъ города Баяна, сказано тамъ же.

V) *Каркараллинскій округъ* открытъ 8 апрѣля 1824 года. Въ немъ кромѣ Каркаралинской станицы, находятся еще Куфскій и Богословскій заводы, которые можно будетъ считать населенными мѣстностями, при возобновленіи на нихъ прежнихъ операцій по выплавкѣ рудъ. Описаніе этихъ заводовъ помѣщено въ главѣ III. Здѣсь будемъ говорить только о станицѣ.

Каркараллинская станица основана въ 1827 году на правомъ берегу вытекающаго изъ группы Каркара ручья, извѣстнаго подъ названіемъ рѣчки Каркараллинки. Рѣчка эта, впрочемъ, имѣетъ дурную привычку пересыхать лѣтомъ, а потому ниже селенія, для удержанія воды, стремящейся на сѣверъ въ озеро Кара-соръ, подѣланы плотины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по руслу выкопаны колодцы. Протягивающаяся почти на версту съ сѣвера на югъ улица раздѣляетъ селеніе на 2 части: западная состоитъ изъ казачьихъ хижинъ и только па самую улицу выходитъ нѣсколько казенныхъ зданій и порядочной постройки домовъ толмачей, а въ восточной, гдѣ стоятъ почти исключительно казенныя зданія, за которыми въ южной сторонѣ селенія находится хорошо обстроенная татарская слобода, и къ сѣверу отъ нея отдѣляясь небольшою площадью, построенъ гостинный дворъ. Отъ бывшаго укрѣпленія не осталось и слѣда; впрочемъ около гауптвахты замѣтенъ еще валикъ и канавка протягивающаяся до ручья. Покрытыя лѣсомъ горы подступаютъ къ самому селенію съ юга, запада и даже съ сѣвера; открытая, но тоже хол-

мистая местность тянется только на востокъ. Жительскіе огороды расположены на лѣвой сторонѣ Каркаралинки, а къ сѣверу отъ селенія немного и на правой.

Всѣ строенія деревянныя. Изъ казенныхъ зданій здѣсь находятся: 1) домъ занимаемый больными (длина 8, ширина 6 саженъ), стоитъ на южномъ концѣ селенія, по той сторонѣ главной улицы, гдѣ станица, состоитъ изъ 7 жилыхъ и 2 нежилыхъ комнатъ, построенъ въ 1832 году. При немъ: кухня, баня, амбаръ, конюшня и завозня, въ одной связи,— занимаются лазаретными вещами. На той же сторонѣ улицы, почти въ серединѣ, стоитъ 2) домъ, занимаемый гражданскими чиновниками, построенный въ 1847 году. При немъ амбаръ, конюшня и завозня. Напротивъ этого дома построено въ 1844 году зданіе (длиною 8, шириною 5 саженъ), занимаемое окружнымъ приказомъ, изъ 6 жилыхъ и одной нежилой комнаты. При немъ 2 амбара, построенные въ 1845 и 1846 годахъ. Къ сѣверу отъ приказа расположены по улицѣ же: 3) казарма для нижнихъ чиновъ здѣшней полуроты, построена въ 1840 году; 4) гауптвахта, изъ 4-хъ жилыхъ и 1 нежилой комнаты, построена въ 1842 году, когда возведена тутъ же и казарменная кухня. Южнѣе окружнаго приказа образуется небольшая площадка, въ серединѣ которой въ 1863 году возвышалась 5) церковь во имя св. Владиміра, обстроенная въ 1854 году на счетъ купца Попова. Церковь эта въ 1864 году сгорѣла, но на ея мѣстѣ, какъ говорятъ, будетъ строиться (если уже не построена) новая. Впрочемъ, кромѣ этой церкви, внѣ селенія, на его сѣверо-восточной сторонѣ стоитъ 6) часовня во имя св. Петра и Павла, построенная, на счетъ приношеній жителей, еще въ 1844 году. Сверхъ названныхъ, въ селеніи находятся: 7) провіантскій магазинъ (длин. 19, ширин. 3 саж.), построенный въ 1844 году, 8) другой (длин. 20, ширин. 4 саж.), построенный въ 1847 году; 9) караульня при провіантскихъ магазинахъ, построенная въ 1845 году; 10) винный подвалъ, постройки 1847 года; 11) пожарный навѣсъ, построенный въ 1845 году; 12) земляной пороховой погребъ, постройки 1849 года, и нѣкоторые другіе казенные сараи. Изъ войсковыхъ и общественныхъ зданій здѣсь находятся: 13) казарма на каменномъ фундаментѣ въ 2-хъ отдѣленіяхъ и при ней кухня въ двѣ комнаты (длина казармы $2^1/_2$ саж., ширина 1 саж. и 1 арш.), постройки 1853 года; 14) винный подвалъ (длина 5, шир. 3 саж.) построенный въ 1848 году, также какъ и первая постройка, на войсковую сумму; 15) амбаръ для храненія фуража, построенъ въ 1851 году,

тоже на войсковую сумму, но отчасти и средствами казаковъ; 16) цейхгаузъ, (длин. 4, шир. 3 саж.), построенъ въ 1854 году, на счетъ однихъ водворенныхъ здѣсь казаковъ; 17) домъ (длин. 6 саж. 1 арш. 12 вершк., ширин. $3^1/_2$ саж.) о 3-хъ комнатахъ, занимаемыхъ сборной, школой и отрядною канцеляріею и 18) конюшня (длин. 38 саж., ширина $1^1/_2$ саж.), оба зданія возведены въ 1853 году казаками, фабричный матеріалъ присланъ отъ войска.

Частныхъ домовъ отчетъ войсковаго правленія за 1863 годъ считалъ въ Каркараллахъ 140, лавокъ 35, мельницъ вѣтряныхъ 2, бань 30 и 4 деревянныхъ моста.

По отчету губернаторскому за тотъ же годъ въ селеніи считалось: 8 казенныхъ домовъ, 4 общественныхъ и 143 обывательскихъ, изъ коихъ одинъ каменный; церквей показано двѣ: одна изъ нихъ, какъ мы уже знаемъ, находится на богословскомъ заводѣ, другая считается сгорѣвшая; часовня, лазаретъ, о которомъ мы говорили сейчасъ; двѣ школы: одна казачья, другая киргизская; одна водяная мельница, находящаяся вблизи селенія, нѣсколько сѣвернѣе его; заводовъ 2, одинъ рудоплавильный, другой кожевенный; 3 кузницы, одинъ питейный домъ, казенныхъ магазиновъ: 1 фуражный и 4 хлѣбныхъ; одинъ пороховой погребъ и 36 лавокъ, изъ коихъ 28 названо торговыми и 8 мелочными, наконецъ 19) мечеть, находящаяся въ восточной части татарской слободки.

Ни хлѣбопашество, ни луговодство, ни огородничество, ни рыболовство у каркаралинскихъ жителей не развиваются сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Застой въ заводской промышленности довольно сильно отражается и на благосостояніи каркаралинскихъ станичниковъ, находящихъ въ настоящее время заработки въ подвозѣ сѣна и лѣса къ спасскому заводу, да въ перевозкѣ руды на линію. Торговля здѣшнихъ лавочниковъ съ кочевыми жителями идетъ успѣшно, но поселенцамъ отъ этого пользы никакой нѣтъ, только развѣ полавочный сборъ, за то и покупать все у тѣхъ же торгашей приходится дороже, нежелли акмоллинскимъ жителямъ. Въ заключеніе представляемъ, какую только можно было составить, общую перечневую вѣдомость областнымъ строеніямъ:

ПЕРЕЧНЕВАЯ

областнымъ населеннымъ пунктамъ и находящимся въ

Названіе округовъ.	Число существующихъ.					Число заключаю					
				При селеніяхъ отдѣльныхъ слободокъ.					Прочихъ общественныхъ, каменныхъ и войсковыхъ зданій.	Част	
	Станицъ.	Выселковъ.	Укрѣпленій.	Татарскихъ.	Солдатскихъ и разночинцевъ.	Церквей.	Часовенъ.	Мечетей.	Отчетъ губернатора за 1863 годъ.	Жилыхъ домовъ.	Лавокъ. По
Кокчетавскій	6	4	—	—	—	3	—	2	29	1.448	97
Атбассарскій	4	2	—	—	—	2	1	—	15	787	16
Акмоллинскій	1	—	1	1	1	1	—	1	37	365	84
Баянъ-аульскій . . .	1	—	—	—	1	1	1	1	14	88	Отчетомъ не показана одна здѣсь существ.
Каркаралинскій	1	—	—	1	—	2	1	1	12	143	35
Всего въ области .	13	6	1	2	2	9	3	5	107	2.831	232

Примѣчаніе 1-е. Обозначенныя церкви находятся въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ Кокчетавской ста
лукской—Атбассарскаго, въ Акмоллахъ, Баянѣ и въ Каркаллинскомъ округѣ: одна въ станицѣ, другая
станицѣ, Имантавской и 6 въ окрестностяхъ селеній Кокчетавскихъ, всего 8; въ Акмоллахъ одна и

Примѣчаніе 2-е. Въ числѣ заводскихъ зданій считаются слѣдующія: *на Александровскомъ заводѣ*:
немъ кухня, нѣсколько амбаровъ и навѣсовъ въ одной связи, для храненія всего заводскаго имуще
рабочихъ, 2 дома для служащихъ женатыхъ, изба нарядчика на работы, изба машиниста, всего 15.
работами, деревянная казарма для казаковъ, итого 4, а всего въ Баянъ-аульскомъ округѣ 19. Изъ
фабрики, сарай, примкнутый къ одному изъ фабричныхъ зданій, амбаръ, пробирная о 3-хъ комнатахъ,
для заводчиковъ, кухня при немъ, амбаръ, флигель, баня, другая казарма, водяная мельница ветхая,
въ одной связи; одноэтажный домъ для заводчиковъ, кухня и флигель при немъ, всего 26 отдѣльныхъ
казарма для казаковъ, домъ для управляющаго и примыкающія къ нему зданія, домъ для священ
итого 28, а всего въ каркаралинскомъ округѣ 54 строенія.

ВѢДОМОСТЬ

нихъ строеніямъ: деревяннымъ, каменнымъ и землянымъ.

щихся въ нихъ.							Внѣ станицъ заводовъ, какъ пунктовъ населенныхъ.			Число заключающихся въ нихъ заводскихъ строеній.	Упраздненныхъ укрѣпленій.	Число.		
цыхъ строеній.														
Кузницъ.	Заводовъ кожевенныхъ и салотопныхъ.	Мельницъ. Водяныхъ.	Вѣтряныхъ.	ВСЕГО.	Бань въ станицахъ.	Мостовъ деревянныхъ.	Дѣйствующихъ.	Закрытыхъ.	ВСЕГО.			Волостей.	Въ нихъ домовъ киргизскихъ.	Мечетей.
отчету войсковаго правленія 1863 года.													Отчетъ губернатора за 1863 годъ.	
23	7	25	67	93	160	30	—	—	—	—	1	15	612	6
3	Въ отчетѣ не показано.	—	13	13	88	4	—	—	—	—	2	7	25	—
1		—	—	—	Въ отчетѣ не показано.	—	1	—	1	Не извѣстно.	1	20	5.268	1
Не обозначено въ отчетѣ.		—	—	—	10	6	2	—	2	19	1	15	3.646	—
		—	2	2	30	4	1	1	2	54	1	17	105	—
27	7	25	83	108	288	44	4	1	5	73	6	74	9.656	7

ницѣ, Котуркульской и Арыкъ-Балыкской — Кокчетавскаго округа, въ Атбассарской и Аксапъ-бурпа Богословскомъ заводѣ. Часовни: въ Атбассарѣ, Баянѣ и Каркараллахъ. Мечети: въ Кокчетавской въ волостяхъ этого округа одна; наконецъ, по одной въ Каркараллахъ и Баянѣ, всего 12 мечетей.

корпусъ завода съ разными къ нему пристройками, пробирная, домъ для управляющаго заводомъ, при ства, баня, плотничная, казарма для казаковъ, изба для помѣщенія конторы, 2 дома для холостыхъ *На Кызылтавскомъ заводѣ*: старое заводское зданіе, новый сарай съ печами, домъ для надзирателя за находящихся на Благодато-Стефановскомъ (Куфскомъ) заводѣ считаются слѣдующія: 2 плавильныя мельница вѣтряная для толчей, двѣ водяныя толчеи, полуразрушенная казарма, двухъ-этажный домъ кузница, плотничная, землянка, двѣ полуразрушенныя избушки, пекарня, амбары, завозня и конюшня строеній. *На Богословскомъ заводѣ:* корпусъ завода, пробирная, домъ для заводчиковъ, больница, ника, нѣсколько амбаровъ въ одной связи и до 20 разныхъ землянокъ или деревянныхъ избушекъ;

В) Пикеты.

Областные пикеты, т. е. мѣста расположенія станцій, принадлежатъ къ временнымъ жилымъ мѣстностямъ. Смотря по мѣсту своего расположенія, станціи эти пользуются весьма неодинаковыми удобствами для ихъ обитателей. Мы раздѣляемъ всѣ населенные или представляющіе къ тому удобство пункты на три разряда: I), станціи нынѣшнихъ почтовыхъ трактовъ, II), каркараллинско-акмоллинской дороги пикеты и III), пикеты упраздненныхъ акмоллинско-актавскаго и атбассаро-улутавскаго трактовъ. Лучшими по возведеннымъ постройкамъ и мѣсту расположенія должно считать:

I. Пикеты, расположенные по почтовымъ трактамъ: отъ г. Петропавловска до г. Акмолловъ, и отъ г. Павлодара до Каркаралловъ. Каждый изъ стоящихъ на этихъ трактахъ почтовыхъ домиковъ состоитъ изъ комнаты для проѣзжающихъ (съ голландскою печью разумѣется), аммуничника, довольно порядочнаго вида казармы для казаковъ (съ русскою печью), амбара для овса (который, впрочемъ, у иныхъ хранится въ аммуничникѣ,—тогда амбара нѣтъ), конюшни, навѣса или завозни и почти при каждомъ же былъ разведенъ огородъ, при нѣсколькихъ изъ пикетовъ были устроены бани, колодцы и кое-какія другія обзаведенія; на нѣкоторыхъ стоятъ устроенные казною провіантскіе магазины, каменные и деревянные; наконецъ съ передачею почтъ изъ вѣдомства сибирскаго казачьяго войска въ вольныя руки, на многихъ изъ нихъ появились и отдѣльные почтъ-содержательскіе домики со службами, а гдѣ ѣзда шла бойчѣе, какъ напримѣръ между Петропавловскомъ и Кокчетавомъ, появились и постоялые дворы съ разными при нихъ обзаведеніями (яманъ-тузскій пикетъ). Къ разбираемой нами категоріи населенныхъ пунктовъ надобно добавить еще четыре пикета, именно: два находящіеся въ кокчетавскомъ округѣ: *кылчактинскій*, стоящій на полупути между щучинскимъ выселкомъ и кокчетавскою станицею, и *чолкарскій*, служащій соединеніемъ кокчетавской станицы съ чалкарскою, которая, безъ этого соединительнаго пункта, отстояла бы отъ своей штабъ-квартиры на 50-ти верстномъ перегонѣ, и находящійся въ атбассарскомъ округѣ пикетъ *ащилинскій* или *джиландинскій*, находящійся въ 40 верстахъ отъ Атбассара, и *Балананскій*, сѣвернѣе предъидущаго, на 25 верстъ. Каждый изъ нихъ состоитъ изъ большой избы со службами на дворѣ и, хотя другихъ обзаве-

деній нѣтъ, но имъ, если только тракты не измѣнятся, очень легко появиться со временемъ, потому что мѣста расположенія пикетовъ не лишены удобствъ, кромѣ развѣ балананскаго, который, какъ мы уже упоминали въ отдѣлѣ «Пути Сообщенія», имѣлось въ виду снять.

Такимъ образомъ, порядочно обстроенныхъ станцій, деревянныхъ, крытыхъ тесомъ, и съ кое-какими хозяйственными обзаведеніями, въ области считается въ настоящее время 33. Онѣ распредѣлены по областнымъ округамъ слѣдующимъ образомъ:

Названія округовъ.	Названія станцій.	Число верстъ между названными станціями почтоваго тракта.	ПРИМѢЧАНІЯ.
КОКЧЕТАВСКІЙ.	1) Каратальская. .	22 версты отъ Петропавловска.	
	2) Каратомарская .	18 отъ предъидущей.	
	3) Камышловская . (Теренгульская).	28 — —	Здѣсь стоитъ для конвоя проѣзжающихъ 15 казаковъ при одномъ урядникѣ, отъ Кокчетавскаго отряда.
	4) Ямантузская . .	28 — —	
	5) Мизьгильская .	35 — —	
	6) Азатская. . . .	30 — —	Отъ Азата до Кокчетава 28, а отъ Кокчетава до Чаглинки 27 верстъ.
	7) Чаглинская. . . (Кошкарбайская).	55.	
	8) Чилкарская . .		
	9) Кылчактинская.		
Итого . .	9 станцій.		
АТБАССАРСКІЙ.	1) Зерендинская . (Карагайлы-кульская).	24 отъ Чаглинской.	
	2) Айдабульская .	24 — —	Здѣсь находится провіантскій складъ и стоятъ для конвоированія проѣзжающихъ 6 казаковъ при одномъ урядникѣ, отъ Кокчетавскаго отряда.

Навванія округовъ.	Названія станцій.	Число верстъ между названными станціями почтоваго тракта.	ПРИМѢЧАНІЯ.
АТБАССАРСКІЙ	3) Сандыктавская .	35 — —	
	4) Сарымсактинская	23 — —	Отъ Сарымсактава до Атбассара 35, отсюда до Байджигитскаго 30 верстъ.
	5) Ащилинская . . (Джиландинская).		
	6) Баланакская . . .		
Итого . .	6 станцій.		
АКМОЛЛИНСКІЙ.	1) Байджигитская .	65 — —	
	2) Калгутонская .	17 — —	
	3) Амантайская . .	20 — —	
	4) Кара-обинская .	23 — —	Здѣсь находится провіантскій складъ (деревянное зданіе).
	5) Чанчарская. . .	27 — —	
	6) Джиландинская.	21 — —	
	7) Кара-мендинская	29½— —	Здѣсь находится для склада провіанта каменное зданіе.
	8) Бармакская . .	28 — —	Отъ Бармака до Акмолловъ 32 версты.
Итого . . .	8 станцій.		
БАЯНЪ-АУЛЬСКІЙ.	1) Калкаманская. .	33½ отъ Павлодара.	
	2) Яманъ-тузская .	37 — —	
	3) Койдаульская. .	30 — —	Здѣсь находится провіантскій складъ и стоитъ конвой изъ 15 казаковъ при одномъ урядникѣ, отъ Баянъаульскаго отряда.
	4) Чакчанская . .	32 — —	
	5) Карасорская . .	24½— —	Отъ Карасора до Баяна 24, а отсюда до Сартава 24½ версты.
Итого . .	5 станцій.		

Названія округовъ.	Названія станцій.	Число верстъ между названными станціями почтоваго тракта.	ПРИМѢЧАНІЯ.
КАРКАРАЛЛИНСКІЙ.	1) Сартавская . .	48½— —	
	2) Бель-агачская .	22½— —	
	3) Джильтавская .	23 — —	Здѣсь стоитъ конвой изъ 15 казаковъ при одномъ урядникѣ, отъ Каркараллинскаго отряда.
	4) Куяндинская . .	25 — —	
	5) Сіирлинская . .	26½— —	
Итого . .	5 станцій.		

А всего 33 станціи и 5 провіантскихъ магазиновъ, слѣдовательно 38 казенныхъ зданій; прочія—частныя, число ихъ точно неизвѣстно ни приказамъ, ни станицамъ.

Объ удобствахъ расположенія всѣхъ названныхъ пунктовъ было говорено въ очеркѣ «Путей Сообщенія» (глава I, этой книги), и потому здѣсь въ подробное описаніе станцій не входимъ.

II. Пикеты каркараллинско-акмоллинскаго тракта, по устройству своему и домообзаведеніямъ, должно поставить на второмъ мѣстѣ. Также какъ и предъидущаго тракта пикеты, они построены изъ дерева, но каждый домикъ заключаетъ въ себѣ одну казарму съ нарами и русскою печью; къ домику съ внутренней его стороны пристроена крошечная кладовая для овса; на дворѣ стоятъ навѣсы; этимъ все устройство и ограничивается. Комнатъ для проѣзжающихъ нигдѣ нѣтъ; только на пикетахъ джосасалинскомъ и нурбайскомъ, для живущихъ здѣсь дистанціонныхъ начальниковъ, имѣются, рядомъ съ казармою, отдѣльныя квадратныя каморки, каждая аршина въ 2½ въ сторонѣ. Ни огородовъ, ни какихъ другихъ обзаведеній, ни на одномъ изъ этихъ пикетовъ не встрѣчается, хотя многіе изъ нихъ, почти всѣ, находятся по близости лѣсистыхъ мѣстностей и вообще отличаются многими удобствами расположенія, о чемъ было говорено въ своемъ мѣстѣ На джосалинскомъ и чертамдинскомъ пикетѣ возведены изъ камня зданія для склада провіанта. Всѣхъ пикетовъ 12, изъ нихъ 6: бабатальскій (20 верстъ отъ Акмолловъ), кызылъ-джарскій (33 вер. отъ предъидущаго), чертамдинскій (35 верстъ),

аюлинскій (25 верстъ), яхши-ніязскій (20 верстъ) и чидерлинскій (26 верстъ), входятъ въ составъ акмоллинскаго округа; другіе 6: нурбайскій (34 вер. отъ предъидущаго), сійректашскій (18 верстъ), бель-агачскій (35 верстъ), джосалинскій (30 верстъ), джумуркалинскій (18 верстъ) и кипчакскій (28 верстъ отъ предъидущаго и 30 верстъ отъ Каркараллovъ), входятъ въ составъ каркараллинскаго округа. Всего, стало быть, казенныхъ зданій между Акмоллами и Каркараллами 14, изъ нихъ: 12 деревянныхъ пикетовъ и 2 каменныхъ провіантскихъ магазина.

III. Къ третьей категоріи принадлежатъ пикеты нынѣ упраздненныхъ трактовъ: акмоллинско-актавскаго, на которомъ числилось только одно деревянное зданіе, прочія были плетневые, набученные землею домики, и улутаво-атбассарскаго, на которомъ тоже только одинъ пикетъ урманбетскій, стоящій на Ишимѣ, выстроенъ изъ дерева, прочіе изъ камня или землебитнаго кирпича. Изъ того же матеріала сложены и провіантскіе магазины, находящіеся по первому тракту на пикетахъ: кубетейскомъ, тленынъ-чатинскомъ и ескинейскомъ, а по тракту къ Улутаву на пикетахъ: теречь-акканскомъ, кокчетавскомъ и арганатинскомъ. За исключеніемъ двухъ вышеупомянутыхъ деревянныхъ пикетовъ, каждый изъ остальныхъ, обоихъ названныхъ трактовъ, имѣлъ видъ землянки, на свѣту имѣвшей высоты немного больше сажени, а въ землѣ сидѣвшей на аршинъ. Землянка раздѣлялась отъ входа на двѣ половины: одна съ болѣе толстыми стѣнами составляла казарму, отогрѣвавшуюся двумя печами, вдоль стѣнъ были устроены деревянныя нары, а на концѣ, была отдѣлена комната для урядника, другую половину, болѣе низкую, потому что она въ землю не углублялась,—составляли кладовыя, сарай и конюшня. Дворъ пикета окопанъ невысокимъ валикомъ; иногда, гдѣ можно было достать сколько-нибудь жердинъ, изъ него, для лучшаго укрытія отъ холода, образовывали навѣсъ. На улутавоатбассарскомъ трактѣ, слѣдовательно въ составѣ атбассарскаго округа, было 10 такихъ землянокъ и одинъ деревянный пикетъ, какъ всѣ деревянныя постройки этого рода; а на актаво-акмоллинскомъ, т. е. въ составѣ акмоллинскаго округа, 8 землянокъ и тоже одинъ деревянный пикетъ, всего съ провіантскими складами, въ первомъ числится 14, во второмъ 12 казенныхъ зданій.

Объ удобствахъ расположенія пикетовъ на этихъ упраздненныхъ трактахъ было говорено въ очеркѣ путей сообщенія глава I-я).

Въ слѣдующей таблицѣ сведены всѣ исчисленныя казенныя зданія, расположенныя по всѣмъ областнымъ дорогамъ:

НАЗВАНІЯ ОКРУГОВЪ.	Число пикетовъ.	Число провіантскихъ магазиновъ.	Всего казенныхъ зданій.	Названія провіантскихъ магазиновъ съ обозначеніемъ ихъ вмѣстимости.
Кокчетавскій . . .	9	—	9	
Атбассарскій . . .	17	4	21	Айдабульскій на 300 четв., Терсъ-акканскій 350 четв., Кокчетавскій 300 и Арганатинскій 300 четвертей.
Акмоллинскій . . .	23	6	29	Кара-обинскій 300 четв., Кара-мендынскій, Чертандинскій 300 четв., Кубетейскій 300 четв., Тлеланъ-чатанскій 300 четв., Ескинейскій 320 четвертей.
Баянъ-аульскій . . .	5	1	6	Койдаульскій на 300 четвертей.
Каркаралинскій . . .	11	2	13	Джильтавскій на 300 четв. и Джосалинскій на 100 четвертей.
Всего въ области .	65	13	78	

О пикетахъ, коими соединялось джаркаинъ-агачское укрѣпленіе съ Атбассаромъ, и тѣхъ, которые были поставлены на соединеніи кушъ-мурунскаго приказа съ линіею, учь-булакскаго урочища съ николаевскою станціею и городомъ Акмоллами, каркаралинскаго селенія съ г. Сергіополемъ, и нѣкоторыхъ другихъ,—не говоримъ, потому что почти ни отъ одного изъ нихъ слѣда не осталось, что, вѣроятно, скоро случится съ зданіями недавно упраздненныхъ южныхъ областныхъ трактовъ. Киргизы въ этихъ случаяхъ очень любятъ помогать времени.

Общую перечневую вѣдомость всѣмъ находящимся въ области строеніямъ не составляемъ по неудовлетворительности отчетныхъ данныхъ.

Развалины и памятники.

Разсѣянныя въ разныхъ частяхъ области памятники старины являются въ видѣ курганов, древнихъ каменныхъ загоновъ для скота, глиняныхъ укрѣпленій, капищъ, башень и разныхъ другихъ каменныхъ, кирпичныхъ, глиняныхъ и деревянныхъ зданій, устроенныхъ надъ могилами давнихъ и нынѣшнихъ обитателей степи. Архитектура развалившихся строеній, соединенныя съ этими памятниками древности сказанія киргизовъ и отчасти матеріалъ, изъ котораго возведены оставшіяся постройки, даютъ поводъ отнести ихъ къ 3-мъ разнымъ эпохамъ: I). одни принадлежатъ времени, предшествовавшему подчиненію степи джунгарамъ; II. другіе явились въ періодъ ихъ владычества; III). третьи послѣ паденія джунгарскаго царства.

I. Памятники перваго разряда ничего не объясняютъ намъ изъ исторіи той или другой части киргизъ-кайсацкаго народа. Сказки о происхожденіи этихъ памятниковъ—не преданіе, а плодъ живаго воображенія новѣйшихъ киргизскихъ трубадуровъ. Импровизаторы-пѣвцы, о которыхъ мы говорили въ V главѣ этого описанія, объ одномъ и томъ же памятникѣ разсказываютъ разныя исторіи, точно также и повторяющіе слышанныя ими отъ своихъ пѣвцовъ сказки, киргизы разнорѣчатъ въ показаніяхъ, смотря потому, кому кого пришлось слышать, разнорѣчатъ до того, что одинъ относитъ происхожденіе какого-либо капища, положимъ, ко временамъ давнопрошедшимъ, когда степью владѣли монголы или какой-то часто упоминаемый киргизскими разсказчиками народъ *мыкъ*, другіе приписываютъ ихъ времени господства въ степи калмыковъ, а третьи къ самому позднему времени. Когда существуетъ такое разногласіе про исторію происхожденія извѣстнаго памятника, послѣдній, можно уже догадываться, принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ памятниковъ, въ чемъ окончательно убѣждаетъ наблюдателя матеріалъ, изъ котораго сложено зданіе. Если это хорошо обожженный кирпичъ — строеніе, навѣрное, принадлежитъ времени до-джунгарскаго періода, потому что калмыки, какъ доказываютъ иногда чрезвычайно обширныя постройки, принадлежавшія уже несомнѣнно этому народу, не умѣли такъ обжигать кирпичъ, хотя всѣ нужные къ тому матеріалы были около этихъ построекъ. Но найдя такіе, впрочемъ несовершенные, способы относить извѣстныя строенія къ древнему періоду, мы все-таки въ этомъ послѣднемъ

не дѣлаемъ никакихъ открытій. Можно развѣ замѣтить только одно: на сѣверѣ степи не встрѣчается могильныхъ зданій такой архитектуры, какая принята была на югѣ, но наоборотъ того же самаго сказать нельзя, такъ что, напримѣръ, находимые на сѣверѣ остатки круглыхъ башенъ *), состоящіе изъ однихъ основаній безъ стѣнъ, давно разнесенныхъ нынѣшними кочевниками, точно также встрѣчаются и на югѣ.

По тѣмъ основаніямъ кирпичныхъ строеній, которыя вамъ покажутъ въ долинѣ Иртыша близлинейные киргизы, ничего не знающіе объ исторіи происхожденія разрушенныхъ ими или ихъ предшественниками зданій, вы можете дорисовать въ своемъ воображеніи такую самую башню, которая, напримѣръ, возвышается въ чуйской долинѣ, у подошвы александровскаго хребта, напротивъ нашего укрѣпленія Токмакъ **). Напротивъ, тѣхъ кирпичныхъ же какъ башни, но кубическихъ съ куполами строеній, которыми богатъ югъ степи, на сѣверѣ не встрѣчается. Благодаря во-первыхъ матеріалу, во-вторыхъ необитаемой или мало-обитаемой мѣстности, гдѣ находятся эти древнія постройки, и въ-третьихъ тому, что досужее воображеніе позднѣйшихъ обитателей степи успѣло связать какое-либо событіе изъ древней исторіи киргизовъ съ появленіемъ на свѣтъ извѣстнаго строенія, такимъ образомъ освященнаго въ глазахъ нынѣшнихъ кочевниковъ, нѣсколько экземпляровъ древняго зодчества сохраняется и по настоящее время. Таковы почитаемыя киргизами священными зданія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ бассейна р. Кара-кингирь и въ той части голодной степи, которая отдѣляетъ низовья р. Сары-су отъ Сыръ-дарьи. Крайнимъ сѣвернымъ предѣломъ распространенія этихъ зданій можно назвать теченіе р. Нуры, по берегамъ которой г. Шангинъ нашелъ много разныхъ памятниковъ, описанныхъ имъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» 1820 года. Большая ихъ часть принадлежитъ ко времени калмыковъ, однако между ними есть и древнія постройки разбираемаго нами отдѣла. Такова, напримѣръ, могила Батакая, находящаяся на лѣвой сторонѣ Нуры, въ 27-ми верстахъ отъ ея устья и въ одной верстѣ отъ берега рѣки. Мы не видѣли этого памятника, но, судя

*) Про одну, вѣроятно, изъ числа такихъ башенъ упоминаетъ г. Броневскій въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1830 года (стр. 246), описывая развалины строенія, находившагося противъ форпоста Подпускнаго и называвшагося Колбасинскою башнею.

**) Башня эта сохранилась въ цѣлости и по настоящее время. Она была осмотрѣна и снята находившимся при занимавшемъ въ 1864 году зачуйскій край отрядѣ, штабсъ-капитаномъ Валихановымъ. Не знаемъ, помѣщено-ли гдѣ-нибудь ея описаніе.

по описаніямъ г. Шангина и съемщиковъ нуринской мѣстности *), онъ ни по матеріалу, ни по способу кладки кирпича, ни по архитектурѣ, ничѣмъ не отличается или очень мало чѣмъ отъ видѣнныхъ нами древнихъ построекъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ по бассейну р. Кара-кингиръ и на перешейкѣ, которымъ отдѣляются телекульскія озера отъ Сыръ-дарьи. Въ существованіи же около Батакая древняго города, о которомъ говоритъ Шангинъ, позволительно сомнѣваться и каждому, не видѣвшему мѣсто расположенія Батакая.

Назовемъ нѣкоторые замѣчательнѣйшіе памятники этого разряда.

1) На вышеупомянутомъ перешейкѣ голодной степи, по берегу сухаго русла, протягивающагося въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу и составляющаго, по разсказамъ посѣщавшихъ эти мѣста киргизовъ, продолженіе р. Чу, нѣкогда вливавшей свои воды близь урочища Беръ-казанъ въ Сыръ-дарью (по тѣмъ же разсказамъ), находятся 3 могилы, отстоящія одна отъ другой на 200 или 300 сажень. Вся окрестъ лежащая, нынѣ безлюдная, мѣстность составляетъ продолженіе той песчаной полосы, которая примыкаетъ къ низовьямъ лѣваго берега Чу. Холмы песка, отчасти переносимаго вѣтромъ, отчасти уже скрѣпленнаго корнями рѣдко разбросаннаго здѣсь саксаула и другихъ приземистыхъ растеній, начинаютъ замѣтно понижаться къ западу именно съ того мѣста, которое украшено 3-мя названными памятниками, ничѣмъ неразличающимися одинъ отъ другаго. Одна изъ могилъ, восточнѣе стоящая, уступила времени большую часть купола, возвышающагося надъ тоже полуобвалившимися стѣнами кубическаго корпуса; другая нѣсколько разрушена у входа, третья (западная) вся сохранилась. У входа въ эту послѣднюю, на фундаментальныхъ плиткахъ кирпича, слабо замѣтна монголь-

*) Мѣстность нижнихъ частей Нуры глазомѣрно снималъ (въ 1830—1831 гг.) 10 верстъ въ 1-мъ дюймѣ. сотникъ Шихматовъ. По его описанію, могила Батакая сохранилась почти въ цѣлости. Длина основанія кирпичнаго корпуса могилы 5 саж., ширина 4 саж.; вышина 3, до стоящаго надъ корпусомъ купола 2, всего 5 сажень; внутри корпусъ имѣетъ тоже прямоугольное основаніе; по стѣнамъ могилы 3 большія ниши, и надъ каждою три малыя; стѣны внутри выштукатурены и выбѣлены. Въ основаніи купола 4 отдушины. каждая высотою въ 1 арш., широтою ¾ арш. Въ основаніи могилы замѣтна кладка въ два ряда брусьевъ, добытыхъ вѣроятно изъ ближнихъ ущелій. Кирпичъ имѣетъ форму квадрата въ 6 вершковъ по сторонѣ; толщина его вершокъ. Свѣдѣнія эти и планъ могилы Батакая можно найдти въ тѣхъ топографическихъ описаніяхъ степной мѣстности, составленныхъ офицерами сибирскаго казачьяго войска, которыя, въ числѣ 7 тетрадей, хранятся въ архивѣ генеральнаго штаба подъ № 33363.

ская надпись. Всѣ могилы имѣютъ видъ кубовъ (тѣхъ же размѣровъ, какъ и могила Батакая), надъ которыми возвышаются куполы нѣсколько меньшихъ размѣровъ, нежели корпусъ; высота же всего зданія не превышаетъ 6 ти сажень; толстота стѣнъ корпуса болѣе $1/2$, но менѣе $3/4$ аршина. Кирпичъ имѣетъ длину 6—7 вершковъ, ширину же нѣсколько меньшую, нежели длину, а толстоту вершковую. Мѣсто расположенія могилъ находится, приблизительно, въ 50 верстахъ къ югу отъ устья р. Сары-су, на линіи, которую мы провели бы отъ этого устья къ находящейся на р. Сыръ-дарьѣ точкѣ, отстоящей въ равномъ разстояніи отъ форта Перовскій и укрѣпленія Джулекъ. Верстахъ въ 2-хъ или 3-хъ къ западу отъ вышеозначенныхъ 3-хъ могилъ, виднѣются еще двѣ, вѣроятно такія же. Состоявшій при насъ вожакъ-баганалинецъ, успѣвшій сосчитать эти пять могилъ прежде, нежели его спросили, какъ называется урочище, не задумался отвѣтить, что урочище это называется Бисъ-тамъ (т. е. пять могилъ) и что здѣсь прежде былъ ногайскій городъ (вѣроятно такой же, какъ и на берегахъ Нуры, около Батакая). Многіе изъ стоящихъ по берегамъ р. Кара-кингирь памятниковъ схожи по постройкѣ съ тремя упомянутыми, только надписей на нихъ никакихъ не видно. Такова, напримѣръ, 2) могила *Джансеита* *), находящаяся на правой

---

*) Это вѣроятно тотъ самый памятникъ, про который Левшинъ въ своемъ «Описаніи киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей» (часть первая стр. 206) говоритъ слѣдующее: «на берегу Кара-кингиря есть развалины палатъ и мечети, называемыя Джанъ-ана. Говорятъ, что тутъ былъ дворецъ одного изъ потомковъ Чингисовыхъ». Слѣдовъ палатъ или мечети, о которыхъ говоритъ авторъ названной книги, нигдѣ не встрѣчается по р. Кингирю, которой все теченіе намъ пришлось строго прослѣдить въ 1862 году; о развалинахъ подобнаго рода, равно какъ и о дворцѣ Чингиса, здѣшніе жители тоже не упоминаютъ.

На той же страницѣ названной книги сказано: «*Белянъ-ана* развалины города. Они лежатъ при р. Сары-су, на одинъ день ѣзды отъ озера Телекуль, въ которое она впала. Длина сихъ развалинъ верстъ 6, ширина около одной версты». Этихъ развалинъ тоже не довелось намъ видѣть, хотя Сары-су нами пройдена на всемъ ея протяженіи. Случилось, впрочемъ, слышать отъ здѣшнихъ киргизовъ слѣдующее:

Алача-ханъ имѣлъ 3-хъ женъ: Булганъ-ана, Талмисъ-ана и Белейнъ-ана, которыхъ пережилъ, похоронивъ первую изъ названныхъ женъ выше устья р. Кара-кингирь, на высотѣ лѣваго берега рѣки, вторую ниже этого устья, на лѣвомъ берегу Сары-су, и третью дѣйствительно въ такомъ разстояніи отъ озера Теле-куль, въ какомъ, по указанію автора вышеупомянутой книги, находятся развалины города Белянъ-ана, только вмѣсто городскихъ развалинъ лежитъ, на правомъ берегу Сары-су, груда кирпича въ количествѣ не болѣе, какъ на одну могилу въ родѣ той, какая воздвигнута для самаго Алача-хана, а можетъ быть и меньшей. Мѣста погребенія первыхъ двухъ женъ тоже обозначены грудами камней.

сторонѣ Кара-кингиря, нѣсколько выше впаденія въ него рѣчки Караганды, и въ $2^1/_2$ верстахъ отъ главнаго русла Кара-кингиря. Могила стоитъ на низкомъ пригоркѣ, верхъ ея весь разрушенъ, но самый высокій уголъ оставшагося куба возвышается все еще (такъ было въ 1862 году) на 3 сажени отъ основанія; въ этомъ углу ниша, имѣющая $2^1/_2$ аршина длины, а ея хорда не болѣе $1^1/_4$ аршина. Почитаясь у киргизовъ священнымъ, памятникъ этотъ окруженъ множествомъ новыхъ киргизскихъ могилъ, объ общей конструкціи которыхъ скажемъ ниже. Джансеитъ, какъ разсказываютъ киргизы, занимающіеся близь его могилы хлѣбопашествомъ, былъ одинъ изъ батырей, дѣйствовавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ бухарцевъ въ то время, когда послѣдніе хотѣли подчинить себѣ среднюю орду, въ сборѣ стоявшую будто бы въ этихъ мѣстахъ во время своего отдѣленія отъ малой. 3) Другой, такой же какъ и Джансеитъ, защитникъ свободы киргизъ погребенъ на лѣвой сторонѣ Кара-кингиря верстахъ въ 25-ти ниже устья р. Сары-кингирь. Возвышающаяся здѣсь башня, называется могилою Джуса-ханъ или Джега-ханъ *), сложена изъ того же матеріала, какъ и вышеописанная могила, принадлежа, очень можетъ быть, къ одному съ нею времени, но, разумѣется, гораздо давнему, нежели то, къ которому киргизы относятъ всѣ подобна-

*) Г. Вельяминовъ-Зерновъ, во 2-мъ томѣ своихъ «Изслѣдованій о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ» (изд. 1864 г.), описывая, по находившейся у него рукописи восточнаго историка Хафизъ-Таныша (Абдулла-намэ), походъ бухарскаго хана Абдуллы къ Улутаву (въ 1582 году), въ 2-хъ мѣстахъ, именно на стр. 307 и 308, упоминаетъ о могилѣ Джучи-хана и между прочимъ интересуется узнать (стр. 307) существуетъ-ли до сихъ поръ въ степи это преданіе о мѣстѣ погребенія Джучи-хана? Покамѣстъ удовлетворить этому любопытству историка можемъ только слѣдующимъ: упомянутый нами въ текстѣ памятникъ, въ видѣ хорошо сохранившейся круглой высокой башни, стоитъ верстахъ въ 25 ниже устья Сары-кингирь, на лѣвомъ берегу р. Кара-Кингирь, и называется одними могилою Джуса-хана, другими могилою Джеча-хана. Этого мало, одинъ и тотъ же вожакъ-баганалинецъ одинъ разъ называлъ эту могилу Джуса-ханъ, а другой разъ Джеча-ханъ. Не знаемъ, тождественны-ли эти два имени, не знаемъ также, можно-ли оба эти названія замѣнить тѣмъ, которое приводится Хафизъ-Танышемъ въ его Абдулла-намэ, т. е. именемъ Джучи-хана; но, соображая описаніе улугъ-тагскаго похода Абдулла-хана съ мѣстностью, которую намъ довелось довольно подробно изслѣдовать (и которую мы намѣрены описать отдѣльно, такъ какъ въ этой книгѣ сдѣлать этого было нельзя), т. е. съ юго-западнымъ угломъ области, этою колыбелью древнихъ кайсаковъ, думаемъ, что упоминаемая въ Абдулла-намэ могила Джучи-хана та самая, которая слыветъ у туземцевъ подъ названіемъ Джуса-хана или Джечи-хана. Преданіе о ней мы помѣстили то, которое слышали, хотя это преданіе, какъ и всѣ приведенныя нами, ничего не разъясняетъ.

го рода постройки. Къ тѣмъ же древнимъ временамъ принадлежитъ и самый замѣчательный изъ областныхъ памятниковъ, это 4-я могила *Алача-хана*, по разсказамъ юго-западныхъ степняковъ,—родоначальника всего киргизскаго народа. Могила дѣйствительно высоко чтима всѣми здѣшними кочевниками, но дальніе областные киргизы не только никогда не ѣздятъ сюда на поклоненіе или для принесенія жертвоприношеній, но ничего и не слыхали, ничего не знаютъ объ этомъ памятникѣ. Могила Алача-хана расположена на правой сторонѣ р. Кара-кингирь, верстахъ въ 10-ти выше устья р. Сары-кингирь, возвышаясь на плоскомъ холмѣ, покатости котораго усѣяны множествомъ надмогильныхъ памятниковъ новѣйшаго происхожденія. Кирпичное зданіе осталось почти совсѣмъ невредимымъ, сошла только синяя краска съ купола, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ стѣнъ куба отпали украшавшіе его верхъ изразцы. Корпусъ имѣетъ въ длину 6, въ ширину 5, въ вышину 4 сажени; возвышающійся надъ нимъ куполъ больше двухъ саженъ; толстота стѣнъ около $1/2$ аршина. Внутренность зданія украшена по угламъ и въ серединѣ стѣнъ нишами, имѣющими каждая $3^1/_2$ саж. по вышинѣ, а длина хорды 3-хъ стѣнныхъ нишъ и 4-хъ угловыхъ углубленій $2^3/_4$ аршина. Внутри этой могилы, какъ и во внутренности всѣхъ, почитаемыхъ киргизами памятниковъ, стоятъ жерди, къ которымъ ѣхавшими мимо могилъ кочевниками прикрѣплено множество лоскутковъ отъ одежды или пучковъ волоса, вырваннаго изъ гривы лошади *).

II. Ко второму разряду принадлежатъ тѣ изъ областныхъ памятниковъ, которые утвердительно относятся всѣми киргизами ко времени господства въ степи калмыковъ, или тѣ, которые можно къ нему отнести, если принять во вниманіе матеріалъ построекъ. Матеріалъ этотъ былъ тотъ же, что служитъ и нынѣшнимъ обитателямъ степи для возведенія надмогильныхъ памятниковъ, т. е. дерево, камень и глина, но не хорошо-выжженный кирпичъ, хотя искуство обжигать глину, какъ сейчасъ увидимъ, и было извѣстно калмыкамъ. Сюда же должно причислить и бо́льшую часть разной величины и формы и въ разныхъ мѣстностяхъ области, но преимущественно въ восточной ея части разбросанныхъ кургановъ, раскопкою которыхъ занимались: Дарто, Шангинъ, Броневскій и нѣкоторыя другія лица. Послѣднему въ каркаралинскомъ округѣ, при

---

*) Преданія областныхъ киргизовъ объ Алача-ханѣ помѣщены въ главѣ II этой книги.

разрытіи кентскихъ кургановъ, удалось найдти золотую гребенку и такія же серьги съ бирюзою. Вещи эти были отправлены имъ въ Румянцовскій музей. Остальнымъ искателямъ попадались обломки мѣдныхъ украшеній отъ сбруи, гвозди разные и росписные глиняные горшки, нахожденіе которыхъ и доказываетъ умѣнье калмыковъ обжигать глину. Почему же раскапывавшіеся курганы были признаны калмыцкими, а не чьими другими — въ этомъ удостовѣряютъ разсказы киргизовъ, называющихъ всѣ насыпи подобнаго рода не иначе, какъ калмакъ-курганъ, калмакъ-башъ и т. д., всегда съ прибавленіемъ *калмакъ* (т. е. калмыкъ). Большею же частію, сопряженный съ довольно значительными издержками, трудъ раскопки областныхъ кургановъ не вознаграждался никакими находками. Наблюдатели, производившіе эти раскопки приписывали это тому обстоятельству, что осматривавшіеся ими курганы были осмотрѣны раньше киргизами (см. донесенія чиновника Дарто пограничному начальнику омской области). Къ этой причинѣ неуспѣха въ находкахъ, надобно добавить еще и возможность неудачнаго выбора кургановъ, къ наружной формѣ которыхъ наблюдатели строго не присматривались, по крайней мѣрѣ этого не видно изъ существующихъ по этой части описаній занимавшагося раскопкою каркаралинскихъ кургановъ чиновника Дарто.

Изъ капищъ, постройка которыхъ относится киргизами тоже ко времени господства калмыковъ, замѣчательно сложенное изъ дикаго камня, съ участіемъ извести и лѣса, зданіе, находящееся въ горахъ Кентъ. Зданіе было двухъ-этажное. Уцѣлѣвшія деревянныя колонны, которыми поддерживался фронтонъ, свидѣтельствуютъ о большей, нежели нынѣшняя, крѣпости прежняго строеваго лѣса окрестныхъ горъ.

Развалины калмыцкихъ укрѣпленій и древнихъ загоновъ для скота иногда бываетъ очень трудно отличить другъ отъ друга, такъ какъ тѣ и другіе выполняли въ одно и то же время обѣ обязанности. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ каркаралинскаго селенія, къ югу отъ него, тянется стѣна, довольно значительной высоты (въ иныхъ мѣстахъ около 5 аршинъ) и толстоты (около 2 аршинъ) для того, чтобы считать ее одною оградою загона; но, между тѣмъ, обширность мѣста, которую она захватываетъ, и недостатокъ башенъ или какихъ другихъ пристроекъ, облегчающихъ оборону столь громадной крѣпости, указываетъ на то, что во внутренность огороженной площади сгонялся

скотъ. Ограда, примыкая къ высокимъ утесамъ, тянется отъ нихъ на востокъ по лощинамъ, потомъ пересѣкаетъ гребни уваловъ, снова спускается въ лощины и, постепенно заворачивая къ сѣверу, опять всходитъ на довольно значительныя высоты, наконецъ ея слѣды видны около самой станицы, въ восточной сторонѣ послѣдней. По берегамъ впадающей въ Кара-кингирь рѣчки Джизды-кингирь тоже находится нѣсколько каменныхъ стѣнъ, протягивающихся по окружности такого обширнаго эллипсиса и имѣющихъ такую незначительную толстоту и высоту, что ихъ никакъ нельзя было бы признать крѣпостными наружными стѣнами, еслибы въ центрѣ эллипсиса или въ обоихъ его фокусахъ не сохранились слѣды цитаделей, сложенныхъ изъ дикаго камня на извести, и по угламъ защищенныхъ башнями, на подобіе тѣхъ, которыя составляютъ принадлежность каждаго коканскаго укрѣпленія, но которыя однако разнятся отъ послѣднихъ тѣмъ, что въ основаніяхъ башенъ и стѣнъ употребленъ камень, а иногда и вся стѣна или вся башня сложена изъ плитняка, скрѣпленнаго известью. Быть можетъ и во внутренности каркаралинской древней ограды была подобнаго же рода цитадель, только это предположеніе трудно примирить съ тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстность, по которой тянется наружная ограда, очень часто выше всѣхъ остальныхъ точекъ внутренней площадки. Въ одномъ мѣстѣ долины той же рѣчки Джизды, именно въ верхнихъ частяхъ рѣки, на ея лѣвой сторонѣ, выше лога Нардынъ-сай, вблизи могилы Басъ-камыръ, — едва примѣтные остатки каменной ограды заключаютъ въ себѣ не одну и не двѣ отдѣльныя цитадели, а два, одно въ другомъ заключающіяся, сомкнутыя укрѣпленія. Наружное имѣетъ 40, внутреннее 15 сажень въ сторонѣ квадрата. То и другое сложены изъ дикаго камня, скрѣпленнаго известью; во всѣхъ 8-ми углахъ видны остатки башенъ изъ битой глины. Кромѣ названныхъ, есть много и другихъ, на подобіе описанныхъ, калмыцкихъ укрѣпленій въ долинахъ рр. Нуры, Куна, Акъ-койрака (см. стр. 207—208, часть 1-я опис. киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степ. Левшина), по бассейну р. Кара-кингирь и въ горахъ восточной части области. На сѣверѣ такихъ памятниковъ не встрѣчается.

III. Къ третьему разряду относятся памятники новѣйшаго происхожденія. Они состоятъ изъ разбросанныхъ въ южной части области коканскихъ укрѣпленій и киргизскихъ могилъ.

Устройство встрѣчающихся въ области коканскихъ крѣпостей всюду одно и тоже: квадратная или прямоугольная площадка окружена сдѣлан-

ною изъ битой глины оборонительною стѣнкою, въ которой, на грудной высотѣ отъ присыпнаго банкета, пробиты бойницы, а въ иныхъ (караджарское укрѣпленіе), кромѣ того, сдѣланы на каждомъ фасѣ по одной или по двѣ амбразуры; наружное отверзтіе послѣднихъ равно внутреннему. Толстота стѣны по подошвѣ амбразуры не больше 1 аршина, такая же и вверху, а въ основаніи ее можно принять въ 2½ аршина. Высота стѣнки отъ того мѣста, гдѣ должна быть берма, или гдѣ она дѣйствительно иногда существуетъ, отъ 2½ до 3 саженъ. По всѣмъ 4 угламъ крѣпостцы выдающіеся изъ-за ея стѣнъ бастіоны, имѣющіе видъ башенъ, возвышаются надъ стѣнками еще на 1½ или 2 аршина, заключая въ себѣ круглую площадку, діаметръ которой много ежели 2 сажени. Окружающій укрѣпленіе ровъ, глубиною въ 2 или 2½ аршина, имѣетъ по днищу ½—1, а по верху 2 сажени ширины, и, въ случаяхъ расположенія крѣпости близъ непрерывно текущей рѣчки, какъ напримѣръ при уроч. Караджаръ, онъ наполняется водою при помощи прокопанныхъ къ руслу рѣки узкихъ канавокъ. У въѣзда въ крѣпость ровъ, на всю ширину въѣзда, не прокапывается. Внутренность такого укрѣпленія, не считая пространства подъ башнями, имѣетъ отъ 225 до 400 квадратныхъ саженъ; но свободнаго мѣста почти что нѣтъ, потому что на серединѣ укрѣпленія выкопаны ямы, для склада фуража и провіанта (такія ямы въ зачуйскихъ укрѣпленіяхъ имѣются внѣ крѣпости) или, для того, чтобы выдерживать въ этихъ казематахъ плѣнниковъ; къ оборонительной же стѣнкѣ перпендикулярно примыкаютъ другія глиняныя стѣнки, разгораживающіе квадратные дворики, въ которыхъ помѣщались юрты проживавшаго въ крѣпости гарнизона, а около юртъ стояли на сухомъ фуражѣ лошади.

Описанный видъ имѣютъ укрѣпленія, неизвѣстно когда построенныя коканцами въ слѣдующихъ мѣстахъ: по долинѣ Сары-су на лѣвомъ берегу рѣки: 1) одно, при урочищѣ Кызылъ-жингильды, 2) другое, такъ-называемое Яманъ-курганъ, нѣсколько ниже перваго, 3) на лѣвомъ берегу рѣки Кара-кингиръ, въ двухъ верстахъ выше ея впаденія въ Сары-су, 4) въ кара-агачской рощѣ, близъ караванной дороги, 5) въ горахъ Сары-тау, южнѣе актавскаго укрѣпленія, 6) въ горахъ Тайатканъ-чунакъ, и 7) на р. Чу, гдѣ послѣдняя сближается съ озеромъ Балкашемъ. Можетъ быть, есть коканскія укрѣпленія и въ другихъ мѣстахъ южной части области, но мы ихъ не видѣли.

Киргизскія могилы знаменитыхъ батырей или богачей отличаются

отъ древнихъ памятниковъ этого рода болѣе затѣйливою архитектурою, но всегда менѣе послѣднихъ изящны. Смотря по тому, какой матеріалъ подъ рукою, онѣ построены изъ дурно-скрѣпленнаго извѣстью дикаго камня, просто изъ битой глины или изъ сырцоваго кирпича, изъ дерева и, наконецъ, изъ одного дерна.

Копируя древніе памятники, киргизы складываютъ каменную на извести башню, но верха не покрываютъ, а дѣлаютъ на сложенной такимъ образомъ стѣнѣ зубцы изъ битой же глины, скоро разрушающіеся, и памятникъ, въ такомъ случаѣ, представляется какъ будто древнимъ зданіемъ. Такія полуразрушенныя башни, круглыя, замкнутыя, или, сложенныя въ видѣ подковы, можно встрѣтить на юго-западѣ степи, въ томъ же кара-кингирскомъ бассейнѣ. Ихъ и до сихъ поръ складываютъ киргизы. Надъ богачами строятъ изъ сырцоваго кирпича зданія тоже на подобіе древнихъ памятниковъ, но сидящій на кубѣ куполъ, по своей высотѣ и діаметру, никогда не соотвѣтствуетъ корпусу: онъ или слишкомъ высокъ и узокъ противъ него, или непропорціонально широкъ и низокъ. По одному этому можно было бы отличать киргизскія могилы отъ древнихъ, если бы даже онѣ были сложены и изъ жженаго кирпича, но, какъ уже сказано, постройки, возведенныя изъ сырца, снаружи тщательно оштукатурены, на западной сторонѣ имѣютъ узкій и низкій входъ, въ который можно пролѣзть, но войдти нельзя. Внутренность нѣкоторыхъ изъ построенныхъ такимъ образомъ мечетей разгорожена на нѣсколько отдѣловъ, въ другихъ перегородокъ нѣтъ, но все-таки, по расположенію внутреннихъ насыпей ближе къ одной сторонѣ стѣны или къ одному углу, видно, что зданіе предназначено для нѣсколькихъ покойниковъ. Большая же часть памятниковъ, изъ сырцоваго кирпича сложенныхъ, имѣетъ видъ 4-хъ-угольной усѣченной пирамиды, стѣны которой по толстотѣ занимаютъ внизу $1\frac{1}{2}$, вверху $\frac{1}{2}$ аршина, возвышаясь на 1 или $1\frac{1}{2}$ сажени отъ поверхности земли. По всему протяженію стѣнъ, или только по угламъ, кладется нѣсколько кирпичей, и эти зубцы въ особенности придаютъ могилѣ видъ коканской крѣпостцы. Впрочемъ и по обширности иной могильный памятникъ пожалуй не уступитъ послѣдней. Устроиваемая въ западной стѣнѣ дверь возвышается отъ земли на $\frac{1}{2}$ аршина или аршинъ, а сама имѣетъ въ длину одинъ и въ ширину $\frac{1}{2}$ аршина; гдѣ есть лѣсъ, она забирается досками, гдѣ нѣтъ, закладывается каменьями. Дерновыя могилы устраиваются точно такимъ же образомъ. Деревянные памятники имѣютъ видъ куба, стѣны котораго складываютъ такъ, какъ

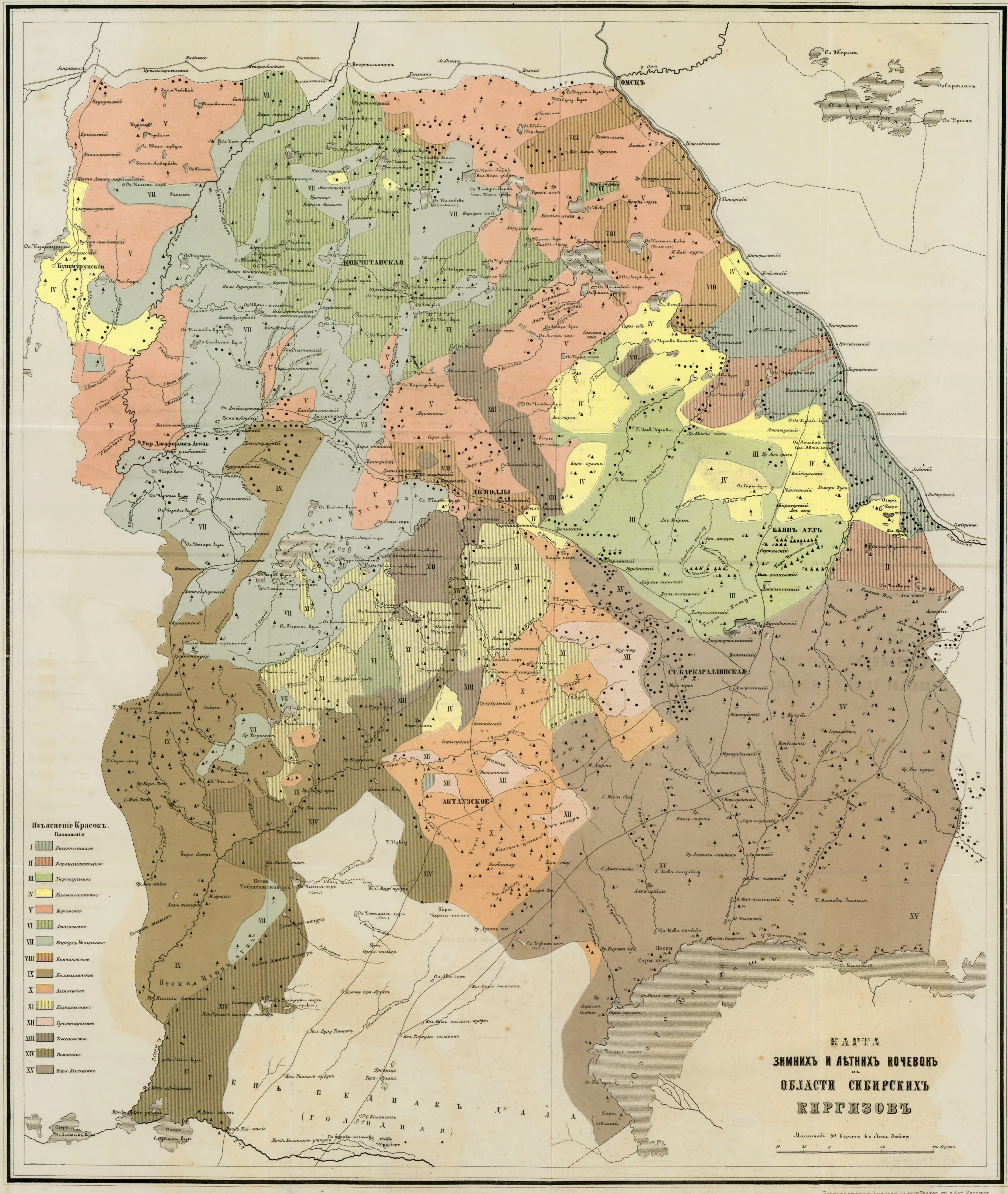
стѣны избы, верхъ забираютъ досками, или тѣми же бревнами, прикрѣпленными къ стѣнамъ деревянными или желѣзными гвоздями. Такихъ могилъ вообще немного. Самая же бо́льшая часть могильныхъ памятниковъ сдѣлана просто изъ комьевъ глины, которой придана форма трехъугольной, небольшой пирамиды, низкаго полу-эллипсоида, и т. п. Наконецъ, еще чаще груда камней обозначаетъ мѣсто погребенія покойника.

Вообще, про киргизскіе надмогильные памятники надобно замѣтить еще слѣдующее: нарушая однообразіе степной мѣстности и служа, также какъ и всѣ древніе памятники, знаками (обага̀), для распознаванія пути во время переѣздовъ, они или по крайнѣ мѣрѣ многіе изъ нихъ свидѣтельствуютъ еще о близости воды, въ которой лѣтомъ, во время поминокъ, не должно быть недостатка.

ОБЪЯСНЕНІЕ

къ картѣ зимнихъ и лѣтнихъ кочевокъ киргизовъ сибирскаго вѣдомства.

Нумера по порядку.	Собирательныя названія нѣсколькихъ волостей или, такъ названныя въ статистическомъ описаніи области сибирскихъ киргизовъ, поколѣнія.	Нумерація, принятая на картѣ 50-верстнаго масштаба.	Названія областныхъ волостей.	Какого округа.	Мѣста жительства наибольшаго числа ауловъ каждой волости: Зимнія обозначены треугольниками: ▲	Лѣтнія обозначены кружками: ●
					Названія главнѣйшихъ урочищъ.	
I	Басентеинское (Басентеинъ, у Левшина Басантіенъ).	1 2 3 4	Басентеинская Баимбеть-Басентеинская. Айтей-Басентеинская Актелешъ-Кучукъ-Басентеинская	Баянъ-аульскаго.	Лѣвый берегъ Иртыша отъ Качирскаго выселка до ст. Семіярской.	Верстахъ въ 20 и до 50 отъ рѣки, въ глубинѣ степи, приозерахъ и колодцахъ.
II	Буранаймановкое (Бура-Найманъ).	1 2	Бозгозу-Буранаймановская Джуватей-Буранаймановская		Лѣвый берегъ Иртыша, между Чернорѣцкомъ и Григорьевской, между Тюндюкомъ и Чаганкою.	Всѣ на низяхъ рѣки Чидерты.
III	Тюртаульское. (Тюртъ-аулъ, у Левшина Дюртъ-аулъ).	1 2 3 4 5 6 7 8	Кулюке-Куржасская Кулюковская Сатылганъ-Алтынъ-Туринская Айдабульская Джангозу-Айдабульская Акбура-Тулнаровская Урманчинская. Козгановская		Южная часть баянъ-аульскаго округа, особенно горы Кызылъ-тау и Далба съ Учь-катуномъ.	Все теченіе Чидерты и Уленты, особенно сильно заняты верховья обѣихъ рѣкъ.
IV	Канжигалинское. (Канжигалы).	1 2 3 4 5	Аджибай-Канжигалинская Командженаръ-Канжигалинская Тентекъ-Канжигалинская Джитыру-Канжигалинская Бійдалы-Увакъ-Аргынъ-Канжигалинская.	Акмоллинскаго.	Центръ баянъ-аульскаго округа, восточная часть акмоллинскаго и въ западной части кокчетавскаго.	Акъ-куль и Джаильма, р. Сельты, окрестности Акмолловъ и рѣки Ишимъ.
V	Киреевское. (Кирей).	1 2 3 4 5 6 7	Именалы-Киреевская. Матакай-Самай-Киреевская. Сиванъ-Киреевская. Игенбакты-Киреевская Бактыбай-Малай-Курсары-Киреевская. Бурасъ-Курманъ-Курсары Киреевская. Тюлеке-Киреевская	Кокчетавскаго. Акмоллинскаго	Сѣверо-западная и юго-западная части кокчетавскаго, сѣверо-восточная и сѣверная акмоллинскаго и въ центрѣ послѣдняго къ сѣверо-западу отъ города.	Ишимскія правые притоки близъ Атбассарки и около Акмолловъ, а также въ окрестностяхъ Таинчи-куля и около линіи.
VI	Атагаевское. (Атагай, у Левшина Атыгай).	1 2 3 4 5 6	Бабаганъ-Багышевская Баба-Багышевская Андай-Рысаевская Оразъ-Баимбетовская Карача-Джавлубаевская Койлинская	Кокчетавскаго.	Правая сторона сѣвернаго теченія Ишима, ближе къ линіи, восточнѣе Петропавловско-кокчетавской дороги.	Окрестности Таинчи-куля, около Петропавловско-николаевской дороги и по правымъ притокамъ восточно-западнаго теченія р. Ишима.
VII	Караулъ-Уваковское. (Караулъ-увакъ).	1 2 3 4 5 6 7 8	Баръ-Яхши-Янысары-Уваковская Джаваръ-Караульская Кыдды-Ногаевская Таракты-Ногаевская. Алеке-Бійдалинская Тюртъ-Аулъ-Козгановская Есенбаевская Майли-балтинская	Атбассарскаго Кокчетавскаго.	По ту и другую сторону сѣвернаго и восточно-западнаго теченія Ишима.	Ишимскіе луга Атбассара и частью близъ Петропавловско-звѣриноголовской линіи.
VIII	Кипчаковское. (Кипчакъ).	1 2 3 4	Куланъ-Кипчаковская Сагалы-Кипчаковская Джолобай-Курлеутъ-Кипчаковская. Кулатай-Кипчаковская	Акмоллинскаго	На лѣвой сторонѣ Иртыша черезполосно съ киреевцами.	Окрестности Акмолловъ, Акг-куля и Тайнчи-куля.
IX	Баганалинское. (Баганалы).	1 2 3 4	Байназаровская Саргалдаковская Эбеске-Джурчинская Бадана-Сентская	Атбассарскаго	Бассейнъ Кара-Кингиря и нижняго теченія Сары-су.	Близъ Ишима, южнѣе Атбассарской станицы.
X	Алтаевское. (Алтай).	1 2 3 4	Кареке-Алтаевская Моюнъ-Алтаевская Сайдалы-Алтаевская. Алысай-Алтаевская	Акмоллинскаго.	Окрестности Актавскихъ горъ и теченіе Ата-Су.	Верховья Ишима, Нуры, Чидерты и и по Сары-су.
XI	Карпыковское. (Карпыкъ, у Левшина Карпакъ).	1 2	Айтхожа-Карпыковская Теналы-Карпыковская		Сѣверо-западнѣе алтаевцевъ.	Тоже.
XII	Тунготаровское. (Тунготаръ).	—	Инешъ-Тунготаровская		Черезполосно съ алтаевцами.	Тоже, особенно по р. Нурѣ-Чурубаю.
XIII	Темешевское. (Темешъ).	—	Темешевская		Нура и Кулангъ-Утмесъ, и на сѣверѣ округа оз. Итемгень, ср. теченіе Сары-су и Голодная степь.	Восточнѣе Акмоловъ и югозападнѣе ст. Каркаралинской, Нура, Сары-су и Ишима.
XIV	Таминское. (Тама).	—	Таминская.			
XV	Кара-Кисякское. (Кара-Кисяки).	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17	Айбике-Чанчаровская Нурбике-Чанчаровская Дюсембай-Чекчековская Кара-Айтимбетевская Куянчи-Тогаевская Карсонъ-Кирпѣевская Альтеке-Сарымовская Ялыкнашевская Кучумъ-Байбуринская Джагайбайлы-Байбуринская. Тараклинская Кирѣевская Караулъ-Камбаровская Паданъ-Тобуклинская Мамбетей-Тобуклинская Джузманбеть-Тобуклинская Тюленгутовская	Каркаралинскаго.	Горы юговосточной части, сѣверный берегъ озера Балхаша и озерные острова.	Верховья р. Нуры и Чидерты. Долина Кенъ Тарлау.

КАРТА
ЗИМНИХЪ И ЛѢТНИХЪ КОЧЕВОКЪ
въ
ОБЛАСТИ СИБИРСКИХЪ
КИРГИЗОВЪ
Масштабъ 50 верстъ въ Англ. дюймѣ.
50 25 0 50 100 верстъ
Изъясненіе Красокъ.
Поколѣнія
I Васентеинское
II Баранаймановское
III Тюртаульское
IV Канжигалинское
V Кареевское
VI Атагаевское
VII Караулъ Уваковское
VIII Кипчаковское
IX Баганалинское
X Алтаевское
XI Карпыковское
XII Тунготаровское
XIII Тежешевское
XIV Таминское
XV Кара Кисякское
ОМСКЪ
Петропавловскъ
КОКЧЕТАВСКАЯ
Кушмурунскiя
Укр. Джарканъ Агачъ
АКМОЛЫ
БАЯНЪ-АУЛЪ
СТ. КАРКАРАЛИНСКАЯ
АКТАУЗСКОЕ
Степь Мусъ Бель
Пески Мюинъ Кумъ
Степь Бедпакъ-дала
(Голодная)
Озеро Балхашъ
Картографическое Заведеніе на углу Екатер. пр. и бол. Мастерск.

КАРТА
ОБЛАСТИ
СИБИРСКИХЪ КИРГИЗОВЪ
МАСШТАБЪ 1/4200000
100 верстъ въ Англійскомъ дюймѣ.
100 50 25 0 100 200
Картографическое Зав. А. Ильина по Екатер. пр. д. №11-43.
Ялуторовскъ
Шадринскъ
Ишимъ
Курганъ
Тюкалинскъ
Каинскъ
Колывань
Петропавловскъ
Омскъ
Барнаулъ
Кузнецкъ
Бійскъ
Павлодаръ
Семипалатинскъ
Усть Каменогорскъ
Акмолы
Каркаралинскъ
Кокчетавская
Атбасарская
Оренбургское
Фортъ №2
Фортъ Перовскій
Пески Моюнъ Кумъ
(Акъ Кумъ)
Пески Сары ишикъ отрау
Верное
Ташкентъ
Чемкентъ
Кокан
Ходжентъ
Маргелан
Бухара
Самаркандъ
Кашгаръ
Янгишеръ
Бай
Сайрамъ
Куча